

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 2019

Исторические науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

Л.А. Абукаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)

С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Д.Н. Давлетбаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Казань)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Н.В. Кондратьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Ижевск)

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Й. Луутонен, доктор философии, доцент (Финляндия, Турку)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

О.А. Мудрак, доктор филологических наук (Россия, Москва)

С.А. Мызников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Е. Поляков, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Казань)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, в базы данных ВИНТИ РАН, Научную электронную библиотеку (elibrary.ru), электронную библиотеку «Cyberleninka», международную справочную систему «Ulrich's International Periodicals Directory», индексируется в базе данных «Российский индекс научного цитирования».

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 2 2019

Historical Sciences

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

L.A. Abukaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.B. Agranat, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia)

S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

D.N. Davletbaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

A.V. Dybo, RAS corresponding member, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

N.V. Kondratieva, Doctor of Philology, Associate Professor (Izhevsk, Russia)

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

J. Luutonen, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Turku, Finland)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

O.A. Mudrak, Doctor of Philology (Moscow, Russia)

S.A. Myznikov, Doctor of Philology, Chief Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.E. Polyakov, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia).

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included in the list of journals which are regarded as academic publications by the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK), in the Abstract Journal and VINITI databases, Ulrich's International Periodicals Directory, Scientific Electronic Library (elibrary.ru), Cyberleninka Electronic Library. The journal is indexed in Russian Science Citation Index.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 93/99
ББК 63.3(2)

Е.В. АГАЕВА, О.А. ДАНИЛОВА, Р.В. МИХАЙЛОВА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЧУВАШИИ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: театральное искусство, творчество, творческая деятельность, интеллигенция, духовная культура.

В статье рассматривается эволюция чувашского театрального искусства. Начался этот процесс с переезда из Казани в Чебоксары любительского передвижного театра. За двадцатилетие в молодой республике выросла уже целая сеть театров. Этому способствовало в первую очередь создание национальной автономии. Были заложены основы национального культурного строительства. 1920–1930-е годы являются противоречивыми в нашей истории, однако именно в эти годы советским правительством проводятся мероприятия для духовного развития населения. Культуру в массы несли Чувашский и Русский драматический театры. Однако из-за ряда причин Чувашский театр был на грани закрытия. Только благодаря группе энтузиастов театр удалось отстоять. Исключительно важный вклад в развитие театрального искусства Чувашии внесли специалисты высокого класса И.С. Максимов-Кошкинский и И.А. Слободской. На развитие Чувашского национального театра оказала влияние культура других народов России, в особенности русского. Но и труппа Русского драматического театра перенимала опыт и традиции у актеров Чувашского театра. Благодаря подготовке кадров режиссеров и актеров в музыкально-театральном техникуме, театральной студии и за пределами республики были открыты помимо двух действующих театров Театр юного зрителя и четыре колхозных театра, которые внесли большой вклад в популяризацию театрального искусства и общее развитие чувашской культуры. Со второй половины 20-х годов постоянно росли государственные дотации на содержание театров. С 1936 г. в республике стали проходить театральные фестивали, собиравшие не только профессиональные, но и любительские коллективы. В республике выросла целая плеяда известных артистов. Однако процесс формирования и профессионального роста национальной творческой интеллигенции был довольно сложным из-за чрезмерной идеологизации общества, когда подавлялась творческая индивидуальность. Все же творческий прогресс в Чувашии в этот период был неоспоримо существенным.

Чувашская автономная область была образована постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 24 июня 1920 г. Она объединила районы компактного расселения чувашей Казанской и Симбирской губерний. Население восприняло этот факт как признание его полноправия. В регионе росла сеть учреждений культуры (дома культуры, дома просвещения). Чувашское советское искусство, несмотря на недостаток национальных, творческих кадров, нехватку средств, быстро развивалось.

В 1921 г. Чувашский передвижной театр переехал из Казани в Чебоксары. Это стало важным событием в развитии чувашской национальной культуры и искусства. Он стал одним из первых национальных театров в стране, созданных после революции, получившим государственную субсидию. И.С. Максимов-Кошкинский, основавший первый чувашский национальный театр, к этому моменту вывел труппу, состоявшую из учащейся молодежи, на профессиональный уровень.

В 1922 г. в Чебоксарах открывается еще один театр – Русский драматический. Два театра активно сотрудничали, часто актеры чувашской труппы принимали участие в спектаклях Русского театра и наоборот. И.А. Слобод-

ской, режиссер Русского театра, ставил спектакли и для Чувашского. Ф.А. Романова считает, что «творчество И.А. Слободского... – это одна из тех славных страниц преемственности русской театральной культуры чувашским театром, которыми богат каждый этап в истории чувашского театра» [12. С. 32]. Исследователь Л.М. Смолянинова отмечает благотворное влияние Чувашского театра на русскую труппу: «Чувашская труппа имела солидный опыт профессиональной работы, определенные традиции театрального коллектива» [13. С. 42]. Исследователь Л.М. Смолянинова одной из первых выступила против общепринятой идеи «старшего брата» в советском театральном искусстве. Действительно, чувашская труппа в начале 20-х гг. представляла собой сложившийся профессиональный коллектив, имевший определенные традиции, заложенные в 1918 г. в Казани. Она имела положительное влияние на недавно сформировавшийся коллектив Русского драматического театра ЧАО, который ежегодно набирал труппу. Состав русской труппы до 1937 г. менялся ежегодно, актеров приглашали по договорам только на один сезон [4].

Трудности испытывал и коллектив Чувашского театра. В Чебоксарах не было ни одного концертного или театрального зала. Чувашский театр разместился в кирпичном здании бывшего мочального склада, где проработал несколько десятилетий. Искусствовед Ф.А. Романова, опираясь на свидетельства современников, писала, что вначале в зрительном зале пол был земляной, обычные скамейки заменяли кресла, сцена была без «круга» [11. С. 60]. Перевод театра на хозрасчет с мая 1922 г. привел к тому, что в 1923–1926 гг. чувашский театр существовал на грани развала. В труппе постоянно работали 5-6 актеров, другие вынужденно совмещали актерскую деятельность с другой работой [10. С. 41]. Зал был незаполненным, не как в Казани. Спектакли шли от случая к случаю, возможно, из-за низких дотаций, а также давления на актеров и режиссеров со стороны органов власти. Мастерство актеров приходило в упадок, не хватало кадров. Театр сохранился только благодаря таким патриотам театра, как И.С. Максимов-Кошкинский и И.И. Илларионов. И.С. Максимов-Кошкинский, все силы направлявший на создание чувашского киноискусства, написал для театра несколько пьес. Первый чувашский театровед И.И. Илларионов, выступая в печати и на совещаниях, боролся за сохранение Чувашского театра. Часто в адрес авторов пьес и коллектива театра выдвигались обвинения в том, что в национальных пьесах, уже вошедших в репертуар театра, слишком натурально воспроизводятся быт и жизнь народа, присутствует явная буржуазно-националистическая тенденция, чтобы фальсифицировать дореволюционную историю чувашского народа. Специальным решением бюро Чувашского обкома ВКП(б) в феврале 1926 г. осудило пьесу «Последние дни Булгарского царства», ее сняли с репертуара [11. С. 60]. М.Ф. Юрьев являлся автором этой исторической трагедии, он же был режиссером и исполнителем главной роли. Национальный театр лишился современно мыслящего драматурга. Д.Д. Данилов полагал, что уход М.Ф. Юрьева привел к развалу театра, и только с осени 1928 г. театр смог восстановить работу [6. С. 221–222].

Несмотря на опасность гибели театра, власти не занимались проблемами театрального искусства. Лишь с приходом новых людей на руководящие партийные посты изменилось отношение к театральному делу. В русле тра-

диционной большевистской критики Д.Д. Данилов отмечал: «Обком ВКП(б) до смены руководства в 1926 г. никак не реагировал на состояние этого участка национально-культурного строительства Чувашии... В результате коллектив артистов распался. Руководитель труппы главный режиссер т. Максимов-Кошкинский перешел на работу в кино, работа театра приостановилась. И только при новом руководстве обкома ВКП(б) Государственный театр Чувашии вновь становится на ноги и значительно укрепляется» [6. С. 220].

В течение нескольких лет вопрос о Государственном чувашском театре шел по инстанциям. М.Г. Кондратьев отмечал в своей статье, что 14 октября 1926 г. он обсуждался на коллегии агитпропотдела Чувашского обкома ВКП(б), 20 декабря 1926 г. рассматривался в Наркомпросе республики, а в марте 1927 – на 2-м Всечувашском съезде Советов. Вместе с тем Агитпром ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. в Москве, опередив действия властей на местах, провел специальное совещание о развитии театрального дела в стране. В соседней Татарии властью тут же были приняты соответствующие меры. Уже 14 июня бюро Татарского обкома ВКП(б) приняло резолюцию о недооценке развития национальной культуры [8. С. 42].

Вскоре в Чувашии тоже были предприняты более решительные действия. 2 ноября 1927 г. постановлением правительства ЧАССР при театре образована драматическая студия. Совнаркомом Чувашской АССР 10 сентября 1928 г. принято постановление «О мерах по улучшению работы Чувашского национального театра». В нем было признано, что упадок театрального дела в ЧАССР связан с отсутствием системы в руководстве, слабым финансированием, непринятием мер к подготовке новых кадров [9. С. 164]. Чувашский театр все это время находился на грани закрытия.

Во второй половине 20-х гг. в развитие театрального дела в Чувашии большой вклад внес П.Н. Осипов, который, будучи врачом, оказался талантливым драматургом, актером, режиссером. В репертуаре появился ряд постановок на актуальные темы о жизни, быте чувашского народа: «Сатурпа Илем» И.М. Максимова-Кошкинского, «Кужар» П.Н. Осипова, «В суде», «В деревне» Ф.П. Павлова. На этих национальных постановках рос и развивался творческий коллектив Чувашского театра и колхозные театры, а также сотни самодеятельных театральных кружков [1].

Повышению профессионального уровня Чувашского театра способствовало улучшение материально-финансового положения, а также решение вопроса о подготовке актерских кадров для театра. В труппу пришли Н.С. Айзман, Н.П. Виноградов, Т.С. Бурашникова (Тани Юн), Г.В. Парне, П.С. Медников. Некоторые актеры были направлены на учебу в Москву (Н.П. Виноградов – в ГИТИС, У.Т. Тимофеева – в студию В.Э. Мейерхольда). Единодушное признание зрителей получили крупные постановки Чувашского театра, созданные во второй половине 20-х – 30-е гг., эти спектакли сыграли важную роль в воспитании молодежи Чувашии.

В 1929 г. на Всечувашском съезде краеведов Чувашский театр подвергся критике за отсутствие пьес на современные темы. Так, на съезде чувашских писателей в 1930 г. был обсужден специальный доклад «Состояние чувашской драматургии и театра и их современные задачи» [7]. Вскоре для исправления существующего положения в театре были постановлены лучшие произведения классической и современной русской и чувашской драматургии: пьесы «На дне» А.М. Горького, «Платон Кречет» А.П. Корнейчука в постанов-

ке Г.В. Парне, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Нарспи» К.И. Иванова, «Чакка» (инсценировка поэмы С.В. Элгера «Под гнетом»). Они явились большим достижением реалистического сценического искусства. Коллектив Чувашского театра проявил огромное мастерство в постановке этих спектаклей. Успешно трудились режиссеры: ученик К.С. Станиславского Е.А. Токмаков, выпускники ГИТИСА Л.Н. Родионов и К.И. Иванов. Важным было и то, что в труппу театра пришла молодежь из театрального училища и студий: Б.А. Алексеев, И.О. Молодов, Л.Ф. Семенов, Е.В. Шорникова и другие. Эта группа к концу 1930-х гг. образовала основное ядро театра. В 1933 г. театр получил звание академического. И.С. Максимов-Кошкинский был удостоен звания народного артиста Чувашской АССР, К.Е. Егоров, Г.В. Парне, О.И. Ырзем – заслуженных артистов Чувашской АССР. Это были первые почетные звания в республике.

Работая долгое время в одном помещении, чувашские режиссеры и актеры в 1930-е гг. перенимали опыт у своих русских коллег. Известные мастера русской сцены И.А. Слободской, Е.А. Муратов, Е.А. Токмаков, Б.Э. Праудин, Г.А. Морев провели большую работу по подготовке чувашских актеров. С 1937 г., когда режиссером русской труппы стал Е.А. Токмаков, коллектив обрел свое творческое лицо. С первых дней своего назначения режиссер в обоих коллективах проводил огромную учебно-воспитательную работу, каждая репетиция у него превращалась в урок мастерства актера.

Правительство республики не остановилось на открытии двух театров. В 1932 г. в Чебоксарах открылся Театр юного зрителя благодаря значительному содействию Московского и Ленинградского ТЮЗов. Его особенность заключалась в том, что он должен был быть доступен юному зрителю. М.Н. Фейертаг и Э.Д. Фигнер, педагоги музыкально-театрального техникума, создали новый коллектив. Они явились инициаторами специального курса в техникуме, который готовил будущих актеров ТЮЗа. Первый состав ТЮЗа включал 19 актеров-студийцев, большинство из них приехали из деревень [5]. 3 апреля 1933 г. они дали первый спектакль. С 1935 г. ТЮЗ начал ставить спектакли одновременно на чувашском и русском языках.

С 1934 г. после постановления Наркомпроса РСФСР «О развертывании сети колхозно-совхозных театров» в республике были созданы передвижные колхозные театры в с. Батырево (в 1940 г. театр переехал в с. Комсомольское), пос. Козловка, Ядрине и Мариинском Посаде. Первыми организаторами театров были К.Е. Егоров, В.М. Михайлов, С.К. Смирнов. Ядро трупп составляли профессиональные актеры – выпускники музыкально-театрального техникума, а также талантливые участники художественной самодеятельности, все же профессиональных актеров не хватало. М.Я. Кокки, И.О. Молодов, другие опытные режиссеры ставили спектакли для четырех колхозных театров. Эти театры не достигли высокого мастерства, но пользовались любовью и симпатиями зрителей отдаленных районов республики, которые не имели возможности выезжать в столицу.

В 1930-е гг. чувашское театральное искусство развивалось в соответствии с атмосферой того времени, в репертуар театров вошли пьесы драматургов Б.В. Лавренина, Н.А. Островского, Н.Ф. Погодина, К.А. Тренина. В театре ставились пьесы чувашских авторов: «Кужар» и «Айдар» П.Н. Осипова, «Килет» М.Д. Трубиной, «Анюк и Ванюк» С.Ф. Фомина и др.

Государственные и партийные органы, осуществляя жесткий контроль за деятельностью творческих работников, все же уделяли большое внимание формированию национальной творческой интеллигенции, развитию искусства в национальных республиках. С каждым годом увеличивались ассигнования на содержание учреждений искусства в республике. На содержание Чувашского академического и Русского драматического театров (когда они были вновь взяты на государственную дотацию) в 1924 г. было выделено 5 тыс. руб., а в 1937 г. – уже 295 тыс. руб. [3]. Финансирование колхозных театров увеличилось в 4 раза: в 1936 г. они получили от государства 120 тыс. руб., а в 1939 – 246 тыс. В то же время повышался доход от колхозных театров. В 1936 г. он составлял 16,4 тыс., а в 1939 г. – 96 тыс. руб. Но для «кочующих» артистов главным было то, что они несли искусство в массы, в сельскую глушь. В театрах республики в 1936 г. работало более 150 человек. Управлением по делам искусств были приглашены из Ленинграда 25 профессиональных актеров на постоянную работу в целях повышения творческого уровня спектаклей [2].

Проведение в 1936 г. I республиканского театрального фестиваля и в 1939 г. I республиканского фестиваля колхозных театров способствовало популяризации театрального искусства, его развитию. В фестивалях участвовали не только профессиональные коллективы, но и многочисленные творческие самодельные коллективы со всей республики.

Таким образом, 1920–1930-е годы стали периодом формирования и профессионального роста театров. Театральное искусство в Чувашии за два десятилетия стремительно поднялось на новый качественный уровень. Профессиональной стала и режиссура. Несмотря на чрезмерную идеологизацию общества, творческий прогресс в республике в эти годы был существенным.

Литература

1. Агаева Е.В., Данилова О.А. Творческая интеллигенция накануне и в годы Великой Отечественной войны // Агроэкологические и организационно-экономические аспекты создания и эффективного функционирования экологически стабильных территорий: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашская ГСХА, 2017. С. 578–582.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 35. Л. 18.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 1581. Оп. 1. Д. 93. Л. 324.
4. ГИА ЧР. Ф. 1581. Оп. 2. Д. 113. Л. 20.
5. ГИА ЧР. Ф. 1898. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.
6. Данилов Д.Д. Советская Чувашия: Национально-культурное строительство. М.: Соцэкгиз, 1933. 267 с.
7. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917–1941 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 262 с.
8. Кондратьев М.Г. Художественная культура Чувашии 1920-х: структура и эволюция // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. 259 с.
9. Культурное строительство в Чувашской АССР. Кн. 1. 1917–1937. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. 398 с.
10. Романова Ф.А. Актерское искусство Чувашского театра периода его формирования (1918–1928 гг.) // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. 256 с.
11. Романова Ф.А. Театр, любимый народом. Очерки истории Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова (1918–1988). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. 261 с.
12. Романова Ф.А. Чувашский драматический театр в 1917–1925 годах // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 35. 128 с.
13. Смолянинова Л.М. Русский театр в Чувашии (1920–1925) // Чувашское искусство / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. 196 с.

АГАЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (agaeva.ek@yandex.ru).

ДАНИЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики, психологии и философии, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (olgadanilova20@rambler.ru).

МИХАЙЛОВА РЕНАТА ВАСИЛЬЕВНА – доктор философских наук, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (neti-mix@yandex.ru).

E. AGAEVA, O. DANILOVA, R. MIKHAILOVA

DEVELOPMENT OF THEATRICAL ARTS
IN THE CHUVASH REPUBLIC IN THE 20-30-IES OF XX CENTURY

Key words: theatrical art, creativity, creative activity, the intelligentsia, spiritual culture.

The article describes the evolution of the Chuvash theatrical art. This process began when an amateur fit-up theater moved from Kazan to Cheboksary. During twenty years a whole network of theaters grew in the young Republic it was promoted above all others by the creation of the national autonomy. The foundations of national cultural structure were laid. 1920-1930-ies are contradictory in our history, but it is in these years that the Soviet government carried out activities for spiritual development of the population. The Chuvash and the Russian drama theaters brought culture to the masses. However, because of a number of reasons, the Chuvash Theater was on the verge of closing. Only thanks to the efforts of a group of enthusiasts it was possible to advocate the theater. An extremely important contribution to the development of theatrical art in Chuvashia was made by high-class specialists, I.S. Maksimov-Koshkinsky and I.A. Slobodskoy. The development of the Chuvash national theatre was influenced by the culture of other peoples of Russia, especially the Russians. But the troupe of the Russian drama theater took over the experience and traditions from the actors of the Chuvash Theater. Thanks to training staff to become directors and actors at the music and theater college, in the theater studio, as well as outside the Republic, a young spectator theater and four collective farm theaters were opened in the Republic in addition to two functioning theaters. These theaters made a great contribution to popularization of theatrical art and overall development of the Chuvash culture. Beginning with the second half of the 20s, state subsidies for maintenance of theaters were constantly growing. From 1936 the Republic hosted theater festivals, which gathered not only professional groups, but amateur groups as well. A whole galaxy of famous artists grew in the Republic. However, the process of formation and professional growth of the national creative intelligentsia was quite difficult because of excessive ideologization of the society, when creative individuality was suppressed. Yet creative progress in Chuvashia during this period was undeniably significant.

References

1. Agaeva E.V., Danilova O.A. *Tvorcheskaya intelligentsiya nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Creative intelligentsia on the eve and during the great Patriotic war]. In: *Agroekologicheskie i organizatsionno-ekonomicheskie aspekty sozdaniya i effektivnogo funktsionirovaniya ekologicheskii stabil'nykh territorii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Agroecological and organizational-economic aspects of creation and effective functioning of ecologically stable territories»]. Cheboksary, Chuvash State Agricultural Academy Publ., 2017, pp. 578–582.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1581. Opis' 1. Dokument 35. List 18* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1581. Anagraph 1. Dokument 35. P. 18].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1581. Opis' 1. Dokument 93. List 324* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1581. Anagraph 1. Dokument 93. P. 324].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1581. Opis' 2. Dokument 113. List 20* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1581. Anagraph 2. Dokument 113. P. 20].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1898. Opis' 1. Dokument 7. List 43* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1898. Anagraph 1. Dokument 7. P. 43].
6. Danilov D.D. *Sovetskaya Chuvashiya: Natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo* [Soviet Chuvash: National-cultural development]. Moscow, 1933, 267 p.

7. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni. Kn. 1. 1917–1941*. [The history of the Chuvash Republic of modern times. Book 1: 1917–1941]. Cheboksary, 2001, 262 p.

8. Kondrat'ev M.G. *Khudozhestvennaya kul'tura Chuvashii 1920-kh: struktura i evolyutsiya* [Artistic culture of the Chuvash Republic of the 1920s: the structure and evolution]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura Chuvashii: 20-e gody XX veka*. [Artistic culture of Chuvashia: 20s of 20th century]. Cheboksary, 2005, 259 p.

9. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Chuvashskoi ASSR. Kn. 1: 1917–1937*. [Cultural construction in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. Book 1: 1917–1937]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1965, 398 p.

10. Romanova F.A. *Akterskoe iskusstvo Chuvashskogo teatra perioda ego formirovaniya (1918–1928 gg.)* [Actor's art of the Chuvash theatre of the period of its formation (1918–1928)]. In: *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Cheboksary, 1975, 256 p.

11. Romanova F.A. *Teatr, lyubimy narodom. Ocherki istorii Chuvashskogo gosudarstvennogo akademicheskogo dramaticheskogo teatra im. K.V. Ivanova (1918–1988)* [Theatre, loved by the people. Essays on the history of the Chuvash state academic drama theatre. K.V. Ivanov (1918–1988)]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1988, 263 p.

12. Romanova F.A. *Chuvashskii dramaticheskii teatr v 1917–1925 godakh* [Chuvash drama theater in the years 1917–1925]. *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Cheboksary, 1967, issue 35, 128 p.

13. Smolyaninova L.M. *Russkii teatr v Chuvashii (1920–1925)*. [Russian theatre in the Chuvash Republic (1920–1925)]. In: *Chuvashskoe iskusstvo* [Chuvash art]. Cheboksary, Chuvash research Institute Publ., 1973, issue 2, 196 p.

AGAeva EKATERINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of General Disciplines Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (agaeva.ek@yandex.ru).

DANILOVA OLGA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Pedagogy, Psychology and Philosophy Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (olgadanilova20@rambler.ru).

MIKHAILOVA RENATA – Doctor of Philosophy, Head of General Disciplines Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (neti-mix@yandex.ru).

Формат цитирования: Агаева Е.В., Данилова О.А., Михайлова Р.В. Становление и развитие театрального искусства в Чувашии в 20–30-е годы XX века // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 5–11.

УДК 929Кузнецов(470) «19»
ББК Т1(2Рос)63-8Кузнецов

В.А. ВАСИЛЬЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРОФЕССОР И.Д. КУЗНЕЦОВ

Ключевые слова: историческая наука, ученый, педагог, общественный деятель, профессор, Институт красной профессуры, политическая репрессия, Чувашия, Россия, общественные науки, музей, Чувашский университет.

В статье через биографию и творчество неутомимого исследователя, блестящего публициста и оратора, прекрасного университетского лектора и педагога, яркой личности и талантливого ученого – доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова – анализируется, как глобальные перемены XX и XXI вв. отразились на становлении и развитии исторической науки в Чувашии. Он по праву занимает достойное место в плеяде советских и российских историков. Советские историки и их труды являются интеллектуальным феноменом XX в. Однако зачастую при их изучении преобладают субъективные суждения, они рассматриваются как сугубо выражающие идеологию советской власти, игнорируются их достижения. В данной статье на примере И.Д. Кузнецова утверждается, что к выявлению и анализу деятельности советских историков необходимо подходить объективно, осмысливая отражение в их творчестве противоречий эпохи. Цель нашей работы состоит в концептуализации роли профессора И.Д. Кузнецова в становлении и развитии исторической науки в Чувашии. Данная цель обусловила постановку следующих задач: осуществить реконструкцию научной, педагогической, государственной, литературоведческой и публицистической деятельности И.Д. Кузнецова в контексте политических, идеологических и социально-экономических изменений в российском обществе; раскрыть вклад ученого в историческую науку; показать роль и значение И.Д. Кузнецова в развитии и совершенствовании высшего исторического образования. Методологической базой статьи стали исторический, системный и историко-биографические методы. Они позволили показать многообразные методы изучения поставленного нами вопроса в совокупности с общенаучными и общеисторическими парадигмами и с учетом революционных политических и социально-экономических перемен в России и мире.

Одним из основных направлений в современной исторической науке в России стало осмысление 100-летия создания и практики развития в России новых национально-государственных образований – автономных областей и республик. Чувашская Республика этот юбилей отмечает в июне 2020 г. Историческая дата обусловила у современных исследователей процесс возрастания интереса к истории исторического знания в национальных республиках, а также к научной и педагогической деятельности историков. Свидетельством тому служит и данная публикация. Ее научная новизна состоит в том, что впервые на основе исторической методологии предпринята попытка изучения деятельности И.Д. Кузнецова в триединстве ученого, творца и гражданина в исторической ретроспективе XX – начала XXI в.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что она дополняет современную теорию роли ученого в науке и общественных процессах новыми теоретическими и прикладными аспектами. Практическая значимость публикации определяется возможностью ее использования для написания специальных трудов по региональной и отечественной истории, формирования музейных экспозиций, а также при чтении лекций и подготовке студенческих научных работ в курсах «История России», «Историография», «История и культура Чувашии».

Историография вопроса. И.Д. Кузнецов, являясь одной из наиболее масштабных, интересных и сложных личностей исторической науки и общественного развития Чувашии, вызывал и продолжает вызывать повышенный интерес у исследователей. До 1990 г. критика в его адрес была эпизодической и не принципиальной, так как еще не затрагивала доминирующего положения в исторической науке и трудах самого И.Д. Кузнецова. Яростная критика ученого, его научного наследия, как и всей советской науки, начинается с 90-х гг. XX в. с разрушения Советского Союза и провозглашения в России либеральной демократии. Оппоненты прежде всего стремятся принизить значение Кузнецова в развитии исторической науки. Ю.М. Артемьев [1], Е.В. Васильев [4], Г.Я. Хлебников [15] пытаются доказать, что вся научная деятельность И.Д. Кузнецова в 20–30-х гг. прошлого столетия сводилась только к борьбе с «националистами», которая привела, дескать, к их политическим репрессиям.

Объективный подход к раскрытию и анализу биографии и творчества И.Д. Кузнецова, осмысление процесса их становления и развития, сделанные на научных конференциях, посвященных 90-летию [9] и 100-летию [7] со дня рождения ученого [4], а также кандидатская диссертация Ю.А. Богомазовой [2] камня на камне не оставили от этих несправедливых утверждений. Научные форумы со всей убедительностью подтвердили многогранность его мастерства и таланта как историка, литератора, критика и публициста, осветили обширную научную, педагогическую, государственную и общественную деятельность. В трудах И.И. Демидовой [5], В.Д. Дмитриева [6], М.В. Румянцева [13], Т.С. Сергеева [14] справедливо отмечается, что трудно найти значимые сюжеты из истории и культуры Чувашии, которых бы не коснулся И.Д. Кузнецов.

Родился он 11 июня 1906 г. в семье чувашских бедных крестьян в Казанской губернии в селении Полевые Буртасы Тетюшского уезда (деревня ныне входит в Яльчикский район Чувашской Республики). Данил Захарович, отец, кузнечных дел мастер, определил фамилию рода – Кузнецов. Уже в 14-летнем возрасте И.Д. Кузнецов стал одним из организаторов Ново-Шимкусской волостной ячейки Российского Коммунистического союза молодежи. Комсомол сформировал будущего ученого как гражданина, патриота и вызвал интерес к изучению общественных процессов.

Для того чтобы малограмотные юноши и девушки из крестьян и рабочих могли получать необходимые знания для поступления в высшие учебные заведения, с 1919 г. создавались по всей стране рабочие факультеты (рабфаки) [12]. В 1923 г. открывается и Чувашский рабочий факультет. И.Д. Кузнецов становится одним из его первых студентов. Он изумлял преподавателей и товарищей необыкновенной памятью, своей начитанностью, а также знаниями в области истории. Рабфаковец И.Д. Кузнецов явился организатором и секретарем редакции первой молодежной газеты Чувашии. С учетом того, что молодая республика была сплошь крестьянской, и название ей дали «Самрăк хресчен» (Молодой крестьянин). Ни один номер газеты не выходил без написанных на самые жгучие вопросы того времени статей И.Д. Кузнецова. Журналистская работа раскрыла в нем еще одну яркую грань творчества – публициста. Характерным моментом рабфаковского периода жизни стало становление его и как лектора. Со своими выступлениями он объездил всю Чувашию.

Осенью 1926 г. после окончания рабфака с отличием И.Д. Кузнецов Чувашским обкомом РКП(б) направляется на учебу в Институт красной профессуры (далее – ИКП). Это высшее учебное заведение было учреждено ЦК

РКП(б) в 1921 г. специально для подготовки идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах. Здесь он учится на историческом отделении. Большое влияние на И.Д. Кузнецова оказали лекции лидера марксистской исторической науки в СССР, видного общественного и политического деятеля, ректора ИКП М.Н. Покровского. Институт красной профессуры стал определяющим фактором в формировании его как историка-марксиста. В деле популяризации идей марксизма-ленинизма среди чувашского народа немаловажную роль сыграли его переводы на чувашский язык трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Он до конца своей жизни оставался убежденным марксистом. Однако это не означает, что в анализе общественных процессов, в истории И.Д. Кузнецов был догматиком. Нет, он был диалектиком: непрестанно ищущим, стремящимся в творческих поисках к новому, поэтому книги его полемичны, так как только в полемике возможно рождение нового.

Система обучения в Институте красной профессуры строилась на совокупности академической учебы с научно-исследовательской и организационно-партийной работой. Со второго курса слушатели включались и в чтение лекций в вузах Москвы и других городов страны. И.Д. Кузнецов преподает на высших курсах марксизма-ленинизма при ЦИК СССР, в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова, Институте массового заочного обучения партийного актива при ЦК ВКП(б) и в филиале Института переподготовки кадров г. Нижний Новгород [8. С. 39]. Так начинается педагогическая деятельность И.Д. Кузнецова.

После окончания ИПК он получает направление на работу в Нижегородский краевой комитет ВКП(б). Одновременно с партийной работой в *Нижегородском филиале ИКП исполняет обязанности проректора по учебной работе и заведующего кафедрой истории* [8. С. 39]. В 1932 г. И.Д. Кузнецов для укрепления Чувашской Республики высококвалифицированными кадрами назначается заведующим отделом культуры и пропаганды Чувашского обкома ВКП(б). В Чувашии почти не было получивших специальное образование профессиональных историков, поэтому он – партийный работник, стал востребован временем и как преподаватель вуза, и как ученый. В открытом в 1930 г. Чувашском государственном педагогическом институте отдает делу подготовки национальных учительских кадров весь свой талант. В Чувашском научно-исследовательском институте социально-культурного строительства возглавляет сектор истории. 20-е – начало 30-х гг. XX столетия ознаменовались огромными переменами в жизни СССР и Чувашии. С целью всестороннего исследования произошедших социально-экономических и культурных изменений в республике И.Д. Кузнецов осуществляет в 1933–1934 гг. во всех районах социологическое исследование. Для обстоятельного изучения трансформации культуры и быта населения анкетированием были охвачены жители каждого двора 21 населенного пункта. Обработка и анализ этого пионерного обследования дали бесценный материал для дальнейших теоретических поисков, а также стали для руководства республики научным ориентиром в дальнейшем развитии региона.

В 1937 г. И.Д. Кузнецов подвергается политической репрессии. Стойко перенес трагическую страницу своей жизни – почти двадцатилетнее отлучение от науки, он сразу же после реабилитации, произошедшей в 1955 г., со всей энергией включается в научную и организационную деятельность. В

1956–1958 гг. – директор Чувашского книжного издательства, 1963–1968 гг. – возглавляет Чувашский научно-исследовательский институт [16. С. 151–152]. За время своего руководства издательством и институтом выводит их в число ведущих в России.

И.Д. Кузнецов положил начало новому этапу в развитии исторической науки в Чувашской Республике. Более 95% населения края было крестьянским. Это стало определяющим фактором стержневого направления его исследований – история чувашского крестьянства. Результатом работы трех десятилетий стали обобщающая монография в двух частях «Очерки по истории чувашского крестьянства» и докторская диссертация на тему «Крестьянство Чувашии в период капитализма», которые по праву составляют золотой фонд региональной и отечественной историографии.

Однако И.Д. Кузнецов не был историком одного узкого направления. Убедительное доказательство тому исследование ученого по проблемам национально-государственного строительства [10. С. 115–122]. Этническая территория чувашей в Российском государстве до создания 24 июня 1920 г. Чувашской автономной области входила в состав Казанской и Симбирской губерний. 21 апреля 1925 г. область была реорганизована в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Как комсомольский вожак, журналист, коммунист, руководитель партийной ячейки рабфака И.Д. Кузнецов с самого начала был активным участником становления и развития чувашской национальной государственности. Осуществление на практике нового, неизведанного строительства советской чувашской государственности потребовало от ученого теоретических исследований и, как указывает историк Е.К. Минеева, И.Д. Кузнецов по праву становится одним из ведущих теоретиков данной проблемы [11. С. 160–174]. В канун 100-летия образования Чувашской автономной области исследователи и практики вновь и вновь обращаются к этим трудам И.Д. Кузнецова.

Непрерывно трудится он и над единой концепцией истории и культуры Чувашии с древнейшего времени до 90-х гг. XX в. Самое активное и непосредственное участие в качестве автора и члена редакционной коллегии принимает в подготовке и издании фундаментального двухтомного труда «История Чувашской АССР». В научных поисках И.Д. Кузнецов главным считал их обобщение в монографических изысканиях. Свой замысел он реализовал в 20 монографиях. Также им опубликовано около 300 исторических, литературоведческих и публицистических работ, которые интересны и будут интересны еще долго не только для историков, но и всех тех, кто жаждет исторических познаний. Безусловно, это является одним из важных доказательств ценности его научных исследований. Ведь история доказала, что самым верным критерием трудов историка становится сама история.

Всеобъемлющую оценку И.Д. Кузнецову в качестве исследователя, педагога, организатора науки, общественного деятеля дать трудно. Как творческая личность И.Д. Кузнецов многогранен – историк, литературовед, публицист, журналист, переводчик. Как большой эрудит ученым его исследования нацелены на решение актуальных теоретических проблем. Характерной особенностью этих научных поисков является воспроизведение исторической действительности, образов живых людей и событий прошлого, во всей объективности, конкретности. Все его труды отличаются основательной источниковедческой базой.

В 1967 г. был открыт Чувашский государственный университет. Инициатором организации исторического отделения в новом вузе явился И.Д. Кузнецов. В непростых условиях становления и развития университета в качестве заведующего кафедрой истории СССР он создал на кафедре и факультете доброжелательную атмосферу творческой увлеченности, научных поисков, направлял членов кафедры на быстрое восприятие всего нового [3. С. 13].

Одним из важных направлений научной школы И.Д. Кузнецова по примеру «Истории фабрик и заводов» Максима Горького явилось состоявшееся из двух этапов фундаментальное исследование истории промышленности и рабочего класса Чувашии. К обстоятельному изучению актуальной проблемы были привлечены аспиранты Ю.П. Смирнов, В.А. Васильев и В.Г. Шарков, защитившие впоследствии кандидатские диссертации. Их труды должны были стать основой коллективной монографии, однако ее издание ввиду развала Советского Союза не состоялось. На наш взгляд, книга сегодня стала бы еще одним убедительным доказательством несостоятельности либеральной рыночной экономики в России.

Одним из детищ И.Д. Кузнецова стал Музей И.Н. Ульянова, открытый в Чувашском государственном университете 19 октября 1971 г. в дни проведения Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня рождения российского просветителя И.Н. Ульянова. Он же явился и инициатором создания при кафедре истории СССР в 1986 г. Музея этнографии, ныне – Археолого-этнографического музея. Названные уникальные музеи по праву можно назвать и памятниками ученому-подвижнику И.Д. Кузнецову.

Историческая наука и высшее историческое образование Чувашии благодаря ему поднялись на более высокий уровень своего развития. Впервые в Чувашии были открыты аспирантура и докторантура. Корифеей исторической науки Чувашии создал свою научную школу. Ее воспитанниками являются доктора исторических наук, профессора П.В. Денисов, Ю.П. Смирнов, Б.Л. Алексеев, Т.Н. Иванова, Е.К. Минеева, О.Н. Широков, доктор культурологии, профессор В.А. Васильев и др. [3. С. 13]. Неоценимое значение в динамичном развитии исторической науки и образования имеет открытие на историческом отделении университета Совета по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по истории и этнографии. За это время он стал одной из кузниц исторических кадров для всей России.

И.Д. Кузнецов – любящий свою Родину ученый, патриот и гражданин. В нем были заложены лучшие черты советского человека – доброта, открытость души, чуткость, готовность оказать помощь тому, кто в этом нуждался. Он жил динамичной жизнью советского народа, его нуждами, радостями, тревогами и интересами. Заслуги И.Д. Кузнецова перед Родиной, перед наукой высоко оценены советским правительством, награждением орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и медалями. Он удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Чувашской АССР». Имя его занимает достойное место и в Почетной Книге Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР.

И.Д. Кузнецов стал одним из видных деятелей советской и российской науки, культуры и общественной жизни. Научный и гражданский долг историков современной Чувашии обстоятельно и всесторонне рассмотреть, представить и оценить место И.Д. Кузнецова и его научных трудов в развитии российской историографии, изучить непростую эволюцию его научных, теоретико-методологических и идейно-политических взглядов.

Литература

1. *Артемов Ю.М.* Наци культурин паянхипе ыранхи ыйтăвĕсем (Проблемы национальной культуры в прошлом и настоящем) // Тăван Атăл (Родная Волга). 1992. № 4. С. 60–65.
2. *Богомазова Ю.А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель: дис. ... канд. ист. Казань, 2008. 358 с.*
3. *Васильев В.А.* Вехи Чувашского государственного университета: вспоминая былое // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст.: в 2 т. Чебоксары: Среда, 2017. Т. 2. С. 9–14.
4. *Васильев Е.В.* Прошлое вопрошает, допрашивает // Советская Чувашия. 1993. 3 июня.
5. *Демидова И.И.* Кузнецов И.Д. – учитель из народа (об историке) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2002. № 5. С. 207–208.
6. *Димитриев В.Д.* Покаяся, критик // Советская Чувашия. 1993. 3 июня.
7. *И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: сб. ст. Всерос. науч. конф. историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН, 2006. 623 с.*
8. *Матюшин П.Н.* Университетское образование в контексте советской государственной политики 1930-х гг. (Штрихи к портрету профессора И.Д. Кузнецова) // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст.: в 2 т. Чебоксары: Среда. 2017. Т. 2. С. 38–43.
9. Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII-XX веках: тез. докл. регион. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. И.Д. Кузнецова (27–28 мая 1996 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 74 с.
10. *Минеева Е.К.* Вопросы национально-государственного строительства в трудах историков-педагогов Чувашии // Преподаватель. XXI век. 2008. № 1. С. 115–122.
11. *Минеева Е.К.* Концепция национально-государственного развития чувашского народа в трудах И.Д. Кузнецова // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: сб. ст. всерос. науч. конф. историков (Чебоксары, 15-16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 160–174.
12. Рабочие факультеты. МСЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1930. Т. 7.
13. *Румянцев М.В.* Классик чувашской исторической науки // Ульяновец. 1996. 20 июня.
14. *Сергеев Т.С.* Кузнецов Иван Данилович // Историки Чувашии – доктора наук. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2002. С. 87–93.
15. *Хлебников Г.Я.* Хватка «железного» критика // Советская Чувашия. 1993. 2 февр.
16. *Широков О.Н., Широкова М.А.* Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 149–157.

ВАСИЛЬЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vasilyev_va@mail.ru).

V. VASILYEV

DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE
IN THE CHUVASH REPUBLIC: PROFESSOR I.D. KUZNETSOV

Key words: *historical science, scientist, teacher, public figure, professor, Institute of Red professorship, political repression, Chuvashia, Russia, social sciences, museum, the Chuvash University.*

The article analyzes how global changes of the 20th and 21st centuries are reflected in the development of historical studies in Chuvashia through the biography and work of a tireless researcher, a brilliant publicist and speaker, an excellent university lecturer and teacher, a bright personality and a talented scientist – Doctor of Historical Sciences, Professor Ivan Danilovich Kuznetsov, who occupies a worthy place in the Pleiad of Soviet and Russian historians. Soviet historians and their works, as an intellectual phenomenon of the 20th century, are of increasing interest to modern researchers. However, when studying them, subjective

judgments prevail, they are regarded as expressing the ideology of the Soviet power, and their achievements are ignored. In this article, using the example of Ivan Danilovich Kuznetsov, it is stated that identification and analysis of the activities carried out by Soviet historians must be approached objectively, comprehending reflection of contradictions of the historical period in their work. The aim of our work is to conceptualize the role of Professor I.D. Kuznetsov in the development of historical science in Chuvashia. This aim conditioned formulation of the following tasks: to carry out reconstruction of scientific, pedagogical, state, literary and journalistic activities of I.D. Kuznetsov in the context of political, ideological and socio-economic changes in the Russian society; to reveal the scientist's contribution to historical science; to show the role and the value of I.D. Kuznetsov in the development and improvement of higher historical education. The methodological basis of the article was historical, systemic, and historical-biographical methods. They made it possible to show diverse methods of studying the question posed by us in conjunction with general scientific and general historical paradigms and taking into account revolutionary political and socio-economic changes in Russia and the world.

References

1. Artem'ev Yu.M. *Natsi kul'turin payankhipe yrankhi yitävësem (Problemy natsional'noi kul'tury v proshlom i nastoyashchem)* [Problems of national culture in the past and present]. *Tavan Atal (Rodnaya Volga)* [Native Volga], 1992, no. 4, pp. 60–65.
2. Bogomazova Yu.A. *I.D. Kuznetsov – uchenyi, pedagog i obshchestvennyi deyatel': dis. ... kand. Ist* [I.D. Kuznetsov – scientist, teacher and public figure. Doct. Diss.]. Kazan, 2008, 358 p.
3. Vasil'ev V.A. *Vekhi Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta: vspominaya byloe* [Milestones of the Chuvash state University: remembering the past]. In: *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sb. st.: v 2 t.* [The Paradigm of University history and prospects of universitycollege (the 50th anniversary of the Chuvash state University named I. N. Ulyanov): collection of articles: 2 vols.]. Cheboksary, Sreda publ., 2017, vol. 2, pp. 9–14.
4. Vasil'ev E.V. *Proshloe voproshaet, doprashaet* [The past asks, interrogates]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1993, July 3.
5. Demidova I.I. *Kuznetsov I.D. – uchitel' iz naroda (ob istorike)* [Kuznetsov I.D. - a teacher from the people (about the historian)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ya. Yakovleva*, 2002, no. 5, pp. 207–208.
6. Dimitriev V.D. *Pokaisya, kritik* [Repent, critic]. *Sovetskaya Chuvashiya*. 1993. 3 iyunya.
7. *I.D. Kuznetsov – uchenyi, pedagog, chelovek, perezhivshii repressii 30–40-kh godov XX veka: sb. st. Vseros. nauch. konf. istorikov (Cheboksary, 15–16 iyunya 2006 g.)* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «I.D. Kuznetsov – a scientist, a teacher, a survivor of the repression of the 30–40s of 20th century»]. Moscow, 2006, 623 p.
8. Matyushin P.N. *Universitetskoe obrazovanie v kontekste sovetskoj gosudarstvennoj politiki 1930-kh gg. (Shtrikhi k portretu professora I.D. Kuznetsova)* [University education in the context of the Soviet state policy of the 1930s (Strokes to the portrait of Professor I.D. Kuznetsov)]. In: *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sb. st.: v 2 t.* [Paradigms of University history and prospects of University studies (to the 50th anniversary of the Chuvash state University named after I.N. Ulyanov): a collection of articles. 2 vols.]. Cheboksary, Sreda, 2017, vol. 2, pp. 38–43.
9. *Mezhehtnicheskije otnosheniya, natsional'nye problemy i dvizheniya v Srednem Povolzh'e i Priural'e v XVIII–XX vekakh: tez. dokl. region. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. I.D. Kuznetsova (27–28 maya 1996 g.)* [Proc. of Sci. Conf. «Interethnic relations, national problems and movements in the Middle Volga and Urals in the 18th–20th centuries»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1996, 74 p.
10. Mineeva E.K. *Voprosy natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v trudakh istorikov – pedagogov Chuvashii* [Questions of national-state construction in the works of historians – teachers of Chuvashia]. *Prepodavatel'. XXI vek*, 2008, no. 1, pp. 115–122.
11. Mineeva E.K. *Kontseptsiya natsional'no-gosudarstvennogo razvitiya chuvashskogo naroda v trudakh I.D. Kuznetsova* [The concept of national and state development of the Chuvash people in the works of I.D. Kuznetsov]. In: *I.D. Kuznetsov – uchenyi, pedagog, chelovek, perezhivshii repressii 30–40-kh godov XX veka: sb. st. vseros. nauch. konf. istorikov (Cheboksary, 15-16 iyunya 2006 g.)* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «I.D. Kuznetsov – a scientist, a teacher, a survivor of the repression of the 30–40s of 20th century»]. Moscow, 2006, pp. 160–174.
12. *Rabochije fakul'tety* [Working faculties]. Moscow, 1930, vol. 7.

13. Rumyantsev M.V. *Klassik chuvashskoi istoricheskoi nauki* [Classic of Chuvash historical science]. *Ul'yanovets*, 1996, Juny 20.

14. Sergeev T.S. *Kuznetsov Ivan Danilovich* [Kuznetsov Ivan Danilovich] *Istoriki Chuvashii – doktora nauk* [Historians of Chuvashia – doctors of science]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ, 2002, pp. 87–93.

15. Khlebnikov G.Ya. *Khvatka «zheleznogo» kritika* [The grasp of "iron" criticism]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1993, Feb. 2.

16. Shirokov O.N., Shirokova M.A. *Istoriko-filologicheskii fakul'tet Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova: pervye gody deyatel'nosti istoricheskogo otdeleniya* [Faculty of History and Philology of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanova: the first years of activity of the historical department]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 149–157.

VASILYEV VLADIMIR – Doctor of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vasilyev_va@mail.ru).

Формат цитирования: Васильев В.А. Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 12–19.

УДК 342.5:94(470.344)«1920/1925»

ББК 63.3(2Рос.Чув)613-33

О.Н. ВАСИЛЬЕВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧУВАШСКИХ ОБЛАСТНЫХ СЪЕЗДОВ СОВЕТОВ И СОСТАВ ИХ УЧАСТНИКОВ (1920–1925 гг.)

Ключевые слова: Чувашская автономная область, Чувашские областные съезды Советов, Чувашский облисполком, участники, состав делегатов, резолюции.

В статье рассматриваются вопросы, характеризующие деятельность Чувашских областных съездов Советов, которые являлись органами высшей государственной власти в системе управления Чувашской автономной области в 1920–1925 гг. Дается краткий обзор историографии проблемы. Характеризуются половозрастной, национальный, партийный состав участников съезда, их образовательный уровень. Анализируются регламент и повестки дня съездов, порядок их проведения, содержание дискуссий и резолюций. В том числе отмечается, что деятельность правительства области и его отделов в ходе съездов подвергалась серьезной критике со стороны делегатов. Описываются революционные ритуалы, неотъемлемо присутствовавшие в работе всех съездов. Оценивается участие женщин в работе областных съездов Советов. Показывается процесс выработки резолюций по докладом и реализации на практике их положений, а также особенности избрания съездом новых составов Чувашского облисполкома.

Областные съезды Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в первой половине 1920-х гг. де-юре считались высшей властью в системе органов управления Чувашской автономной области. Однако по иронии судьбы вплоть до настоящего времени они не становились предметом более или менее детального научного изучения. Исследователи данного периода были поглощены изучением вопросов преобразования автономной области в республику, установления административных границ автономии, внутривластной борьбы в Чувашском обкоме РКП(б), политики коренизации советского аппарата, а из областных съездов углубленного внимания удостоился лишь I областной съезд Советов, в ходе которого произошла передача власти от Ревкома вновь избранному Областному исполнительному комитету Чувашской автономной области (далее – Облисполком). В частности, в сборнике документов «Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920–1987 гг.)» были опубликованы три документа, связанных с работой съезда – регламент работы съезда, постановление «О деятельности Ревкома Чувашавтообласти», приветственная телеграмма от имени съезда председателю Совнаркома В.И. Ленину [7. С. 36–37]. Четыре документа, относящихся к областным съездам Советов (приветственные телеграммы первых четырех съездов В.И. Ленину), но не имеющих особого научного значения, были опубликованы в сборнике «Ленин и Чувашия» [11. С. 118, 120, 130, 135].

Впервые наиболее полно работа I областного съезда Советов и его состав были освещены А.В. Изоркиным в статье «Из истории Советов Чувашии первых лет диктатуры пролетариата», где автором характеризуется состав участников съезда, подчеркиваются их молодой возраст и интернациональный характер, перечисляются обсужденные в ходе съезда вопросы [9. С. 32–33]. Е.К. Минеевой показано, как проходило на I съезде обсуждение вопроса о проведении продразверстки в автономии, а также подчеркнуто, что в центре внимания II областного съезда Советов стояла проблема голода, постигшего область [12]. В недавно увидевшей свет монографии В.Н. Клементьева на основе общероссийского законодательства охарактеризовано место област-

ных съездов Советов в структуре государственных органов Чувашии, раскрыт порядок их формирования и полномочий, названы точные даты проведения, дан анализ образовательного уровня, социального, партийного состава Обл-исполкома, избранного V съездом Советов [10. С. 52–53]. В монографическом исследовании М.И. Иванова, посвященном Д.С. Эльменю, показывается, как открытие и работа I областного съезда Советов были освещены в газете «Известия Ревкома» [8. С. 89–91]. Во многих же научных трудах просто упоминается об учредительном характере I съезда Советов и формировании им правительства автономной области.

Между тем в фондах Обл-исполкома (Ф. Р-125) Государственного исторического архива Чувашской Республики отложился значительный массив документов, отражающих различные аспекты работы съездов: стенографические отчеты и протоколы заседаний, тексты докладов и отчетов отделов, принятые съездами резолюции, протоколы заседаний фракции РКП(б), а также подготовительные материалы к съездам [1–6]. Анализ данных документов позволяет всесторонне рассмотреть деятельность областных съездов Советов.

Прежде всего следует охарактеризовать законодательные основы работы областных съездов. Последние приравнивались по своему статусу к губернским съездам Советов, а соответственно, подпадали под положения Конституции РСФСР 1918 г., установившей права и полномочия губернского съезда и его исполкома. 31 октября 1922 г. было принято Положение о губернских съездах Советов и их исполкомах, подчинившее их исключительно ВЦИК и его Президиуму. Согласно Положению, делегаты на областной съезд выдвигались из расчета по одному человеку от волости, поселка, города. Если население превышало 10 тыс. человек, волость, поселок или город имели право на выдвижение второго представителя. Также на губернском съезде могли присутствовать с правом совещательного голоса по два члена от каждого уездного исполкома. К правам и обязанностям съездов Советов относилось обсуждение вопросов, имеющих общеобластное значение. Все пять съездов Советов собирались единожды, хотя допускался и созыв чрезвычайного съезда в том же депутатском составе [10. С. 52].

I областной съезд Советов прошел с 7 по 11 ноября 1920 г. В нем приняло участие 134 делегата, в том числе 87 с решающим голосом и 47 – с совещательным. 86 человек (64,2%) были членами РКП(б), еще 5 (3,7%) – кандидатами в члены РКП(б), 2 (1,5%) – членами РКСМ; почти треть делегатов (41 человек, или 30,6%) составляли беспартийные. Среди участников съезда были всего 4 женщины (3%). По национальному признаку состав делегатов почти на три четверти (99 человек, или 73,9%) был представлен чувашами; русскими являлись 24 делегата (17,9%), представителями других национальностей – 11 человек (8,2%). Более половины делегатов (72 человека, или 53,7%) были в возрасте до 30 лет, треть (46 человек, или 34,3%) – в возрасте от 31 до 40 лет, каждый десятый (14 человек, или 10,4%) – в возрасте от 41 до 50 лет и лишь 2 (1,5%) были старше 50 лет. Из 87 делегатов с решающим голосом 26 человек представляли Чебоксарский уезд, 22 – Ядринский и 21 – Цивильский уезды; 8 человек были делегированы от Ревкома и его отделов, 7 – от военных организаций и 3 человека – от Наркомнаца [1. Л. 108–108об.].

II областной съезд Советов состоялся 2–5 июля 1921 г. К сожалению, о нем сохранилось меньше всего информации. Известно, что в съезде приняло участие 79 делегатов с решающим голосом. Во время открытия съезда присутствовало 73 делегата с решающим голосом и 25 – с совещательным.

В протоколах данного форума, в отличие от всех других съездов, не приведена характеристика участников съезда по половому, национальному и возрастному признакам, а в характеристику состава по партийному критерию вкрадась ошибка: указано, что 59 делегатов были членами РКП(б), 5 – кандидатами в члены РКП(б) и 19 – беспартийными (хотя в сумме получается 83 делегата, а не 79, как указано выше) [2. Л. 161, 167об.].

III областной съезд Советов прошел с 1 по 5 декабря 1922 г. В его работе участвовали 112 делегатов, в том числе 82 с решающим голосом и 30 – с совещательным. Больше всего делегатов с решающим голосом (24 человека) было от Ядринского уезда, что обуславливалось большей численностью населения; 20 делегатов было от Чебоксарского уезда (не считая еще двух участников с совещательным голосом), 18 – от Цивильского уезда, 14 – от Батыревского уезда, 5 – от Чебоксар и 1 делегат – от войсковых частей г. Чебоксары. Представители от отделов Облисполкома (в основном заведующие) составили большую часть делегатов с совещательным голосом – 18 из 30 человек; по одному или несколько делегатов были выдвинуты от других организаций – Областной избирательной комиссии, РКСМ, Наркомнаца РСФСР, Чувашского представительства и др. 94 человека (83,9%) были членами РКП(б), еще 2 (1,8%) – кандидатами в члены РКП(б), всего 16 человек (14,3%) составляли беспартийные. Среди участников съезда были лишь 2 женщины (1,8%) – от Ядринского и Цивильского уездов. По национальному признаку состав делегатов более чем на три четверти (87 человек, или 77,7%) был представлен чувашами; русскими являлся 21 делегат (18,75%), представителями других национальностей – 4 человека (3,6%). Большинство делегатов (79 человек, или 70,5%) были в возрасте от 26 до 36 лет, примерно поровну – в возрасте до 26 лет (17 человек, или 15,2%) и старше 36 лет (14 человек, или 14,3%). 4 делегата (3,6%) имели высшее образование, 60 (53,6%) – среднее, 47 (42,0%) – среднее, 1 человек (0,9%) отнесен к малограмотным. Примерно половина участников съезда (58 человек, или 51,8%) впервые принимала участие в подобных мероприятиях, остальные – во второй (30 человек, или 26,8%) или в третий раз (24 человека, или 21,4%) [3. Л. 138–139].

IV областной съезд Советов состоялся 5–9 декабря 1923 г. В нем приняли участие 107 делегатов, в том числе 81 с решающим голосом и 26 – с совещательным. По уездам распределение было примерно таким же, как и на третьем областном съезде: больше всего делегатов с решающим голосом прибыло от Ядринского уезда (23 делегата, хотя по норме на уезд полагалось 24 места); чуть меньше – от Чебоксарского (19 человек) и Цивильского уездов (18 человек, плюс в ходе съезда еще одному делегату с совещательным голосом был предоставлен решающий голос); еще меньше – от Батыревского уезда (15 человек) и от Чебоксар (4 делегата от 7169 человек). Подавляющую часть делегатов с совещательным голосом – 22 из 26 человек – вновь составили представители от г. Чебоксары. В новом составе съезда 96 человек (89,7%) были членами РКП(б), 1 (0,9%) – членом РКСМ, всего 10 человек (9,3%) составляли беспартийные. Среди участников съезда были 5 женщин (4,7%), в том числе 4 из них имели решающий голос. По национальному признаку значительное большинство (89 человек, или 83,2%) принадлежало чувашам; русскими являлись 17 делегатов (15,9%), представителями других национальностей – 1 человек (0,9%). Большинство делегатов (63 человека, или 58,9%) были в возрасте до 30 лет, треть (35 человек, или 32,7%) – в возрасте от 31 до 40 лет, 8 человек (7,5%) – в возрасте от 41 до 50 лет, 1 деле-

гат (0,9%) – старше 50 лет. Подавляющее большинство участников съезда составляли советские служащие (75 человек, или 70,1%) и партийные работники (26 человек, или 24,3%), 3 человека (2,8%) относились к хлебопашцам, также в съезде приняли участие 1 рабочий, 1 школьный работник и 1 учащийся. При этом до 1914 г. служащими являлись лишь 9 человек (8,4%), тогда как половина участников съезда занималась крестьянским трудом (53 человека, или 49,5%), 23 человека (21,5%) работали учителями, 13 человек (12,1%) были рабочими, 9 делегатов (8,4%) – учащимися [4. Л. 70–71об.].

V областной съезд Советов прошел с 15 по 21 ноября 1924 г. В его работе участвовали 123 делегата, в том числе 85 с решающим голосом и 38 – с совещательным. Поуездный состав делегатов с решающим голосом по сравнению с третьим и четвертым съездами практически не изменился, зато сравнительно с предшествующими годами из уездов прибыло больше делегатов с совещательным голосом – 11 человек, тогда как в декабре 1922 г. – лишь 2, в 1923 г. – 3 человека. 89 человек (72,4%) были членами РКП(б), еще 11 (8,9%) – кандидатами в члены РКП(б), 6 (4,9%) – членами РКСМ, 17 человек (13,8%) составляли беспартийные. Среди участников съезда были 10 женщин (8,1%), в том числе 7 – с решающим голосом. По национальному признаку состав делегатов в своем подавляющем большинстве (108 человек, или 87,8%) был представлен чувашами; русскими были 12 делегатов (9,8%), представителями других национальностей – 3 человека (2,4%). Почти три четверти делегатов (90 человек, или 73,2%) были в возрасте от 25 до 40 лет, каждый пятый – в возрасте до 25 лет (25 человек, или 20,3%) и лишь 8 человек (6,5%) – старше 40 лет [5. Л. 114–114об.].

Из анализа состава съездов можно выделить ряд устойчивых тенденций. Во-первых, бросается в глаза неуклонный рост численности представителей титульной нации – с 73,9% на первом съезде до 87,8% на последнем. Количество русских делегатов сократилось почти в 2 раза – с 17,9% до 9,8%. В определенной степени это можно объяснить проводимой в данный период политической коренизации органов управления в центре республики и на местах. Во-вторых, нельзя не отметить, что большинство делегатов были довольно молоды по современным меркам – и в 1920 г., и в 1923 г. больше половины делегатов еще не исполнилось и 30 лет, а примерно 90% были в возрасте до 40 лет. В-третьих, одной из характерных черт первой половины 1920-х гг. было пассивное участие женщин в общественно-политической жизни Чувашии, что нашло отражение и в составе областных съездов Советов. Количество женщин не превышало 5 человек (менее 5%), и лишь в 1924 г. произошел заметный перелом – их количество увеличилось до 10 (8,1%). Наконец, последний съезд стал необычным с точки зрения партийного состава. Если до этого наблюдался неуклонный рост числа партийных работников среди делегатов съездов (с 64,2% до 89,7%), то в 1924 г. даже вместе с кандидатами в члены РКП(б) численность последних оказалась существенно ниже.

Регламент работы съезда утверждался на первом заседании и предусматривал 9-часовую работу в день (на пятом съезде – 8 часов) с одним большим перерывом, также в ходе заседаний устраивались десятиминутные перерывы. На первых двух съездах утренние заседания должны были начинаться в 10 часов утра и завершаться в 15 часов, а вечерние заседания должны были проводиться с 18 до 22 часов; на третьем съезде делегаты заседали с 9 до 14 часов и с 17 до 21 часа, на четвертом – с 9 до 15 часов и с 18 до 21 часа, на пятом – с 9 до 14 часов и с 17 до 20 часов. Докладчикам

представлялся на выступление 1 час и еще 20 минут (на втором и третьих съездах – по 30 минут) после прений для заключительного слова. Содокладчикам, появившимся со II съезда Советов, давалось 30 минут на выступление и 20 минут для заключительного слова (на втором съезде – 15 минут). Кроме того, начиная с IV съезда Советов, докладчику о деятельности Облисполкома предоставлялось для выступления 2 часа. В порядке свободной записи для участия в прениях предоставлялось 10 минут, ораторам от фракции РКП(б) – 15 минут (устанавливалось лишь на двух первых съездах). Предусматривалось, что для выступления во второй раз по тому же вопросу дается 5 минут. Однако в реальности прения часто прекращались досрочно, не успевали выступить все записавшиеся, так что о вторичном выступлении речи даже не шло. Все вопросы решались простым большинством голосов. По требованию 10 делегатов с решающим голосом должно было производиться письменное голосование, но подобных случаев в истории чувашских областных съездов Советов не было [2. Л. 1об.–2, 162об. 181; 4. Л. 6; 6. Л. 7–7об.]. Работой заседаний съезда, как правило, руководил председатель президиума, в качестве которого традиционно избирался сам председатель Облисполкома. Лишь на заседаниях, где заслушивался доклад о деятельности Облисполкома и разворачивались прения по нему, председателем являлся ответственный секретарь Чувашского обкома РКП(б) или другой член президиума.

Из стенографических отчетов видно, что в большинстве случаев заседания несколько затягивались или вынужденно прерывались из-за позднего времени; бывало, что и начинались заседания позже запланированного времени. В целом же скандалов по процедурным вопросам в первой половине 1920-х гг. на съездах не возникало. Можно отметить ситуацию, возникшую на IV областном съезде Советов, когда перед заслушиванием доклада о деятельности Облисполкома поступило предложение «ввиду важности и серьезности доклада, основанного на цифровых данных, и наличия среди делегатов значительного количества русских, не знающих чувашского языка... сделать настоящий доклад на русском языке». Председатель заседания А.Н. Никитин выразил мнение, что «на пороге 4-го года существования Автономной Чувашской области нам пора уже научиться делать доклады на своем родном языке, иначе мы этому никогда не научимся». Его поддержал и военный комиссар И.Е. Ефимов. Однако большинством голосов – 30 против 18 (всего согласно протоколу заседания присутствовало 75 человек с решающим голосом) – было принято предложение заслушать доклад председателя Облисполкома С.А. Коричева на русском языке. Зато по следующему докладу – о деятельности областного земельного управления – большинство проголосовало за то, чтобы заслушать доклад на чувашском языке [4. Л. 7, 22].

В ходе V съезда Советов по записке, поданной семью делегатами, было проведено новое голосование по вопросу прекращения прений по докладу отдела местного хозяйства о торговле и промышленности и первоначальное решение продолжить прения в итоге было изменено [6. Л. 69об.].

Порядок работы съездов имел схожую повестку, насчитывал 9–11 пунктов (один раз – 10 вопросов, один раз – 11, три раза – по 9 вопросов). На первом заседании утверждался регламент съезда, избирался состав президиума и заслушивались многочисленные приветствия от представителей различных организаций. На втором заседании рассматривался вопрос о международном и внутреннем положении Советской России (СССР), после чего заслушивался доклад о работе Облисполкома (на первом съезде – о работе Ревкома). В обязательном

порядке заслушивались доклады заведующих соответствующих отделов Облисполкома о развитии сельского хозяйства (отчет земельного отдела/управления) и промышленности (отчет Областного совета народного хозяйства), а также о состоянии народного образования в области. Начиная с III съезда Советов обязательно рассматривался вопрос об утверждении местного бюджета на следующий год, в ходе которого обстоятельно обсуждались вопросы налогового характера. В отношении остальных вопросов наблюдалась определенная ротация: так, на I и III съездах Советов заслушивались доклады о состоянии здравоохранения в автономии, на II и V съездах – о деятельности Рабоче-крестьянской инспекции, на III и IV съездах – отчеты отдела юстиции; на I и II съездах в центре внимания был продовольственный вопрос (на III съезде заслушан доклад о продовольственном налоге); на II съезде в повестку дня был внесен доклад о новой экономической политике, на V съезде – о расширении территории автономии.

Завершались съезды перевыборами Облисполкома и выборами кандидатов на Всероссийский съезд Советов, во ВЦИК СССР и Совет национальностей. Новый состав Облисполкома (без распределения по конкретным должностям) избирался на основании списка, представляемого фракцией РКП(б). Изменений в них ни разу за пять съездов не вносилось, они утверждались единогласно. На первых четырех съездах Советов Облисполком был избран в количестве 25 человек, при этом III и IV съездами Советов в состав Облисполкома для усиления связи Центра с местами наряду с 17 представителями от областных учреждений были включены 8 человек от уездов (по 2 представителя от Чебоксарского, Ядринского, Цивильского и Батыревского уездов); в состав избранных 8 кандидатов в члены Облисполкома также обязательно включалось по одному представителю от каждого уезда. V съезд Советов избрал Облисполком в составе 35 человек, причем 18 из них представляли уезды: по 5 представителей от Ядринского и Цивильского уездов и по 4 человека от Чебоксарского и Ибресинского уездов. Еще 15 человек были избраны кандидатами в члены Облисполкома [1. Л. 107об.; 2. Л. 178–178об.; 3. Л. 148об.; 4. Л. 92–92об.; 5. Л. 115–116]. Как отмечалось исследователями, персональный состав Облисполкома показывает, что в него избирались не рядовые делегаты съезда, а руководители основных областных учреждений и председатели президиумов уездных исполкомов Советов [10. Л. 52].

Непременным атрибутом съездов было соблюдение определенных революционных ритуалов: почетными председателями съезда избирались «вожди революции» В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин; от имени всех съездов отправлялись приветственные телеграммы в адрес руководства страны и других автономных образований; похоронным маршем отмечалась память революционеров, погибших в борьбе за новые идеалы; постоянно звучал Интернационал, выполнявший в рассматриваемый период времени роль государственного гимна РСФСР/СССР. Принимаемые на съездах резолюции часто завершались лозунгами, в том числе: «Да здравствует III Коммунистический Интернационал!... Да здравствует всемирная Рабоче-крестьянская Республика!», «Да здравствует Германская революция! Да здравствует мировая пролетарская революция! Да здравствуют Союзинные штаты Советской Европы!» [2. Л. 86; 4. Л. 97].

Доклады вызывали неподдельный интерес участников съезда. Докладчикам задавалось большое количество вопросов. Особенно в этом отношении показателен последний V съезд Советов. Согласно протоколам заседаний, по докладу о работе Облисполкома И.И. Илларионову было задано 59 вопросов

(они все приводятся с ответами), по докладу областного земельного управления – 56 вопросов, по докладу отдела местного хозяйства о торговле и промышленности – 36 вопросов, по докладу о деятельности отдела народного образования – 75 вопросов, по докладу о деятельности Рабоче-крестьянской инспекции – 40 вопросов и т.д. [6. Л. 20–23, 36–40, 59–63об., 75об.–81, 93об.–97].

В прениях разворачивались жаркие дискуссии по обсуждаемым вопросам, нередко прения переносились на следующий день, приходилось ограничивать запись ораторов. Чаще всего выступавшие отмечали недостатки в работе отделов Облисполкома, жаловались на существующие на местах проблемы. Иногда делегаты съезда крайне отрицательно отзывались о качестве подготовленных докладов. Так, из числа вызвавших наибольшие нарекания можно выделить доклад заведующего земельным отделом Я.П. Ятманова «Восстановление разрушенного голодом сельского хозяйства» на III областном съезде Советов: ряд делегатов, выступавших в прениях, отмечали расплывчатость доклада, наличие в нем неправильных цифр [2. Л. 219об.–220об.]. Докладчик же в заключительном слове парировал эти претензии словами: «Тов. Васильева Вера Петровна жалеет, что я сделал плохой доклад. Она является самой счастливой женщиной из чуваш, окончившей 2 высших учебных заведения, вот если бы и я столько учился, пожалуй сделал бы лучше доклад» [2. Л. 224об.].

Нельзя не отметить, что в стенографических отчетах и протоколах заседаний съездов нет выступлений, где бы «пелась осанна» Облисполкому или его отделам. Лишь раздавались призывы учитывать, что новым органам власти пришлось действовать в крайне трудных условиях голода и разрухи, и что не нужно требовать от них невозможного в данный момент. По некоторым докладом из-за нехватки времени или «ввиду их основательности», а также если доклад носили чисто информативный характер, прения не открывались и сразу принимались резолюции.

Особенно жесткой критике работа Облисполкома подверглась на II областном съезде Советов. Выступавшие в прениях отмечали, что «работа Облисполкома шла ненормально... в Облисполкоме шла грызня между работниками. Нет твердой власти в области», «Облисполком вел замкнутую работу», «в облисполкоме отсутствовала связь с местами. Места были оторваны от областного центра. Поля Чувашской области обгажены кровью крестьян по вине Облисполкома», «в области существовало многовластие. Нужна твердая власть Облисполкома» [2. Л. 168–169].

Женщины в работе съездов участвовали довольно пассивно. Речь идет не только об их небольшом количестве, что отмечалось выше, но и о выступлениях в ходе съездов. Среди докладчиков ни разу не было женщин, редко они выступали во время прений. Тем не менее нельзя не отметить, что I областным съездом Советов в состав Облисполкома была избрана Е.Я. Орлова, IV съезд Советов избрал кандидатом в члены Облисполкома А.Г. Григорьеву; V съездом Советов в Облисполком были избраны Васильева (от Чебоксарского уезда), Герасимова (от Цивильского уезда), Журавлева (от Ядринского уезда), Гусева (от Ибресинского уезда), а Амплеева, Вирьялова и М.И. Антонова избраны кандидатами в члены Облисполкома [1. Л. 107об.; 4. Л. 92об.; 6. Л. 115–115об.].

По каждому докладу выносились резолюции. Чаще всего для их выработки приходилось создавать специальные комиссии или съезд поручал это дело президиуму, хотя нередко были случаи единогласной поддержки резолюций, предложенных самими докладчиками. Некоторые резолюции, например, о деятельности Облисполкома, были очень короткими, состояли всего из одного или не-

скольких предложений, вроде: «Заслушав отчет-доклад Облисполкома, IV съезд Советов Чувашской автономной области общую линию деятельности Облисполкома одобряет и произведенную за год работу признает вполне удовлетворительной» [4. Л. 21об.]. Другие, напротив, были очень развернуты. Так, принятая тем же самым IV съездом Советов резолюция по докладу о деятельности областного земельного управления состояла из 20 пунктов [4. Л. 102–104]. Резолюция V съезда Советов по докладу о деятельности Облисполкома предусматривала 27 директив, которыми правительство должно было руководствоваться в своей дальнейшей работе [6. Л. 44об.–46]. Но обычно резолюции были в пределах одного листа. Некоторые из них включали самые общие положения, другие содержали конкретные положения. Особенно интересны последние, выполнение которых легко проследить по истории автономии. К примеру, отдельные положения I съезда были реализованы очень быстро: уже в ноябре 1920 г. было образовано Чувашское издательство (как отделение Госиздата РСФСР), а в феврале 1921 г. – Центральный чувашский музей (хотя и без запланированных филиалов-отделений на местах). Тогда как первое высшее учебное заведение появилось лишь в 1930 г., а университет – в 1967 г.; железная дорога Канаш – Чебоксары была построена в 1939 г. и т.д. [2. Л. 87, 90]. Во всех резолюциях всех съездов, несмотря на звучавшую критику, деятельность Облисполкома и его отделов признавалась удовлетворительной.

Таким образом, Чувашские областные съезды Советов рассматривали и утверждали отчеты о деятельности подведомственных съезду органов власти, определяли порядок и направления их дальнейшей работы. Съездами утверждался местный бюджет Чувашской автономной области и отчет по его исполнению, выбирался Областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – высший орган автономии в перерывах между съездами, а также выбирались делегаты от Чувашии на Всероссийский съезд Советов. В целом работа съездов в рассматриваемый период была плодотворной и способствовала становлению новых органов государственной власти и выходу автономии из кризиса, обусловленного голодом и разрухой.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 2.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 3.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 13.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 21.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 22.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 29.
7. Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920–1987 гг.): Документы и материалы / сост. В.А. Нестеров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 461 с.
8. Иванов М.И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 255 с.
9. Изоркин А.В. Из истории Советов Чувашии первых лет диктатуры пролетариата // Вопросы истории советского строительства в Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 3–39.
10. Клементьев В.Н. История национальной государственности чувашского народа: в 2 кн. Кн. 2. Создание чувашской государственности, 1920–1925. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 382 с.
11. Ленин и Чувашия / сост. К.Д. Дмитриев и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 390 с.
12. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 1920–1930-е годы: автореф. дис. .... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2009. 47 с.

ВАСИЛЬЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, руководитель Центра профориентации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (onw173@mail.ru).

O. VASILIEVA

THE ACTIVITY OF THE CHUVASH REGIONAL CONGRESSES OF SOVIETS
AND THE PARTICIPANTS STAFF (1920–1925)

Key words: Chuvash autonomous region, Chuvash regional congresses of Soviets, the Chuvash regional Executive Committee, participants, list of delegates, resolutions.

The article gives an overview different angles characterizing the activity of the Chuvash regional congresses of Soviets, which was the highest authority in the system of government of the Chuvash Autonomous region in 1920–1925. The article gives a brief overview of the historiography of the problem. The author characterizes the gender, age, national, party membership of the Congress, their educational level. The author analyzes regulations and agendas of congresses, an order of their carrying out, content of discussions and resolutions. Including it is noted that activity of the government of the region and its departments during the congresses was exposed to serious criticism from delegates. Describes the revolutionary rituals, the inherent present in all congresses. The author analyzes the participation of women in the regional congresses of the Soviets. The article covers process of creation of resolutions on reports and realization in practice of their provisions and features of election of new structures of the Chuvash regional Executive Committee.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-125. Op. 1. D. 2 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-125. Anagraph 1. Document 2].
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-125. Op. 1. D. 3 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-125. Anagraph 1. Document 3].
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-125. Op. 1. D. 13 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-125. Anagraph 1. Document 13].
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-125. Op. 1. D. 21 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-125. Anagraph 1. Document 21].
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-125. Op. 1. D. 22 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-125. Anagraph 1. Document 22].
6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-125. Op. 1. D. 29 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-125. Anagraph 1. Document 29].
7. Nesterov V.A., comp. *Zakony i postanovleniya o Sovetakh Chuvashskoi ASSR (1920–1987 gg.): Dokumenty i materialy* [Laws and resolutions on the Soviets of the Chuvash ASSR (1920–1987): documents and materials]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1989, 461 p.
8. Ivanov M.I. *Daniil El'men': ostrye grani sud'by* [Daniel Elmen: the sharp edges of fate]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, 255 p.
9. Izorkin A.V. *Iz istorii Sovetov Chuvashii pervykh let diktatury proletariata* [From the history of the Soviets of Chuvashia in the early years of the dictatorship of the proletariat]. In: *Voprosy istorii sovetskogo stroitel'stva v Chuvashskoi ASSR* [Problems of the history of Soviet construction in the Chuvash ASSR]. Cheboksary, 1984, pp. 3–39.
10. Klement'ev V.N. *Istoriya natsional'noi gosudarstvennosti chuvashskogo naroda: v 2 kn. Kn. 2. Sozdanie chuvashskoi gosudarstvennosti, 1920–1925* [The history of the national statehood of the Chuvash people. 2 books. Book 2: The formation of the Chuvash statehood, 1920–1925]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2018, 382 p.
11. Dmitriev K.D., comp. *Lenin i Chuvashiya* [Lenin and Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1980, 392 p.
12. Mineeva E.K. *Stanovlenie Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi avtonomii v 1920–1930-e gody: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The formation of the Mari, Mordovian and Chuvash autonomies in 1920–1930s. Abstract of Doct. Diss.]. Cheboksary, 2009, 47 p.

VASILIEVA OLGA – Aspirant Candidate of Candidate Historical Sciences, Head of the Career Guidance Center, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (onw173@mail.ru).

Формат цитирования: Васильева О.Н. Деятельность Чувашских областных съездов Советов и состав их участников (1920–1925 гг.) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 20–28.

УДК 351.71
ББК 67.404

В.А. ГВОЗДЕВ

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

Ключевые слова: профессиональная подготовка кадров, набор кадров, карьерный рост, государственные служащие, кадровый резерв.

Цель данной статьи – рассмотреть опыт организации системы образования государственных служащих в ряде европейских стран. Новизну работы определяет использование не только исследований отечественных авторов по проблеме статьи, но и материалов зарубежных сайтов государственной службы. Дан анализ подготовки кадров для государственного управления Великобритании. Изучена организация образования во французской Национальной школе управления. Рассмотрена многоуровневая структура подготовки государственных чиновников в Германии. Сделан акцент на участии в процессе подготовки профессиональных кадров органов государственного управления. Практическая значимость статьи заключается в возможности применения представленного в ней опыта в практике подготовки кадров для государственной гражданской службы в Российской Федерации. Представляется перспективным изучение традиций и инноваций в подготовке государственных чиновников не только в западных, но и в некоторых восточных странах, например в Японии. При этом, несомненно, важно учитывать российские условия и возможности.

Реформирование института государственного управления в нашей стране – довольно длительный и сложный процесс. Несомненно, он связан и с трансформацией системы подготовки кадров для государственного и муниципального управления. России при этом логично обратиться к опыту различных стран мира с целью анализа и учета положительного опыта в этой области [9].

Подготовка кадров для государственной гражданской службы должна быть системной и проводиться при участии образовательных учреждений, осуществляющих их подготовку, и органов власти, для которых по их заказу они готовятся [7]. Формы двухстороннего взаимодействия могут быть различными, их реализация позволит решить имеющиеся проблемы. При этом важно использовать положительный практический опыт в этом вопросе. Обращаясь к зарубежному потенциалу вопроса взаимодействия органов государственной власти и образовательных учреждений по подготовке кадров для государственной гражданской службы, можно увидеть ряд полезных моментов, реализация которых позволит благоприятно повлиять на решение возникающих проблем. При этом важно отметить, что речь идет не о простом копировании зарубежного опыта, а о его творческом использовании в российских и региональных условиях [6].

В некоторых странах мира профессиональной подготовке кадров для государственной службы уделяется большое внимание. Основательно к процессу подготовки кадров для государственной службы относятся во Франции. Опыт французской Национальной школы управления показывает, что целенаправленное выращивание кадров для государственной службы приводит к формированию политических убеждений. Обучающиеся как бы пропитываются основной спецификой своей будущей профессии, у них складывается определенный менталитет служащего народа, осознается необходимость помогать гражданам. Такие установки могут отсутствовать у специалистов другой сферы профессионального обучения. Служба должна рассматриваться как

выполнение своих функциональных обязанностей во благо населения, а не просто как доходное и надежное место работы. Во время обучения молодым специалистам предоставляется возможность пройти стажировку в федеральном аппарате управления, учреждениях государственного управления в регионах, органах муниципальной власти, на государственных промышленных предприятиях [8].

Национальная школа администрации во Франции занимает особое место среди всех учреждений образования. Она входит в число высших школ, где стоит на первом месте не столько по уровню образования, сколько по открываемым перспективам карьерного роста и жизненного успеха.

Во Франции, кроме Национальной школы, упомянутой выше, центры для подготовки государственных чиновников имеются в ряде институтов политических исследований. Они готовят кандидатов уже после получения диплома в течение года к конкурсу на получение места в органах государственного управления. Некоторые министерства Французской Республики проводят конкурсы для прямого набора кадров на государственную службу. Также стоит упомянуть Парижский институт политических исследований. Данное образовательное учреждение обеспечивает подготовку по экономическим, общественным и политическим наукам в соответствии со своим профилем – государственного учреждения научного, культурного и профессионального профиля [5].

В Германии по Конституции всем гражданам страны гарантируется равный доступ к труду в органах государственного управления. Условия данного равного доступа – работоспособность и демонстрация качеств, необходимых для исполнения обязанностей по этому виду деятельности. Религиозная принадлежность, мировоззрение при этом не должны стать препятствием для поступления на государственную службу. К претенденту предъявляют следующие требования: высшее образование, опыт работы, соответствующие компетенции. Все эти принципы и условия учитываются при подборе граждан на государственную службу, их дальнейшее карьерное продвижение.

Необходимое образование для поступления на государственную службу в Германии получают обычно в нескольких университетах. Специальные академические программы для подготовки государственных служащих есть в университете в Потсдаме, в Констанце. Существуют также программы подготовки специалистов для Европейского Союза – в Бонне, Берлине, Саарбрюкене, Гамбурге.

В программах подготовки госслужащих упор делается не только на передачу необходимых знаний, но и на формирование определенного образа мыслей и поведения чиновников соответствующего ранга. Именно поэтому довольно значительное время тратится в период обучения на освоение реальной практики. Здесь предусмотрена стажировка, в том числе, за рубежом и на определенных рабочих местах. В преподавании используются активные методы обучения. Среди них – круглые столы, мозговые атаки, дискуссии, дебаты. Данные методы, среди прочего, дают навыки коллективного решения проблем.

В целом в образовании, которое дается в высших учебных заведениях Германии, большой упор делается на практику. В частности, для будущих и настоящих государственных служащих производственная практика организуется на предприятиях (крупных и средних) Баден-Вюртемберга. «Практиканты» не только знакомятся с деятельностью предприятий, но и участвуют в заседаниях их правлений и даже принимают участие в руководстве предприятиями. Зарубеж-

ную практику обучающиеся могут проходить в учреждениях и на предприятиях таких стран, как Франция, Великобритания, США, Япония, Канада. Организации, предоставляющие места для практики, самые разнообразные: конгресс США, Всемирный банк, какое-нибудь французское министерство или губернаторство одного из штатов Соединенных Штатов Америки [4].

В Германии при обучении молодых кадров акцент сделан на юридическую подготовку, которая наиболее полно отвечает реальному положению дел в административном управлении этого государства. Подготовка специалистов в этой стране характеризуется направленностью на приобретение знаний и навыков, которые необходимы для профессионального исполнения должностных обязанностей, развитие коммуникабельности и умения работать в команде, формирование системного видения проблем и их решения, определенного образа мышления и поведения, характерного для конкретного ранга чиновников.

Большой упор при обучении в зарубежных (в первую очередь – европейских) странах делается на экономические и юридические дисциплины, анализ современной политической и социально-экономической ситуации в геополитическом разрезе, практикоориентированность в учебном процессе. Таким образом, во Франции и Германии система подготовки государственных служащих носит централизованный характер и имеет многоуровневую структуру, ранжированную в зависимости от целей обучения и степени профессиональной подготовки слушателей. Но если немецкие образовательные программы отличаются высоким уровнем сбалансированности экономических и правовых дисциплин, то французский подход ориентирован на углубленное изучение экономики.

В системе подготовки кадров для государственной службы в Великобритании выделяются отличительные особенности содержания учебных программ: они гибки, позволяют оперативно откликаться на цели и задачи текущей политической и социально-экономической ситуации. В этой стране при подготовке государственных служащих существует четкая система контроля качества полученного образования. В нашем государстве это одна из главных проблем, еще только требующая своего решения.

В образовательных учреждениях Англии считают, что подготовка молодых специалистов занимает важное место, так как осуществляет помощь организациям и учреждениям по выполнению стоящих перед ними целей и задач. Причем явно подчеркивается, что процесс является взаимовыгодным и организуется совместно. Данная особенность отражается в разработанных в рамках формирования системы государственной службы критериях оценки компетентности специалистов. Существует ведущее учебное заведение Великобритании, где обучается основная масса служащих среднего и высшего звена – Колледж государственной службы, образованный в 1970 г., где занятия проводятся по программам подготовки будущих руководителей.

Подготовка кадров считается одним из приоритетных направлений. Различные министерства и ведомства этой страны входят в широкую систему по подготовке и проведению семинаров, образовательных курсов, конференций, круглых столов и т.п. У каждого ведомства – свои разработанные программы подготовки кадрового резерва для государственного управления. При этом присутствует мониторинг потребностей в обучении данных категорий служащих для кадрового резерва и планирования его применения в дальнейшем

[3]. План реформирования государственной службы правительства Великобритании, опубликованный в 2012 г., призвал к тому, чтобы государственная служба стала «более спокойной, более инновационной, менее иерархичной, ориентированной на результаты, а не на процесс». В нем изложено желание правительства найти «новые способы предоставления услуг» и разработать политику, «связанную с развитием» [12]. Аспекты концепции блестящей государственной службы, реализуемой в настоящее время в Великобритании: улучшение результатов; эффективные лидеры; опытные люди; отличное место работы [10].

Местная государственная служба (CS Local), являющаяся частью кабинета министров, является межведомственной командой, базирующейся в разных частях Великобритании. Она объединяет департаменты и агентства на местах и предоставляет возможности для воплощения в жизнь концепции блестящей государственной службы, побуждая к участию в ней все больше людей. Программа Академии CS Local – одна из таких возможностей. За последние 7 лет CS Local организовала 31 академию, тем самым оказав помощь более 1600 госслужащим, работает с более чем 30 департаментами и агентствами и 250 фасилитаторами. В 2017–2018 гг. 39% её служащих получили повышение в течение 12 месяцев, а 43% приняли к исполнению новые обязанности в своих отделах. В 2018 г. они руководили 9 академиями по всей Великобритании для подготовки служащих на руководящие должности первого и среднего звена [11].

В 2017 г. в этой стране была опубликована Стратегия ученичества государственной службы. В этом документе изложены стратегические цели в отношении Программы стажировки на государственной службе:

- увеличить разнообразие и улучшить социальную мобильность;
- укрепить навыки нынешней и будущей рабочей силы;
- обеспечить высококачественные возможности обучения, которые включены в планирование рабочей силы и профессиональной карьеры.

Данная стратегия направлена на привлечение талантов на государственную службу из всех слоев общества и развитие опыта в таких областях, как коммерческая деятельность, управление проектами и цифровое вещание. Предоставление нынешним сотрудникам возможности получить новые навыки также является фундаментальной частью стратегии. Государственная служба уже является крупнейшим работодателем высшего образования в стране. Её целью является стать самым привлекательным работодателем в Великобритании к 2020 г.

Важно участие в процессе подготовки профессиональных кадров самих органов власти, так как именно для них готовятся специалисты. Здесь идет речь о специальных ведомствах, основным профилем деятельности которых является регулирование кадровой политики в органах управления. Целью этой деятельности является регулирование процесса подготовки кадров, количественный и качественный контроль за ним, разработка совместно с учебными заведениями содержания учебных предметов, форм и методов их проведения.

Как показывает отечественный и зарубежный опыт, органы власти должны оказывать непосредственное влияние на процесс подготовки кадров для государственной службы путем определения своей потребности в специалистах, предоставления для них мест прохождения практики. Важно принятие

на постоянную работу молодых специалистов, обученных специально для государственной гражданской службы по заказу, с учетом специфики и особенностей профессиональной деятельности органа власти [1]. Так, во Франции и в Германии создаются специальные образовательные курсы при министерствах и ведомствах для обучения кадров для органов власти. В них практические работники выступают в качестве преподавателей. Государственные ведомства активно участвуют в разработке образовательной программы, используемой в учреждениях при обучении кадров для государственной гражданской службы. Программы формируются исходя из целей, должностных обязанностей и современной мировой ситуации.

Опыт зарубежных стран говорит о взаимодействии органов государственной власти и образовательных учреждений, о регулировании организационных, методических и другие основ учебной подготовки специалистов в учебных заведениях, направленных в первую очередь на создание кадрового резерва. Положителен иностранный опыт для российских высших учебных заведений в плане организации учебных занятий, их содержания, предоставления мест для прохождения студентами учебной, производственной и преддипломной практики, стажировки [2].

В различных странах мира практикуются профессиональная переподготовка и повышение квалификации уже работающих в государственном аппарате специалистов. Но о целевой подготовке кадров для государственной службы речь не идет. В связи с этим стоит говорить о творческой адаптации накопленного позитивного опыта разных стран к существующим условиям в плане организации учебного процесса в России.

Литература

1. Аверин А.Н. Социальная политика и подготовка управленческих кадров. М.: Дашков и К^о, 2014. С. 219–225.
2. Бакушев В.В., Демидов Ф.Д. Профессиональное образование в начале Нового века и подготовка государственных служащих. М.: Изд-во РАГС, 2013. С. 56–68.
3. Василенко И.А. Административные реформы в Великобритании // Государственная служба. 2011. № 2. С. 23–30.
4. Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М.: Проспект, 2013. 200 с.
5. Конов А.В. Государственная служба Франции: комплексный подход. М.: Дело, 2014. С. 15–34.
6. Кудяев П.П. Управленческие технологии профессионального развития государственных гражданских служащих [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 663–667. URL: <http://www.moluch.ru/archive/59/8542> (дата обращения: 01.02.2019).
7. Махов Е.Н. Инновационная культура в кадровой сфере. М.: Евразия+, 2015. С. 149–157.
8. Национальная школа администрации Франции (ENA) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vparis.net/vysshie-shkoly-frantsii/natsionalnaya-shkola-administratsii-frantsii-ena.html> (дата обращения: 01.02.2019).
9. Основы государственной службы и кадровой политики [Электронный ресурс] // Правовая база и принципы профессионального развития гражданских служащих. URL: <http://isfic.info/gossab/civserv87.htm> (дата обращения: 01.02.2019).
10. A Brilliant Civil Service. Available at: <https://civilservice.blog.gov.uk/category/a-brilliant-civil-service> (Accessed 6 February 2019).
11. How the Civil Service Local Academy can help you fulfill your potential. Available at: <https://civilservice.blog.gov.uk/2019/01/10/how-the-civil-service-local-academy-can-help-you-fulfil-your-potential> (Accessed 6 February 2019).
12. UK Government Civil Service Training A training programme to embed design thinking within the work of UK public servants Available at: <http://designforeurope.eu/case-study/uk-government-civil-service-training> (Accessed 5 February 2019).

V. GVOZDEV

FOREIGN EXPERIENCE IN TRAINING STAFF FOR STATE CIVIL SERVICE

Key words: professional staff training, recruitment, career development, government officials, personnel reserve.

The purpose of this article is to consider the experience in organizing the education system of government officials in several European countries. The novelty of the work is determined by the use of not only domestic authors' research on the problem of the article, but by materials of foreign public service sites as well. The article analyses staff training for the state management in Great Britain. Organization of training in the French National School of Management is studied. A multi-level structure of training government officials in Germany is considered. Emphasis is placed on participation of professional personnel of state administration bodies in staff training. The practical significance of the article lies in the possibility of applying the experience described in it in practical staff training for the civil service in our country. It is deemed promising to study traditions and innovations in training government officials not only in Western but in some eastern countries as well, for example, in Japan. In this case, of course, it is important to take into account Russian conditions and opportunities.

References

1. Averin A.N. *Sotsialnaya politika i podgotovka upravlencheskikh kadrov* [Social policy and management training]. Moscow, Dashkov i K^o Publ., 2014, pp. 219–225.
2. Bakushev V.V., Demidov F.D. *Professionalnoye obrazovaniye v nachale Novogo veka i podgotovka gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Vocational education at the beginning of the New Century and the training of civil servants]. Moscow, RAGS Publ., 2013, pp. 56–68.
3. Vasilenko I.A. *Administrativnyye reformy v Velikobritanii* [Administrative Reforms in the UK]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public administration], 2011, no. 2, pp. 23–30.
4. Vasilenko I.A. *Administrativno-gosudarstvennoye upravleniye v stranakh Zapada: SShA, Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya* [Administrative and state management in Western countries: USA, UK, France, Germany]. Moscow, Prospekt Publ., 2013, 200 p.
5. Konov A.V. *Gosudarstvennaya sluzhba Frantsii: kompleksnyy podkhod* [Public Service of France: an integrated approach]. Moscow: Publ. Delo. 2014. pp. 15 – 34.
6. Kudayev P.P. *Upravlencheskiye tekhnologii professionalnogo razvitiya gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh* [Managerial technologies for professional development of civil servants]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2013, no. 12, pp. 663–667. Available at: <http://www.moluch.ru/archive/59/8542/> (Accessed 1 February 2019).
7. Makhov E.N. *Innovatsionnaya kultura v kadrovoi sfere* [Innovative culture in the field of personnel]. Moscow, Evraziya+ Publ., 2015, pp. 149–157.
8. National School of Administration of France. Available at: <http://www.vparis.net/vysshie-shkoly-frantsii/natsionalnaya-shkola-administratsii-frantsii-ena.html> (Accessed 1 February 2019).
9. Fundamentals of civil service and personnel policy [Legal framework and principles professional development of civil servants]. Available at: <http://isfic.info/gossab/civserv87.htm> (Accessed 1 February 2019).
10. A Brilliant Civil Service. Available at: <https://civilservice.blog.gov.uk/category/a-brilliant-civil-service> (Accessed 6 February 2019).
11. How the Civil Service Local Academy can help you fulfill your potential. Available at: <https://civilservice.blog.gov.uk/2019/01/10/how-the-civil-service-local-academy-can-help-you-fulfil-your-potential/> (Accessed 6 February 2019).
12. UK Government Civil Service Training A training programme to embed design thinking within the work of UK public servants Available as: <http://designforeurope.eu/case-study/uk-government-civil-service-training> (Accessed 5 February 2019).

GVOZDEV VASILY – Post-Graduate Student of History Department, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk (v.gvozdev@bk.ru).

Формат цитирования: Гвоздев В.А. Зарубежный опыт подготовки кадров для государственной гражданской службы // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 29–34.

УДК 94:[271.22-774-543.7:316.34](093)(470.344)"17/18"
ББК ТЗ(2Рос.Чув)5-37-28ю19+Э372.240.91(2Рос.Чув-895)ю19

А.Н. ЕВДОКИМОВА

ИСПОВЕДНЫЕ ВЕДОМОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ПРИХОЖАН ЧУВАШСКИХ ПРИХОДОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: исповедные ведомости, православный приход, социальная структура, православная церковь, исповедь и причастие.

В статье анализируются особенности социальной структуры чувашских приходов Казанской губернии, зафиксированные в материалах демографического учета населения. Предложены результаты исследования исповедных ведомостей (духовных росписей) как исторического источника по изучению социального состава приходского населения Чувашского края в 1781–1860-х гг. Раскрыта специфика составления, структура документа, степень информативности, причины изменения количественных характеристик прихода вне связи с демографическими процессами. Отдельно рассмотрена структура городских и сельских приходов, удельный вес социальных прослоек в указанное время. Показано, что достаточно сложно определить сословную принадлежность прихожан исходя только из данных документов. Выявлены изменения социальных прослоек приходского населения на протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. Уделено внимание вопросу исполнения формально крещеным чувашским населением христианских таинств исповеди и причастия. Показаны причины отстраненности прихожан и членов семей духовных лиц от активного участия в реализации предписаний православной церкви.

На протяжении ряда веков Российское государство, инкорпорируя в свой состав многочисленные народы и руководствуясь необходимостью сохранения православия как официального вероисповедания, стремилось распространить христианство среди нерусских этносов Поволжья. Если в XVI–XVIII вв. действия властей в этом направлении были безуспешными, с последней трети XIX в. благодаря реализации принципов «системы Н.И. Ильминского» инородческое население все более вовлекалось в сферу государственной религии.

В связи с этим своеобразным этапом в христианизации является эпоха с конца XVIII в. до начала пореформенного периода. После подавления крестьянского бунта Е. Пугачева было очевидно, что для нерусского населения Среднего Поволжья православное духовенство считалось едва ли не главным врагом народа, а местная гражданская администрация вела крайне неэффективную деятельность. Необходимо было определить место, роль и статус приходского духовенства в социальной системе общества, разработать новые, просветительские меры работы православной церкви с формально крещеным населением. Именно с 1781 г. в крае проводилась губернская реформа Екатерины II, одновременно происходила и реорганизация приходов, подконтрольных сначала духовным заказам, а впоследствии Чебоксарскому или Козьмодемьянскому духовным правлениям. Значительная часть приходского населения проживала в трех чувашских уездах Казанской губернии: Чебоксарском, Цивильском, Ядринском, которые в исторической литературе именуются местом компактного проживания чувашей, или же Чувашским краем. На протяжении первой половины XIX в. отдельные представители церкви и власти предпринимали попытки изменить отношение чувашей к приходскому духовенству и к религии в целом. В частности, это выражалось в повышении образовательного уровня клира, ужесточении наказаний за совершенные им проступки, переводе служащего причта на государствен-

ное жалование в целях уменьшения злоупотреблений при проведении богослужений и в реализации других, особенно общественных, функций.

Местные священнослужители составляли несколько видов документов статистико-демографического учета населения: ревизские сказки, метрические книги, исповедные ведомости, о самих духовных лицах вышестоящее церковное руководство в лице благочинного священника формировало клировые ведомости. Наиболее информативными о численности прихожан на тот или иной год являются духовные росписи, или исповедные ведомости, поскольку именно они показывали наличность населения на момент проверки священниками исполнения двух основных обязанностей прихожан: исповеди и причастия. Помимо этого росписи включали в своем составе несколько групп населения, в том числе неподатные сословия и женское население, чего не было в фискальных документах. Объемные, внешне чем-то напоминающие метрические книги, сохранились по многим чувашским приходам Казанской губернии. Типичная картина по сословным группам в городской документации выглядела следующим образом: духовные с детьми, как состоящие в штате, так и заштатные и сиротствующие, военные, «ландмилиция», приказные, разночинцы, посадские, «птичьи помытчики», дворяне, поселяне; к последним относили жителей близлежащих деревень, а именно экономических или ясачных крестьян [4. Д. 2. Л. 2–7]. В сельской местности такого разнообразия не могло быть по объективным причинам, здесь это духовные, отставные военные, крестьяне.

В ряде источников, в частности, по Ядрину, до начала 1840-х гг. «посадское население» разделялось на прослойки цеховых, мещан и купцов. Невозможно однозначно определить причины такой дифференциации, как и то, почему не всегда духовные росписи разбивали городские слои на разряды. Пожалуй, причты ядринских городских приходов были наиболее щепетильны в определении сословной принадлежности прихожан: в 1780-х гг. в росписях указаны «духовные», сторож Курмышского правления с семьей, приказные, штаб-обер-офицеры, купцы и мещане, канцеляристы, «солдаты в подушном окладе», разночинцы, дворовые, крестьяне [6. Д. 1. Л. 1–15; Д. 20. Л. 21; Д. 27. Л. 19]. Однозначно, что для исследователя, занимающегося социальной историей уездных городов, потребуются и другие демографические материалы.

В раздел «чиновники» вносились подворные списки о постоянно проживающих в городах служащих и заштатных чиновниках («статские»); добавлялись сведения о технических работниках уездных учреждений (в посемейных списках указываются должности секретаря, писца, копииста), которые не получили за время службы никакого чина и их выделяли в особую графу «приказные». Записи могли включать в себе краткую информацию о главе и членах семьи прихожанина, возрасте, данные о прислуге, постоянно проживающих в домохозяйствах чиновников из крестьянского или мещанского сословий. В редких случаях фиксировались городничие, исправники [8. С. 89].

В сельских приходах заметно представлена категория прихожан «военные отставные», мало чем отличающаяся в социальном статусе от крестьянства. Очевидно, что это отслужившие свой срок в армии рекруты. До 1860-х гг. принадлежность к сословной группе прихожанина косвенно указывала его занятая, т.е. исповедные ведомости дают возможность раскрыть род профессиональной деятельности жителей края.

В 1841 г. в документах была упразднена категория разночинцев, включавшая не состоявших на службе мелкопоместных или беспоместных дворян, различных «городовых служивых», ямщиков, однодворцев, которых невозможно определить к конкретной устойчивой социальной группе [9. С. 81]. При этом по Чебоксарскому уезду и за 1860 г. разночинцы указаны. В середине XIX в. в структуре городского населения можно наблюдать духовных, военных, статских, горожан, дворовых и крестьян.

Исследователи давно обратили внимание на расхождение численных данных, отраженных в духовных росписях, с демографическими источниками иного назначения [1. С. 100]. Не исключением стали и чувашские приходы Казанской епархии: расхождения с материалами клировых ведомостей могут составлять порядка 10%, и надо учитывать, что при помощи духовных росписей и составляемых на их основе сводных таблиц можно выявить не только социальную структуру православного прихода, но и определенный уровень восприимчивости православного вероучения населением, среди первостепенных признаков которого выделялись исповедь и причастие.

Формально документы к прихожанам относили и раскольников, однако их не учитывали при наблюдении христианских таинств, чаще всего сведения об их местожительстве и статусе указывались отдельно. Проживали они в Чебоксарах и близлежащих селениях, в селах Сундырь и Кушниково Чебоксарского уезда, Можарки Цивильского уезда. В исповедных ведомостях 1780–1790-х гг. раскольники практически не отображены, а в ведомости 1800 г. их уже несколько дворов, в которых проживало 96 мужчин, 127 женщин (только в Чебоксарском уезде, по Цивильскому уезду в с. Можарки их нет), а в 1850 г. всего их было зарегистрировано 106 мужчин и 141 женщина по двум уездам [4. Д. 71. Л. 21, 62, 100, 116, 134, 153, 170, 247, 1021, 1040; 5. Д. 30. Л. 1024]. Также они проживали в с. Русская Сорма Козьмодемьянского уезда. Фиксировались раскольники и в клировых ведомостях, по социальному статусу это купцы, мещане, крестьяне.

Рассмотрим социальный состав прихожан уездных городов Чувашии за разные годы. Численность прихожан по трех уездам медленно, но неуклонно росла, менялось и количество приходов. Если по состоянию на 1781 г. было зафиксировано 40 приходов в двух уездах, то в 1790 г. – 43, впоследствии их число увеличится в связи с тем, что часть приходов будет передана в ведение Свияжского духовного правления, но в состав Чебоксарского духовного правления включатся приходы, ранее подконтрольные Козьмодемьянскому духовному правлению, будут открыты и новые приходы на протяжении первой половины XIX в., к 1840 г. приходов, подконтрольных Чебоксарскому духовному правлению, станет 60 (34 – в Чебоксарском уезде, 24 – Цивильском), многие из которых были двух или трехштатными.

Зачастую регистрация населения конкретно к одному уезду весьма условна. Некоторые городские и сельские приходы включали в свой состав селения других уездов. Например, приходы Покровской и Благовещенской церквей г. Чебоксары контролировали прихожан в деревнях Чандорово и Яуши Козьмодемьянского уезда соответственно. Два сельских прихода Чебоксарского уезда в 1830 г. подчиняли себе селения Цивильского и Свияжского уездов. Четыре ядринские сельские церкви в 1830 г. и в 1860 г. имели прихожан в Козьмодемьянском и две ядринские – в Чебоксарском уездах. Неоднородными были и приходы Цивильского уезда: к ним относились чебоксарские

деревни, ядринские, тетюшские, свияжские [4. Д. 2. Л. 3–827; Д. 11. Л. 9–1209; Д. 21. № 1-63; Д. 31. Л. 7–918; Д. 41. № 1-33; Д. 52. Л. 21–1023; Д. 61. Л. 21–1172; Д. 71. Л. 21–1107; Д. 81. № 1-21; 5. Д. 2. Л. 4–853; Д. 13. Л. 59–1191; Д. 18. Л. 22–1214; Д. 30. Л. 33–1118; Д. 39. Л. 35–1778; 6. Д. 1. Л. 14–377; Д. 6. Л. 9–292; Д. 12. № 1-31; Д. 20. Л. 21–1418; Д. 27. Л. 19–1257; Д. 37. Л. 19–1387].

Социальный состав населения уездных городов Чувашии за указанное время принципиально не изменился. Всего к г. Чебоксары относилось 4102 прихожанина в 1781 г., 5938 – в 1800 г., 3867 – в 1830 г., что заметно меньше и объясняется это может отчуждением ряда деревень от городских храмов. В 1860 г. в них было зафиксировано 3165 человек. К гражданским городским храмам относилось прихожан: в 1781 г. – 2943 человека, в 1800 г. – 3928, в 1830 г. – только 1037, в 1860 г. – 1119 человек. Сохранившиеся данные по г. Ядрин несколько отрывочны, в расчет берутся 1783, 1830, 1860 гг. В 1783 г. всего прихожан по городским храмам было 1596, в 1830 г. – 2132, в 1860 г. – 3275 человек.

Заметна доля крестьян, приписанных к городским храмам, но проживающих в уезде. В 1781 г. к гражданским приходам Чебоксар относилось 1833 человека из крестьян, что составляло 45% от общей массы церковного приходского населения, в то же время в г. Цивильск крестьян-прихожан было 2208 человек, или 75%. В 1800 г. к чебоксарским гражданским храмам относилось 2280 прихожан-крестьян, что составляло 38% всего состава населения, в 1830 г. их число сократилось до 364 человек, или до 9%. В 1860 г. было 385 крестьян, что составляло 12% от состава зарегистрированных прихожан.

В Цивильске к 1800 г. сохранялся высокий удельный состав крестьян-прихожан в общей массе приходского населения до 76%, составляя 2980 прихожан. В 1830 г. сельских прихожан здесь станет 196 душ обоего пола, или 18,9% населения. В 1860 г. крестьян здесь числилось 236 человек, или 21% от общей численности прихожан.

В г. Ядрин, по сохранившимся данным на 1783 г., 364 человек – это крестьяне по правовому состоянию, или 22,3% от всего состава прихожан. В 1830 г. крестьян-прихожан здесь зафиксировано 881, или 55%, в 1860 г. – 1442 человека, или 44% от общей массы прихожан [4. Д. 21. № 1–10, 38–39; Д. 52. Л. 21–185; Д. 81. № 1–8; 5. Д. 13. Л. 59–77; Д. 39. № 1–2; Оп. 9. Д. 12. Л. 11–63; Д. 37. Л. 19–63]. В 20–30-е гг. XIX в. можно наблюдать сокращение доли крестьянского населения, вызванное переходом государственных крестьян в разряды городского населения, обусловленное наличием промыслов в городе, недвижимости или капитала [10. С. 35, 38], а также отписанием сельских прихожан от городских храмов к уездным.

Посадских в г. Чебоксары в 1781 г. было 1427 человек обоего пола, или 34,8%, в 1800 г. – уже 2668, или 45%; в Цивильске в 1781 г. и 1800 гг. их было 367 и 455, соответственно, это немногим более 12%. В г. Чебоксары в 1830 г. посадских было 2906 человек, или 75% от всего населения, в 1860 г. – 2225 человек, или 70%. В Цивильске в 1830 г. данная прослойка составила 486 человек, или 46,8%, в 1860 г. их число увеличится до 654, что будет составлять 58,4%.

В Ядрине в 1783 г. «посадские» прихожане (739 человек) представляли почти половину всех жителей данного города, затем к 1830 г. их удельный вес понизится до 27% (585 человек) и вновь вернется к прежним в 1860 г. – доля посадских будет составлять 46% (1515 человек – это посадские слои).

Достаточно пространной и мало определённой по правовому статусу и социальному положению следует считать группу прихожан, которых условно объединяли в категорию «военные»; обычно в духовных росписях и сводных экстрактах их указывали вторыми вслед за приходским духовенством. Вероятно, это отставные, занимавшиеся хлебопашеством, мелкими промыслами, становившиеся прислугой, по крайней мере их возраст косвенно указывает на данную специфику положения, к военным относились и их жены, дети. Рассмотрим удельный вес таковых прихожан, зарегистрированных к городским приходам. В г. Чебоксары в 1781 г. их было 217 душ обоего пола, или 5,2%, в 1800 г. – 221, или 3,7%, в 1830 г. – также 221, но при этом мужчин 21, женщин – 200, итого это 5,7% от всех прихожан, в 1860 г. их было 317 человек (вновь при доминировании лиц женского пола, их 190 против 127 мужчин), или 10%.

В г. Цивильск в 1781 г. было 102 лица из военных, или 3,4%, в 1800 г. – 129, или также 3,4% от всего населения, в 1830 г. – 172 человека при доминировании женщин, или 16,5% населения, в 1860 г. их число снизилось до 111, что составляло почти 10%. В г. Ядрин военных в 1783 г. было 396, или 24,8%, в 1830 г. – 309, или 14,5%, в 1860 г. – 146 человек при доминировании женщин (93 против 53 мужчин), что составляло 4,5% от всей массы прихожан.

Дворовые люди, принадлежавшие дворянству и купечеству, составляли в Чебоксарах в 1781 г. 431 человек, или 10,5%, в 1800 г. – 456, или 7,6%, в 1830 г. – 170, или 4%, в 1860 г. – 19, или 0,6%. В Ядрине в 1783 г. было 67 дворовых, или 4%, в 1830 г. – 114, или 5,4%, в 1860 – 18 человек, или 0,5%. В Цивильске дворовых в 1781 г. было 216 человек, 7%, в 1800 г. – 235, или около 6%, затем удельный вес дворовых вырос к 1830 г. до 9,7%, составляя 101 человек. В 1860 г. исповедная ведомость уже не выделяет данную прослойку населения.

Различные прослойки мелкого чиновничества, которые в ведомостях объединялись под категорией приказных служителей, а затем применительно к ним использовали термин «статские», в 1781 г. в г. Чебоксары составили 1% (41 человек), в Цивильске – 0,7% (23), в Ядрине в 1783 г. – 0,5% (9 человек). Затем их удельный вес заметно повышается: в 1800 г. по Чебоксарам – 1,7% (100), в Цивильске – 15% (60 человек). В 1830 г. в Чебоксарах чиновников-прихожан 2,3% (90 человек), в Цивильске – почти 8% (82), в Ядрине – 5,3% (113). В 1860 г. по Чебоксарам их было 6,9% (219 человек), в Цивильске – 10,5% (118), в Ядрине – 4,7% (154) [4. Д. 21. № 1–10, 38–39; Д. 52. Л. 21–185; Д. 81. № 1–8; 5. Д. 13. Л. 59–77; Д. 39. № 1–2; 6. Д. 12. Л. 11–63; Д. 37. Л. 19–63].

Разночинцами весьма условно можно считать различные промежуточные категории лиц, но в некоторых исповедных ведомостях указывалось, что данные лица являлись разночинцами, в более раннее время – это служащие ландмилиции и птичьи помытчики. Птичьи помытчики – это группа лиц, занимавшаяся царской охотой и в указанное время на самом деле не существующая, но к ним формально относились их потомки, в будущем в 1827 г. будут причислены к государственным крестьянам. К ландмилиции относились потомки военных, служивших ранее в пограничной службе и их родственники [7. С. 20–22]. Здесь также доминирует женское население. В 1781 г. в Чебоксарах их было 153 человека (3,7%), в Цивильске – 27 (0,04%), в Ядрине – 21 (1,3%). В 1800 г. по Чебоксарам их числилось 213, или 3,6%, в Цивильске – 69 человек, или 1,8%. Затем их число снизилось по Чебоксарам к 1830 г. до 116, или до 3% от общего числа прихожан, в Цивильске их уже нет, а в Ядри-

не только в 1830 г. – 130, что составляло 0,6% от приходского населения [4. Д. 21. № 1–10, 38–39; Д. 52. Л. 21–185; Д. 81. № 1–8; 5. Д. 13. Л. 59–77; Д. 39].

В социальной структуре населения сельских приходов также не обнаружим принципиальных изменений. Большинство составляли две прослойки государственных крестьян (ясачные и называемые по старинке «бывшие экономические»).

В Чебоксарском уезде в 1800 г. из всех прихожан крестьяне составляли 99,8%, в 1830 г. – 95,5%, в 1860 г. – 90%; в Цивильском в 1800 г. – 99%, в 1830 г. – 95,7%, в 1860 г. – 95%; в Ядринском в 1830 г. – 97%, в 1860 г. – 96%. Снижение доли крестьянства связано как с оттоком населения в города, так и с причислением крестьянских семей, главы которых были отданы в рекруты, в военное сословие. Достаточно заметной здесь становится прослойки лиц, к которым привязывается определение «военные отставные», «солдатские женки и их незаконнорождённые дети», мало чем отличающиеся от обычных крестьян.

В некоторых селениях проживали мелкие помещики, дворяне, вышедшие в отставку, поэтому в исповедных ведомостях их не причисляют к военным-рекрутам. Их удельный вес в Чебоксарском и Цивильском уездах был явно незначителен. Например, в с. Кушиково Чебоксарского уезда на 1810 г. проживали 21 душа мужского пола и 38 женщин из дворянства, в 1830 г. их только 6 мужчин и 25 женщин, соответственно, они выражали в общей массе прихожан 0,01–0,07%. Появился помещик и в Ядринском уезде – им был отставной губернский секретарь Ушаков вместе со своей женой, поселившийся в 1840-х гг. в с. Кошлоуши Ядринского уезда [6. Д. 27. Л. 461]. Соответственно, дворовые проживали в помещичьих селениях Цивильского и Чебоксарского уездов. Удельный вес дворовых людей в Цивильском уезде в 1800 г. составлял 0,8%, в 1830 г. – 0,5%, в 1860 г. – 0,4%; в Чебоксарском уезде в 1800 г. – 0,07%, в 1830 и 1860 гг. – по 0,4% [4. Д. 21. № 38–63; Д. 52. Л. 213–1023; Д. 81. № 1–21; 5. Д. 13. Л. 111–1191; Д. 39. № 3–26; 6. Д. 12. № 5–31; Д. 37. Л. 86–1387].

В 1856 г. с. Сундырь изменило свой статус и стало именоваться Мариинским Посадом, в 1860 г. здесь проживало 1238 мужчин и 1470 женщин из мещан и купцов. В остальных селениях процент «посадских» в разные годы не превышал 0,05% от общей численности населения. К сельским приходам относились и разночинцы. В частности, в 1830 г. к ним по Чебоксарскому уезду достаточно условно отнесли категорию «пахотные солдаты», которые, как считает исследователь А.С. Тургаев, лишь в 1832 г. были отнесены к государственным крестьянам [11. С. 30]. В 1860 г. к разночинцам мы отнесли лесничих Яндашевского прихода и вольноотпущенных.

Исповедные ведомости не отражают национального состава приходов, однако данная информация достаточно полно представлена клировыми ведомостями или ревизскими сказками. Очевидно, в городах проживало русское население. В частности, клировые ведомости за разные годы по сельским приходам показывают высокий удельный вес чувашей (учитывается только мужское население): в Чебоксарском уезде их 92,8%, русских 6,6%, татар 0,6%; в Цивильском – 94%, русских 5,5%, крещеных татар 0,5%; в Ядринском уезде – 96,5%, русских 3,5% [3. Д. 52. Л. 78–337].

В 1850 г. в Чебоксарском уезде прихожанами из чувашей было 89,8%, русских 10%, татар 0,2%; в Цивильском уезде 96,4% – чувашаи, 0,6% – татары, 3% – русские. В Ядринском уезде представлены два народа: чувашей было 96,3%, русских 3,7% [2. Д. 257. Л. 6–331].

**Численность приходского населения Чувашского края
в 1781–1860 гг.**

Годы	Уезды											
	Чебоксарский			Цивильский			Ядринский			ИТОГО		
	м. п.	ж. п.	всего	м. п.	ж. п.	всего	м. п.	ж. п.	всего	м. п.	ж. п.	всего
1781*	8141	9146	17287	5827	5368	11195	9277	8645	17922	23245	23159	46404
1800	27381	27900	55281	24070	23567	47637	-	-	-	51451	51467	102918
1830	30653	33872	64525	38021	41211	79232	42844	46649	89493	111518	121732	233250
1860	35462	37207	72669	49092	52358	101450	53749	56426	110175	138303	145991	284294

Источник. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 225 [4. Д. 2; Л. 3–827; Д. 11. Л. 9–1209; Д. 21. № 1-63; Д. 31. Л. 7–918; Д. 41. № 1-33; Д. 52. Л. 21–1023; Д. 61. Л. 21–1172; Д. 71. Л. 21–1107; Д. 81. № 1–21; 5. Д. 2. Л. 4–853; Д. 13. Л. 59–1191; Д. 18. Л. 22–1214; Д. 30. Л. 33–1118; Д. 39. Л. 35–1778; 6. Д. 1. Л. 14–377; Д. 6. Л. 9–292; Д. 12. № 1-31; Д. 20. Л. 21–1418; Д. 27. Л. 19–1257; Д. 37. Л. 19–1387].

Не только в многочисленных отчетах епархиальных архиереев, но и в демографической статистике конца XVIII в. чувашское сельское население воспринималось как полностью христианское, поскольку даже единственное за год посещение крестьянином церкви или приглашение священника на дом для выполнения православной требы могло впоследствии отображаться в ведомости, что человек «был на исповеди и у святого причастия».

Духовная роспись делилась на несколько столбцов: по социальной принадлежности раскрывались следующие аспекты исполнения христианских таинств: «исповедавшиеся и причастившиеся», «исповедавшиеся, не причастившиеся», «не исповедавшиеся за малолетством» (не достигшие семи лет), по сельским приходам в некоторых документах дополнительно создавался столбец «не исповедавшиеся за престарелостью» или «не исповедавшиеся за нерачением». Рассматривая отдельные приходские дворы и семьи, можно обнаружить то, что далеко не все члены семьи добросовестно ходили в храм: кто-то выполнил оба таинства, кто-то одно, были из категории военных и крестьян не являвшиеся в храм по «причине отлучки» или не исповедавшиеся «по совету священника», или применительно к крестьянам – «беспричинно». Сами священно и церковнослужители исповедались и причащались в том храме, где служил их духовник. Например, шесть иереев городских приходов Чебоксар, полковой священник и настоятель Покровской церкви с. Ишлеи причащались и исповедались в начале 1780-х гг. в Николаевском соборе. Неоднозначно можно относиться и к деятельности самих священников по составлению росписей и к контролю благочинных в этой сфере. В некоторых приходских деревнях жители всех подведомственных деревень по документам добросовестно исполняли православные таинства, в других же из 10-13 приходских селений жители 2-3 деревень продолжали считаться язычниками, как в случае с чувашами деревень Атнашево, Аттиково, Шукулово в 1790 г., которые подчинялись в церковно-административном плане второму причту села Шихазаново Цивильского уезда.

Не все было гладко с особым разрядом лиц, принадлежащих к духовному сословию. Речь идет о «сиротствующих» и «заштатных», членах их семей. Например, дочь дьяка причта одного из известных соборов Чебоксар – Введенского – к 1800 г. не причащалась за нерачением более 20 лет, а у причта с. Карамышево Цивильского уезда шесть женщин, включая жен самого священника (Мария Андреева) и дьякона (Варвара Гаврилова), молодые по воз-

расту, 18 и 26 лет, соответственно, пропустили таинства «по нерачению». Такие случаи будут зафиксированы в последующее время в других селениях. В заключительных частях ведомостей по тем приходам, где проживало немногочисленное помещичье крестьянство, священники отписывались тем, что предпринимали меры «к распространению христианства», что выражалось в письмах к их «владельцам с требованием, чтобы они заставляли ходить в церковь» своих подопечных, однако это не приводило к ожидаемым положительным последствиям. В новокрещенских селениях, где не было помещиков, благочинные и рядовые священники пытались опереться на административно-полицейский ресурс, неоднократно обращаясь в волостное правление в целях содействия церкви в деле улучшения показателей, но языческие представления продолжали доминировать.

После подсчета данных духовных росписей видим, что по состоянию на 1781 г. значительная масса прихожан добровольно исполняла христианские таинства. В целом невелик удельный вес приходского населения, уклонившихся от таинства исповеди. Чтобы избежать наказаний со стороны церковного руководства, священнослужители старались приукрасить действительность. По данным исповедных ведомостей за 1781 г., в Чебоксарском уезде, включая и городские, и сельские приходы, 57% прихожан исполнили таинство исповеди и причастия, но неожиданно это число к 1790 г. сократилось до 25%, в 1800 г. – до 14%, в 1810 г. и 1820 г. составило 6% и 5% от общего числа прихожан. Далее со второй трети XIX в. условно истинных христиан, т.е. тех, кто полностью исполнил долг исповеди и причастия, стало больше: в 1830 г. – это 31%, в 1840 г. – 35%, в 1850 г. – 45%, в 1860 г. – 43%. Начиная с 40-х гг. XIX в. в документах стали указывать другие причины неисполнения исповеди (помимо традиционной, ранее указывавшийся «по совету духовника»): отъезды из селения или болезни. Похожей была ситуация в Цивильском уезде. Здесь в 1781 г. тоже достаточно впечатляющая картина по соблюдению христианских таинств – 54% прихожан, в том числе крещеные чуваша, формально продолжали считаться верующими. В 1790 г. доля лиц, исполнивших таинство исповеди и причастия, сократилась до 17%, в 1800 г. – до 12%, в 1810 г. – до 4%, в 1820 г. упала до 2%, затем стала повышаться с 23% в 1830 г. до 29% в 1860 г. Гораздо оптимистичнее выглядит картина в Ядринском уезде: в 1783 г. 41% прихожан отмечен как побывавший на исповеди и причастии, в 1790 г. таковых 39%, в 1830 г. – 23% и далее небольшой рост: в 1840 г. это 28%, в 1850 г. – 38%, в 1860 г. – 44% [4. Д. 2; Л. 3–827; Д. 11. Л. 9–1209; Д. 21. № 1-63; Д. 31. Л. 7–918; Д. 41. № 1–33; Д. 52. Л. 21–1023; Д. 61. Л. 21–1172; Д. 71. Л. 21–1107; Д. 81. № 1–21; 5. Д. 2. Л. 4–853; Д. 13. Л. 59–1191; Д. 18. Л. 22–1214; Д. 30. Л. 33–1118; Д. 39. Л. 35–1778; 6. Д. 1. Л. 14–377; Д. 6. Л. 9–292; Д. 12. № 1–31; Д. 20. Л. 21–1418; Д. 27. Л. 19–1257; Д. 37. Л. 19–1387].

Указанные показатели можно считать более объективными, поскольку в эти годы священнослужители стали больше внимания, чем раньше, уделять своим должностным обязанностям, повысился и образовательный и нравственный уровень духовенства, улучшилось его материальное положение в связи с проведением особой реформы в отношении приходского населения 1842 г. Они старались привлечь в храмы большее число прихожан во избежание дальнейшего наказания со стороны вышестоящего церковного начальства, этому способствовали и преследования чувашей гражданскими властями.

ми. С другой стороны, клир приписывал изредка заходивших в церковь крестьян как реализовавших свои обязанности, о чем неоднократно писали в последующие десятилетия в «Известиях по Казанской епархии» и церковно-приходских летописях священнослужители. Разумеется, основываясь на этих данных, невозможно в полной мере отразить действительный уровень религиозности чувашского населения, поскольку, кроме них, есть и другие показатели восприятия православного вероучения и обрядности. Таким образом, исповедные ведомости как вид источника о демографическом учете населения позволяют раскрыть следующие вопросы: положение конкретной приходской семьи и изменение ее состава на протяжении длительного времени, демографическая структура общества, отношение к исполнению христианских таинств, населенность приходов, количество приходских деревень, соотношение служащего и неслужащего духовенства, миграционные процессы, причины невыполнения предписаний православного вероучения.

Литература

1. Асочакова В.Н. Материалы церковного учета населения как источник изучения крещения коренных народов Сибири (на примере Хакаско-Минусинского края) // *Magistra Vitae*. 2009. № 4(142). С. 96–100.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 225. Оп. 1.
3. ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2.
4. ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 7.
5. ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 8.
6. ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 9.
7. Дмитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары: очерки истории города XVIII в. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 446 с.
8. Дмитриев С.К. Источники по численности городского населения Чувашии в первой половине XIX века // Исследования по истории дореволюционной Чувашии / НИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1989. С. 83–98.
9. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 273 с.
10. Погодин Е.П. Социально-экономическое развитие городов Чувашии в первой половине XIX века // Вопросы истории дореволюционной Чувашии / ЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1984. С. 34–44.
11. Тургаев А.С. К вопросу о составе населения на границах Российской империи в XVIII – начале XIX века // *Экономическая история*. 2012. № 1(16) С. 27–30.

ЕВДОКИМОВА АНЖЕЛИКА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (savelika76@mail.ru).

A. EVDOKIMOVA

CONFESSIONAL STATEMENTS AS A HISTORICAL SOURCE OF CHURCH MEMBERS' SOCIAL STRUCTURE IN CHUVASH PARISHES OF KAZAN GOVERNORATE AT THE END OF THE 18th – FIRST HALF OF THE 19th CENTURIES

Key words: *confessional statements, orthodox parish, social structure, Orthodox Church, confession and communion.*

The article analyzes the features of the social structure in Chuvash parishes of Kazan governorate, recorded in the materials of demographic census registration. It offers the results of studying confessional statements (spiritual signed documents) as a historical source for studying the social structure of parish population of the Chuvash region in 1781–1860. The article reveals specificity of drawing up the document, its structure, the degree of informative value, the reasons for changing the quantitative characteristics of the parish without reference to demographic processes. The structure of urban and rural parishes and the

specific weight of social strata at the specified time are examined separately. It is shown that it is quite difficult to determine the class belonging of parishioners based only on these documents. Changes in the social strata of the parish population during the late 18th – first half of the 19th centuries are revealed. Attention is paid to the issue of performing Christian sacraments of confession and communion by formally baptized Chuvash population. The reasons for remoteness of parishioners and family members of the clergy from active participation in implementing the Orthodox Church regulations are shown.

References

1. Asochakova V.N. *Materialy tserkovnogo ucheta naseleniya kak istochnik izucheniya kreshcheniya korennykh narodov Sibiri (na primere Khakassko-Minusinskogo kraja)* [Church registration materials as a source of study of baptism of the indigenous peoples of Siberia (by the example of the Khakass-Minusinskii Region)]. *Magistra Vitae*, 2009, no. 4(142), pp. 96–100.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 225. Op. 1* [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 225. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 225. Op. 2* [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 225. Anagraph 2].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 225. Op. 7* [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 225. Anagraph 7].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 225. Op. 8* [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 225. Anagraph 8].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 225. Op. 9* [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 225. Anagraph 9].
7. Dimitriev V.D, Selivanova S.A. *Cheboksary: ocherki istorii goroda XVIII v.* [Cheboksary: Essays on the history of the city in the 18th century]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, 446 p.
8. Dmitriev S.K. *Istochniki po chislennosti gorodskogo naseleniya Chuvashii v pervoi polovine XIX veka* [Sources on urban population Explosion in the first half of the nineteenth century]. In: *Issledovaniya po istorii dorevolutsionnoi Chuvashii* [Research on the history of pre-revolutionary Chuvashia]. Cheboksary, 1989, pp. 83–98.
9. Mironov B.N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: Demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [Russian city in 1740–1860: the demographic, social and economic development]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 273 p.
10. Pogodin E.P. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov Chuvashii v pervoi polovine XIX veka* [Socio-economic development of the cities of Chuvashia in the first half of the nineteenth century]. In: *Voprosy istorii dorevolutsionnoi Chuvashii* [The history of pre-revolutionary Chuvashia]. Cheboksary, 1984, pp. 34–44.
11. Turgaev A.S. *K voprosu o sostave naseleniya na granitsakh Rossiiskoi imperii v XVIII-nachale XIX veka* [To the question of the composition of the population on the borders of the Russian Empire in the 18th and early 19th century]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2012, no. 1(16), pp. 27–30.

EVDOKIMOVA ANZHELIKA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (savelika76@mail.ru).

Формат цитирования: Евдокимова А.Н. Исповедные ведомости как исторический источник о социальном составе прихожан чувашских приходов Казанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 35–44.

УДК 94(470.344-25)Чебоксары:355.469.22.01"364"
ББК ТЗ(2Рос.Чув-2Чев)622,67

Л.А. ЕФИМОВ

БОМБАРДИРОВКА г. ЧЕБОКСАРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чебоксары, немецкий самолет, бомбардировка, листовки, погибшие, раненые, разрушенные здания, расследование НКВД, материальный и моральный ущерб.

В статье на основе архивных материалов Государственного исторического архива Чувашской Республики, ранее находившихся под грифом «секретно», воспоминания очевидцев бомбардировки, других справочных источников исследуются события, связанные с воздушным налетом немецкого самолета на г. Чебоксары 4 ноября 1941 г. Город Чебоксары мог представлять военный интерес для немцев, так как тут были размещены военные заводы и воинские формирования. В конце сентября 1941 г. на советско-германском фронте началась битва под Москвой. Гитлеровское командование, готовясь к операции «Тайфун», рассчитывало прорваться к Москве и овладеть ею. По правому берегу реки Сура началось возведение оборонительных сооружений. В первых числах ноября наступление противника на Москву было остановлено почти на всех направлениях. В период фронтового затишья и был совершен авиационный налет немецкого бомбардировщика на г. Чебоксары. Столица Чувашии находилась примерно в 550–600 км от линии фронта. Автором рассматриваются пять версий бомбардировки города, предполагаемые типы самолета, совершившего воздушный налет. Исследование показывает, что во исполнение приказа НКВД СССР от 25 февраля 1942 г. Чебоксарским Горкомхозом был составлен акт, в котором подробно указаны разрушения, убытки и жертвы. По данным расследования, проведенного с участием НКВД Чувашской АССР, на г. Чебоксары были сброшены немецкие агитационные листовки, 22 бомбы, в результате чего убиты 2, ранены 18 человек, убытки от разрушений составили на 160 тыс. руб. С 5 ноября 1941 г. в Чувашии осуществлялся режим полной маскировки в Чебоксарах, Канаше, Цивильске, Алатыре, Шумерле и других населенных пунктах.

Посильный вклад в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны внесли и чебоксарцы. Оценивая вклад чувашского народа в разгром гитлеровской Германии, ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР в своем приветствии в день 25-летия Чувашской АССР (24 июня 1945 г.) отмечали, что «рабочие, крестьяне и интеллигенция Чувашии своим трудом внесли вклад в дело победы советского народа над гитлеровской Германией» [7. С. 17]. Победа ковалась как на фронтах, так и в тылу, но она досталась дорогой ценой: из 13 632 чебоксарцев, участвовавших в войне, 5038 погибли в боях, в том числе 8 женщин, 523 человека умерли от ран и болезней, а 2567 человек пропали без вести [13. С. 418]. Во время войны линия фронта по территории Чувашии не проходила, боевые действия не велись, но ее жители, как и население всей страны, ощутили на себе тяжесть военного времени. Более того, 4 ноября 1941 г. был совершен воздушный налет немецкого самолета на столицу Чувашии.

В статье автором ставится цель: используя архивные документы, изучить события 78-летней давности – бомбардировку города Чебоксары 4 ноября 1941 г., в ходе которой столице Чувашской Республики нанесен значительный материальный и моральный ущерб. В год 550-летия г. Чебоксары обращение исследовательского внимания к данной проблеме весьма актуально.

В ходе исследования нами использованы историко-генетический, историко-хронологический, историко-системный, статистический, описательно-повествовательный, математический методы исследования.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в отечественной историографии данная тема изучена недостаточно, выявленные автором архивные документы вводятся в научный оборот впервые.

В региональной историографии о факте бомбардировки имеются лишь отрывочные сведения в статье Г.А. Александрова [1. С. 108]. Данная информация, практически без изменений, вошла в «Чувашскую энциклопедию» [12. С. 333]. О воздушном налете упоминается также в «Истории Чувашии новейшего времени» [1. С. 237].

К сожалению, очевидцев данного события осталось мало, к тому же свидетельства весьма противоречивые. Отметим, что в долгое время не было подтверждающих исторических источников. Просмотр республиканских газет периода войны не дал результатов: печать военных лет хранила молчание о бомбардировке г. Чебоксары. Да и цензура не разрешала печатать такие материалы. Документы, раскрывающие подлинную картину события, нами выявлены в архивном отделе НКВД ЧАССР, которые долго хранились в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) под грифом «секретно» и не были доступны исследователям [5. Л. 1–6]. Теперь эти препятствия сняты, архивные документы позволяют достоверно осветить события 78-летней давности. Нами на страницах газеты «Советская Чувашия» была опубликована статья «Немец над городом» [8].

По воспоминаниям очевидцев, бомбардировка была совершена в темное время суток: «...Гром, не гром, ничего не поняли. Ночью было дело, и все мы выбежали на улицу. Два раза грохот раздался. Толком ничего не могли понять. Ни разу такого не слышали. Народ высыпал на улицу. Никто ничего не знает, что такое. Постояли-постояли, зашли. На другой день увидели, что здание Нарсуда было разгромлено, что было недалеко от колхозного рынка. Двухэтажное деревянное здание было разгромлено. Одна была убита. Был переполох, безусловно. Помню перекошенный дом Нарсуда. ...Потом уже, через несколько дней узнали, что за Волгой цыганский табор стоял, они жгли костры. Немцы, видимо, приняли их за воинские части, тоже бомбили. И потом еще помню, однажды пешком прошли Ишлеи – Чебоксары, через лес была шоссейная дорога. Смотрим – кругом лежат листовки. Разбросаны были они с самолета, с призывом оказать всякую помощь, кто желает перейти на сторону немцев. Полное содержание листовки точно не помню, но только отчетливо в листовке видела слово «пропуск». В Чапаевском поселке единственная школа была, пионеров и комсомольцев водили собирать эти листовки и сжигали», – так вспоминала жительница г. Чебоксары М.А. Васильева¹.

Воспоминания очевидца подтверждаются архивными документами. Так, о сброшенных немцами листовках начальник отдела госархивов НКВД ЧАССР Семенов в своем рапорте начальнику управления Государственными архивами НКВД СССР майору госбезопасности Никитинскому 24 апреля 1942 г. составил рапорт следующего содержания: «...ставлю в известность, что во время налета фашистами на территории ЧАССР были сброшены листовки, которые были собраны и сожжены. Несколько экземпляров этих листовок СПО НКВД ЧАССР направлены в НКВД СССР» [5. Л. 2].

Далее приводим выдержки воспоминаний чебоксарца К. Бакузова: «Вечер 4 ноября 1941 года был теплый, но пасмурный. Я, тогда еще школьник,

¹ Воспоминания супругов Васильевых хранятся в личном архиве Л.А. Ефимова.

вместе с другом Борей Куликовым шел домой. И вдруг послышался шум самолета – это был какой-то странный, неизвестный, я бы даже сказал, “фыркающий” звук. Над городом часто летали самолеты Пе-2, По-2, Ла, Ту, и по звуку я сразу познавал, что они наши. Но в тот вечер мы поняли, что прилетел чужой самолет, и вмиг разбежались по домам... Как сейчас помню, часы на стене показывали 19 часов 50 минут» [3].

Утром 5 ноября 1941 г. прояснилась картина ночной бомбардировки города. Трагедия подтверждается архивными документами: «Правая половина двухэтажного дома нарсуда по улице Плеханова д. № 40 в результате прямого попадания бомбы полностью разрушена до основания, а левая – расштатана. Ранено 18 человек.

От воздушной волны были разрушены окна и сени дома № 45 – дома Игумновых по этой же улице. Тяжело был ранен хозяин дома – Игумнов, который впоследствии скончался. Разрушены были окна и печи дома 6 по ул. Ворошилова. Одна бомба упала между домами №№ 33 и 35 по ул. Ленина, в результате чего в доме № 35 была тяжело ранена 3-летняя дочь Герзина, после чего последовала смерть.

Большие разрушения были по ул. Ленина: в результате взрыва бомбы около дома 25 разрушена баня, а в доме № 38 разрушены окна и перегородки. Три бомбы упали на ул. Заводская, р. Чебоксарку, в результате чего была разрушена мостовая» [5. Л. 1].

После бомбардировки центральной части города (всего было сброшено 7 бомб), фашистский бомбардировщик взял курс над Волгой в сторону пос. Сосновка, где, по воспоминаниям очевидцев, стоял цыганский табор. Летчика, очевидно, заинтересовал костер, разведенный цыганами. В результате 4 бомбы упали на р. Волга, 8 – на левой стороне реки и 3 – на Сосновку. В акте, составленном работниками Чебоксарского горжилуправления, данных о воздушном налете, разрушениях и жертвах среди мирных жителей пос. Сосновка и цыган не зафиксировано.

Вернемся к архивным документам ГИА ЧР [5. Л. 5]. Помощник НКВД ЧАССР ст. лейтенант Ермолаев в тот же день, 15 апреля 1942 г., под грифом «секретно» направляет председателю Чебоксарского городского исполкома Золотницкому отношение с предложением составить акт о бомбардировке города и представить подлинник в Архивный отдел НКВД ЧАССР:

«Приказом Народного Комиссара Внутренних Дел СССР, на архивные органы возложена задача сбора документальных материалов о зверствах и разрушениях немецким фашизмом на территории СССР. 4 ноября 1941 года гор. Чебоксары подвергся бомбардировке немецкой авиацией, в результате чего имеются разрушения и жертвы. Об этих фактах аппарат Горисполкома должен был составить соответствующий акт с указанием: даты бомбардировки, количества сброшенных бомб, в какие места города упали бомбы, количества разрушенных зданий, их стоимости и количестве человеческих жертв. Как Вам известно, акт о случившемся факте аппаратом Горисполкома до сего времени не составлен. Народный Комиссариат Внутренних Дел Чувашской АССР предлагает составить соответствующий акт по затронутому вопросу и подлинник представить в Архивный Отдел НКВД ЧАССР. Пом. Наркома Внутренних Дел ЧАССР ст. лейтенант госбезопасности Ермолаев. 15. 4. 1942 г.» [5. Л. 1].

Через 9 дней, 24 апреля 1942 г., во исполнение приказа НКВД от 25 февраля 1942 г. за № 057 начальник отдела госархивов Семенов направил ра-

порт начальнику управления государственными архивами НКВД СССР майору госбезопасности Никитинскому следующего содержания: «Секретно! Во исполнение приказа НКВД СССР от 25 февраля 1942 г. за № 057, препровожаю 1 акт, составленный Чебоксарским Горкомхозом от 5 ноября 1941 года.

Акт. Город Чебоксары, ноября 5 дня. Мы, нижеподписавшиеся Начальник Чебоксарского Горжилуправления Гаврилова А.Н., Управделами Бочарова М.А., техник-инспектор Горжилуправления Данилов В.Д., техник Горкомхоза Шелухин составили настоящий акт о нижеследующем:

4 ноября 1941 г. был совершен воздушный налет вражеского самолета, в результате чего причинены следующие разрушения, убытки и жертвы.

1. Одна бомба упала на 2-этажный дом нарсуда по ул. Плеханова, д. № 40 и правая половина полностью разрушена до основания, а левая расшатана. Для восстановления необходимо разобрать весь дом до цоколя. Предварительная стоимость восстановления – 150 тыс. рублей. Ранено 18 человек.

От воздушной волны разрушены окна и сени дома № 45 по ул. Плеханова – Игумновых. Предварительная стоимость восстановления 1400 рублей. Ранен 1 человек – Игумнов, после чего последовала смерть.

От воздушной волны разрушены окна и печи № 6 по ул. Ворошилова. Предварительная стоимость восстановления 1600 рублей.

2. Одна бомба упала между домами №№ 33 и 35 по ул. Ленина. Разрушены окна и сени обоих домов. Предварительная стоимость восстановления 1700 рублей. В доме № 35 была тяжело ранена 1 человек – 3-летняя дочь Герзина, после чего последовала смерть.

3. Одна бомба упала около дома № 25 по ул. Ленина. Разрушена баня. Предварительная стоимость восстановления 1800 рублей.

4. Одна бомба упала в огород дома № 18 по ул. Заводская, но никаких повреждений не имеется.

5. Одна бомба упала на ул. Заводская. Разрушена мостовая. Стоимость восстановления 1000 рублей.

6. Одна бомба упала в речку Чебоксарку, но никаких повреждений не имеется.

7. Одна бомба упала около дома № 38 по ул. Ленина. Разрушены окна и перегородки. Предварительная стоимость восстановления 1200 рублей.

8. 8 бомб упало на левой стороне р. Волги.

9. 3 бомбы упали на Сосновский поселок по левую сторону р. Волги.

10. 4 бомбы упали на р. Волгу» [5. Л. 4].

В связи с воздушным налетом на г. Чебоксары, с 5 ноября в Чувашии осуществлялся режим полной маскировки в Чебоксарах, Канаше, Цивильске, Алатыре, Шумерле, в пос. Козловка, в с. Тюрлема и в деревнях радиусом в 15 км от волжского моста и радиусом в 50 км во всех населенных пунктах Козловского района. Режим в республике продолжался до 1943 г. [1. С. 235].

Таким образом, документы подтверждают, что всего было сброшено на Чебоксары и окрестности 22 бомбы, в результате чего убиты два человека, ранены – 18 человек, убытки от разрушений составили 160 тыс. руб.

Подвергались ли бомбардировке в ноябре 1941 г. соседние с Чувашией регионы? Не раз бомбили г. Горький, но самые мощные авиаудары были нанесены по городу не в ноябре 1941 г., с 5 июня на 6 июня 1943 г., накануне Курской битвы. Бомбили Горьковский автозавод: 280 человек погибли, около 500 ранены. С 5 июня по 22 июня 1943 г. было всего 8 бомбовых ударов, раз-

рушены 52 здания, главный конвейер Горьковского автозавода, механико-сборочный, литейный, колесный цеха. 28 октября 1943 г. руководство Горьковского автозавода доложило ГКО о восстановлении завода [10].

Как развивались события на советско-германском фронте накануне бомбардировки г. Чебоксары? Известно, что в конце сентября 1941 г. началась битва под Москвой. Гитлеровское командование, готовясь к операции «Тайфун», рассчитывало с ходу через Смоленск прорваться к Москве и овладеть ею. На московском направлении враг сосредоточил 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков и 1390 самолетов. Советские войска, противостоявшие группе армий «Центр» на западном направлении, насчитывали около 1250 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков, 677 самолетов [4. С. 105]. Генеральное наступление гитлеровцев на Москву началось 30 сентября и продолжалось до 5 декабря 1941 г. Но в первых числах ноября наступление противника на Москву было остановлено почти на всех направлениях. В период фронтового затишья 4 ноября и совершен был авиационный налет немецкого бомбардировщика на г. Чебоксары. Столица Чувашии находилась примерно в 550–600 км от линии Западного фронта.

Рассматривая летно-тактические и технические характеристики наиболее подходящих для этой бомбардировки типов самолетов Германии, можно предположить, что это могли быть самолеты и фронтовой авиации, дальность полета которых составлял около 1000 км. Но для фронтовой авиации нужна база – надежные для дислокации самолетов аэродромы. Вследствие разрушения большинства советских аэродромов немцы могли воспользоваться дальней авиацией 2-й Воздушной армии группы «Центр» с территории Восточной Германии, Западной Украины или Белоруссии. Такими самолетами могли быть бомбардировщики типов «Хейнкель» или «Юнкерс».

«HE – 111» (Хейнкель) – пятиместный средний бомбардировщик, стоял на вооружении армии Вермахта с 1939 г., всего было изготовлено около 7000 самолетов во множестве вариантов. Мощность двигателя составляла 405 км/ч, время набора высоты 4000 м – 24 мин, потолок – 8500 м, дальность полета – 2400 км. На вооружении имелись пулеметы 7,92-мм в носу, в передней кабине, в верхней стрелковой установке, в нижней пулеметной точке, в хвостовом конусе и два пулемета по бортам фюзеляжа. Бомбовая нагрузка составляла до 2500 кг бомб [14. С. 172].

«JU – 88» (Юнкерс) – самый многоцелевой военный самолет второй мировой войны (с 1939 г.) – средний и дельный бомбардировщик, дневной и ночной истребитель, разведчик, штурмовик. Общее количество 15 000 изготовленных «JU» всех моделей подтверждает значение этого самолета. На вооружении самолета были два спаренных 7,92-мм пулемета в передней кабине, два спаренных 7,92-мм пулемета сзади у стрелка, два спаренных 7,92-мм пулемета в стрелковой точке под носовой частью. Бомбовая нагрузка достигала до 3000 кг [6. С. 352].

Допускается несколько версий о бомбардировке. По одной из них, немецкий бомбардировщик в ту роковую для чебоксарцев ночь планировал нанести бомбовые удары на г. Горький, но попал в Чебоксары. По второй версии, «наводчиком» немецкого бомбардировщика был пленный летчик из Чувашии, хорошо знавший город и его окрестности, который «вывел» на здание Нарсуда Чувашии, которое в ходе бомбардировки было разрушено почти до основания. По третьей версии, немецкого бомбардировщика интересовали

военные объекты г. Чебоксары. По четвертой версии, цель бомбардировки – посеять панику среди мирного населения. Причем с борта немецкого самолета были сброшены и агитационные листовки на русском и немецком языках. И по пятой версии – немецкий бомбардировщик «сбился» с намеченного курса и «залетел» далеко от линии фронта – в глубокий советский тыл.

Могла ли столица Чувашии представлять военный интерес для немцев и быть «мишенью»? Пожалуй, да. В ноябре 1941 г. в Чебоксарах вступил в строй секретный 320-й завод. В декабре, по сути, еще на недостроенном заводе была выпущена первая тысяча боеприпасов. Коллектив завода освоил и организовал производство 15 типов боеприпасов, в том числе были освоены впервые в СССР осветительные бомбы САБ – 100 – 55 и парашютные ракеты ПР-4 и ПР-8 [9].

В конце 1941 – начале 1942 г. в Чувашии формировались 139-я, 140-я, 141-я, 324-я, 331-я, 340-я, 354-я стрелковые дивизии, 73-й и 74-й кавалерийские дивизии, 16-я инженерно-саперная бригада, 30-я железнодорожная бригада, 293-й стрелковый полк, 18-я бригада НКВД, 11-й автомеханизированный полк, 53-й отдельный дивизион бронепоездов, 775-й штурмовой авиационный полк, 2 запасных полка связи, стрелковые, авиационные и артиллерийские запасные части, которые почти всю войну готовили и отправляли на разные фронты боевое пополнение. В 1941 г. был развернут штаб 26-й резервной армии. В рассматриваемый период население Чувашии приняло активное участие в строительстве Сурского и Казанского оборонительных рубежей, выполняя задания ГКО СССР – не допустить противника к промышленному центру – Казани.

В 1941 г. в республику прибыли частично или почти полностью оборудование и материалы 28 заводов, фабрик, цехов из западных районов страны. На момент бомбардировки были размещены и военные эвакогоспитали в Чебоксарах, Алатыре, Канаше, Козловке, Мариинском Посаде, а также в Вурнарах, Калинино и Шихазанах. К концу 1941 г. в ЧАССР уже было развернуто 17 эвакогоспиталей на 5210 коек [2. С. 22].

Таким образом, исследование показывает, что в ходе бомбардировки немецкого самолета на г. Чебоксары 4 ноября 1941 г. городу был нанесен значительный материальный и моральный ущерб. Предстоит дальнейшая поисковая работа по выявлению фамилий лиц, пострадавших в ходе бомбардировки, а также данных о восстановительных работах по ликвидации последствий воздушного налета немецкого самолета на г. Чебоксары в ноябре 1941 г. Практическая значимость исследования состоит в том, что выявленные автором материалы могут быть использованы в образовательных учреждениях Чувашии при преподавании дисциплин «История и культура родного края», спецкурса «Мой город», а также при оформлении экспозиций музея истории г. Чебоксары периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Литература

1. Александров Г.А. Военно-оборонная работа // История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 262 с.
2. Алексеев Г.А. Эвакогоспитали Чувашии. Чебоксары: [Б.и.], 1991. 121 с.
3. Бакузов К. Падали бомбы на город // Советская Чувашия. 2011. 6 дек.
4. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1984. 632 с.

5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 819 (Личный отдел НКВД ЧАССР). Оп. 1. Д. 350. Л. 1–6.
6. Гончаров В. Энциклопедия военной техники. Самолеты второй мировой. Свыше 300 боевых самолетов всех стран мира. М.: Аст, 2000. 352 с.
7. Двадцатипятилетние Чувашской АССР // Коммунист. 1965. № 7.
8. Ефимов Л.А. Немец над городом // Советская Чувашия. 2005, 1 апр.
9. Иванов В. Огневой рубеж 320-го завода // Советская Чувашия. 2005, 11 марта.
10. Калесникова Н.П. Бомбардировка Горьковского автозавода // Радио России. 2005. 23 февр.
11. Кудявнин В.И. Воздушный налет на г. Чебоксары // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 526 с.
12. Кудявнин В.И. Воздушный налет вражеского (немецкого самолета) на г. Чебоксары // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 798 с.
13. Память. Их имена в сердце народном. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. Т. IV. 718 с.
14. Хлопотов О.Д. История военной авиации от первых летательных аппаратов до реактивных самолетов. 1909–1950. М.: Аст; СПб.: Полигон, 2004. 430 с.

ЕФИМОВ ЛЕВ АРХИПОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, Россия, Чебоксары (Sorma-lev@rambler.ru).

L. EFIMOV

BOMBING ATTACK OF CHEBOKSARY IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Key words: *the Great Patriotic War, Cheboksary, German aircraft, bombing attack, leaflets, the perished, the wounded, destroyed buildings, NKVD investigation, material and moral damage.*

Using the archival materials of the State historical archive of the Chuvash Republic, previously classified as "confidential data", memories of eyewitnesses of the bombing attack, other reference sources, the article investigates the events associated with the air raid of a German aircraft on the town of Cheboksary on November 4, 1941. Cheboksary could be of military interest to the Germans, as military factories and military formations were located there. At the end of September 1941 on the Soviet-German front the battle of Moscow began. The Hitlerite command, getting ready for the operation "Typhoon", expected to break through to Moscow and to capture it. On the right bank of the Sura River construction of defensive fortifications was started. In early November, the enemy offensive on Moscow was stopped in almost all directions. In the period of battle-field inactivity the air raid of the German bomber on Cheboksary was made. The capital of Chuvashia was about 550-600 kilometers from the front line. The author considers five versions of the bombing attack on the city, the supposed types of the aircraft that made the air raid. The study shows that pursuing the order of the USSR NKVD dated February 25, 1942 Cheboksary municipal committee drew up the act, which details damage, losses and victims. According to the investigation conducted with the participation of the Chuvash ASSR NKVD, German propaganda leaflets, 22 bombs were dropped on Cheboksary, as a result of which 2 persons were killed, 18 persons were wounded, losses from destruction amounted to 160 thousand rubles. Beginning with November 5, 1941, a full masking regime was carried out in the cities of Cheboksary, Kanash, Tsvil'sk, Alaty'r, Shumerly'a and other localities of the Chuvash Republic.

References

1. Alexandrov G.A. *Voenno-oboronnyaya rabota* [Military defense jobs]. In: *Istoriya Chuvashii novishhego vremeni. Kn. 1. 1917–1945* [The history of the Chuvash Republic of modern times. Book 1. 1917–1945]. Cheboksary, 2001, 262 p.
2. Alekseev G.A. *Evakogospitali Tyvasii* [The Evacuation hospitals of the Chuvash Republic]. Cheboksary, 1991, 121 p.
3. Bakusou K. *Bomby padali na gorod* [Bombs fell on the city]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 2011, Dec. 6.
4. *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuz'a 1941–1945. Kratkaya istoriya* [The great Patriotic war of the Soviet Union 1941–1945. Brief history]. Moscow, Voenizdat Publ., 1984, 632 p.

5. Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 819. Op. 1. D. 350 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 819. Anagraph 1. Document 350].
6. Goncharov V. *Entsiklopediya voennoy tekhniki vtoroi mirovoi. Svyshe 300 boevyx samoletov stran mira* [Encyclopedia of military equipment. World war II aircraft. More than 300 combat aircraft from all over the world]. Moscow, AST Publ., 2000, 352 p.
7. *Dvadsat' pyat' let Chuvashskoi ASSR* [Twenty-five of the Chuvash ASSR]. *Kommunist*, 1965, no. 7.
8. Efimov L.A. *Nemets nad gorodom* [German over the city]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 2005, Apr. 1.
9. Ivanov V. *Ognevoyi rybes 320-go savoda* [Firing line 320-th plant]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 2005, March 11.
10. Kolesnikova N.P. *Bombardirovka Gorikovskogo avtosavoda* [The bombing of the Gorky automobile plant]. *Radio Rossii*, 2005, Feb. 23.
11. Kudelkin V.I. *Vosdyshnyi nalet na gorod Cheboksary* [Air raid on the city of Cheboksary]. In: *Kratkaya chuvashskaya entsiklopediya* [Brief Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2001, 526 p.
12. Kudelkin V.I. *Vosdyshnyi nalet nemetskogo samoleta na gorod Cheboksary* [Air raid by enemy (German aircraft) in Cheboksary]. In: *Chuvashskaya entsiklopedii: v 4 t. T. 1. A–E* [Chuvash encyclopedia. 4 vols. Vol. 1: A–E]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2006, 798 p.
13. *Pamyat'. Ih imena v serdtse narodnom* [Memory. Their names are in the people's heart]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1997, vol. IV, 718 p.
14. *Pamyat'. Ih imena v serdtse narodnom* [Memory. Their names are in the people's heart]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1999, vol. VI, 645 p.
15. Khlopotov O.D. *Istoria voennoy aviatsii ot pervih letatel'nykh apparatov do reaktivnykh samoletov* [History of military aviation from the first aircraft to jets 1909–1950]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg, Polygon Publ., 2004, 430 p.

EFIMOV LEV – Doctor of Historical Sciences, Professor Department of National and Regional History, I.Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (Sormalev@rambler.ru).

Формат цитирования: Ефимов Л.А. Бомбардировка г. Чебоксары в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 45–52.

УДК [94(470.344)"18/1918":371.12.011.31-051]:394
ББК ТЗ(2Рос.Чув)5-753.2+Ч420.421г(2Рос.Чув)5

Т.Н. ИВАНОВА, А.П. ЗЫКИНА

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА ЧУВАШСКОГО КРАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: городское учительство, Чувашский край в XIX – начале XX в., история повседневности, история образования.

Статья посвящена основным сторонам повседневной жизни учителей городов Чувашского края (Алатырь, Чебоксары, Цивильск, Ядрин) в XIX – начале XX в. Дается характеристика социального, национального, конфессионального происхождения учителей. Приводятся сведения об их образовательном уровне, должностных обязанностях и специализации по преподаваемым дисциплинам. Анализируются причины частых переводов учителей из одних училищ в другие. Указаны размеры их доходов, которые складывались из жалованья, надбавки, «столовых» и «квартирных» выплат. Подчеркивается различие в уровне жизни учителей в зависимости от преподаваемых ими предметов и условий того или иного города. Приведен ряд примеров, характеризующий моральный облик некоторых преподавателей. Подчеркивается необходимость более подробного изучения биографий учителей городских училищ, известных своим ответственным отношением к делу, подвижничеством и новаторством.

В настоящее время пристальное внимание уделяется различным аспектам жизнедеятельности российского учительства. Поэтому имеет особую социальную и научную значимость изучение истории повседневности российского учительства на различных этапах исторического развития. Статья посвящена основным аспектам повседневной жизни учителей уездных городов Алатыря, Чебоксар, Цивильска и Ядрина во второй половине XIX – начале XX в. В этих городах (за исключением Цивильска) сначала появились малые народные училища. Позже они были преобразованы в уездные, а затем – в городские и высшие начальные училища. В статье все эти учебные заведения обобщенно именуются «училищами».

В историографии история учительства традиционно рассматривалась в контексте истории образования в целом (труды П.Ф. Каптерева, Ф.Г. Паначина др.). Отдельные аспекты деятельности педагогов в учебных заведениях Чувашского края получили освещение в ряде исследований [см.: 1, 3, 4, 11 и др.]. Источниками для нас стали различные отчеты, формулярные списки, результаты инспекторских проверок учебных заведений Алатыря, Цивильска, Чебоксар и Ядрина, сохранившиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) и Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ).

Начнем с общей характеристики городского учительства. Большинство учителей происходило из среды духовенства и мещан; значительно меньше – из чиновников, младших офицеров и крестьян. В документах не указывалась национальность учителей. Однако, исходя из того, что обсуждался вопрос об использовании чувашского языка на уроках в училищах, можно предположить, что среди педагогов были чуваша [9. Д. 1. Л. 24, 40].

Учителя должны были обязательно быть православными. Так, иудей по вероисповеданию Бейнис Орша Алексеевич, чтобы стать учителем, принял православие и поступил на службу в Ядринское училище под именем Иосифа Андреевича Дольника. В то же время лютеранин Владимир Яковлевич Моб-

ниц был уволен 16 августа 1857 г. из этого училища как иностранец неправославного вероисповедания [9. Д. 148. Л. 10].

На протяжении рассматриваемого периода происходили позитивные изменения в профессиональной подготовке учителей. В XIX в. основными поставщиками учительских кадров для городских училищ края являлись учебные заведения Казани. Это Казанский университет, духовная семинария, гимназии. В первой половине XIX в. учителями могли стать не только выпускники, но и лица, проучившиеся 1-2 года в вышеперечисленных заведениях [9. Д. 74. Л. 4-5]. Кроме того, среди городского учительства были выпускники Нижегородской и Симбирской гимназий и воспитанники Сиротского института Гатчинского воспитательного дома [4. С. 15].

Во второй половине XIX в. возрастает уровень образования учителей. По данным 1858 г., лишь один учитель имел только домашнее образование, остальные закончили высшие и средние учебные заведения [14. С. 179–180].

В начале XX в. должность учителя чаще стали занимать выпускники городских или уездных училищ. Были случаи недопущения к работе учителей с недостаточным уровнем образования [9. Д. 177. Л. 27]. Таким образом, образовательный уровень учителей постоянно повышался.

В первые годы существования уездных училищ учителя назначались без каких-либо испытаний распоряжением попечителя учебного округа. Рекомендации для занятия вакантной должности могли давать директор или Совет Казанской гимназии, Совет Казанского университета, Училищный комитет или директора народных училищ.

С 1870 г. для того, чтобы стать учителем, необходимо было сдать экзамен. Для этого надо было подать прошение о допуске к испытаниям на звание учителя на имя учителя-инспектора городского училища [10. Д. 11. Л. 2]. В 1905 г. с подобным прошением обратился выпускник Алатырского городского училища крестьянин Андрей Вышинский [10. Д. 11. Л. 2]. В 1907 г. такой экзамен в Алатыре успешно сдал крестьянин П.З. Руссков, а в апреле 1908 г. В. Скованов не смог это испытание пройти [10. Д. 10. Л. 9, 28]. Однако учителя рисования, пения, гимнастики и закона божьего не сдавали экзамен. В 1905 г. бывший офицер С. Кирюхин был без испытания принят учителем гимнастики в Алатырское училище.

Штатное расписание Чебоксарского училища в 1889 г. включало следующие должности: учитель-инспектор, учитель закона божьего, два классных учителя, помощник учителя, учитель пения, врач – преподаватель гигиены [12. Д. 329]. Учителя обязаны были не только вести уроки, но и выполнять обязанности воспитателя. В инструкциях запрещалось применять по отношению к ученикам телесные наказания. Учитель должен наставлять, вести нравоучительные беседы [4. С. 15]. В обязанности учителя входил контроль «за чистотой и опрятностью» всех помещений училища, а также он должен был следить за сохранностью оборудования и инвентаря школы.

Обычной практикой являлись постоянные переводы учителей из одного училища в другое. Иногда инициаторами этих переводов выступали сами учителя, иногда – без учета их желания эти вопросы решали представители школьной администрации. Так, не по своему желанию был переведен в Царевокошайское городское училище из Чебоксарского классик чувашской литературы Михаил Федоров. Н. Богданович был переведен в Чебоксары в 1822 г. из Свяжского уездного училища, а уже в 1829 г. определен в Шад-

ринское уездное училище [6. Д. 12. Л. 284–285]. Как исключение встречаются упоминания о 20-летней и более длительной службе в одном и том же училище. Так, И.Г. Муромцев 22 года проработал учителем арифметики и геометрии в Ядринском училище [9. Д. 77. Л. 2]. Учителем истории и географии в Цивильском уездном училище был выпускник Казанской семинарии Константин Соколов, преподававший здесь с 1835 г. до 1858 г. [6. Д. 39. Л. 258].

Таким образом, в стенах одного училища преподаватели, за небольшим исключением, надолго не задерживались. Частая смена учителей обычно объяснялась конкретными социально-бытовыми условиями отдельных городов: дороговизной продуктов и предметов первой необходимости, отсутствием «сносных» квартир в городе (например, в Цивильске и Ядрине), а также невозможностью иметь «частные занятия». Это заставляло преподавателей искать работу в другом городе, имевшем лучшие условия, «вследствие чего происходит значительное число перемещений, с неизбежными при том упущениями по классным занятиям» [12. Д. 458. Л. 1об.].

Учителя городских училищ были своеобразными «универсалами». Часто в послужных списках учителей указывается, что один и тот же учитель последовательно (а иногда и одновременно) преподавал несколько предметов. Имеются свидетельства карьерного роста некоторых учителей. И.А. Дольник сначала был учителем рисования с низким жалованием, затем становится учителем первого и второго классов приходского училища, что принесло ему повышение дохода. В 1832 г. он выполнял обязанности штатного смотрителя Ядринского училища [9. Д. 1. Л. 4–5].

В Цивильском училище в расписании числилось 10 учебных дисциплин, которые распределили между собою три учителя. Они преподавали по нескольким предметам и, кроме того, исполняли за дополнительную плату другие обязанности. В 1905 г. учитель-инспектор Цивильского училища Н.Н. Волженин преподавал гимнастику и заведовал ученической библиотекой, а, кроме того, по поручению Николаевской главной физической обсерватории проводил в городе Цивильске наблюдения «над снежными покровами, метелями, над вскрытием и замерзанием вод, над атмосферными осадками, грозами, зарницами». Учитель А.Н. Храмцов исполнял обязанности секретаря педагогического совета и заведовал фундаментальной библиотекой. Н.И. Степанов числился как учитель, врач и преподаватель гигиены [13. Д. 4037. Л. 18, 21].

Определить уровень дохода учителей сложно, так как этот доход они получали по нескольким статьям: жалование, надбавки к жалованию, «столовые» и «квартирные» выплаты. Уровень этих выплат существенно различался. Насколько отличалась заработная плата учителей, можно судить по таблице.

**Размер жалования учителей
Чебоксарского уездного училища в 1848 г.**

Учителя	Преподаваемые предметы или должность	Размер жалования (в год)
П. Попов	штатный смотритель	214 руб. 43 коп.
А. Краковский	закон божий	142 руб. 95 коп.
А. Егоров	арифметика и геометрия	178 руб. 72 коп.
П. Федоров	история и география	178 руб. 72 коп.
В. Тимофеев	русский язык	178 руб. 72 коп.
В. Щепетильников	рисование, черчение и чистописание	57 руб. 18 коп.

Примечание. Посчитано по данным ГИА ЧР [8. Д. 33].

В течение XIX в. размер заработной платы учителей постепенно возрастал. Если в середине XIX в. жалование учителя в среднем составляло 200 руб., то в начале XX в. – 350 руб. Однако реально доходы были выше.

Приведем все виды доходов учителей Цивильского училища в 1904 г.:

– возглавлявший учебное заведение учитель-инспектор Н.Н. Волжанин получал: жалование – 350 руб., «столовые» выплаты – 190 руб., за заведование училищем – 100 руб., надбавка (20%) – 128 руб., итого 768 руб.;

– законоучитель А.П. Василевский: жалование – 200 руб., «столовые» – 130 руб., пенсия – 200 руб., итого 530 руб.;

– учитель А.П. Мансуров: жалование – 350 руб., «столовые» – 190 руб., «квартирные» – 75 руб., надбавка (20%) – 123 руб., итого 738 руб.;

– учитель А.Н. Крамцов: жалование – 350 руб., «столовые» – 190 руб., «квартирные» – 75 руб., надбавка (20%) – 123 руб., итого 738 руб. [5. Д. 3847. Л. 8об.–9].

Анализируя доходы учителей в начале XX в. со всеми надбавками, мы получаем среднюю сумму от 600 до 700 руб., что примерно соответствует доходу приходского священника. После выхода в отставку учителя получали единовременное пособие и пенсию. Однако положение учителей трудно назвать удовлетворительным. Сохранились жалобы учителей на тяжелые условия труда, низкое жалование. Учителя просили уменьшить число учащихся в кассах, ввести должность надзирателя за поведением учеников [4. С. 17].

Как было отмечено, в лучшем материальном положении находился учитель-инспектор. Он получал дополнительную надбавку за заведование училищем [5. Д. 92. Л. 79]. Кроме этого он мог занимать квартиру при училище. Так, квартира учителя-инспектора в новом здании Алатырского училища, отстроенного после пожара 1906 г., состояла из «пяти жилых комнат, не считая кухни» [10. Д. 20. Л. 1–4]. В Цивильском училище, несмотря на тесноту классных помещений, весь нижний этаж здания был отведен под квартиру учителя-инспектора. Многие учителя жили на частных квартирах. Им выплачивались «квартирные деньги». При Цивильском училище имелся земельный участок, использовавшийся под огороды.

В документах есть свидетельства крайней бедности отдельных учителей. В 1902–1905 гг. в Ядринском училище преподавал учитель А.П. Мансуров. Сначала у него умерла супруга, и он остался один с пятью детьми. В 1905 г. тяжёлые условия жизни привели к тому, что его разбил паралич и он остался совсем без средств к существованию [9. Д. 1. Л. 48].

Особую категорию учителей составляли преподаватели закона божьего. Это были, как правило, священники местных церквей. Так, М.А. Никольский, священник Троицкого собора Цивильска, с 1821 по 1847 г. был законоучителем и, одновременно, учителем приходского класса в Цивильском училище [2. С. 161–162]. А в Ядринском училище закон божий с 1838 г. по 1889 г. преподавали представители династии священников – сначала отец Алексей Николаевич, а затем его сын Василий Алексеевич Николаевы [7. Д. 207].

Престижность профессии учителя зависела от особенностей города, где располагалось училище. Так, в Алатыре существовало 8 образовательных учреждений разного уровня, в том числе гимназия, духовное, ремесленное училища. Здесь учителями городских училищ часто становились люди, не сумевшие попасть в более престижные учебные заведения. В Цивильске же

монополия городского училища придавала особый престиж его учителям. В Чебоксарах не было мужской гимназии, и поэтому количество учеников в городском училище было больше, чем в Чебоксарском духовном училище [14. С. 183–184]. Таким образом, в Чебоксарах и Цивильске в отсутствие гимназий престиж городских училищ был выше. Поэтому и учителя этих учебных заведений по своему образованию и инициативности зачастую обходили своих коллег из Алатыря и Ядрина.

Очень редко случалось так, что учителя пропускали урок. Отсутствие учителей обычно было по уважительной причине, чаще всего «по болезни», о чём в журнале делалась соответствующая запись. Кроме того, строго контролировались все перемещения учителей за пределы города в течение учебного года, а в отпускное время требовалось специальное разрешение от директора училищ Казанской губернии, на основании которого выдавался специальный пропуск с указанием места пребывания преподавателя во время отпуска. Все отлучки во время учебного года фиксировались в виде донесений на имя директора училищ о том, куда, зачем и на какой срок отправляется преподаватель.

При всех строгих требованиях к педагогам документы сохранили единичные примеры недостойного поведения некоторых учителей. Например, в 1838 г. учителем приготовительного класса в Ядринское училище был назначен Ф. Данилов, который являлся выпускником Нижегородской гимназии. Он «явился в Ядрин к должности в самом сомнительном виде, и, откланявшись смотрителю, пропал без вести дней на десять», после чего был уволен [9. Д. 1. Л. 44]. В 1840 г. В.И. Чернобровин, принятый на должность учителя приготовительного класса Ядринского училища, повел себя еще более неприлично: «В ночь сентября, разбив стекло одного трактира» он «прибил» городского унтер-офицера. Узнав об этом, смотритель училища попросил его уволить. Однако вместо этого, Чернобровин был переведен учителем в Свижское уездное училище [9. Д. 1. Л. 45].

В документах упоминается о «непедагогичных» приемах некоторых учителей. Учитель рисования Ядринского училища получил 3 октября 1857 г. замечание штатного смотрителя о недопустимом обращении с учениками, ибо он «... позволил себе бить их руками и линейкою по голове до того, что ... они становились больны головою долгое время и перестали посещать классы» [9. Д. 148. Л. 30]. В 1828 г. штатный смотритель Алатырского уездного училища Г. Кублицкий «взошедший в класс в азартном образе, без всякой причины» жестоко наказал ученика первого класса Алексея Иванова. Так, «что на бедрах его имеются в большом количестве кровавые знаки, наполненные запекшейся кровью» [12. Д. 2642. Л. 1, 22].

Весьма показательное дело учителя Чебоксарского училища А. Максимчика. Он занимал в 1905 г. пост помощника учителя, при этом пропускал занятия, оскорблял учеников, а его отношения с педагогическим коллективом «были ненормальны и оскорбительны». Ученики за грубое к ним отношение устроили Максимчику настоящую обструкцию: «они не только в перемены, но и во время уроков встречали и провожали Максимчика с таким криком, свистом и гамом что мешали заниматься прочим преподавателям». Педагогический совет не раз просил Максимчика изменить своё обращение с учениками. Но он не только не выполнил постановление, но и с помощью физической

силы вскоре вытолкнул ученика из класса. Между Максимчиком и педагогическим коллективом училища началась своеобразная война. В конце концов, по просьбе педсовета и директора училища Максимчик был переведен из Чебоксарского училища в Оренбург, где 10 января 1907 г. умер [13. Д. 2314. Л. 17–18, 31].

Однако нельзя распространять данные примеры на всех учителей, ведь в отчетах и служебных записках чаще упоминаются примеры отклоняющегося поведения. В городских училищах работали, в основном, ответственные, добросовестные, трудолюбивые люди, своим повседневным трудом заслужившие уважение горожан.

Среди них было немало ярких, талантливых личностей, замечательных педагогов, много сделавших для распространения просвещения в Чувашском крае. Так, благодаря активной деятельности молодого учителя С.Л. Спиридонова была налажена работа открытого в 1818 г. Цивильского училища [12. Д. 775. Л. 63]. В биографии замечательного педагога Ядринского училища П.Г. Березкина есть упоминание о настоящем подвиге, когда он в 1843 г. во время городского пожара спасал, рискуя жизнью, имущество училища и книги библиотеки [9. Д. 39. Л. 1–2]. В Алатырском училище была известна подвижническая деятельность Д.А. Самарина, который был талантливым педагогом, умелым организатором, новатором и просто внимательным к нуждам учеников человеком [10. Д. 34. Л. 2–4].

На наш взгляд, необходимо продолжить поиск источников для создания более подробных биографий таких учителей, как С.Л. Спиридонов, П.Г. Березкин, Н.Н. Волженин, М.Ф. Федоров, И.Г. Муромцев и др. Эти люди представляли настоящую интеллектуальную элиту уездных городов, демократический слой городской интеллигенции и способствовали расширению просвещения в Чувашском крае.

Литература

1. Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары: Чувашия, 1997. 197 с.
2. Арсентьева А.В., Иванова Т.Н. Портрет учителя Закона Божьего в городских училищах Чувашского края XIX – начале XX вв.: общее и особенное // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 159–165.
3. Арсентьева А.В., Петрянкина А.П. Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 504 с.
4. Арсентьева А.В., Петрянкина А.П. Чебоксарское городское училище в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX веков // Вестник Чувашского университета. 2005. № 1. С. 3–19.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 211. Оп. 2.
6. ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 3.
7. ГИА ЧР. Ф. 215. Оп. 1.
8. ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1.
9. ГИА ЧР. Ф. 222. Оп. 1.
10. ГИА ЧР. Ф. 498. Оп. 1.
11. Иванова И.П. Начальная народная школа и учительство во второй половине XIX – начале XX веков в Чувашском крае (по материалам Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов) // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 33–41.
12. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 92. Оп. 1.
13. НА РТ. Ф. 92. Оп. 2.
14. Рожнов В.П. Статистика Чувашии в период капитализма // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 137–196.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru).

ЗЫКИНА АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alevtina-pet@mail.ru).

T. IVANOVA, A. ZYKINA

**EVERYDAY LIFE OF THE URBAN TEACHERS IN THE CHUVASH REGION
IN THE 19th – EARLY 20th CENTURY**

Key words: urban teachers, the Chuvash region in the 19th – early 20th century, history of everyday life; history of education.

The article is devoted to the main aspects in daily life of teachers in the towns of the Chuvash Territory (Alatyr, Cheboksary, Tsvil'sk, Yadrin) in the 19th – early 20th century. The characteristic of teachers' social, national, confessional origin is given. The article provides information on their educational level, job responsibilities and specialization in the disciplines which they taught. The reasons for frequent transfers of teachers from one school to another are analyzed. The level of their income is indicated, which consisted of salaries, allowances, "meals" and "apartment" payments. It emphasizes the difference in the standard of living among teachers depending on the subjects they taught and the conditions of a particular town. A number of examples characterizing the moral portrait of some teachers are given. The article emphasizes the need for more detailed studying the biographies of teachers in urban schools, who are known for their responsible attitude to the work, selfless devotion and pioneering work.

References

1. Aleksandrov G.A. *Chuvashskaya intelligentsiya: istoki* [Chuvash intelligentsia: origins]. Cheboksary, Chuvashiya Publ., 1997, 197 p.
2. Arsent'eva A.V., Ivanova T.N. *Portret uchitelya Zakona Bozh'ego v gorodskikh uchilishchakh Chuvashskogo kraia XIX – nachale XX vv.: obshchee i osobennoe* [Portrait of a Teacher of the Law of God in the urban schools of the Chuvash Territory of the 19th – early 20th centuries: general and special]. In: *Dukhovno-nravstvennoe prosvetshchenie i vospitanie molodezhi: istoriya i sovremennost': sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Int. Conf. «Spiritual and moral education and education of young people: history and modernity»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2006, pp. 159–160.
3. Arsent'eva A.V., Petryankina A.P. *Uchebnye zavedeniya v obrazovatel'nom prostranstve Chuvashii kontsa XVIII – nachala XX veka* [Educational institutions in the educational space of Chuvashia of the late 18th – early 20th centuries]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2007, 504 p.
4. Arsent'eva A.V., Petryankina A.P. *Cheboksarskoe gorodskoe uchilishche v obrazovatel'nom prostranstve Chuvashii kontsa XVIII – nachala XX vekov* [Cheboksary City College in the educational space of Chuvashia, late 18th – early 20th centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2005, no. 1, pp. 3–19.
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 211. Opis' 2* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 211. Anagraph 2].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 211. Opis' 3* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 211. Anagraph 3].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 215. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 215. Anagraph 1].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 216. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 216. Anagraph 1].

9. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 222. Opis' 1 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 222. Anagraph 1].

10. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 498. Opis' 1 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 498. Anagraph 1].

11. Ivanova I.P. *Nachal'naya narodnaya shkola i uchitel'stvo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov v Chuvashskom krae (po materialam Tsivil'skogo, Cheboksarskogo i Yadrinskogo uezdov)* [Elementary public school and teaching in the second half of XIX – beginning of XX centuries, Chuvash province (Civils, Cheboksary and Yadrin Counties)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 4, pp. 33–41.

12. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 92. Opis' 1* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 92. Anagraph 1].

13. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 92. Opis' 2* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 92. Anagraph 1].

14. Rozhnov V.P. *Statistika Chuvashii v period kapitalizma* [Chuvash statistics in the period of capitalism]. In: *Istoriya i kul'tura Chuvashskoi ASSR: sb. st.* [History and culture of the Chuvash ASSR: a collection of articles]. Cheboksary, 1971, iss. 1, pp. 137–196.

IVANOVA TATYANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tivanovan@mail.ru).

ZYKINA ALEVTINA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alevtina-pet@mail.ru).

Формат цитирования: Иванова Т.Н., Зыкина А.П. Повседневная жизнь городского учительства Чувашского края в XIX – начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 53–60.

УДК 94(575)
ББК 63.3 (543)

Л.Э. ИСМОИЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ОБРАЗА «НЕВЕРНЫХ» В ПИСЬМЕННЫХ СОЧИНЕНИЯХ МАВЕРАННАХРА XVI ВЕКА

Ключевые слова: Мавераннахр, конфессия, неверие, кочевые племена, Бабур, жизнь мусульманских святых, мученики.

В статье рассматриваются некоторые особенности отражения образа «неверных» в письменных сочинениях Мавераннахра XVI в. Предпосылками для формирования в литературе подобного образа стало пришествие в регион сефевидских войск, частые набеги казахских войск, а также разразившийся внутренний политический конфликт. Военно-политическое противоборство конфликтующих сторон приобрело религиозную окраску. Тема «неверия» рассматривалась как в придворных исторических произведениях, так и в мусульманских агиографических сочинениях (манакиб), и степень их выражения зависела как от политической ситуации и интересов, а также от состава политических участников, таким образом, каждый раз приобретала свои особенности и нюансы. Интерпретация данной темы авторами письменных сочинений показывает их пристрастность и предвзятость. Эти признаки особенно явно обнаруживаются при определении критериев мученической смерти (шаходат), когда многие военные преступники были причислены к категории мучеников (шухада).

После установления господства Шибанидов в Мавераннахре в начале XVI в. между ними и их сородичами – казахами – возникли непреодолимые противоречия и конфликты. Кроме того, Шибаниды в Хоросане столкнулись с более грозным противником – Сефевидами. Военное противоборство Шибанидов со своими противниками происходило под прикрытием религиозных лозунгов. Таким образом, вопрос о «неверии» был обострен до предела в связи с началом и продолжением непрерывных кровопролитных войн между суннитским Мавераннахром и шиитским Ираном в течение XVI в. [8. С. 42]. В дальнейшем взаимоотношения населения Мавераннахра с казахами, киргизами и калмыками, а также ситуация вокруг разразившейся борьбы за престол между представителями Шибанидского дома отразилась и на страницах мусульманских агиографических произведений (*манакиб*), а также в исторических хрониках того периода. Мы здесь рассмотрим некоторых из них.

Мусульманское агиографическое сочинение (*манакиб*), «*Джама-ул-макамат*» (Вместилище степеней духовного совершенства), посвящённое жизнеописанию лидера *накибандийского* братства Ходжаги Ахмад Косони (умер в 1549 г.), составлено в 1617 г. его внуком Абу-л Бака Ходжа Бахауддин б. Ходжаги Ахмад Косони. Этот труд содержит значительный исторический материал, касающийся завоеваний Мавераннахра кочевыми узбеками, а также в нем представлена информация о происходивших в середине XVI в. феодальных конфликтах между шейбанидскими ханами. В данном исследовании использован список (инв. № 904) из коллекции рукописей Национальной библиотеки Таджикистана. Список полный. Датирован 1845 г.

Другой *манакиб*, использованный в настоящей работе – «*Са'адия*» (Посвящение Ходже Са'аду Джуйбари), принадлежит перу Хусейна Серахси. Книга написана в 1573 г., включает также биографию известного *накибандийского* шейха Ходжи Ислама Джуйбари (умер в 1563 г.). В сочинении нашла отражение политическая обстановка в Мавераннахре 40–60-х гг. XVI в. Важные собы-

тия, описанные в книге, происходят на территории Бухары, отчасти Самарканда. В центре исторических событий находится влиятельная фигура Ходжи Ислама Джуйбари. В данной работе использован список, хранящийся в фондах Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Республики Татарстан (инв. № 109). Список полный, датирован 1577 г.

При исследовании данной темы кроме мусульманских агиографических сочинений были использованы и сочинения придворных историков. Одним из таких трудов является «*Шараф-наме-йи-шахи*» (Книга шахской славы). Это произведение принадлежит перу талантливого историка и поэта из Бухары – Хафизу Танышу Бухари. Оно известно также под названием «*Абдулла-наме*». В сочинении представлена политическая ситуация Мавераннахра об усобицах между удельными феодалами 40-х – конца 50-х гг. XVI в. Труд также содержит биографические данные о суфийских шейхах Ходжаги Ахмад Косони и Ходжа Ислам Джуйбари. Сочинение составлено в 1584–1590 гг. Рукописи «*Шараф-наме-йи-шахи*» хранятся в фондах Санкт-Петербурга, Ташкента, Душанбе, Баку. В 1983 и 1989 гг. были изданы первая и вторая части «*Шараф-наме-йи-шахи*» на русском языке под редакцией М.А. Салахетдиновой.

Другой письменный источник, шеститомное сочинение Махмуда ибн Вали «*Бахр ул-асрар фи манакиб ал-ахйар*» (Море тайн относительно доблестей благородных), содержит историко-географические сведения о городах Мавераннахра. В 1977 г. в Ташкенте были изданы извлечения из этого труда с переводом, введением, примечаниями и указателями Б.А. Ахмедова.

Еще одно сочинение – «*Бадаи ал-вакаи*» (Удивительные события) – является единственным произведением таджикского писателя и историка Зайн ад-дина Восифи (умер в 1566 г.). Сочинение освещает различные стороны жизни многих городов и регионов Мавераннахра XVI в. А.Н. Болдыревым был подготовлен и издан критический текст «Удивительных событий», равно как и перевод на русский язык некоторых отрывков (1957).

Согласно политической риторике авторов письменных сочинений [8] этого периода, вопрос «неверия», пожалуй, был самым ярким вопросом в истории Мавераннахра, оставившим неизгладимый след в политическом мировоззрении. В письменных сочинениях этого периода упоминаются межконфессиональные (с калмаками) и внутриконфессиональные (с кизилбашами) конфликты.

В первые десятилетия XVI в. вопрос о праведном или «неверном» пути был существен для мировоззрения жителя региона. Однако уже в середине века мысли о конфессиональной самоидентичности (суннит или шиит) были не столь важны для жителей Мавераннахра в отличие от населения Хорасана. В вышеуказанных письменных памятниках этого периода уже отсутствует прямое указание на внутриконфессиональные различия. В них просто используется понятие мусульмане (*мусулмонон*).

В контексте изучаемого вопроса в мавераннахрских письменных источниках первоначально локализуется «территории неверных». Интересно, что в них мало внимания уделяется главному конфессиональному сопернику – кизилбашам и все больше акцентируется внимание на ближайших беспокойных кочевых соседях, а также на внутренних врагах правоверного правителя. Например, о киргизских землях и самих киргизах средневековые авторы пишут, что они не являлись истинными мусульманами [7]. По их мнению, киргизы во время молитвы обращают лицо на юг и вместо стихов Корана употребляют благозвучные слова. Поклоняются они Сатурну и Венере [8. С. 49]. Если ве-

речь авторам письменных источников той эпохи, священную землю Мавераннахра буквально окружали с четырёх сторон «силы неверных».

О тревожном состоянии общества и государства, немирном соседстве с кочевниками в XVI в. сообщает известный таджикский писатель и историк Зайн ад-дин Восифи после своего пребывания в пограничном городе Сауране. Этот город находился на границе культурной территории и казахской кочевой степи. Восифи особо подчеркивает укрепленность Саурана и его цитадели [3. С. 168]. Это говорит о том, что приграничные районы жили в ожидании чего-то непредсказуемого, поскольку в тот момент существовала реальная военная угроза со стороны казахских племен и этот фактор ослаблял тыл государства Шибанидов. В 1562 г. казахские племена, пользуясь политическим хаосом, произошедшим в Мавераннахре, попытались вторгнуться в регион. Но их вторжение было отбито.

Кочующие казахские племена настолько казались негодными жителям Мавераннахра, что последние считали их всех «неверными». Между мусульманами Мавераннахра и этими кочевыми регионами отсутствовало прочное религиозное единство. Поэтому противостояние «город – степь» лишь прикрывалось религиозной оболочкой. В этом проявлялся особый взгляд горожанина на степные народы (*туркон-и сахро-и*). Сами кочевники в своем поведении и быту всегда с предубеждением, пренебрежительно относились к оседлому населению. В течение XVI в. различные племена *Дашт-и Кипчака* активно вмешивались во внутренние дела Мавераннахра. Часто в составе ташкентских войск (заклятых врагов Мавераннахра) они доходили до Самарканда и Бухары, захватывали их, совершали там невиданные разбои и разграбления (*горат-и Мовароуннахр*). Такая ситуация продолжилась и в последующие века. Враждебный образ кочевника, недоверие и ненависть к нему сохранилось в общественном сознании населения Мавераннахра и в последующие столетия. Даже в XIX в. казахи и киргизы были еще индифферентны к религии ислама, и прежний взгляд оседлого жителя региона по отношению к ним сохранился. Только после воцарения русской администрации в регионе в XIX в. и установления законов и порядка этот многовековой конфликт между оседлым населением и кочевыми элементами постепенно прекратился [6. С. 389].

Авторы исторических сочинений трактовали слово «неверный» достаточно широко. В исламе всегда были люди, склонные расширять границы употребления понятия «неверие» и распространять его даже на мусульман, придерживавшихся иных религиозных взглядов, которые активно использовали практику признания кого-либо «неверным». Эта тактика давала возможность какой-либо стороне отмежеваться от идейных оппонентов. Каждый мятеж, каждое центробежное действие удельных правителей, придворной знати и подданных трактуются придворным историком как «неверный акт» [8]. Преступление против законно избранного правителя – «измена и грех», ибо такой человек своими преступными действиями оскорблял представленную в лице правителя божественную силу. Таким образом, под стандарт «неверных» могли попасть и феодал-мятежник, и целые узбекские, казахские и киргизские племена.

Образ «неверного» имел блуждающий, неустойчивый, расплывчатый характер. Называть противника «неверным», «безбожным» стало привычной бранью. Буквально всё чуждое, незнакомое порицалось. «Безбожные румийцы», – пишет придворный историк Хафиз Таныш Бухари об отряде тюрков-османов, которые защищали Бухару от нападения шейбанида Абдуллы-хана

Второго (умер в 1598 г.) [8. С. 17–22]. Даже простое нарушение иерархических ступеней тогда расценивалось как неверность и измена. В остром политико-экономическом противоборстве клеймо «неверного» надевали друг на друга, не задумываясь и как бы в порядке вещей. Об этом свидетельствует религиозный портрет тимурида Захир ад-дин Бабура (умер в 1530 г.). Известно, что Бабур из-за определенных политических соображений принял взгляды шиитов и взошел на мавераннахрский престол. Он с его шиитскими симпатиями стал чужд мавераннахрскому «духовенству», среди которых было очень сильно влияние суннитов – перебежчиков из Ирана. Такие политиммигранты, как, например, известный богослов Мавлана Рузбихон Исфакхани, активно пропагандировали антишиитские лозунги и настроения. Мавераннахрское «духовенство» обладало большими возможностями в плане формирования общественного мнения. С другой стороны, крайне тяжелое социально-экономическое положение страны, порожденное нескончаемыми войнами, вызывало недовольство народных масс. Простой народ, который вначале с энтузиазмом воспринял Бабура как освободителя от произвола кочевых узбеков, вскоре по вышеуказанным причинам отвернулся от него. В мусульманской агиографической литературе (*манакиб*) при описании событий этого периода Бабур характеризуется как «враг государства и религии». Хотя можно отметить, что такие «еретики», как Бабур, в большей степени были угрозой государственной власти, нежели авторитету религии [4. С. 4–7]. Впоследствии стало известно, что очередное наступление Шибанидов закончилось полным поражением Бабура и он, перебравшись в Афганистан, образовал там собственное государство и с того момента фактически стал сторонним наблюдателем событий, происходивших в Мавераннахре. В связи с этим вскоре антипатия мавераннахрских историографов и авторов *манакиба* к нему постепенно смягчается. По мере продвижения его войск вглубь территории Индии и благодаря его военными успехами в боях с «неверными» индийскими правителями симпатии духовенства к Бабуру постепенно возрастают. Бабур, в свою очередь, тоже пытался наладить отношения с «духовенством» и суфийскими лидерами Мавераннахра. Следует напомнить, что, несмотря на сложную военно-политическую обстановку, контакты между индийскими и мавераннахрскими дервишами были постоянными и интенсивными. Долгие годы при *ханаках* джуйбарских ходжей провел Бадр ад-дин Кашмири, автор широко известного агиографического сочинения «*Раузат-ур-ризван ва хадикат-ул-гилман*» [2].

Таким образом, поступки и образ жизни Бабура в Индии возродили и усилили симпатии к нему «духовенства» и лидеров суфийских братств Мавераннахра. В глазах авторов мавераннахрской агиографической литературы он становится духовным лидером и на страницах их сочинений уже выступает как борец за расширение границ ислама – «гази». За короткий период Бабур превратился из «неверного», «еретика» в противоположность – «гази» [1].

Тема «неверия» нашла свое отражение и в *манакибах* (мусульманское агиографическое сочинение). В них особо акцентируется внимание на использовании суфийским шейхом своих сверхъестественных способностей в борьбе против внутренних и внешних врагов правоверного правителя, исламской религии и государства. Как вытекает из содержания *манакиба*, участие суфийского шейха в войнах, особенно против внешних и внутренних врагов «государства и религии», не ограничивается конкретным временно-пространственным рамками. Он обладает качеством «*тайй ал-макан*» (свобода от про-

странственных ограничений) и может явиться одновременно в разных местах (*буруз*), например, в далекой Индии или в Восточном Туркестане, в нужное время и на решающем участке фронта. В агиографическом сочинении «*Джама' ул-макамат*» (Вместилище степеней духовного совершенства) описывается эпизод, рассказывающий об участии известного *накшбандийского* лидера Ходжаги Ахмада Косони (умер в 1549 г.) в войне против индийского правителя Рана Сангу на стороне Бабура [1]. Во время сражения против «неверного» Рана Сангу (хотя в его армии служили и мусульманские отряды) вдруг перед войском Бабура явился некий «святой» в белом одеянии и на белом коне, который неустанно побуждал правоверных сражаться за веру. Когда это грандиозное сражение закончилось победой войск ислама, Бабур расспросил об этом неизвестном «святом» и узнал, что это был мавераннахрский «святой» Ходжаги Ахмад Косони. После этого Бабур часть захваченной добычи отправил в Мавераннахр этому «святому» [1]. В этом житийном эпизоде проступает идея законности присвоения верующими военной добычи, отнятой у врагов ислама. Кроме того, в *манакибах* существуют скрытые или явные упоминания о различных формах пожертвований в пользу *газота*.

Таким образом, суфийские шейхи активно участвовали в «священных войнах», на внешнем фронте и оказывали поддержку правоверным, а также боролись против внутренних врагов правоверного правителя. Известно, что помимо «войны за веру» мусульманское право предусматривает еще войну с мятежниками внутри страны. Здесь, на внутривосточной арене, суфийские шейхи разделились на различные партии согласно своим особым интересам и сферам влияния. Каждый отдельный шейх защищал определённый город или местность. *Накшбандийский* шейх Ходжа Ислам Джуйбари (умер в 1563 г.) был патроном Бухары, а шейх Хусейн Хорезми (бывший в те годы лидером *кубравийского* братства, умер в 1551 г.), жил в Самарканде и защищал интересы этого города. Из-за враждебных отношений между городами, по всей вероятности, нередко возникали противоречия и между шейхами-покровителями, хотя точные данные об этом отсутствуют. Таким образом, помощь (*мадад*) суфийских шейхов правоверным правителям была необходима в непрекращающихся войнах между городами Мавераннахра. Лидер *накшбандийского* братства Мавлана Лутфулло Чустии (умер в 1573 г.) помогал ташкентскому правителю шибаниду Барак-хану (умер в 1556 г.) в его борьбе против правителя Самарканда шибанида Султана Са'ида Султана (умер в 1571 г.), личного врага вышеназванного шейха. Известный *яссавийский* шейх Касим-шейх Азизан (умер в 1581 г.) всегда оказывал поддержку своему *муриду* (ученик) Абдулле-хану (умер в 1598 г.) в борьбе против его врагов. И таких примеров в истории XVI в. немало.

В биографии бухарского шейха Ходжа Ислама Джуйбари (умер в 1563 г.) встречается такой примечательный факт: если какой-нибудь правитель не мог наладить отношения с шейхом, то он [правитель] объявлялся «неверным». При этом не требовалось какого-либо обоснования для подобного решения шейха. Общество воспринимало такого рода обвинения инертно, не подвергало критике. Первым таким правителем стал шибанид Абд ал-Азиз б. Убайдулла-хан (умер в 1550 г.). Этот правитель имел кроткий нрав, вёл благочестивый образ жизни. Но из-за подпорченных отношений с вышеназванным шейхом автор агиографического сочинения «*Са'адия*» (Посвящение Ходже Са'аду Джуйбари) в своем произведении проклинает, осуждает хана

[9]. Или другой пример: шибанид Бурхан Султан б. Джаванмардали-хан, будучи правителем Бухары (1552–1556), тоже не нашел общего языка с известным бухарским шейхом Ходжой Исламом Джуйбари. Биограф шейха писал, что священная земля Бухары не потерпит такого человека, как Бурхан Султан. В итоге из-за козней шейха в 1554 г. Бурхан Султан был предательски убит собственным окружением. Автор «Са’адия» обвиняет этого правителя в том, что он захватил Бухару в день священного праздника *Рамазан*. И, если это действительно так, получается, чтобы достичь желаемого, священное писание легко попиралось отдельными правителями. Таким образом, широкое использование понятия «неверный» в политической борьбе явно указывало на ослабевание центральной власти и служило вспомогательной морально-идеологической силой в неослабевающей идейной борьбе.

С образом «неверных» в некоторой степени связана и тема «мученической смерти» (*шаходат*). В общественном сознании Мавераннахра особое место занимал культ мучеников (*шухада*), принявших мученическую смерть за дела веры. В этот период по известным историческим причинам в сознании определенной категории людей царила идея мученичества. Эта идея была не нова, но именно в рассматриваемую эпоху она обрела новое звучание и новые трактовки. Люди, павшие насильственной смертью во время войн, в результате дворцовых интриг, путешествий или паломничества в святые места, причислялись к категории мучеников (*баъзе дигарон ба давлат-и шаходат расиданд*). Например, автор сочинения «*Тазкират-ул-якин мусамман би мифтох-ут-толибин* (Ключ для ищущих истину), Мавлана Махмуд Гидждувани (из братства *кубравийа*), погиб мученической смертью (*ба шаходат расид*) от рук арабских бедуинов по пути в Мекку [10]. Нередко мученики сознательно шли на смерть во имя определенных религиозных идеалов и ценностей. Их гибель авторы *манакибов* и исторических хроник трактовали в соответствии с исламской доктриной. Смерть человека в более отдаленных местах – Восточном Туркестане, Хорасане, Индии – имела особое значение для мусульманской общины. Люди становились мучениками, чтобы породить последователей. Мученическая смерть приобретала ореол святости.

Действительно, этот исторический период наполнен всякого рода мучениками, начиная с имени Мухаммада Шейбани-хана (погиб в 1510 г.) и кончая Абд ал-Му’мин-ханом (1598 г.). По мнению Сайида Ракима, автора сочинения «*Тарих-и Сайид Роким*» (Хронограмма Сайид Рокима), почти все представители дома Шибанидов, насильственно умершие по разным причинам, стали *шахидами* (мученик): мученическая смерть Джаванмардали-хана от рук Абдулла-хана, мученическая смерть шибанида Абул Хайр-хана и др. Согласно историческим материалам, мученики делились на две категории. Первые – павшие за дело веры против «неверных» – кизилбашей, казахов, калмаков (калмыков). Вторые – правители, военачальники, царевичи, знатные люди, погибшие насильственной смертью от рук внутренних врагов, в войнах, направленных на установление и сохранение внутреннего порядка.

Идея мученичества буквально пронизывает все исторические сочинения этого периода. В географическом пространстве особое внимание отводилось местностям, где пали мученики за веру. К примеру, Махмуд ибн Вали, описывая город Заамин, как бы между прочим сообщает, что его народ лишён мужества и совершенных качеств. Но оттуда вышло очень много учёных. Там предали смерти хана-мученика Абд ал-Му’мина (1598) [5. С. 17]. Или этот же автор при описа-

нии Карши (Несефа) особо подчеркивает, что здесь принял мученическую смерть известный персидский поэт Мавлана Бинаи (погиб в 1512 г.).

Авторы мусульманских агиографических сочинений и исторических хроник согласно определенным критериям и соображениям относили почти каждого погибшего политического и военного деятеля эпохи Шибанидов к лику *шухада* только лишь по той причине, что он был невинно убиенным. Хотя кажется, что их сомнительная репутация и обстоятельств гибели совершенно не соответствуют действительности. Скорее всего большинство из них не были мучениками, а пали жертвами политических интриг и преступлений. В целом нужно отметить, что лишь определенная категория людей в обществе считала этих людей мучениками, а для других они являлись простыми смертными либо авантюристами и преступниками.

Таким образом, господство Шибанидов в Мавераннахре на рубеже XV–XVI вв. и их противоборство со своими бывшими сородичами – казахскими племенами, а также с Сефевидами (кизилбашами) – обострили вопрос вокруг темы «неверия» и нашли свое отражение на страницах мусульманских агиографических сочинений и исторических хроник. В течение XVI в. постепенно изменились составляющие компоненты данной проблематики. И уже в середине XVI в. при трактовке этого вопроса авторами исторических сочинений из нее почти выпадает внешний составляющий компонент (казахи, кизилбашаи). Зато он дополняется другим компонентом – внутренними врагами правоверного правителя. В 50–60-е гг. XVI столетия из-за политического хаоса и неустойчивости Шибанидского режима вопрос о «неверии» приобретает особую актуальность в военно-политической борьбе внутри страны. Одной частью данного вопроса являлась тема «мученической смерти». Трактовка этой темы была сильно привязана к вопросу о «неверии», хотя нередко по определенным историческим обстоятельствам и ряду причин между этими понятиями отсутствовала общность.

Литература

1. *Абу-л Бака б. Ходжа Баха-уд-дин*. Джама' ул-макамат, рук. (инв. № 904). Национальная библиотека Таджикистана.
2. *Бадр ад-дин Кашири*. Равзат-ур-ризвон ва хадикат-ул-гилмон, рук. (инв. № 2094). Институт востоковедения им. Абу Рейхан Беруни АН РУз.
3. *Болдырев А.Н.* Зайниддин Восифи. Таджикский писатель XVI века (опыт творческой биографии). Душанбе: Адиб, 1989. 464 с.
4. *Исмоилов Л.Э.* Из истории Мавераннахра XVI–XVIII веков. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 32 с.
5. *Махмуд ибн Вали*. Море тайн относительно доблестей благородных (география) // Перевод, введение, примечание и указатели Б.А. Ахмедова. Ташкент: Фан, 1977. 167 с.
6. *Полвека в Туркестане*: В.П. Наливкин биография, документы, труды. М.: Марджани, 2015. 655 с.
7. *Султонов Т.И.* Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003-2004 (Тюркские народы в древности и средневековье). М.: Восточная литература, 2005. С. 256–261.
8. *Хафиз Таныш Бухари*. Шараф-нама-йи шахи / пер., введ., примеч. и указ. М.А. Салахетдиновой. М.: Наука, 1983. Ч. I. 273 с.
9. *Хусейн Серахси*. Са'адия, рук. (инв. № 109). Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша, АН РТ.
10. *Шейх Махмуд Гидждувани*. Тазкират-ул-якин мусамман би мифтох-ут-толибин, рук. (инв. № 494). Национальная библиотека Таджикистана.

ИСМОИЛОВ ЛУТФУЛЛО ЭШОНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ismoilov-62@mail.ru).

L. ISMOILOV

**SOME PECULIARITIES IN REFLECTING THE IMAGE OF THE "INFIDELS"
IN THE MANUSCRIPTS OF MAWARANNAHR OF THE 16th CENTURY**

Key words: *Mawarannahr, confession, unbelief, nomadic tribes, Babur, the lives of Muslim saints, martyrs.*

The article examines some peculiarities in reflecting the image of the "Infidels" in the manuscripts of Mawarannahr of the 16th century. Prerequisites for forming such an image in literature were the Safavid troops' coming to the region, frequent invasions of Kazakh troops as well as the internal political conflict in the country. The military-political confrontation between the conflicting parties acquired a religious connotation. The theme of «unbelief» found its specific reflection in court historical works, as well as in Muslim hagiographic writings (manakib). The degree of its expressiveness depended both on political situation and interests, and on the composition of political participants, that is why every time it acquired its own specific characteristics and nuances. Interpretation of this topic by the authors of written essays shows their addiction and prejudice. These signs are especially clearly manifested when defining the criteria for martyrdom (shakhodat), when many war criminals were classified as martyrs (shukhada).

References

1. Abu-l Baka b. Khodzha Bakha-ud-din. Dzhamā' ul-makamat, ruk. (inv. № 904) [Containing the degrees of spiritual perfection. Manuscript. Inventory number 904]. In: *Natsional'naya biblioteka Tadjikistana* [National Library of Tajikistan].
2. Badr ad-din Kashmiri. Ravzat-ur-rizvon va khadikat-ul-gilmon, ruk. (inv. № 2094) [Garden of the guests and the garden of the young men. Manuscript. Inventory number 2094]. In: *Institut vostokovedeniya im. Abu Reykhan Beruni AN RUz* [The Archives of the Oriental Studies Institute named after Abu Rayhan Beruni of the Uzbekistan Republic Sciences Academy].
3. Boldyrev A.N. *Zayniddin Vosifi. Tadjihskiy pisatel' XVI veka (opyt tvorcheskoy biografii)* [Zayniddin Vosifi. Tajik Writer of 16th century (the experience of creative biography)]. Dushanbe, Adib Publ., 1989, 464 p.
4. Ismoilov L.E. *Iz istorii Maverannakhra XVI – XVIII vekov* [From the history of Maverannakhra 16th – 18th centuries]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, 32 p.
5. Makhmud ibn Vali. *More tayn otnositel'no doblestey blagorodnykh (geografiya)* [A sea of mysteries concerning valor of nobles (geography)]. Tashkent, Fan Publ., 1977, 167 p.
6. *Polveka v Turkestane: V.P. Nalivkin biografiya, dokumenty, trudy* [Half a century in Turkestan: V.P. Nalivkin biography, documents, works]. Moscow, Mardzhani Publ. House, 2015, 655 p.
7. Sultonov T.I. *Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seyfi Chelebi o narodakh Tsentral'noy Azii* [News of the Ottoman historian of the XVI century. Seifi Chelebi about peoples Central Asia]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik 2003–2004 (Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e)* [Turkic collection 2003–2004 (Turkic peoples in antiquity and the middle ages)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2005, pp. 256–261.
8. Khafiz Tanysh Bukhari. *Sharaf-nama-yi shakhi* [The Book of Shah's Dignity]. Moscow, Nauka Publ., 1983, part I, 273 p.
9. *Khuseyn Serakhsi. Sa'adiya, ruk. (inv. № 109)* [Dedication of Hodge Saadu Juebari. Manuscript. Inventory number 109]. In: *Institut istorii, arkheologii i etnografii im. Akhmada Donisha, AN RT* [Archives of Ahmad Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, Tajikistan Republic Sciences Academy].
10. *Sheykh Makhmud Gidzhduvani. Tazkirat-ul-yakin musamman bi miftokh-ut-tolibin, ruk. (inv. № 494)* [Clear mention of the key for seekers. Manuscript. Inventory number 494]. In: *Natsional'naya biblioteka Tadjikistana* [National Library of Tajikistan].

ISMOILOV LUTFULLO – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Oriental, African and Islamic Studies, International Studies Institute, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan (ismoilov-62@mail.ru).

Формат цитирования: Исмоилов Л.Э. Некоторые особенности отражения образа «неверных» в письменных сочинениях Мавераннахра XVI века // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 61–68.

УДК 39:81'373.21(470.34/44+470.4)
ББК Т589(235.54)

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, ТАТАРСТАН,
УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XLIV: А-АНЛАУТНЫЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ**

Ключевые слова: этнолингвистика, этнотопонимия, этническая история пратюрков и праиндоевропейцев, оронимы и ойконимы, межтюркские параллели, башкирский номенклатурный термин **бейек** «высота; высокий; гора», консонантная основа, межсемейная этимология, конкретные моменты этнолингвистических контактов, общее генетическое наследие, древнейшие влияния и взаимовлияния.

Цель научной статьи – инвентаризация межтюркских параллелей башкирского географического номенклатурного термина **бейек** «высота; высокий; гора»; доказательство заимствованного характера чувашского гомогенного соответствия **пысăк** «большой; высокий», сопоставление консонантных основ тюркских производящих корней $\sqrt{BDK}$, $\sqrt{BZK}$, $\sqrt{BJK}$, $^*\sqrt{BRK}$ / $^*\sqrt{BRG}$ с консонантной основой индоевропейского архетипа $^*bherg'hos$, предполагающее древнейшие межэтнические контакты на праязыковом/праэтническом этапе. Результатом исследования являются исчерпывающие перечни тюркских оронимов и ойконимов, образованных на базе соответствующих гомогенных аллоформ исследуемого башкирского географического номенклатурного термина. Научная новизна заключается в использовании комплексного подхода к решению поставленной задачи, а также в доказательстве сопоставимости привлеченных к сравнению лексических единиц. Результаты исследования в практическом плане призваны: 1) обогатить и обновить соответствующие статьи историко-этимологических словарей всех тюркских, славянских, германских, романских и индоиранских языков; 2) уточнить представление историков и этнологов / этнографов о хронологической глубине и исходном характере конкретных моментов межсемейных связей; последнее, несомненно, имеет отношение к проблемам глотто-, этно-, топогенеза. Очевидные положительные итоги исследования открывают перспективу для серии подобных трудов, последовательно посвящаемой очередному классу географических номенклатурных терминов в границах алтайских и индоевропейских языков.

0.0.2.7.9. **АКБИИК**, башк. **АКБЕЙЕК** – согласно «Словарю топонимов Башкирской АССР» [20. С. 21а] название гор на земле: 1) башк. д. *Муракаево* быв. Баимов. с-та Абзелилов. р-на; 2) башк. д. *Шигаево* быв. Соснов. с-та Белорец. р-на; 3) башк. д. *Байназарово* быв. Байназаров. с-та Бурзян. р-на; 4) башк.-рус. пос. *Зириклы* быв. Толпаров. с-та Гафурий. р-на; 5) башк. д. *Ижбулды* быв. Юлдыбаев. с-та Зилаир. р-на.

По убедительному мнению авторов, все они восходят к **ақ** [«белая». – Г.К.] и **бейек** «высокая; высота, гора».

А. Камалов сообщает дополнительно о наличии в Башкортостане еще 2 оронимов **Ақбейек**, а именно: **Зур Ақбейек** «Большой Акбиик» и **Бәләкәй Ақбейек** «Малый Акбиик» [14. С. 105], без указания координат и источников (главный недостаток его монографии). Через 5 страниц находим его любопытный комментарий: «... Высота как признак характерна многим объектам реальной действительности. Однако в топонимии слова, передающие понятие «высота», имеются только в названиях орографических и микротопонимических объектов. Выделяются понятия «высокий», «не очень высокий», «низкий», «очень низкий». Например: **Ақбейек** букв. «Белая вышина»; «Самая высокая гора (местности)», **Берзән Бейек тауы** «Очень высокая гора», **Бейектау** «Высокая гора» [14. С. 110].

Н.И. Шувалов в Саткин. р-не Челяб. обл. обнаружил ороним *Ак-Биик* и названную по нему речку *Ак-Биик* – лев. приток р. *Березяк* (басс. *Юрюзани* – лев. притока р. *Уфа*, басс. *Камы*), сопроводив кратким пояснением: «В переводе с башкирского – «белая высота», где *ак* «белый», *бийик* – «высота», «высокий», «большой» [22. С. 16]. «От башкирских слов *бийик*, *бейек* «высокий», «большой», *тау* – «гора», т.е. «высокая, большая гора», он выводит и ороним *Бик-Тау*, название горы в Ашин. р-не Челяб. обл. [22. С. 31].

И хотя остается соблазн усматривать в *Бик-Тау* казахское влияние, ср. казах. *bīk*, гомогенное тувин. *bedik*, турец. *bījūk*, *bōjūk* и т.д. «высокий» [25. S. 67b; 5. T. I. С. 184a], а также – казах. комоним *Биикжал* «Высокая грива» или «Высокий гребень» (горы), название нп быв. Мунайлин. поссовета Эмбин. р-на Гурьев. обл. Казахстана, тем не менее, выведение из башкирско-татарских источников тоже вполне оправданно, ср., например, упоминаемый Н.Б. Бургановой казанско-татарский джиен *Биктау* [7. С. 25; 8. С. 351], или данные уже цитированного «Словаря топонимов Башкирской АССР», где название тат. д. *Бик-Усак* быв. Ямакаев. с-та Благовар. р-на выводится из башк. *Бейеуҫак* («назв. местности *Бейеуҫак* ... *бейек* «высокая», *уҫак* «осина»»). Не исключено, название тат. д. *Бикнарат* быв. Больше-Битаман. с-та Дубьяз. р-на ТАССР следует переводить «Высокая сосна», а не усматривать в 1-й части *би*, *бий*, *бик* < *бей*, *бек* «Глава; господин; предводитель и т.д.». Ср. также назв. тат. д. *Бикчагул* быв. Слаков. с-та Альшеев. р-на БАССР, где *би(й)ик* > *бик* «высокий», *чагул* / *чағыл* / *чагу* (мензелин.) «холм; солнцепек»; башк. вариант *Биксағыл* явно вторичен. Нам мыслится, комоним *Биктау* все же не башкирский, а татарский по происхождению, и не только потому, что деревня татарская, а не башкирская. Дело в том, что истинно башкирские топонимы с *бейек* передаются на русском языке несколько по-иному, ср. башк. д. *Бейек* быв. Севадыбашев. с-та Буздяк. р-на, получившая название от имени горы *Бейек* «высота, вершина», по-русски именуется *Биек* (а не *Бик*), также башк. оронимы *Бейектау* на земле: башк.-рус. с. *Абдрашитово* быв. Абдрашитов. с-та Альшеев. р-на; башк. с. *Кигазы* быв. Кигазин. с-та Аскин. р-на; башк. д. *Старотимкино* быв. Богданов. с-та Балтачев. р-на; башк. с. *Новобиктово* быв. Новобиктов. с-та Дюртюлин. р-на; башк. с. *Тарказы* быв. Тарказин. с-та Ермекеев. р-на; башк. д. *Идрисово* быв. Тугузлин. с-та Кигин. р-на; рус. д. *Игубаево* (по-башк. *Игебай*, в «Словаре...» ошибочно: *Игибаево*) быв. Ибраев. с-та Кугарчин. р-на; башк. д. *Ямансарово* быв. Бахмут. с-та Кюргазин. р-на (в «Словаре...» – Кумертаус. р-на); башк. с. *Кабакуш* (в «Словаре...» – д. *Кабакушево*) быв. Кундряк. с-та Стерлибашев. р-на; башк.-тат. с. *Кальтяево* (в «Словаре...» – д. *Кальтяево*) быв. Кальтяев. с-та Татышлин. р-на; башк. д. *Саитово* быв. Разин. с-та Федоров. р-на – все по-русски звучат *Биектау*, а не *Биктау*, как и ороним *Бейек Элмә* (назв. горы на земле башк. с. быв. Ижбердин. с-та Кугарчин. р-на) по-русски – *Биек-Эльмя*, а не *Бик-Эльмя* [20. С. 33a]. Впрочем, *биек* (тат.), а не *бейек* (башк.), может стянуться в *бик* и на почве русского языка, ср. назв. тат. с. *Биктово* / *Биектау* быв. Биктов. с-та Агрыз. р-на ТАССР, но назв. рус. с. *Высокая Гора* по-татарски *Биектау* (быв. Высокогор. с-та Высокогор. р-на ТАССР); ср.: тат. с. *Биек-Тау* (на обоих языках) быв. Кутлу-Букаш. с-та Рыбно-Слобод. р-на ТАССР и тат. пос. *Биек-Тау* (на обоих языках) быв. Ютазин. с-та Ютазин. р-на ТАССР. Башк. *Қарағастыбейек* – назв. горы на земле башк. д. *Байназарово* быв. Байназар. с-та Бурзян. р-на, букв. «Лиственничная высота» прямо отразилось в рус. *Ка-*

рагастыбиек [20. С. 87а], но ср. г. *Усьтибиик / Өстөбейек* «Острая высота / вершина» на земле башк. д. *Казаккулово* быв. Казаккулов. с-та Учалин. р-на БАССР [20. С. 118а].

Э.М. Мурзаев в знаменитой книге «Тюркские географические названия» ограничился лишь упоминанием: «В Башкирии гора *Бейектау / Биектау* «высокая гора», нп *Бейегусак (Бикусак)* «высокая осина»» [16. С. 67] и привел туркменское название *Черкезлибейик* [16. С. 139], оставив без специального рассмотрения сам географический номенклатурный термин *бейек*, его межтюркские соответствия и образованные на его основе топонимы.

Р.Г. Ахметьянов татарские *биек*, диал. *бийен, бийерек*, сибир.-тат. *пёек, пүйүк* «высокий» < диал. *бөй- / пөй-* «становиться / стать выше»; общекрыпчак. *бийик* «высокий, большой», др.-тюрк. *bedük* «большой», «очень» < *bedü-* «увеличиваться; расти» [5. Т. I. С. 184а; 10. С. 91а] и тат. *бөек / бөйбөк* «великий» < осман. *бүйүк* id., общекрыпчак. *бийик*, тув. *бедик*, хак. *пөзик*, др.-тюрк. *bedük* (см. выше) и т.д. приводит в отдельных статьях, сопровождая взаимными отсылками. Не указанными у него осталось тат. диал. *биик*, отражившееся в микротопонимии, ср. *Биик каш* – правый пр. р. *Меша* на земле быв. Тюлячин. с-та Сабин. р-на Татарстана, потамоним, в составе которого *биик* «высокое», *каш* «побережье», «край берега (реки)» [8. С. 95].

Общекрыпчакское *бийик* О.Т. Молчанова называет в числе основных орографических апеллятивов [15. С. 15], согласно ее данным, список из пяти оронимов *Ак-биик / Акбейек* на территории Башкортостана, одного оронима и одного потамонима *Ай-Биик* в Челябинской области, можно дополнить оронимом *Ак-Бийик* «Белая (возможно, чистая) высота» на земле нп *Саратан* в Горном Алтае [15. С. 29, 122].

В монографии А. Камалова топонимы с *бейек* (без территориальной привязки и в большинстве случаев без перевода) встречаются несколько раз: *Олобейек* («Большая высота»? – Г.К.) [14. С. 76]; *Бейекарка урманы* («Лес высокого хребта»? – Г.К.); *Бейекарка яланы* («Поляна высокого хребта»? – Г.К.) [14. С. 59]; *Бейектау* «Высокая гора» [14. С. 97]; *Бейекбил* («Высокая седловина»? – Г.К.) [14. С. 126]; при этом недоказанными остаются постулированные автором фонетические преобразования: *бейек* > *бейк* > *мэйг* > *маг*, *бейек* > *мэйг*, результатами которых он считает *Мағаш, Мағашты, Мәйгәшле*, в которых усматриваются также словообразовательные компоненты -*аш*, -*аш-ты*, -*әш*, -*әш-ле*. Соответствующие звукопереходы и стяжения выглядели бы убедительно, если бы автор смог привести аналогии/анналогии с другими (морфологически более прозрачными и этимологически ясными) производными основами.

Нашему предпочтению выводить *бик* из тат. *би(й)ик*, а не из башк. *бейек* противоречит лишь один случай, а именно – наличие в Башкортостане комонимов: *Старобиктово / Иске Бейектау* – башк. д. быв. Новомедведев. с-та Илишев. р-на, и башк. с. *Новобиктово* быв. Новобиктов. с-та (в котором живут и башкиры, и татары, и русские) Дюртюлин. р-на, но возможно, что случай спорный.

Заслуживает особого рассмотрения название марийской д. *Турбек* быв. Староянтузов. с-та Дюртюлин. р-на БАССР, башкирский вариант которой *Түрбейек* авторы «Словаря топонимов...» оставили без комментариев [20. С. 151а]. Если нп назвали сами марийцы, то в их говоре следует констатировать наличие заимствования из башкирского языка *бек* «высота; верши-

на», «высокий», восходящего к *бейек*, в котором произошли два фонетических явления: 1) выпадение интервокального *-й-*, 2) устранение зияния *-ее-* путем стяжания *> -ё- > е*, т.е. если в тюркских языках: *бийик > биик > бйк > бик*, то в марийском: *бейек > беек > бёк > бек*. Первая часть *Тур-* в *Турбейек / Турбек* – собственно марийская, это общемарий. *тёр* «край, окраина, кромка», ср. в Сернур. р-не Марий Эл: *Кундыштёр, Куптёр, Курыктёр* [13. С. 26], или в быв. Царевококшай. уезде (XVIII в.): *Первой-Помаштур* [12. С. 429], *Первой-Илеттур* [12. С. 434], где закономерная субституция *-тёр > -тур* в русской передаче.

Количество топонимов, имеющих апеллятивную часть со значение «высота; вершина», «высокий», возможно, зависит от рельефа территории, например, в низменном Тюменском крае Х.Ч. Алишина обнаружила всего три топонима, гомогенных с рассматриваемыми башкирскими именами на *-бейек, Бейек-*, это: 1) назв. д. *Биек* (Вагай. р-н), 2) назв. поля *Биек кыр* (Тоболь. р-н), 3) назв. сенокоса или села (в книге одно сокращение «с.» для 3 слов: *село, сенокос, страница. – Г.К.) Пиек кыр* (Ярков. р-н) [3. С. 70; 4. С. 86], где *кыр* «поле», *пиек* – сибир.-тат. соответствие башк. *бейек*, казан.-тат. *биек* «высокий и т.д.». Но следует учесть и мнение выдающегося исследователя топонимии Горного Алтая О.Т. Молчановой, которая менее 50 лет тому назад пришла к выводу, что «**Бийик** ... находится в стадии своего терминологического становления (ср. г. *Ак-Бийик*, р. *Бийик-Бут*, ур. *Бийик-Кабак*, г. *Бийик-Туу*), означая высокий; длина, высота, высотка, то, что возвышается над окружающей местностью. То же ... можно сказать и о тувинском *бедик* – высокий; высота; возвышенность; гора: г. *Ак-Бедик*, г. *Бедик-Шат*, г. *Тарбаганнынг-Бедик*, оз. *Бедик-Хёл* и др., ср. азерб. *бөйүк* – большой, крупный, великий, монументальный; казах. *биик* – «высокий; высота, возвышенность», «казахи всякую возвышенность называют *биик*, независимо от ее размеров: *мына биикке шык* – поднимись на эту высоту»...; тоф. *бедү* – подняться вверх; турецк. *бүйү-* – расти, расширяться; тув. *беди-* – возвышаться, выситься, *бедик* – высокий; высота; возвышенность; гора; хак. *пөзик* – высокий, в качинском диалекте хакасского языка *пөзик чар хас* – крутой берег, в кызыльском диалекте *пөжик чир* – возвышенность, в белтирском диалекте *пүзик* – возвышенность, койбальском диалекте *пүзүк чар* – обрыв, сагайском диалекте *пөзик чир* – возвышенность; др.-тюрк. *бэдү-* – быть или становиться большим» [15. С. 29].

Картина нуждается в дополнении, см. у Н.И. Ашмарина чуваш. *пысăк, лусăк, посăк* «большой, крупный» [6. Вып. IX. С. 193; Вып. X. С. 10], для которых подбирали соответствия: 1) В.Г. Егоров: Зол. бл. *бөдүк* «большой», Замахш. *бөдүк тағ* «высокая гора»; балк., карач., кумык. *базык* «толстый»; хак. *пөзик*, уйг. *буюк*, узб. *буюк* «высокий», «великий»; желт. уйг. *лезик* «большой», «великий», «важный»; ср. монг. *бүдүүн* «толстый», «взрослый»; ср. перс. *бозорг* «большой», «великий», «взрослый», «старший» [11. С. 173]; 2) М.Р. Федотов: уйг. *пәдүк* (*пәдү* – возвышаться, увеличиваться, подниматься + -к) великий, высокий, величественный (у В.Г. Егорова, см. выше, уйг. *буюк!* – Г.К.); шор., саг., койб., кач. *пөзук* высокий (у О.Т. Молчановой, см. выше, койб. *пүзүк*, саг. *пөзик!* – Г.К.), тур., кур. *бүйүк* (*бүйү* – сделаться большим, увеличиваться, вырасти + -к) большой, великий, могучий (Радл. Сл. IV, 1250, 1305, 1883); тат. *бөөк*, башк. *бөйөк* великий; ср. др.-тюрк. *buzurg* (< перс.) большой, великий (ДТС, 131) [10. С. 131а; 24. Т. I. С. 466]. Р.Г. Ахметьянов, вслед за авторами «Этимологического словаря тюркских языков», тат. *бөйөк* [*бөйөк*] «ве-

ликий» справедливо считает заимствованным из османского [5. Т. I. С. 203а; 23. Т. VII. С. 107].

Как и в Тюменском крае, в Чувашии очень мало топонимов с *пысăк* / *пусăк* / *посăк* [pɪZêk], [puZêk], [poZêk], в Словаре Н.И. Ашмарина их всего 2: *Пысăк ту* (соответствует башк. *Бейектау*. – Г.К.), назв. леса на земле с. *Чувакская Кулатка* быв. Хвалын. у. Саратов. губ. и *Пысăк-Хăмăшлă*, назв. с. в быв. Егоркин. в. Чистополь. у.; как видим, оба за пределами современной Чувашии [6. Вып. IX. С. 194].

Любопытна ситуация в Аликов. р-не Чувашии, где антонимы *пысăк* «большой» и *пёчĕк* «малый» резко различаются по употребляемости, в «Аликовской энциклопедии» с *пысăк* всего 7 топонимов: *Пысăк пёве* «Большой пруд» [2. С. 443], *Пысăк Сертелĕх сырми* «Овраг Большого Снытища» [2. С. 482], *Пысăк Тарăн вар* «Большой Глубокий дол» [2. С. 485], *Пысăк уй* «Большое поле» [2. С. 608], *Пысăк улăх* «Большой луг» [2. С. 584], *Пысăк Хура вар* «Большой Черный дол» [2. С. 280], *Пысăк Янук вар* «Большой Януков дол» (имя личн.) [2. С. 622], тогда как с *пёчĕк* насчиталось 59: *Пёчĕк пёве* «Малый / Маленький пруд» [2. С. 22, 269, 443, 482, 485], *Пёчĕк Сертелĕх сырми* «Овраг Малого Снытища» [2. С. 482], *Пёчĕк Тарăн вар* «Малый Глубокий дол» [2. С. 485], ожидавшийся * *Пёчĕк уй* «Малое поле» не обнаружен, *Пёчĕк улăх* «Малый луг» [2. С. 79, 417, 571, 612; на с. 584 нет], *Пёчĕк Хура вар* «Малый Черный дол» [2. С. 280], *Пёчĕк Янук вар* «Малый Януков дол» [2. С. 622], остальные 52 топонима с *пёчĕк*: *Пёчĕк авăр* «Малый омут» [2. С. 58], *Пёчĕк вар* «Малый дол» [2. С. 79, 391, 404, 622], *Пёчĕк вăрман* «Малый лес» [2. С. 302] и т.д. – пары с *пысăк* не имеют (!).

В рукописных материалах И.Д. Никитина топонимов с *пысăк* всего 4: *Пысăк Тутар лупашки* «Большая Татарская ложбина» в с. *Байсубаково* быв. Байсубак. с-та Чебоксар. р-на (здесь же *Пёчĕк Тутар лупашки* «Малая Татарская ложбина»); *Пысăк вар* «Большой дол» (другое название – *Матұш / Мачуш варĕ* «Матюшин дол») в д. *Анат-касы* быв. Мартынкасин. с-та Красноармей. (Траков.) р-на; *Пысăк Киремет сырми* «Большой Киреметя овраг», *Пысăк пёве* «Большой пруд», оба в с. *Старые Арабоси* Урмар. р-на (быв. Яников. в. Цивиль. у.), тогда как с *пёчĕк* в три с лишним раза больше – 14: *Пёчĕк вар* «Маленький дол» в нп *Хорн-касы* в быв. Пантли с-те Аликов. р-на, в нп *Бобыль-касы* быв. Верхне-Ачак. с-та Совет. (Шумат.) р-на, в нп *Юркейкина* быв. Васькин. с-та Совет. (Шумат.) р-на; *Пёчĕк вăрман* «Малый лес» в нп *Анат-касы* быв. Мартынкасин. с-та Красноармей. (Траков.) р-на; *Пёчĕк Отар варĕ* «Малый Пасечный дол» в нп *Испуханы* быв. Совет. (Шумат.) р-на и другие, не соотносящиеся с топонимами на *Пысăк* [18].

Картину можно завершить данными справочников административно-территориального деления Республики Чувашия, содержащими всего 9 ойконимов с определением *Пысăк*, но и они не все противопоставлены ойконимам с *Пёчĕк*: *Пысăк Енкасси / Большое Яниково* ~ *Пёчĕк Енкасси / Малое Яниково* (Урмар. р-н); *Пысăк Маклашки / Большое Маклашкино* ~ *Пёчĕк Маклашки / Малое Маклашкино* (Мариинско-Посад. р-н); *Пысăк Тиуш* (вариант: *Аслă Тивĕш*) / *Большие Тиуши* ~ *Пёчĕк Тивĕш* (вариант: *Кĕçĕн Тивĕш*) / *Малые Тиуши* (Батырев. р-н); *Пысăк Тукай* (вариант: *Аслă Тукаль / Большое Тугаево* ~ *Пёчĕк Малти Тукай* (вариант: *Малти Тукай / Малое Тугаево* (Цивиль. р-н); *Пысăк Турхан* (вариант: *Мăн Турхан*) / *Большие Торханы* ~ *Пёчĕк Турхан / Малые Торханы* (Вурнар. р-н); *Пысăк Упакасси / Большие Абакасы* ~ *Пёчĕк*

Упакасси / Малые Абакасы (вариант: Нижние Абакасы) (Ибресин. р-н); Пысăк Хирлеп (вариант: Мăн Хирлеп) / Большие Хирлепы ~ Кёсён Тăван Хирлеп (вариант: Хирлеп) / Хирлепы (Вурнар. р-н); Пысăк Чăрăш / Степное Тугаево (вариант: Вурманкасы, Первое Степно-Тугаево) ~ Пёчёк Чăрăш (вариант: Анат Чăрăш) / Анаткасы (вариант: Анаткас) (Цивиль. р-н) [17].

То есть у *пысăк* «большой» имеются конкуренты: *аслă* «великий», «старший, главный», «большой», *мăн* «большой, крупный», а у *пёчёк* «малый; маленький» – *кёсён* «младший, меньшей», «малый, маленький». В апеллятивной лексике исконно противопоставлены *аслă* (ср. *аслă ывăлĕ* «его старший сын») и *кёсён* (ср. *кёсён ывăлĕ* «его младший сын»), их употребление в топонимии носит вполне ощутимый переносной характер. В случае же двойного противопоставления *мăн / пысăк* ~ *пёчёк* наблюдается меньшая степень соотнесенности *пысăк* ~ *пёчёк* (об этом сказано выше) и бо́льшая – у *мăн* ~ *пёчёк*, в частности, если с *пысăк* в справочниках административного деления Чувашии всего 9 ойконимов, то с *мăн* их 42 (!) [17. С. 303, 306], если в Аликовском р-не 8 микротопонимов с *пысăк*, то с *мăн* их 59 (!), только *Мăн вар* «Большой дол» их более 11.

Таким образом, ситуация в Чувашии повторяет Горно-Алтайскую, где гомогенное соответствие чуваш. *пысăк* – слово *бийик*, по цитированному выше мнению О.Т. Молчановой, «находится в стадии своего терминологического становления». Разная активность *мăн* и *пысăк* может быть связана с различными путями заимствования этих слов. Вопреки М.Р. Федотову, который ограничился сравнением с др.-тюрк. *буң, бөң* «полный, толстый», *буң-*: ~*siz, ~suz* «безграничный, безмерный, неограниченный» [10. С. 118, 124; 21. Т. I. С. 349], имеет смысл привлечь для сравнения перс. *бун* «корень; основание, фундамент», «дно», в осетинском еще «наследство» [1. Т. I. С. 278–279], в «Русско-осетинском словаре» *бын* «корень», *бын* «наследие», *бын(дур)* «основа», *бындур* «фундамент», *бындар* «наследник». С учетом соответствия **б-лм-** в тюркских диалектах, ср. башк. *мау(ыл)* ~ *бау* «веревка», *малсык* ~ *балсык* «почва», *бинжэк* ~ *минжэк* ~ *пиджак*, *батис* ~ *матис* и т.п. [14. С. 198], иран. *теšă* ~ *беšă* «лес», русское диалектное *бусор* ~ *мусор* [9. Т. I. С. 355], *балкан* ~ *малкан* [14. С. 241], выведение чуваш. *мăн* из иран. *бун / бин* фонетически безупречно, семантический переход «основа, основной», «корень, коренной» > «великий, большой» также вполне вероятен, любопытно безосновательно отвергаемое М.Р. Федотовым мнение В.Г. Егорова, который убедительно возводил и чуваш. *аслă* «старший», «высший», «великий» к перс. (араб.) *асл* «корень», «начало», «происхождение», *асли* «основной», «коренной», «главный» [11. С. 35], в «Персидско-русском словаре» осс, мн. ч. *асас* «основание, основа, база» [19. С. 186], т.е. в противопоставлении *Мăн Карачура / Большие Карачуры* ~ *Пёчёк Карачура / Малые Карачуры* скрыто исконное значение «Коренные Карачуры» ~ «Выселок из Коренных Карачур» и так далее по списку.

Что касается чувашского соответствия рассмотренным выше параллелям башк. *бийик, бейек* «высокий; высота; гора», а именно: *bedik, бүjük, бік, бик; биек, бийен, бийерек, пёек, пүйүк, бийик, bedük, бөек, бөйөк, пөзик, бек, пиек, бедик, бедү, беди, пөжик, пүзик, пүзүк, пөзик, бэдү, бөдүк, бадүк, базык, пезик, бүүдүүн, бозорг, падүк, пөзук, бүйүк, бөек, бөйөк, бөйек* (перечислены в последовательности приведения в тексте данной статьи) – *пысăк* «большой», то следует считать это слово поздним заимствованием по двум причинам: 1) его минимальная употребительность в образовании географических названий,

2) наличие озвончаемого **-с-** в положении между гласными (в интервокале), где ожидалось бы **-р-** (в силу характерного для гунно-болгаро-хазаро-чувашской фонетики ротацизма).

Консонантной основой вышеперечисленных тюркских производных параллелей являются $\sqrt{\text{BDK}}$, $\sqrt{\text{BJK}}$, $\sqrt{\text{BZK}}$, в анлауте которых закономерное колебание **В- / Р-**, в ауслауте **-К / -G**, огласовка **-e-/-ö-/-ü-/-ä-** вызвана неравномерным лабиализующим действием губных **В- / Р-** и сингармонизмом, в то время как для предполагаемой болгаро-чувашской параллели консонантной основой должны быть $\sqrt{\text{BRK}}$ или $\sqrt{\text{BRG}}$, рефлексы которых в современном чувашском языке не обнаруживаются, предполагаемые $\sqrt{\text{п(е)р(у)к}}$ / $\sqrt{\text{п(у)р(ё)к}}$ / $\sqrt{\text{п(ы)рăк}}$ на начальном этапе образования системы прачувашских диалектов были утрачены, возможно, по причине равнинного характера их прародины и последующей ойкумены.

В плане межсемейных сопоставлений нет никаких препятствий для сравнения праболгаро-чувашской корневой базы $\sqrt{\text{BRK}}$ / $\sqrt{\text{BRG}}$ с консонантной базой и.-е. параллелей д.-в. нем. *berg* «высота», др.-англ. *béorg*, славян. **bergъ*, и.-е. **bherg'hos* [24. Т. I. С. 140], тохар. *A pār̄k* «подниматься», хетт. *parkus* «высокий» и т.д., при этом следует считать показательными колебания **р- / б-** в анлауте и **-g / -k** в ауслауте. Средненебный характер ауслаутных **-g / -k** вызвал их сатемизацию, переход в **-z / -s**, что и отражает др.-иран. **barz-*, авест. *barəz-* «высокий», ср.-перс., перс. *burz-* «высота» и т.д. по всем историко-этимологическим словарям всех индоевропейских языков. Независимо от того, имеем ли дело с общим генетическим наследием, или предполагается древнейшее влияние/взаимовлияние, переходы должны быть: $\sqrt{\text{BDK}} > \sqrt{\text{BRK}}$, $\sqrt{\text{BDK}} > \sqrt{\text{BZK}}$, $\sqrt{\text{BDK}} > \sqrt{\text{BJK}}$, т.е., исходным для всех форм был $\sqrt{\text{BDK}}$, для аналогии ср. пратюрк. $\sqrt{\text{p}^n \text{adək}} > \text{adək} > \text{azək} > \text{ajak}$: тат. *айак* (*аяк*), алт., хак. *азак*, башк. *азак*, якут. *амах*, болг.-чуваш. **арак* > совр. чуваш. *ора / ура* «нога; ножной»; с пратюрк. $\sqrt{\text{p}^n \text{adək}}$ несомненно сопоставимы и.-е. параллели осет. *fad* «нога»: др.-инд. *pāda-*, латин. *pes, pedis*, греч. *ποδός*, гот. *fōtus*, англ. *foot*, нем. *Fus* «нога» и т.д. [1. Т. I. С. 414].

О препозитивном компоненте *Ак* в составе башк. *Ақбейек* см. предыдущие наши публикации данной серии.

(Продолжение следует)

Литература

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. М.; Л., 1958–1989. Т. I–IV.
2. Аликовская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 636 с.
3. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): в 2 ч. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Ч. I. 240 с.
4. Алишина Х.Ч. Исторический ономастикон сибирских татар: монография. Тюмень: Печатник, 2016. 576 с.
5. Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I. А–Л. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 543 с.; Т. II. М–Я. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 567 с. (на тат. яз.).
6. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахăсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.
7. Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982.
8. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: ИЯЛИ, 1998. Кн. 1. 571 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Четвертое, исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I–IV. С.-Петербург; Москва: Издание т-ва М.О. Вольф, 1911.

10. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
11. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
12. Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города: Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2001. 440 с.
13. Казанцев Д.Е. Республика Марий Эл, Сернурский район: прошлое и настоящее. Историко-лингвистический очерк. Йошкар-Ола, 1999. 104 с.
14. Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
15. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая / Горно-Алт. НИИ истории, яз. и пр.; под ред. А.Т. Тыбыковой. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алтайского кн. изд-ва, 1979. 398 с.
16. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.
17. Нестеров В.А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 352 с.
18. Никитин И.Д. Топонимика (Названия урочищ, оврагов, лесов и ... селений ЧАССР): рукопись // Научный архив ЧГИГН. 1906–1940.
19. Персидско-русский словарь / сост. проф. Б.В. Миллер. 3-е изд. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. 668 с.
20. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
21. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I–II.
22. Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Топонимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1989. 160 с.
23. Этимологический словарь тюркских языков. Т. VII. М.: Наука, 2007.
24. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
25. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

G. KORNILOV

ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XLIV: A-NAMES OF PLACES

Key words: *ethnolinguistics, ethnotoponymy, ethnic history of praturlon and prindeville, oronyms and oikonyms, inter-Turkic parallels, a Bashkir nomenclature term ‘беӱек’ – “height; high; mountain”, a consonant basis, an inter-family etymology, specific moments of ethno-linguistic contacts, a joint genetic inheritance, ancient influences and mutual influences.*

The article object: inter-Turkic parallels stocktaking of Bashkir geographical nomenclature term ‘беӱек’ – “height; high; mountain”; an evidence of borrowed nature of Chuvash homogeneous parallel ‘пысӑк’ – “big; high”, a matching of consonant basics of Turkic generative roots √BDK, √BZK, √BJK, *√BRK, √BRG with a consonant basis Indo-European archetype *bherghos, suggesting ancient inter-ethnic contacts on pre-lingual / pre-ethnic stage. The result of the study are exhaustive lists of Turkic oronyms and oikonyms, formed on the basis of appropriate homogeneous alloforms of investigated Bashkir geographical nomenclature term. Scientific novelty consists in the use of an integrated approach to the solution of the problem posed, as well as in the proof of the comparability of lexical units involved in the comparison. The results of the research in practical terms are intended: 1) to enrich and update the relevant articles of historical and etymological dictionaries of all Turkic, Slavic, Germanic, Romance and Indo-Iranian languages; 2) to clarify the representation of historians and ethnologists / ethnographers about the chronological depth and initial character of specific points of inter-family relations; the latter undoubtedly relates to the problems of glotto-, ethno-, topogenesis. Obvious positive results of the study open up the prospect for a whole series of similar works, consistently devoted to the next class of geographical nomenclature terms within the boundaries of the Altai and Indo-European languages.

References

1. Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka: v 4 t.* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow, Leningrad, 1958–1989, vol. I–IV.
2. *Alikovskaya enciklopediya* [Alikovsky encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, 636 p.
3. Alishina Kh.Ch. *Onomastikon sibirskikh tatar (na materiale Tyumenskoj oblasti)* [The Siberian Tatars' onomasticon on the data of the Tyumen area. 2 vols.]. Tyumen, 1999, vol. 1, 240 p.
4. Alishina Kh.Ch. *Istoricheskii onomastikon sibirskikh tatar: monografiya* [The Siberian Tatars' historical onomasticon]. Tyumen, Pechatnik Publ., 2016, 576 p.
5. Akhmet'yanov R.G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Tatar language. 2 vols.]. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2015, vol. I, 543 p.; vol. II, 567 p.
6. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chăvash sâmakhêsen kêneki* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1–17.
7. Burganova N.B. *O sisteme narodnogo prazdnika dzhien u kazanskikh tatar* [On the system of national holiday dzhien at Kazan Tatars]. In: *Issledovaniya po istoricheskoi dialektologii tatarskogo yazyka* [Studies on the historical dialectology of the Tatar language]. Kazan, 1982.
8. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [The Tatar Hydronymy: the questions of the ethnogenesis of the Tatar people on the hydronymy data]. Kazan, 1998, vol. 1, 571 p.
9. Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Moscow, St. Petersburg, 1911, vol. 1–4.
10. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
11. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary Chuvash]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
12. Ivanov A.G. *Carevokokshajsk v konce XVI–XVIII vekov. Oчерki po istorii uezdnoгo goroda* [Tsarevokokshaisk in the end of XVI–XVIII centuries. Essays on the history of the County town]. Yoshkar-Ola, 2001, 440 p.
13. Kazantsev D.E. *Respublika Marii El, Semurskii raion: proshloe i nastoyashchee. Istoriko-lingvisticheskii oчерk* [Republic of Mari El, Semursky district: past and present]. Ioshkar-Ola, 1999, 104 p.
14. Kamalov A.A. *Bashkirskaya toponimiya* [The Bashkir toponymy]. Ufa, Kitup Publ., 1994, 304 p.
15. Molchanova O.T. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya (Gorno-Alt. Nil is-torii, yaz. i l-ry; pod red. A.T. Tybykovoy)* [Toponymic Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, 1979, 398 p.
16. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographic names]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1996, 254 p.
17. Nesterov V.A. *Naselennye punkty Chuvashskoi ASSR. 1917–1981 gody: spravochnik ob administrativno-territorial'nom delenii* [Settlements of the Chuvash ASSR. 1917–1981 years: a handbook on administrative-territorial division]. Cheboksary: Chuvash Publishing House, 1981, 352 p.
18. Nikitin I.D. *Toponimika (Nazvaniya urochishh, ovragov, lesov i ... selenii ChASSR): rukopis'* [Toponymics (Titles stows, ravines, forests and villages of ChASSR)]. In: *Nauchnyi arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk, 1906–1940* [The scientific archive of the Chuvash state Institute of Humanities. 1906–1940].
19. Miller B.V., ed. *Persidsko-russkii slovar'* [Persian-Russian dictionary. 3rd ed.]. Moscow, State publishing house of foreign and national dictionaries, 1960, 668 p.
20. *Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR* [The Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1980, 199 p.
21. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary Chuvash. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. I–II.
22. Shuvalov N.I. *Ot Parizha do Berlina po karte Chelyabinskoi oblasti Toponimicheskii slovar'. 2-e izd.* [From Paris to Berlin on the map of the Chelyabinsk region. 2nd ed.]. Chelyabinsk, South Ural Publishing House, 1989, 160 p.
23. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [The Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 2007, vol. VII.
24. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.
25. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gennkom@rambler.ru).

Формат цитирования: Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLIV: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 69–77.

УДК В23.32 (470.343) «185/190»
ББК 63.3(2)

С.Е. КОСТОГРЫЗОВА

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЩАН ГОРОДОВ МАРИЙСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: Марийский край, Козьмодемьянск, Царевококшайск, город, мещане, земледелие, скотоводство.

В данной работе исследуется сельскохозяйственная деятельность мещан в городах Марийского края в середине XIX – начала XX в., рассматривается ее разнообразие. Цель исследования заключается в изучении сельскохозяйственной деятельности мещан Царевококшайска и Козьмодемьянска, раскрытии роли сельскохозяйственных занятий для мещанского сословия городов Марийского края. Актуальность данной темы состоит в том, что сельское хозяйство, являясь одним из основных видов хозяйственной деятельности мещанского сословия, играло немаловажную роль в жизни горожан. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые публикуются материалы арендных торгов и актов аренды пашенных, сенокосных и огородных участков, позволяющие сделать вывод о правах и условиях землепользования царевококшайского и козьмодемьянского мещанства. В статье раскрывается значение сельского хозяйства для мещанского сословия в городах Марийского края. Дана характеристика роли сельскохозяйственных занятий среди горожан Царевококшайска и Козьмодемьянска. Освещаются такие вопросы, как сельское хозяйство и садоводство. Затрагивается также проблема права городского землепользования в городах Марийского края. Рассматриваются условия аренды пахотных и сенокосных участков и размеры оброка. Приводится сравнение развития садоводства и огородничества в Царевококшайске и Козьмодемьянске. Рассказано об особенностях распространения скотоводства среди мещан Марийского края, а также о проблемах, которые возникали в этой отрасли. В данной статье рассматриваются условия содержания пастыби, перечисляются виды домашнего скота. Автор приходит к выводу, что уровень развития садоводства и огородничества у мещан Козьмодемьянска был выше, чем у мещан Царевококшайска, что связано с географическими условиями.

Вопрос о сельскохозяйственной деятельности населения городов Марийского края получил освещение в монографиях и обобщающих трудах исследователей социальной структуры населения Царевококшайска и Козьмодемьянска [9, 10]. Однако данная проблема изучена недостаточно и требует дальнейшего исследования и привлечения новых материалов.

Важное значение как исторические источники по изучению сельскохозяйственной деятельности мещан Марийского края имеют воспоминания и записки современников второй половины XIX – начала XX в.: очерки С.М. Михайлова [13], К.С. Рябинского [7], воспоминания Н.А. Крюковой [11]. В полной мере характеризуют сельскохозяйственные занятия мещан архивные материалы Государственного архива Республики Марий Эл (ГАРМЭ) – дела об аренде пахотной и сенокосной земли, содержащиеся в фондах Козьмодемьянской и Царевококшайской городских дум и управ.

Большое значение в хозяйственной деятельности царевококшайских и козьмодемьянских мещан имело сельское хозяйство. Оно являлось дополнительным источником пропитания и заработка. По утверждению Б.Н. Миронова, многие из мещан для промысловых занятий выезжали из городов, а большая часть оставшихся в городах занималась садоводством, огородничеством, хлебопашеством [12. С. 2].

Эти, казалось бы, второстепенные занятия мещан составляли во многих городах промысел более выгодный и наиболее распространенный. Литера-

турный критик и журналист Я. Абрамов писал: «Известный процент мещан занимается во всех городах ремеслами; но большая часть живет, главным образом, доходами от земледелия, занимаясь преимущественно культурой огородных растений: картофеля, капусты и других» [1. С. 2]. В Марийском крае мещане, живущие в малых городах, ничем не отличались по роду занятий от сельских жителей.

На мещанах Козьмодемьянска и Царевококшайска лежали все заботы о благоустройстве городов, поэтому на них распространялись все права, которые давали статус члена городского общества. Одним из важнейших прав было право пользования городскими землями. Большая часть земли находилась в пользовании горожан на общинных началах.

Значительная часть мещан в Козьмодемьянске и Царевококшайске вели натуральное хозяйство: земледелие, садоводство и скотоводство. В Козьмодемьянске, в отличие от Царевококшайска, садоводство и огородничество развивалось как в середине XIX в., так и в конце XIX – начале XX в. В нагорной стороне Козьмодемьянского уезда горожане активно занимались садоводством. По данным 1852 г., у жителей города и уезда насчитывалось до 10 тысяч яблонь различных сортов, соответственно, вишен – 8 тыс., слив – 500, груш – 100; из ягодных кустарников красной и черной смородины – 1,3 тыс., крыжовника – 100, не считая красной и белой малины [2. С. 122–125.]. По данным, которые приводит С.М. Михайлов, в городе имелось 850 огородов на 81 десятина, 400 садов на 44 десятины [6. С. 132].

В урожайные годы приезжали закупщики яблок из Вятской губернии и закупали «большими обозами» [13. С. 133]. Много яблок продавалось на пароходы «особым закупщикам и пассажирам». Автор прогнозировал широкое развитие садоводства и торговли яблоками в Козьмодемьянске, которые должны в будущем составлять важную часть экономики города.

В отличие от Козьмодемьянска в Царевококшайске современники отмечают низкий уровень развития садоводства и огородничества. Неизвестный автор «Очерка о городе Царевококшайске» писал: «Песчаная и иловатая почва не удобна к хлебопашеству, да и сам местный климат мало благоприятствует произрастанию» [5. Л. 11]. Садоводство в данный период в Царевококшайске не было развито. Исследователь пишет, что несколько раз жители предпринимали попытки выращивания фруктовых деревьев и «несколько раз выписывали деревья из Казани и рассаживали в удобренный грунт» [5. Л. 11], но ранние морозы погубили эти деревья. Из записок автора можно сделать вывод, что, несмотря на неблагоприятные климатические условия и почву, жители Царевококшайска прилагали усилия для развития земледелия.

Согласно актам аренды городской земли Козьмодемьянска под огороды в 1891 г. 8 мещан из 22 горожан арендовали участки: Дмитрий Попов, Михаил Губерназаров, Андрей Иголкин, Елизавета Зызарева, Александра Калинина, Авдотья Пономарева, Татьяна Шеина [3. Л. 6]. Размеры огородов, арендованных мещанами, составляли от 102 до 886 квадратных сажень. Городская земля, выдаваемая в аренду под огороды, находилась около зимнего тракта, в поселках Курмыш и Теребиловка [3. Л. 24].

Н.А. Крюкова в начале XX в. отмечала, что любая пожилая мещанка могла иметь около своего небольшого дома десятинный сад [11. С. 241]. В садах росло большое количество вишневых деревьев. Многие горожане имели небольшие сады около своих домов.

Арендатор брал земляной участок под огород сроком на 10 лет, взнос арендной платы он обязан был вносить в начале января, получая от городской управы квитанции, в случае неуплаты в установленный срок накладывалось взыскание в судебном порядке, также арендатор оплачивал судебные издержки и лишался права пользоваться участком. В 1889 г. арендная плата за 1 сажень составляла $\frac{1}{2}$ копейки в год [3. Л. 6].

Современники приводят свидетельства о значительной роли сельскохозяйственных занятий в жизни мещан Марийского края. Так, С.М. Михайлов называет размеры городских угодий: 874 десятины пахотной земли, 1026 десятин сенокосных угодий, под усадьбами и выгонами 221 десятина, 678 десятин леса находилось в пользовании мещан и удельных крестьян, под реками, дорогами и болотами 1064 десятины, а всего 3863 десятины [13. С. 132]. Он отмечал, что «из промыслов, которыми занимаются городские мещане и крестьяне, в последнее время у нас садоводство стало приносить большую пользу» [13. С. 132].

Согласно Географическо-статистическому описанию Козьмодемьянска в 1862 г. земледелием занималось до 94 жителей Козьмодемьянска [15. С. 673]. В 1862 г. городу принадлежало 2302 десятины земли [15. С. 673]. Все сбывали товар в Козьмодемьянске и его уезде по разным ценам. По данным К.С. Рябинского, в конце XIX в. в Козьмодемьянске хлебопашеством занималось 16 мещан [14. С. 19].

Основные очаги пашенного земледелия размещались в правобережной части Козьмодемьянского и в срединной и южной частях Царевококшайского уезда [10. С. 156–159]. В системе земледелия ведущие позиции занимало трехполье: озимые – яровые – пар. Земля под паровым полем «отдыхала», т.е. оставалась незасеянной. Чередование засеянных и незасеянных полос, зерновых культур, внесение навозного удобрения на поля господствовало на всей территории края. В пользовании мещанского общества находилась земля, принадлежащая городу, участки которой сдавались в аренду. В конце XVIII – первой половине XIX в. горожане по возможности старались не терять связи с сельским хозяйством. Самой распространенной зерновой культурой была озимая рожь. Она занимала весь озимый клин. Овсу принадлежало первое место в яровом поле: от одной трети до двух третей площадей. В небольших размерах сеяли полбу, пшеницу, ячмень, гречиху, горох, а также лен и коноплю.

В середине XIX в. размеры хозяйства жителей Царевококшайска составляли 1411 десятин земли (пашни – 312 десятин, сенокосы – 590 десятин, пригородные пастбища – 205 десятин, дровяной лес – 304 десятин), они занимались разведением домашнего скота, хмельниками, промышляли небольшими рыбными ловлями [10. Л. 114–121]. Во второй половине XIX в. население Царевококшайска постепенно отрывалось от земледелия. Хлебопашеством в качестве основного способа заработка в 1869 г. занимался 1 человек [8. Л. 11–59]. Накануне отмены крепостного права из 1651 десятины городской земли под пашней находилось 263 десятины 535 квадратных сажений, под сенокосом – 177 десятин 180 квадратных сажений, под лесом и кустарником – 550 десятин. По более поздним сведениям, из 1748 десятин 876 квадратных сажений городской земли во внутригородской черте находилось лишь 139 десятин 1922 квадратных сажени, 1608 десятин 1354 квадратных сажени – вне городской черты [16. Л. 114–121].

В начале XX в. общая площадь земли у городского общества несколько выросла. Одна лесная площадь в 546,6 десятины располагалась вблизи го-

рода, другая под названием «Самаринская» в 575 десятина находилась в 14 верстах от города. Сенокосные угодья площадью 860 десятина находились вблизи города, а другая часть в 7,5 десятины была расположена в 15 верстах от города на даче. Однако площадь пахотной земли уменьшилась в эти же годы с 263 десятина 535 квадратных сажений до 207 десятина 1882 квадратных сажений. Пахотные земли городское общество с 1905 г. сдавало в аренду на 12 лет по 5 руб. за десятину [9. Л. 114–121]. Из 48 участков, сданных в аренду по 4–6 десятина, мещанам принадлежали 38.

Об условиях аренды пахотной земли свидетельствует «Дело об отдаче в оброчное содержание пахотной земли» [5]. В июне 1849 г. закончился срок содержания пахотной земли, принадлежащей городу, которая находилась в десятилетнем пользовании по доверенности казенного крестьянина деревни Красногорки у козьмодемьянского купца третьей гильдии Матвея Свешникова. Оброк составлял 57 руб. 14 коп. серебром [5. Л. 17–18]. Эти земли, присланным губернатором топографом Терекиным, были разделены на 26 участков.

Согласно кондициям Городской думы, участки огораживали, запрещалось пасти на них скот, чтобы он не мог нанести вред посевам. Арендаторам запрещалось сажать другие растения, кроме хлеба [5. Л. 19–22]. Мещане несли ответственность за содержание и целостность участка. В случае повреждения участка следовало доложить об этом Городской думе. Земельные участки находились у Московской дороги и проселочной дороги к Троицкому посаду, до реки Малой Юнги, через Волгу и по Вятскому тракту. На пустых землях, не занятых пашней, разрешалось пасти городской скот. Арендаторы должны были вносить оброчную сумму. По истечении двенадцатилетнего срока арендаторы обязаны были сдать участки и городьбу в надлежащей исправности.

Во время составления торгового списка на каждый участок претендовало от 8 до 11 человек. Участники торгов предлагали цены годового оброка от 3 до 13 руб. [5. Л. 23–51]. По итогам торгов всего 26 участков было сдано в аренду с 1850 по 1862 г. 22 из них – козьмодемьянским мещанам, остальные – мещанам Троицкого посада. Назначены оброчные цены от 7 до 14 руб. Размеры участков составляли от 5 до 14 десятина, от 552 до 2324 сажений [5. Л. 23–51]. Цена оброка за 1 десятину также была разная и составляла примерно от 1 до 0,5 руб.

В XIX в. мещанам сдавались в аренду сенные угодья, находившиеся на Коровьем острове. В 1843–1848 гг. все сенные покосы на Коровьем острове находились в совместном пользовании мещанина Ильи Сусоколова (с оброком в год 76 руб. 75 коп.) и купца Лариона Толстова (с оброком в год 211 руб. 50 коп.) [4. Л. 5–9]. Топограф разделил землю на участки. Назначен срок – 2 октября. Горожане давали поручительство – согласие на сдачу участка в аренду. Арендатор должен был исправно содержать участок, платить оброк своевременно.

Участки были выданы в оброк мещанам Петру Толстову, Осипу Корнееву, Матвею Толстову, Христофору Замятнину, Михаилу Серебрякову, Василию Замятнину. В результате торгов участки были отданы в аренду семи мещанам, в том числе одному иногороднему, и трем купцам [4. Л. 5–9]. Также козьмодемьянские мещане арендовали участки пашенной земли. Отрезки пашенной земли находились у деревни Красногорки, у Столбовой дороги, ведущей в город Козьмодемьянск, у реки Малой Менги. Они сдавались в аренду мещанам и купцам Козьмодемьянска.

Животноводство являлось второй по значимости отраслью сельского хозяйства. Лошадей, коров, овец, свиней и различную домашнюю птицу содержали не только крестьяне, но и мещане. Мещане разводили скот для своих домашних нужд.

В мае 1861 г. на мещанском собрании рассматривалось прошение мещан Андрея Татарина и Михаила Мурзаева о том, что они желают пасти скот для жителей города по 10 коп. с коровы, 28 коп. с лошади, со свиньи – по 10 коп. и по 10 коп. серебром с каждой крупной овцы [б. л. 14]. Таким образом, наем пастухов и оплата их труда также находились в ведении мещанского общества. Занятие земледелием и животноводством является общей чертой мещанского общества и крестьянской общины. Пастыба скота должна начаться по первому требованию Городской управы и продолжаться до 1 ноября.

Содержатель пастыбы должен иметь достаточное число «благонадежных и трезвого поведения» работников для пастыбы и надзора за городским скотом, которые принимают скот в стадо в утреннее время с восходом солнца и не позже 6 часов утра непосредственно с дворов обывателей и пригоняют при закате солнца прямо во двор каждого [б. л. 14]. Если в стаде окажется скотина с признаками болезни, то ее следует сразу отделить от здорового скота и в тот же день сообщить о ней хозяевам, в полицию и Городскую думу.

За пастыбу скота содержатель получал плату, которая определялась по торгам и устанавливалась Городской управой, но не должна была превышать суммы, установленной Городской думой, т.е. с каждой головы рогатого скота по 1 руб. 5 коп., с телят – по 50 коп., с овец и козы – по 25 коп., со свиней – по 50 коп., с поросят – по 25 коп., с лошади – по 1 руб. [б. л. 1–2]. Отдающий свою скотину домохозяин должен записаться в книге, выданной пастуху, который нес ответственность за сохранность скота. Первую половину платы содержатель получал в начале пастыбы, вторую половину – по ее окончанию. О потере скотины хозяин сообщал пастуху, а пастух обязан был найти ее или заплатить штраф, равный стоимости скотины, указанной в книге.

Во время пастыбы запрещалось заходить на сенные покосы, отданные в оброк. Если во время пастыбы или на дому заболел скот или происходил падеж скота, то пастух обязан был сообщить в Городскую думу, и если на время прекращался выгон скота, то за это время плата с хозяев не бралась. В случае поправки скот запирали в специальных вагонах и об этом сообщалось хозяину.

Крестьянский и любой скот, не записанный в книге, запрещалось брать в стадо. В случае несоблюдения содержатель платил штраф в городскую кассу по 3 руб. с каждой головы и за каждые сутки [б. л. 1–2]. Запрещалось на пастыбе держать скот на одном месте и косить траву на выгоне. После уборки урожая на городской земле и поставки сена в стога разрешалось свободно пасти скот на городской земле. С содержателем заключался контракт, записанный на гербовой бумаге.

Так, например, мещане Марья Гущина, Петр Горяйнов, Михайла Мурзаев изъявили желание стать содержателями скота и представили залог. 27 апреля 1883 г. Царевококшайская городская управа назначила содержателем скота мещанку Марью Степанову Гущину и заключила с ней контракт, где были прописаны данные условия.

Предпринимались меры для пресечения эпидемий сапа и других болезней скота. В «Обязательном постановлении» 1884 г. говорилось, что при заражении домашних животных следует убить животное, а употреблять в пищу и про-

давать мясо запрещается [2. Л. 7]. Если животное заболело лишаем или чесоткой, то при малой ценности животного и опасности для стада его убивали. При заболевании чумой крупного рогатого скота следовало умертвить животное и избавиться от его трупа. Было запрещено продавать лошадей с опухолью.

В 1884 г. имел место случай заражения скота козьмодемьянского стада сибирской язвой, от которой умерла одна корова, принадлежащая марийской общине. В данное стадо в это время не прибыло ни одной коровы. В ближайших к Козьмодемьянску местах, где находилось пастбище, не было ни одного случая заболевания скота заразными болезнями [2. Л. 7].

Скотоводство обеспечивало мещанскую семью на год мясом, молоком, салом, шкурами. Эти продукты потреблялись в качестве пищи семьи или шли на продажу другим горожанам, оказывая, таким образом, существенную помощь в доходе мещанства.

Таким образом, сельскохозяйственная деятельность мещан городов Марийского края сильно зависела от географических условий. Если в Козьмодемьянске был более благоприятный климат и почва для развития пашенного земледелия, садоводства и огородничества, то в Царевококшайске существовали определенные трудности. Это определяло особенности сельскохозяйственной деятельности мещанства в городах Марийского края. Занятие сельским хозяйством сближало мещан Марийского края с мещанством всей России.

Литература

1. *Абрамов Я.* Мещане и «город» // Отечественные записки. 1883. № 3.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГАРМЭ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 305. 17 л.
3. ГАРМЭ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 478. 75 л.
4. ГАРМЭ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 881. 59 л.
5. ГАРМЭ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 274. 56 л.
6. ГАРМЭ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 142. 13 л.
7. ГАРМЭ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 35. 16 л.
8. ГАРМЭ. Ф. 166. Д. 158. Л. 11–59.
9. *Иванов А.Г.* Царевококшайск в конце XVI–XVIII вв. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. 440 с.
10. *Иванов А.Г., Сануков К.Н.* История Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2015. 300 с.
11. *Крюкова Н.А.* Догогорающий сад. Йошкар-Ола: Татьянин день, 2013. 308 с.
12. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990.
13. *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
14. *Рябинский К.С.* Город Козьмодемьянск Казанской губернии. Казань: Тип. Губернского правления, 1890. 23 с.
15. *Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т. 2. С. 673.
16. *Чимаев А.Н.* Сословно-классовая структура населения города Царевококшайска в конце XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2010. № 20. С. 114–121.

КОСТОГРЫЗОВА СОФИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (kostogryzova91@mail.ru).

S. KOSTOGRYZOVA

AGRICULTURAL ACTIVITIES OF THE SUBURBANITES IN THE TOWNS OF THE MARI REGION IN THE MIDDLE OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Key words: the Mari Region, Kozmodemyansk, Tsarevokokshaisk, city, suburbanites, agriculture, cattle breeding.

The work studies the agricultural activities of the suburbanites in the towns of the Mari region in the middle of the 19th – beginning of the 20th centuries as well as their diversity. The aim of the research is to study the agricultural activities of the suburbanites in the towns of

Tsarevokokshaisk and Kozmodemyansk, to reveal insights into the role of agricultural activities for the suburban class in the towns of the Mari region. The relevance of this topic is that agriculture, being one of the main types of economic activity of the bourgeois class, played an important role in the lives of townspeople. Scientific novelty of the research is that it is for the first time that materials on rent biddings and acts of renting arable, hay-making and vegetable plots are published, which make it possible to make the conclusion on the terms and conditions of land use by Tsarevokokshaisk and Kozmodemyansk petty bourgeoisie. The article gives insight of the importance of agriculture for the bourgeois class in the towns of the Mari region. It gives the characteristic of the role of the agricultural activities among townspeople of Tsarevokokshaisk and Kozmodemyansk. Issues such as agriculture and horticulture are covered. The problem of urban land use rights in the towns of the Mari region is also touched upon. The terms of leasing arable and hay-making plots and the size of the payment are considered. Development of horticulture and gardening in Tsarevokokshaisk and Kozmodemyansk are compared. The article tells about the features of cattle-breeding distribution among the suburbanites in the Mari region, as well as about the issues that arose in this industry. This article discusses the conditions of pasturing; it lists the types of livestock. The author comes to the conclusion that the level of gardening and horticulture development among the townspeople of Kozmodemyansk was higher than that of the townspeople of development of gardening and horticulture among the townspeople of Kozmodemyansk was higher than that of among the townspeople of Tsarevokokshaisk, which is explained by geographical conditions.

References

1. Abramov Ya. Meshchane i «gorod» [Commoners and city]. *Otechestvennye zapiski*, 1883, no. 3.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 16. Op. 1. D. 305. 17 l. [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 16. Anagraph 1. Document 305].
3. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 16. Op. 1. D. 478. 75 l. [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 16. Anagraph 1. Document 478].
4. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 16. Op. 1. D. 881. 59 l. [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 16. Anagraph 1. Document 881].
5. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 17. Op. 1. D. 274. 56 l. [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 17. Anagraph 1. Document 274].
6. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 45. Op. 1. D. 142. 13 l. [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 45. Anagraph 1. Document 142].
7. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 166. Op. 1. D. 35. 16 l. [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 166. Anagraph 1. Document 35].
8. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 166. D. 158. L. 11–59 [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 166. Document 158].
9. Ivanov A.G. *Tsarevokokshaisk v kontse XVI – XVIII vv.* [Carevokokshajsk at the end of 16th–18th centuries.]. Yoshkar-Ola, Mari University Publ., 2011, 440 p.
10. Ivanov A.G., Sanukov K.N. *Istoriya Marii El* [History Of Mari El]. Yoshkar-Ola, Mari University Publ., 2015, 300 p.
11. Kryukova N.A. *Dogorayushchii sad* [Dying garden]. Yoshkar-Ola, Tat'yanin den' Publ., 2013, 308 p.
12. Mironov B.N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [Russian town in 1740-1860-ies: demographic, social and economic development]. St. Petersburg, 1990.
13. Mikhailov S.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2004, 510 p.
14. Ryabinskii K.S. *Gorod Koz'modem'yansk Kazanskoi gubernii* [The city of Kozmodemyansk Kazan province]. Kazan, 1890, 23 p.
15. Semenov P.P. *Geograficheskoe-statisticheskii slovar' Rossiiskoi imperii* [Geographical and statistical dictionary of Russian Empire]. St. Petersburg, 1865, vol. 2, 673 p.
16. Chimaev A.N. *Soslovno-klassovaya struktura naseleniya goroda Tsarevokokshaiska v kontse XIX – nachale XX v.* [Class structure of the population of the city of Carevokokshajsk in the late 19th and early 20th centuries]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik*, 2010, no. 20, pp. 114–121.

KOSTOGRYZOVA SOFIA – Post-Graduate Student, Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (kostogryzova91@mail.ru).

Формат цитирования: Костогрызова С.Е. Сельскохозяйственная деятельность мещан городов Марийского края в середине XIX – начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 78–84.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)5

А.В. МАНЬКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: КАК ОН НАЧИНАЛСЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ?

Ключевые слова: революционный терроризм, Поволжье, партия социалистов-революционеров (ПСР), средневожские эсеры, военнослужащие, революционная месть.

В рамках террористической практики партии социалистов-революционеров в начале XX в. действовало несколько летучих боевых отрядов областных организаций и боевые дружины при местных комитетах. При этом террористические акции осуществлялись в различных регионах страны. В число очагов революционно-террористического насилия в период Первой русской революции входило и Среднее Поволжье. Когда началось это насилие? Что к этому привело? Кто в первую очередь входил в число жертв террористов в исследуемом крае? Автор повествует о начале террористической деятельности средневожских эсеров. Сделан вывод о том, что активное участие армии в карательных операциях против крестьян и репрессиях против революционно настроенных горожан сделало главными объектами революционного терроризма в Среднем Поволжье военнослужащих высшего звена. В числе жертв террора оказался даже бывший военный министр. Основным мотивом терактов была революционная месть.

История отечественного терроризма имеет давнюю традицию, обусловленную, в первую очередь, накалом социально-политической борьбы русских революционеров против самодержавия [27]. Первым относительно последовательным идеологом и представителем революционного терроризма в России является С.Г. Нечаев [3. С. 38]. Идеи террора в российском революционном движении в той или иной степени поддерживались и пропагандировались П.Н. Ткачевым, В.А. Осинским, А.И. Желябовым и другими известными оппозиционерами [40. С. 72, 75, 95, 113]. Симпатизировал террору знаменитый русский революционер П.А. Кропоткин [21. С. 386–392]. Идеология террора послужила одним из обоснований деятельности крупнейших революционных организаций XIX в. «Земля и воля» и «Народная воля» [3. С. 44–45; 12. С. 6–8].

В начале XX в. терроризм постепенно стал, как это ни парадоксально, обыденным явлением общественно-политической жизни огромного государства. На острие насилия находилась партия социалистов-революционеров (эсеров), которая, пожалуй, была единственной серьезной политической силой России, обосновавшей этот метод борьбы с царизмом, в частности, «теорию неуловимости» отдельных террористов и социологическую «теорию героев и толпы» эсеровского кумира Н.К. Михайловского [3. С. 134–142; 6. С. 66–69; 11. С. 52–55; 12. С. 8].

Изучение терроризма революционеров прошлого в нашей стране оказалось непростым и противоречивым процессом. Первым профессиональным российским исследователем террора, по всей видимости, следует считать одного из современников партии эсеров русского публициста и издателя В.Л. Бурцева [4]. Бывший народоволец отмечал, что террористическая деятельность Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО ПСР) в 1902–1905 гг. с энтузиазмом встречалась в российском обществе и имела «общеевропейское значение» [4. С. 45–46]. В своей работе автор привел многочисленные примеры терактов, совершенных эсерами в годы революции 1905 г. [4. С. 132–133]. Значительное место фактам террористической деятельности

эсеров уделил в своей книге профессиональный историк член ЦК партии меньшевиков Б.И. Николаевский [33]. В практических целях противодействия насилию революционеров до октября 1917 г. о терроре много писал талантливый «жандарм-историк» и автор двух крупных работ по истории революционного движения генерал А.И. Спиридович [41, 42]. Бывший начальник охраны государя-императора, пожалуй, первым ввел в оборот термин «массовый террор местных боевых дружин» [41. С. 160]. В своих изданиях он приводит многочисленные примеры практики эсеровского террора. Так, автор указал, что в Саратове 18 ноября 1905 г. член боевой дружины покушался, но безуспешно, на жизнь губернатора Кнолля [41. С. 218]. Пишет он также и об убийстве в Пензе пехотного генерала Лисовского [42. С. 95]. Не осталась без внимания Спиридовича и деятельность эсеров Самары, о которой офицер написал в своей работе: «28-го, на платформе станции Самара, было совершено второе покушение на начальника местного гарнизона генерала Сергеева; была брошена бомба, взрывом которой генерал был легко ранен; покушавшийся схвачен и избит публикой до потери сознания» [41. С. 218]. Правда, во всех отмеченных случаях Спиридович не указывает фамилий террористов.

В условиях еще имевшей место гласности 1920-х гг. даже народный комиссар просвещения Советской России и ученый А.В. Луначарский не обошел своим исследовательским вниманием партию эсеров. В очерке «Бывшие люди» он положил начало научному процессу изучения личностей эсеровского террора и дал яркие характеристики лидерам БО ПСР. Луначарский полагал, что именно террористическая деятельность довела эсеров до практически полного разгрома [25]. Однако в 1930-е гг. проблема терроризма в исполнении отечественных революционных партий и организаций по ряду причин была элиминирована из пространства научного исследования в нашей стране.

Перемены, происшедшие в СССР, а впоследствии в Российской Федерации в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг., создали новые условия для изучения темы террора и ознаменовали следующий этап в ее исследовании. Революционный терроризм стал объектом работ К.В. Гусева, О.В. Будницкого и Р.А. Городницкого [3, 7–12]. Так, в центре повествования монографии Р.А. Городницкого находится история Боевой организации партии социалистов-революционеров [8]. Книга К.В. Гусева более традиционна по выбору тем и менее богата новыми фактами [12]. Монография О.В. Будницкого значительно основательней, в ней обращается внимание на психологическую составляющую террора. Однако труд О.В. Будницкого построен в основном на событиях общероссийского масштаба, материалов о происходящем в провинции очень мало, поволжских теракты не упоминаются вообще.

В этом отношении более широкий географический охват присутствует у американско-израильского историка А. Гейфман, в силу чего и картина революционного террора становится более полной [6]. Так, ученая приводит данные об убийстве в Самаре в 1906 г. губернатора Блока и террористе, совершившем покушение [6. С. 102]. В то же время, как верно заметил О.В. Будницкий, для А. Гейфман характерен упрощенно-негативистский подход к обрисовке носителей террора [3. С. 25–27].

При оценке как самой ПСР, так и терроризма эсеров в отечественной историографии в 1990-е гг. существовало немало штампов. В частности, отечественные ученые Г.С. Аноприева и Н.Д. Ерофеев отмечали, что «известность эсеров была связана главным образом с их террористической деятельностью»

[1. С. 158]. Характеризуя эсеровский террор, они заострили внимание на том, что в годы революции его характер изменился и приобрел децентрализованный характер, «стараниями, прежде всего Азефа», что в настоящем очень дискуссионно [1. С. 159]. Точно такого же мнения о партии эсеров придерживаются и авторы «Истории политических партий России», изданной в 1994 г. В главе, посвященной ПСР, они также дополнительно подчеркнули, что «центральный террор был сферой деятельности Боевой организации» [18. С. 114]. Однако о так называемом «местном терроре» в этом авторитетном издании не было сказано ни слова. О «местном терроре» не сообщают и другие крупные исторические издания начала 1990-х гг. [16]. Со столичными учеными соглашается казанский историк А.Л. Литвин, который писал, что «известность партии на первых порах принесли террористические акты – убийства российских министров внутренних дел, губернаторов, шефов жандармов» [24. С. 21]. Многочисленные работы, упоминающие об эсеровском терроре, на наш взгляд, преувеличивали роль БО ПСР в террористической тактике ПСР. В то время как после удачного покушения на великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г., который был «ответственен за ходынский катастрофу 1896 г.», до конца Первой русской революции ни одного «удачного теракта» БО ПСР не осуществила [11. С. 19; 12. С. 59].

А что происходило в это время в российских регионах? В годы революции 1905 г. территорией, в которой активно действовала партия социалистов-революционеров, стало Поволжье, о чем мы уже писали ранее [28, 29]. В то же время терроризм эсеров в регионе («региональный терроризм») на первом этапе революции продолжает оставаться недостаточно изученным социальным явлением. В целом проблема регионального террористического насилия по-прежнему не является доминирующей у исследователей данной темы. Так, региональные поволжские авторы не уделяют должного внимания терроризму в первый год революции, что видно на примерах работ пензенского ученого В.Ю. Карнишина и ульяновского историка В.Н. Кузнецова [20, 22]. К числу актуальных работ относятся диссертационные исследования, проведенные в средневолжском регионе. К наиболее полезным из них для нашей темы могут служить, например, работы И.В. Капитонова, В.В. Макаревского, С.В. Мосолкина, Г.В. Романовой, А.В. Хабибрахмановой, выполненные на материалах Среднего Поволжья [19, 26, 31, 38, 43]. Так, ульяновский историк Романова в своей работе указала, что партия социалистов-революционеров с момента своего зарождения теоретически признавала террор как допустимый метод борьбы, но считала, что для его применения в России отсутствуют необходимые условия [38. С. 16]. Местный террор находился в ведении террористических структур региональных организаций различного уровня. В связи с этим определенный интерес представляют работы пензенского автора А.Б. Полякова, анализирующего террористическую практику пензенских эсеров в регионе в 1905–1906 гг. [34–36]. Интересен его вывод о том, что «сильные позиции эсеров в Поволжском регионе, который с некоторыми оговорками можно назвать колыбелью социально-революционной мысли, обусловили рано возникшие устойчивые связи местных комитетчиков с представителями центральных организаций партии, в том числе, и террористических» [36. С. 909]. Другой пензенский исследователь Г.В. Гарбуз подчеркнул, что «резкий всплеск освободительного движения в Самаре произошел осенью 1905 г., а в Пензе – летом 1906 г.» [7. С. 242]. В то же время, несмотря на проведенные ранее исследования, имевшие место противоречия в освещении терроризма эсеров в Поволжье продолжают существо-

вать. В первую очередь это связано с отсутствием полной ясности о количестве проведенных эсерами в Среднем Поволжье терактов. Даже работы поволжского патриарха «эсеровского цеха исследователей» М.И. Леонова, на наш взгляд, не дают ясного представления о терроре эсеров в Среднем Поволжье в 1905 г. [23]. Мы уже писали о том, что в конце 1905 г. началась организованная террористическая деятельность эсеров в Среднем Поволжье [28. С. 105]. Однако имеющиеся отдельные наработки по теме и недостаточная изученность многих важных вопросов, а также наличие спорных точек зрения позволяют говорить о необходимости продолжения разработки темы. Ключевыми при этом являются вопросы о причинах и времени начала террористических действий организаций ПСР. Научный анализ терроризма прошлого важен в настоящем в интересах дальнейшего противодействия государства террористическому насилию, имеющему место в современном обществе. Цель работы состоит в выявлении основных особенностей революционного терроризма в Среднем Поволжье на первом этапе революции 1905–1907 гг.

В Поволжье, по оценке М.И. Леонова, находились самые сильные организации эсеров [23. С. 49]. Местные партийные структуры часто посещали видные эсеровские лидеры и пропагандисты террора Г.А. Гершуни, Е.К. Брешко-Брешковская и др. [29. С. 158–159]. В конце 1905 г. в Среднем Поволжье, как и в большинстве регионов страны, происходит радикализация общественной жизни, отразившаяся в росте преступности и митинговой эйфории в городах. Так, 23 ноября 1905 г. на станции Симбирск состоялось собрание железнодорожников для выборов и организации комиссии по вопросам быта рабочих и служащих и разбора других вопросов. В собрании принимали участие представители революционных партий, в частности видные симбирские эсеры К.В. Родионов, А.С. Поляков и С.И. Романов [13. Д. 202. Л. 376]. Открыл собрание Романов, который сказал: «Манифестом 17 октября дана свобода слова и собраний» [13. Д. 202. Л. 374об]. Родионов и Поляков в своих речах призвали «свергнуть монаршую власть и тогда власть перейдет к народу, и народ сам будет избирать себе начальство» [13. Д. 202. Л. 376об.]. Однако в Симбирске и губернии дальше слов и призывов к восстанию дело не пошло.

В Казани эсеры и социал-демократы пошли дальше: в октябре в результате совместных митинговых действий они создали орган государственного управления – коммуну [42. С. 21].

В Мордовском крае события революции нашли свое отражение в многочисленных крестьянских выступлениях. Особняком, как указывал И.В. Капитонов, стоит «Рузаевская республика» декабря 1905 г. [19. С. 303–304].

Обратимся к террористической практике эсеров Среднего Поволжья. Покушение 30 июля в Самаре боевиком Марковым на помощника пристава, который был ранен, не было чем-то необычным для периода революционной смуты [22. С. 7]. К концу лета 1905 г. насильственные действия против представителей правоохранительных органов были частым явлением в разных российских регионах. Так, 29 апреля в Поволжье членом партии эсеров Никифоровым был убит начальник Нижегородского охранного отделения Грешнер [41. С. 259].

Что было нового в Среднем Поволжье? Спиридович отмечал, что «отдельные теракты со стороны партии продолжались и после 17 октября» [41. С. 218]. В то же время «после появления манифеста, Центральный Комитет постановил прекратить временно “центральный террор”, но вместе с тем он

решил продолжать боевые действия против непосредственных усмирителей разных восстаний и беспорядков» [40. С. 218]. В этот период в средневолжском крае разворачивается настоящая «охота» на крупных региональных чиновников и высших военных чинов. Эти действия, пожалуй, не имели в это время аналогов в других регионах империи, за исключением соседнего Центрального Черноземья, где наибольшую активность проявлял Тамбовский губернский комитет ПСР [12]. Подобная ситуация была обусловлена не столько решениями ЦК ПСР, сколько, в том числе, слабостью местных революционных комитетов, восприимчивых к тактике революционного террора и не способных организовать массовые революционные выступления. Пионером этого процесса, как и следовало ожидать, явился Саратов, где местная администрация придерживалась ярко выраженной жесткой позиции по отношению к губернскому крестьянству и своим политическим противникам в городах. 18 ноября 1905 г. член боевой дружины Саратовского комитета партии эсеров никольский помещик К.Д. Бакшанов покушался на жизнь местного вице-губернатора И.Г. Кнолля [22. С. 7]. В Кнолля была брошена бомба, которая не разорвалась. Бросивший бомбу человек попытался убежать с места теракта, но был пойман. Впоследствии он объяснил, что против Кнолля он ничего не имеет, а мстит ему за погромы. Осенью 1905 г. чиновник распорядился, в частности, произвести аресты среди эсеров и социал-демократов [20. С. 52]. Вполне естественно, что его решительные действия не могли не вызывать ответной насильственной реакции со стороны экстремистски настроенных оппозиционеров.

В том же время в ноябре 1905 г. от Боевой организации ПСР в Поволжье из Москвы через Пензу был отправлен Летучий боевой отряд ПСР «для совершения покушения на командированного по Высочайшему повелению в Саратов по делу аграрных беспорядков генерал-адъютанта Сахарова. В отряд входили Анастасия Биценко и Борис Мищенко-Вноровский (23 апреля 1907 г. он бросил бомбу в Москве в проезжавшего генерал-губернатора Дубасова)» [41. С. 218]. В Саратове члены отряда вошли в соприкосновение с местным комитетом ПСР, о чем подробно пишет пензенский автор А.Б. Поляков [36. С. 906]. 22 ноября Биценко несколькими выстрелами убила его. Бывший военный министр России генерал-лейтенант В.В. Сахаров был главным усмирителем крестьянских беспорядков [11. С. 61]. Его направил лично император Николай II для подавления аграрных выступлений Саратовской и Пензенской губерниях [20. С. 62]. В день убийства в 14 часов 30 минут Биценко явилась в дом губернатора Столыпина, где проживал Сахаров, под видом просительницы и во время передачи «прошения», в котором содержался текст смертного приговора, тремя выстрелами из револьвера застрелила генерала. Террористка была тут же схвачена и позднее приговорена к смертной казни, затем замененной каторгой [17. С. 375].

В.В. Сахаров, по нашему мнению, явился первым военнотружущим – жертвой террора эсеров в годы революции. Тем самым именно в Среднем Поволжье было положено начало покушениям на царских генералов и офицеров, ставшим затем постоянным явлением для «революционной смуты 1905 г.». Сама же А.А. Биценко (урожденная Камористая) после октябрьской революции играла видную роль в партии левых эсеров, а затем перешла в ВКП (б) [42. С. 263].

Крупным центром революционного движения в Среднем Поволжье являлась Самара, которую в течение года неоднократно посещали эсеровские лидеры из центра И.И. Бунаков (Фондаминский) и Н.Д. Авксентьев [1. С. 154]. Особо активизировалась деятельность эсеров в губернии в октябре – декабре 1905 г.

Во многом, по нашему мнению, это было связано с приездом в Самару крупных партийных работников М.А. Веденяпина (прибыл 1 ноября) и В.П. Троицкого (прибыл 4 ноября). Ключевой фигурой самарских эсеров в этот период был, несомненно, Веденяпин, являвшийся известным функционером боевой работы [1. С. 197–198]. Михаил Александрович Веденяпин (партийная псевдоним «Ташкентец») родился в 1880 г. (по другим данным в 1879 г.) в Саратовской губернии, являлся внебрачным сыном дворянина и учился в Новоалександровском сельскохозяйственном институте. До осени 1905 г. он находился в эмиграции. По прибытии Веденяпина в Самару местные эсеры организовали свою боевую дружину [1. С. 198]. Троицкий возглавил военную организацию эсеров [1. С. 198].

В октябре ситуация в Самаре начала накаляться [15. Д. 408. Л. 168]. Эсеры совместно с социал-демократами призывали к бойкоту булыгинской Думы и вооруженному восстанию [37. С. 104]. Демонстрация 13 октября переросла в вооруженное столкновение с полицией [20. С. 52]. С середины ноября в Самаре упорно распространялись слухи о готовящемся восстании. Несмотря на тревожную ситуацию, власти не растерялись, как в октябре 1905 г., а в целом контролировали ситуацию, располагали достаточными резервами, чтобы в нужный момент парировать любые неожиданные выпады: в их распоряжении были казаки, 312-й Березинский пехотный полк и другие воинские части. Железнодорожные войска контролировали вокзал, а саперы заняли здание железнодорожного телеграфа. В городе действовал Комитет общественной безопасности (КОБ) во главе с Н.Д. Батюшковым, в который входили кадеты, эсеры и социал-демократы [20. С. 52].

Администрацию города тревожило положение дел в 3-й запасной артиллерийской бригаде. Офицеры бригады заявляли, что «нижние чины попали под влияние крайних партий» [37. С. 136]. 27 ноября на совещании командиров частей и старших штаб-офицеров гарнизона, проходившем под руководством генерала Сергеева, было решено обезвредить бригаду, поскольку начальство не ручалось за верность не только солдат, но и некоторых офицеров, и с этой целью арестовать подполковника фон Гальбена, военную организацию эсеров, а также вынуть из всех орудий замки. Как следствие, в дальнейшем казачья сотня подполковника Кременцова окружил казармы артиллеристов и сбила замки с орудий [20. С. 58].

В это напряженное время не дремало и Губернское жандармское управление: в первые дни декабря оно известило начальство об усиленной подготовке революционеров к восстанию, комплектовании боевых дружин, приобретении оружия (его покупали в магазинах, а также экспроприировали из арсеналов; так, например, 12 ноября из оружейного склада 3-й артиллерийской бригады изъяли 50 револьверов), выработке планов нападения на административные учреждения. По полученным сведениям, на 10 декабря в самарском Народном доме имени А.С. Пушкина (ныне клуб имени Революции 1905 г.) объявлялся сбор дружинников с тем, чтобы 11 декабря начать восстание [20. С. 58].

К этому времени в Народном доме находились, по одним данным, полторы, по другим, две, а по третьим – даже три тысячи человек [37. С. 110–111]. Главным образом, это была ежедневно митингующая публика, а также дружинники – несколько десятков, но не более 70. Сгоряча они решили держаться: забаррикадировали окна и двери, а на требования сдать бросили с балкона в сторону осаждавших две самодельные бомбы (по сообщению губернатора Д.И. Засядко – четыре), которые, однако, не взорвались; кроме того, прозвучал одинокий оружейный выстрел. Спустя два часа командующий

сводным отрядом полковник Баранов объявил, что если через пять минут окруженные не сдадутся, он прикажет начать атаку. Положение было безвыходным: собравшиеся в Народном доме согласились сдать оружие и разойтись. Во время переговоров известные революционеры сбежали через прилегающий сад. В здание вошла караульная рота; обыски шли до часу ночи, обнаружили несколько разрывных снарядов, ружей, холодное оружие; всех отпустили, многих избили; двое получили тяжелые телесные повреждения, один подросток скончался [20. С. 58–59]. Поздние рассказы о попытке председателя Совета рабочих депутатов оказать помощь осажденным извне, по видимому, легендарны; в донесениях официальных лиц, зафиксировавших мельчайшие подробности событий 10–11 декабря, об этом не упоминается.

Отчаянная попытка революционеров потерпела поражение. Власти имели полное превосходство в силе, и уже в ночь на 11 декабря начали наводить порядок: арестовали известных революционеров, в первую очередь, эсеров: С. Девятова, И.И. Лукасинского и других, которых очень опасались. В половине девятого вечера 10 декабря Народный Дом окружили четыре роты солдат, две сотни казаков и наряд полиции. Поводом послужило то, что губернатору стало известно о намерении оппозиционеров выступить для разоружения складов с боеприпасами Самарского гарнизона [20. С. 58].

Губернатор Д.И. Засядко, верный своей натуре, желая завершить дело благопристойно, послал полковнику Баранову записку с просьбой без насилия выпустить публику из Народного Дома. Порядок на улицах обеспечивали патрули. Были прекращены несанкционированные митинги, демонстрации, собрания, в том числе и в Народном Доме. Социал-демократы 12 декабря в помещении общества приказчиков намеревались провести митинг. К девяти часам вечера, как только собралась публика, прибыл пристав с нарядом казаков и предложил разойтись. Организаторам, сославшимся на Манифест 17 октября, он пояснил: «То было 17 октября, а теперь 12 декабря».

Губернатор 11 декабря предложил открыть магазины, обещая защищать их с помощью военной силы, если кто будет мешать торговле. На следующий день порядок в городе, в основном, был восстановлен: работали магазины, административные учреждения, почти все промышленные предприятия. Частичная забастовка до 21 декабря продолжалась лишь на железной дороге. 15 декабря в последний раз нелегально собрался Совет рабочих депутатов и подтвердил целесообразность прекращения политической забастовки. Городская дума 13 декабря энергично отмежевалась от Комитета общественной безопасности (КОБ) и обратилась с просьбой к губернатору привлечь комитет «к законной ответственности за неправильно присвоенные им функции». Купечество выделило для поощрения нижних чинов Березинского полка, «усмирителей крамолы», 500 рублей. Коммерческое собрание чествовало полковника Баранова – «освободителя» Самары от «революционного террора». КОБ на своем последнем заседании 13 декабря констатировал сильное как моральное, так и материальное «ослабление»; к этому времени его покинули 15 «отцов основателей». Принятое постановление о продолжении деятельности было чисто символическим: КОБ незаметно сошел со сцены.

В целом за период с 15 декабря 1905 г. по 15 января 1906 г. в Самаре было арестовано 200 социал-демократов, многие оставшиеся на свободе бежали в другие города, ликвидированы многие уездные группы. Эсеры потеряли не только уездные, но и крестьянские ячейки. Обе организации лишились

легальных газет: «Самарский курьер» с 31 декабря 1905 г. стал органом комитета кадетской партии, а «Самарская газета» с конца 1905 г. испытывала очень большие финансовые трудности. К началу 1906 г. в губернских тюрьмах находилось около двухсот политических заключенных. Нелегко приходилось даже умеренным либералам-кадетам, из организации которых в январе 1906 г. вышло их немало, напуганных событиями предыдущих месяцев.

Революционеры растерялись. Однако, как пишет ульяновский ученый М.Н. Вязьмитинов, выполнение армией карательных функций предопределило ответную реакцию со стороны революционеров [3. С. 375]. Вначале среди них шли разговоры о партизанской войне, затем – о терроре. Самарский комитет социал-демократов на заседании 11 декабря официально от применений индивидуальных покушений отказался; эсеры, напротив, еще больше усилий направили на то, чтобы «революционно» наказать карателей. Главным объектом возмездия был выбран начальник самарского гарнизона генерал Сергеев. Генерал, в частности, был военным организатором разгрома Народного дома – цитадели революционной Самары осени 1905 г. [20. С. 58–59]. Эсеры смогли совершить в конце декабря 1905 г. на него два покушение [14. Д. 415. Л. 60; 15. Д. 662. Л. 713]. 15 декабря на площади за губернской земской больницей в ехавшего на пролетке генерала три раза стрелял солдат, член военной организации эсеров С.С. Власов. Все три выстрела не достигли цели. Сергеев остался невредимым, а Власов был схвачен и сразу же подвергся жестокому избиению [37. С. 153]. Власова впоследствии осудили на 15 лет каторги. Интересно отметить, что в этот день – 15 декабря в Самаре состоялось последнее заседание Совета рабочих депутатов. На нем была принята резолюция протеста против разгрома царскими войсками собрания в Народном доме [32. С. 242]. Советом, в котором преобладали социал-демократы (из 40 депутатов – 25 были эсдеками), руководил известный большевик Н.Е. Вилонов (партийный псевдоним – «Михаил Заводской») [32. С. 229].

Неудача не остановила революционеров. В ночь на 28 декабря на вокзале г. Сызрань при отъезде Сергеева к новому месту службы на него было совершено новое покушение. Осколком брошенной с перрона под вагон бомбы генерал был легко ранен в лицо. Покушавшийся – член партии эсеров и ЛБО Поволжской области кровельщик Н.М. Жуков – был схвачен жандармами. Он был подвергнут жестокому избиению и в бессознательном состоянии отправлен в тюрьму. 10 апреля 1906 г. в Сызрани состоялся военный суд, который вынес Жукову смертный приговор. Однако смертная казнь совершена над ним не была и впоследствии заменена 15 годами каторжных работ [37. С. 157].

В Пензенской губернии 18 ноября 1905 г. было введено военное положение. Генерал Сахаров создал отряды стражников и отдал под суд более 600 местных крестьян. Однако в декабре 1905 г. его застрелила «дама, приехавшая из Пензенской губернии». Убитого Сахарова на посту сменил генерал К. Максимович, стянувший в Пензу войска. Однако эта мера спокойствия властям не принесла. Вечером 2 января 1906 г. в центре Пензы жертвой боевика стал начальник местного гарнизона и командир 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенант В. Лисовский [22. С. 7]. Следствием было установлено, что подпленные пули, найденные в теле убитого, по характерным признакам свидетельствовали о принадлежности убийцы к боевой организации эсеров. Убийство, по мнению прокурора, было совершено по ошибке: террорист метил в начальника ГЖУ генерала Прозоровского, который старался скрыть свою внеш-

ность таким же способом, как и Лисовский, надевая папаху, которая закрывала его лицо, направляясь в глухие места города, где он появлялся, будучи любителем «ухаживать за девицами легкого поведения» [20. С. 62].

В конце месяца – 26 января 1906 г. в Пензе произошло еще одно громкое преступление. Утром возле Спасского кафедрального собора был убит пензенский полицмейстер Д.Д. Кандауров [22. С. 7]. Убийца тут же был задержан двумя городскими и солдатом-свидетелем преступления. Боевиком оказался член ПСР, бывший воспитанник рисовальной школы В.Н. Васильев. При нем был обнаружен браунинг с четырьмя патронами. Пули были нарезными и в одной из них оказался яд. Васильев являлся уроженцем Пензы, ему было 20 лет. Ранее он дважды уже привлекался к дознанию по политическим делам. Убийство было совершено им по решению партийного собрания. 28 февраля 1906 г. военный суд приговорил Васильева к 10 годам каторжных работ. Однако он бежал из-под стражи, правда, вскоре вновь был арестован в Женеве и как уголовник выдан России с лишением всех прав состояния. Срок наказания был оставлен прежним [30].

Царской армии дорого обошлась «революционная смута». По данным периодической печати, в 1905 г. было убито и ранено 33 офицера и генерала и 413 нижних чинов, а в феврале–мае 1906 г., соответственно, 61 и 164 [5]. В Главном штабе считали, что при содействии местным властям в 1905 г. было убито, ранено и ушиблено 14 офицеров и 323 низших чина [39]. Часть из этих жертв пришлось на Среднее Поволжье (Саратов, Самара, Пенза).

Летом 1906 г. с убийства в центре Самары губернатора Блока началась «вторая волна» революционного терроризма в Среднем Поволжье. 21 июля 1906 г. рабочий-столяр член боевой организации партии эсеров Г.Н. Фролов бросил в экипаж губернатора бомбу. Родственник знаменитого русского поэта Иван Львович Блок погиб на месте [14. Д. 861. Л. 1].

Таким образом, средневожские эсеры уже в 1905 г. отметились серией громких терактов (за 5 месяцев было совершено 7 терактов). Террористические методы противостояния стали активно использоваться местными организациями партии. Количество этих действий выросло к концу декабря – началу января и достигло своего пика за весь первый этап революции. Тем самым было положено начало региональному революционному терроризму в Среднем Поволжье. Объектами терроризирования в крае выбирались крупные региональные гражданские и военные чиновники, а также представители правоохранительных органов, проявлявшие наибольшую активность в деле подавления революционных выступлений в губерниях, при этом так называемое гражданское население несколько не задевалось. Активное участие царской армии в карательных операциях против крестьян и репрессиях против революционно настроенных горожан сделало главными объектами революционного терроризма военнослужащих высшего звена. Мишенями для эсеров выступили, в первую очередь, воинские чины, принимавшие непосредственное участие в подавлении революционных выступлений как в городе (генерал Сергеев), так и в сельской местности (генералы Сахаров и Лисовский), а также высшие полицейские чины губерний (Кандауров) и гражданские чиновники (Кнолль). Поволжских эсеров поддерживали их партийные товарищи из другого региона (участие московских эсеров в убийстве Сахарова). Теракты совершались в городах, при этом, как правило, при большом стечении людей, например, на вокзале. Самый громкий из них (убийство Сахарова) во-

обще произошел в доме Столыпина – губернаторском доме, что свидетельствует, с одной стороны, о несомненной дерзости и смелости боевиков, с другой – о беспечности правоохранительных структур. Основным мотивом террористических действий оппозиционеров была революционная месть. Покушения были совершены членами разных партийных боевых дружин.

**Список терактов, совершенных в исследуемый период
в Среднем Поволжье**

Дата совершения	Место совершения	Содержание теракта	Кто совершил	Кто организовал
30.07.1905 г.	Самара	Покушение на помощника пристава. Пристав ранен	Член ЛБО Марков	Поволжский ОК
18.11.1905 г.	Саратов	Покушение на вице-губернатора И.Г. Кнолля. Бомба не взорвалась	Член боевой дружины Саратовского комитета К.Д. Бакшанов	Саратовский комитет
22.11.1905 г.	Саратов	Убийство бывшего военного министра России генерал-лейтенанта В.В. Сахарова	Член ЛБО БО ПСР А.А. Биценко	БО ПСР совместно с Саратовским и Пензенским комитетами
15.12.1905 г.	Самара	Покушение на начальника гарнизона, командира артиллерийской бригады генерал-майора Сергеева. Генерал не пострадал	Член ЛБО канонир 3-й артиллерийской бригады С.С. Власов	Поволжский ОК
28.12.1905 г.	Сызрань	Новое покушение на генерал-майора Сергеева. Сергеев получил легкое ранение	Член ЛБО кровельщик Н.М. Жуков	Поволжский ОК
2.01.1906 г.	Пенза	Убийство начальника гарнизона и командира 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта В. Лисовского	Неизвестный	Убийство совершено, по мнению прокурора, по ошибке
26.01.1906 г.	Пенза	Убийство полицмейстера Д.Д. Кандаурова	Бывший воспитанник рисовальной школы В.Н. Васильев	По решению партийного собрания

Таким образом, в годы революции 1905 г. терроризм выплеснулся за пределы российских столиц. Со второй половины 1905 г. лицо эсеровского террора стало определяться действиями боевых организаций местных комитетов ПСР. Мы считаем, что осенью 1905 г. в средневолжском регионе начинается первая волна системного революционного терроризма. Регулярные теракты начались тогда, когда государство провело массовые репрессии против средневолжского крестьянства и подавило выступления представителей революционных партий в крупнейших городах региона. Центром противостояния оппозиционеров и властей стала Самара. Самарские эсеры не остались в стороне от мер «революционного возмездия». Отчетливо выраженное силовое содержание деятельности командования самарского гарнизона, жестко подавлявших революционные манифестации, и сильное влияние местных эсеров среди населения губернии подталкивали партийный комитет к насилию. Главный объект терроризирования – военнослужащие царской армии. Позволим себе утверждать, что тактика терроризма эсеров в этот период была ответом на государственный террор властей против своего народа. Террор правительства порождал революционный терроризм.

Литература

1. *Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д.* Эсеры: между утопиями и реальностью (Из истории российской партии социалистов-революционеров) // Полис: Политические исследования. 1993. № 6. С. 157–165.
2. *Блюменталь И.И.* Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае / 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП (б) и революционном движении. Самара, 1925.
3. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
4. *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. М.: Современник, 1990. 271 с.
5. *Вязьмитинов М.Н.* Законодательные меры борьбы царизма против революционной пропаганды в армии и на флоте в 1905–1907 гг. // Первая русская революция 1905–1907 гг: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Первой русской революции (14–16 ноября 2005 г.). Ульяновск: Симбирская книга, 2005. С. 312–314.
6. *Гейфман А.* Убий! Революционный террор в России. 1894–1917. М.: КРОНПРЕСС, 1997. 448 с.
7. *Гарбуз Г.В.* Местное управление в губерниях Поволжья в 1905–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 301 с.
8. *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 239 с.
9. *Городницкий Р.А.* Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. 1995. № 5. С. 168–174.
10. *Городницкий Р.А.* Г.А. Гершуни – «крестный отец» эсеровского терроризма // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С. 233–266.
11. *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.
12. *Гусев К.В.* Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.
13. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 855. Оп. 1.
14. Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. 468. Оп. 1.
15. Государственный архив Самарской области. Ф. 472. Оп. 1.
16. *Ерофеев Н.Д.* Политическая история России в партиях и лицах. М.: Terra-Terra, 1993. 364 с.
17. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: исторический справочник / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 606 с.
18. История политических партий России / Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев, С.В. Тютюкин и др.; под ред. И.Зевелёва. М.: Высш. шк., 1994. 447 с.
19. *Капитонов И.В.* Возникновение и деятельность организаций партии социалистов-революционеров на территории Мордовии первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.
20. *Карнишин В.Ю.* Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза: Изд-во Пенз. гос. техн. ун-та, 1996. 132 с.
21. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.
22. *Кузнецов В.Н.* Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг. Ульяновск: УлГПУ, 2007. 223 с.
23. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
24. *Литвин А.Л.* В борьбе обретаешь ты право свое. Судьба самой многочисленной партии России // Наука и жизнь. 1991. № 3. С. 20–27.
25. *Луначарский А.В.* Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. М., 1922.
26. *Макаревский В.В.* Возникновение и деятельность организаций партии эсеров в Чувашском крае (1904–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 25 с.
27. *Маньков А.В., Минеева Е.К.* Российский революционный терроризм // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 67–76.
28. *Маньков А.В.* Средневожские организации партии эсеров в ходе Первой русской революции: состав, численность и отношение к терроризму // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 99–108.
29. *Минеева Е.К., Шайпак Л.А., Маньков А.В.* Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158–167.
30. Молодой Ленинец. 2009. № 5 (7415).
31. *Мосолкин С.В.* Судебные процессы по делам партии социалистов-революционеров (1905 год): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.

32. *Наякшин К.Я.* Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Кн. изд-во, 1962.
33. *Николаевский Б.И.* История одного предателя: Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932.
34. *Поляков А.Б.* Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 560–563.
35. *Поляков А.Б.* Кризис эсеровских террористических организаций Пензенской губернии во второй половине 1906–1907 гг. и убийство С.В. Александровского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5(19), ч. 2. С. 138–142.
36. *Поляков А.Б.* К вопросу о связях местных эсеровских комитетов Поволжья с центральными террористическими организациями партии социалистов-революционеров // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 905–909.
37. *Попов Ф.Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917. Куйбышев: Кн. изд-во, 1969.
38. *Романова Г.В.* Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.
39. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3527. Л. 18об.
40. *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.
41. *Спиридович А.И.* Революционное движение в России. Вып. 2. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Петроград, 1918. 623 с.
42. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Репринт. воспроизведение изд. 1930 г. М.: Худож. лит., 1991. 268 с.
43. *Хабибрахманова А.В.* Деятельность политических партий в Казани в период Первой российской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург (63donetsk@mail.ru).

A. MANKOV

REGIONAL REVOLUTIONARY TERRORISM: HOW DID IT START IN THE MIDDLE VOLGA?

Key words: *revolutionary terrorism, the Volga region, the party of socialist revolutionaries (SRP), the middle Volga social revolutionaries, the military, revolutionary revenge.*

In the context of terrorist practices of the socialists-revolutionaries party in the early twentieth century there were several flying combat units of regional organizations and military squads at local committees. At the same time, terrorist acts were carried out in various regions of the country. Among the hotbeds of revolutionary terrorist violence during the First Russian revolution was the middle Volga region. When did this violence start? What was its result? Who were the first terrorist targets in the region under study? The author tells about the beginning of terrorist activity of the middle Volga social revolutionaries. It is concluded that active participation of the army in punitive operations against peasants and repressions against revolutionary-minded citizens made senior military personnel the main objects of revolutionary terrorism in the middle Volga region. Even the former Minister of war was among the victims of terror. The main motive of the terrorist attacks was revolutionary revenge.

References

1. Anoprieva G.S., Erofeev N.D. *Esery: mezhd u utopiyami i real'nost'yu (Iz istorii rossiiskoi partii socialistov-revoljucionerov)* [The socialist-revolutionaries: between utopias and reality (history of the Russian party of socialist revolutionaries)]. *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 1993, no. 6. pp. 157–165.
2. Blyumental' I.I. *Sotsial-demokratiya i revolyutsionnoe dvizhenie 1905 goda v Samarskom krae.* [The Social democracy and the revolutionary movement of 1905 in Samara region]. In: *1905 god v Samarskom krae. Materialy po istorii RKP(b) i revolyutsionnom dvizhenii* [1905 in Samara region. Materials on the history of the RCP(b) and the revolutionary movement 1905 in Samara region]. Samara, 1925.
3. Budnickii O.V. *Budnitskii O.V. Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX – beginning of XX century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 399 p.

4. Burcev V.L. *V pogone za provokatorami*. [In pursuit of provocateurs]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 271 p.
5. Vyaz'mitinov M.N. *Zakonodatel'nye mery bor'by carizma protiv revolyucionnoi propagandy v armii i na flote v 1905–1907 gg.* [Legislative measures of the struggle of tsarism against revolutionary propaganda in the army and Navy in 1905–1907]. In: *Pervaya russkaya revolyuciya 1905–1907 gg: istoricheskii opyt razresheniya vnutriobshchestvennogo krizisa i sovremennost': materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu Pervoi russkoi revolyucii (14–16 noyabrya 2005 g.)*. [Proc. of Sci. Conf. «The First Russian revolution of 1905–1907»]. Ulyanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 2005, pp. 312–314.
6. Geyfman A. *Ubii! Revolyucionnyi terror v Rossii. 1894–1917* [Kill! Revolutionary terror in Russia. 1894–1917]. Moscow, KRONPRESS Publ., 1997, 448 p.
7. Garbuz G.V. *Mestnoe upravlenie v guberniyakh Povolzh'ya v 1905–1914 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Local government in the provinces of the Volga region in 1905–1914. Abstract of Doct. Diss.]. Penza, 2002, 301 p.
8. Gorodnickii R.A. *Boevaya organizatsiya partii socialistov-revolucionerov v 1901–1911*. [Fighting organization of the party of socialists-revolutionaries in 1901–1911]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 239 p.
9. Gorodnickii R.A. *Egor Sozonov: mirovozzrenie i psikhologiya esera-terrorista* [Yegor Sozonov: worldview and psychology of the SR]. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 5, pp. 168–174.
10. Gorodnickii R.A. G.A. *Gershuni – «krestnyi otets» eserovskogo terrorizma* [G.A. Gershuni – "godfather" of SRs terrorism]. *Evrei i russkaya revolyuciya: Materialy i issledovaniya* [Jews and the Russian revolution: Materials and research]. Moscow, Ierusalim, 1999, pp. 233–266.
11. Gusev K.V. *Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarizma k kontrrevolyutsii*. [Party of socialist-revolutionaries: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, 383 p.
12. Gusev K.V. *Rytsari terrora*. [Knights of terror]. Moscow, Luch Publ., 1992, 144 p.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanskoii oblasti. Fond 855. Opis' 1 [The State Archives of Ulyanovsk region. Archives 855. Anagraph 1].
14. Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoii oblasti. Fond 468. Opis' 1 [The State Archives of the Samara Region. Archives 468. Anagraph. 1].
15. Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoii oblasti. Fond 472. Opis' 1 [The State Archives of the Samara Region. Archives 472. Anagraph. 1].
16. Erofeev N.D. *Politicheskaya istoriya Rossii v partiyakh i licakh* [Political history of Russia in parties and individuals]. Moscow, Terra-Terra Publ., 1993, 364 p.
17. Taras A.E., ed.; Zharinov K.V. *Terrorizm i terroristy: istoricheskii spravochnik* [Terrorism and terrorists: a historical Handbook]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, 606 p.
18. Zevelev I., ed.; Dumova N.G., Erofeev N.D., Tyutyukin S.V. et al. *Istoriya politicheskikh partii Rossii* [The history of political parties in Russia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994, 447 p.
19. Kapitonov I.V. *Vozniknovenie i deyatel'nost' organizatsii partii socialistov-revolucionerov na territorii Mordovii pervoi chetverti XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. [Emergence and activity of organizations of the party of socialists-revolutionaries in the territory of Mordovia of the first quarter of the XX century. Abstract of Doct. Diss.]. St. Petersburg, 1996.
20. Karnishin V.Yu. *Obshchestvenno-politicheskii process v Povolzh'e v nachale XX veka* [Social and political process in the Volga region at the beginning of the XX century]. Penza, Penza State Technical University Publ., 1996, 132 p.
21. Kropotkin P.A. *Zapiski revolyucionera* [Memoirs of a revolutionary]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 504 p.
22. Kuznetsov V.N. *Pro et contra: zhandarmy i revolyutsionery v Povolzh'e v 1906–1917 gg.* [Pro et contra: the gendarmes and the revolutionaries in the Volga region in 1906–1917]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2007, 223 p.
23. Leonov M.I. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg.* [The Party of socialists-revolutionaries in 1905–1907]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 512 p.
24. Litvin A.L. *V bor'be obretesh' ty pravo svoe. Sud'ba samoi mnogochislennoi partii Rossii* [In the fight you will find the right. The fate of the largest party in Russia]. *Nauka i zhizn'*, 1991, no. 3, pp. 20–27.
25. Lunacharskii A.V. *Byvshie lyudi: Ocherk istorii partii eserov* [Former people: an essay on the history of the party of social revolutionaries]. Moscow, 1922.
26. Makarevskii V.V. *Vozniknovenie i deyatel'nost' organizatsii partii eserov v Chuvashskom krae (1904–1918 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Emergence and activities of the organizations of the socialist revolutionary party in the Chuvash region (1904–1918). Abstract of Doct. Diss.]. Moscow, 1996, 25 p.
27. Man'kov A.V., Mineeva E.K. *Rossiiskii revolyucionnyi terrorizm* [Russian revolutionary terrorism]. *Voprosy istorii*, 2017, no. 7, pp. 67–76.
28. Man'kov A.V. *Srednevolzhskie organizatsii partii eserov v khode Pervoi russkoi revolyucii: sostav, chislennost' i otnoshenie k terrorizmu*. [The Middle Volga organizations of the socialist revolu-

tionary party during the First Russian revolution: the composition, size and attitude to terrorism]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 99–108.

29. Mineeva E.K., Shaipak L.A., Man'kov A.V. *Zhandarmskie dokumenty o simbirskikh sotsialistakh-revolutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Gendarme documents on Simbirsk socialists-revolutionaries (the period of the revolution of 1905–1907)]. *Pravo i obrazovanie*, 2015, no. 7, pp. 158–167.

30. *Molodoi Leninec* [Young Leninist], 2009, no. 5 (7415).

31. Mosolkin S.V. *Sudebnye processy po delam partii socialistov-revolucionerov (1905 god): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Judicial trials of the party of socialists-revolutionaries (1905). Abstract of Doct. Diss.]. Saratov, 2012.

32. Nayakshin K.Ya. *Ocherki istorii Kuibyshevskoi oblasti* [Essays on the history of the Kuibyshev region]. Kuibyshev Publishing House, 1962.

33. Nikolaevskii B.I. *Istoriya odnogo predatelya: Terroristy i politicheskaya policiya* [The story of a traitor. The terrorists and the political police]. Berlin, 1932.

34. Polyakov A.B. *Revolucionnyi terrorizm v Penzenskoi gubernii v 1905–1907 gg. (po materialam istochnikov lichnogo proishozhdeniya)* [Revolutionary terrorism in the Penza province in 1905–1907 (on the base of personal origin sources)]. *Isvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*, 2011, no. 23, pp. 560–563.

35. Polyakov A.B. *Krizis eserovskikh terroristicheskikh organizatsii Penzenskoi gubernii vo vtoroi polovine 1906–1907 gg. i ubiystvo S.V. Aleksandrovsogo* [The Crisis of the socialist-revolutionary terrorist organizations of the Penza province in the second half of 1906–1907, and the murder of the S.V. Aleksandrovsokii]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 5(19), part 2, pp. 138–142.

36. Polyakov A.B. *K voprosu o svyazyakh mestnykh eserovskikh komitetov Povolzh'ya s central'nymi terroristicheskimi organizatsiyami partii socialistov-revolucionerov* [To the question about the relationship of local revolutionary committees in the Volga region terroristicheskim with the Central organizations of the party of socialists-revolutionaries]. *Isvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 905–909.

37. Popov F.G. *Letopis' revolyucionnykh sobytii v Samarskoi gubernii. 1902–1917.* [Chronicle of revolutionary events in the Samara province. 1902–1917]. Kuibyshev Publishing House, 1969.

38. Romanova G.V. *Bor'ba podrazdelenii politicheskoi politsii Povolzh'ya s revolyucionnym terrorom v 1905–1907 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Struggle of units of the political police of the Volga region with revolutionary terror in 1905–1907. Abstract of Doct. Diss.]. Kazan, 2005.

39. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Fond. 400. Opis' 21. D. 3527. L. 18ob* [The Russian state military-historical archive. Archives 400. Anagraph 21].

40. Sedov M.G. *Geroicheskii period revolyucionnogo narodnichestva* [The heroic period of the revolutionary populism]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 364 p.

41. Spiridovich A.I. *Revolucionnoe dvizhenie v Rossii. Vyp. 2. Partiya socialistov-revolucionerov i ee predshestvenniki. 1886–1916.* [The Revolutionary movement in Russia. Issue 2. The socialist revolutionary party and its predecessors. 1886–1916]. Petrograd, 1918, 623 p.

42. Spiridovich A.I. *Zapiski zhandarma. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1930 goda* [Notes of the gendarme. Reprinted reproduction of the 1930 edition]. Moscow, 1991, 268 p.

43. Habibrahmanova A.V. *Deyatel'nost' politicheskikh partii v Kazani v period Pervoi rossiiskoi revolyucii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of political parties in Kazan in the period of the First Russian revolution. Abstract of Doct. Diss.]. Kazan, 2005.

MANKOV ANDREI – Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Формат цитирования: Маньков А.В. Региональный революционный терроризм: как он начинался в Среднем Поволжье? // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 85–98.

УДК 94(470)"192/193":347.6
ББК ТЗ(2)61-33+Х404.5-1(2)6

Е.К. МИНЕЕВА, И.Ю. СЕМЕНОВА

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ СЕМЬИ В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: советская семья, государственная политика, нормативные законы, положения о браке и семье в советский период, социальное благополучие.

Статья посвящена нормативно-правовому обеспечению государственной политики по укреплению советской семьи в 20–40-е гг. XX в. Указанный период выбран не случайно: исторические уроки объективно характеризуют уклад семейной жизни советских граждан. Авторами предпринята попытка оценить законоположения в сфере брачно-семейных отношений в данных исторических рамках. Особое внимание уделено нормативно-правовым актам, серьезно повлиявшим на становление современной государственной семейной политики («Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» (1902), «О некоторых изм. и доп. действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собою и к детям и другие законоположения» (1914), «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (1917), «О расторжении брака» (1917), Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (1918), Кодексу законов о браке, семье и опеке (1926), «О запрещении абортов...» (1936)). Проведенное исследование позволяет утверждать, что мероприятия, проводимые советской властью, были нацелены на стабильность и социальное благополучие институтов семьи и брака.

Семья как социальный институт появилась значительно раньше классов, народностей и государств, выполняя во все исторические периоды времени в качестве главной задачи воспроизводство человеческого рода. Трансформация семьи, ее функций и роли в жизни общества, семейных ценностей и традиций всегда отражает перемены, происходящие в обществе и государстве. Анализ имеющихся работ, затрагивающих различные аспекты института семьи (Е.В. Колгановой [8], Г.И. Саксельцева [9], М.Н. Трефиловой [10] и др.), несомненно, полезен для дальнейшего изучения семьи как объекта исторического исследования и формирования современной политики России в данном направлении.

У восточных славян, ставших этнической основой государственности на Руси, семейно-брачные отношения регулировались языческими обычаями, а в более поздние периоды после принятия православного христианства – церковными обрядами и канонами. Основные брачно-семейные институты, сложившиеся в России в XVI–XIX вв., продолжали действовать и в начале XX в., но со значительными изменениями. Так, законом от 3 июня 1902 г. внебрачным детям, которые исторически имели правовую и социальную неполноценность («сохраняя на всю жизнь пятно своего происхождения»), были предоставлены некоторые права (присвоение фамилии матери с согласия последней, отца, если он находился в живых; требование от отца пропитания, но не содержания; ряд наследственных прав после смерти матери и др.). Данный нормативный акт допуская усыновление внебрачных детей [1]. Законом от 14 марта 1914 г. (в «Законах гражданских») были детализированы действовавшие узаконения о личных и имущественных правах замужних женщин, а также некоторые общесупружеские отношения по поводу совместно приобретенного и нажитого имущества; впервые было предусмотрено право супруга

проживать отдельно в том случае, если один из них считал совместную жизнь невозможной и невыносимой [2. С. 30]. По прежним правилам местожительство семьи определялось по мужу; более того, существовал жесткий порядок принудительного возвращения блудного супруга. Документ закрепил правовое положение детей при раздельном жительстве родителей, а также ввел защитные нормы для детей, родившихся в недействительных браках. В рамках процессуальных отношений законоположения Устава гражданского судопроизводства касались «производства дел и сопряженных с существованием законного брака прав» (право на мужнее имущество, право на материнство и младенчество) [2]. Отдельное пристальное внимание было уделено «правам состоящих под опекой за расточительность и под попечительством вследствие глухоты или немоты») [2]. Все перечисленные нормы свидетельствовали о повышенной заботе законодателя о всех членах трудовой семьи; имеющиеся семейные несогласия разрешались в «сокращенном судопроизводстве» и без участия представителей власти [2].

Развитие новых законоположений с 1917 г. по 1926 г. характеризуется существенными изменениями в сфере брачных и супружеских отношений. Октябрьские революционные события существенно повлияли на работу законодателя. Так, 18 декабря 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [3], содержащий нормативные положения о регистрации брака только в органах записи актов гражданского состояния, что свидетельствовало о незаконности религиозных союзов (указанное решение считалось частным делом вступающих в брак лиц). Документ закреплял возрастные ограничения для брачующихся (мужчины 18 лет, женщины 16 лет, но для жителей Закавказья возраст был снижен для мужчин до 16 лет, для девушек до 13 лет); однако он не предусматривал ограничительных положений о разнице в возрасте между женихом и невестой. Декрет также не устанавливал верхнюю возрастную границу для вступления в брак. Жених и невеста могли именоваться фамилией мужа или жены; существовала правовая возможность двойных соединенных фамилий. Несомненным положительным моментом являлось уравнивание супругов в личных неимущественных и имущественных правах, хотя, как отмечают исследователи, данная норма скорее носила формальный характер. Огромным достижением государственной семейной политики в указанный период, на наш взгляд, является законоположение об уравнивании в правах детей, как рожденных в браке, так и внебрачных, а также появление правовой возможности установления отцовства (в судебном порядке). Данные прогрессивные изменения свидетельствовали о стимулирующем развитии отечественного семейного законодательства и, несомненно, о государственной политике по укреплению советской семьи.

В дальнейшем деятельность государственных органов власти в сфере поддержки и укрепления брачно-семейных отношений нашла свое отражение в принятом 19 декабря 1917 г. Декрете «О расторжении брака» [4]. Этот нормативный акт впервые закреплял законодательную возможность по обоюдному согласию обоих супругов прекращения брачного союза в административном порядке через органы ЗАГС. В то же время судебный порядок, действовавший ранее, сохранялся. Кроме того, документ предоставлял право выбора фамилии после расторжения брака как для самих супругов, так и их детей. В случае недостижения супругами согласия по данным вопросам они от-

носились на усмотрение суда. Закон определял и порядок алиментирования в отношении не только детей, но и нетрудоспособного супруга (были определены социальные и правовые ограничители). Таким образом, законодатель закреплял нормы, которые отвечали интересам всех членов семьи, что свидетельствует о стимулирующем развитии отечественного семейного законодательства.

В 1918 г. все законоположения в сфере брака и семьи были закреплены в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [5], который сочетал в себе ключевые действовавшие нормы, а также предусматривал ряд нововведений. Так, государственная форма регистрации брака теперь становилась единственной формой, порождавшей правовые последствия (исключения о действительности браков сохранялись лишь для церковных и религиозных союзов, заключенных до 20 декабря 1917 г.). Законодатель четко определил «материальные условия вступления в брак» (достижение брачного возраста, взаимное согласие брачующихся), а также впервые закрепил основания для признания брака недействительным (отдельно оговорив возможность для вступления в брак «монахам и состоящим в иерейском или диаконском сане», а также «лицам, давшим обет безбрачия»), что, несомненно, можно рассматривать как прогрессивную деятельность советского государства в сфере укрепления институтов семьи и брака. Развод стал добровольным; допускался как при обоюдном согласии, так и по инициативе одного из супругов, но при соблюдении ряда законодательных ограничений. В качестве достоинства данного документа следует также отметить прослеживавшуюся тенденцию уравнивания в правах супругов, как личных (супруг не обязан следовать за супругом при перемене места жительства последним), так и имущественных (общность общесупружеского имущества и право заключать различного рода имущественные сделки, включая возможность создавать долговые обязательства), включая алиментирование нетрудоспособного нуждавшегося в помощи супруга и иных членов семьи. Воспитание детей законодатель рассматривал «как долг перед обществом и государством, а не как частное дело родителей» [5]. Однако недостатком указанного нормативно-правового акта, на наш взгляд, являлась отмена усыновления детей. В данный период государство призывало к общественному воспитанию несовершеннолетних, что напрямую нашло отражение в законе [5]. Замысел законодателя был основан на идее запрета эксплуатации детей, которых в качестве усыновленных могли использовать как батраков в бедных крестьянских семьях.

Новым документом в брачно-семейной сфере стал принятый в 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке [6], базовые положения которого применяются и в настоящее время. Документ установил единый минимальный брачный возраст – 18 лет; оговорил в ст. 6 основания, препятствующие вступлению в брак («другой зарегистрированный или незарегистрированный брак; слабоумие или признание душевнобольным; между родственниками по прямой восходящей или нисходящей линии, а также между полнородными и неполнородными братьями и сестрами») [6]; закрепил режим общей совместной собственности, включая возможность заключения имущественных гражданско-правовых сделок, что соответствует сути супружеской жизни, и восстановил усыновление, что является несомненным стимулом законодательного регулирования. Появляются законоположения о фиктивности

брачного союза как недействительного. Следует отметить, что закон четко закрепил право выбора фамилии в качестве общей или возможность сохранения добрачной, свободу выбора занятий и профессии; раздельность добрачного имущества, механизм алиментирования нуждающегося нетрудоспособного супруга, включая предоставление содержания и в период безработицы, возможность добровольного установления отцовства зачатого, но еще не родившегося ребенка, содержание детей родителями и в случае лишения родительских прав и др. Достаточно интересной представляется политика органов советской власти в установлении критериев, именуемых «доказательствами брачного сожителства» (факт совместного проживания при наличии ведения общего хозяйства, «выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, а также, в зависимости от обстоятельств, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей» и иные заслуживающие внимание суда факты). Однако были введены законоположения, которые носят дискуссионный характер, например, преимущественное административное расторжение брака (иногда даже в отсутствие одного из супругов). Данная норма, на наш взгляд, не совсем удачна, так как не учитывает интересы обоих супругов, не способствует сохранению института брака. В то же время отметим, что судебная форма сохранялась, но практически не применялась. Несомненным недостатком законодательного регулирования брачных отношений, хотя и вполне объяснимым с позиции экономического неравноправия мужчин и женщин, явилось приравнивание фактического брака к зарегистрированному с указанием характеристик данного союза [6]. Законодатель четко определил механизм алиментирования как в отношении нуждавшихся в помощи нетрудоспособных супругов, так и бывших супругов. Нельзя не отметить, что данные исторические уроки нашли свое отражение и в действующем российском законодательстве.

Дальнейшая политика государства в сфере брака и семьи в 1926–1969 г. характеризуется рядом изменений. Особо ценно в этом отношении Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. (действовавшее до 1968 г.) «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [7], имевшее материальное и сильное моральное воздействие на советское трудовое общество. Данный документ, несомненно, отражал стимулирующую направленность отечественного семейного законодательства, так как был нацелен на укрепление института брака и семьи. Государство осознало возросшую насущную потребность в поддержке семьи, семейных ценностей и брака, что проявилось в ряде многоплановых направлений (возможность аборта только по медицинским критериям, не социальным; выплата алиментов в долях, включая возможность увеличения или уменьшения долей в зависимости от материальных, семейных и иных заслуживающих внимание оснований; ужесточение уголовного наказания за неуплату алиментов; прогрессивная плата за расторжение брака; уголовное наказание за отказ в приеме на работу беременным женщинам или уменьшении им зарплаты по тому же основанию и т.д.) [7]. Такие нормы, несомненно, были призваны укрепить брачный союз.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в 20–40-е гг. XX в. советская власть целенаправленно проводила политику по укреплению семьи, что нашло отражение в отечественном законодательстве.

Литература

1. Закон «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» от 03.06.1902 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. 1902. Т. XXII. С. 492-495 (утратил силу).
2. Раздельное жительство супругов: закон 12 марта 1914 г. о некоторых изм. и доп. действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собою и к детям и другие законоположения / Гессен И.В. СПб.: Право, 1914. 184 с.
3. Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18.12.1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160 (утратил силу).
4. Декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака» от 19.12.1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152 (утратил силу).
5. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818 (утратил силу).
6. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612 (утратил силу).
7. Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309 (утратил силу).
8. Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 284 с.
9. Саксельцев Г.И. Эволюция крестьянской семьи в российской истории конца XVII–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 310 с.
10. Трефилова М.Н. Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013. 215 с.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

СЕМЕНОВА ИННА ЮРЬЕВНА – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iysemenova@mail.ru).

E. MINEEVA, I. SEMENOVA

REGULATORY SUPPORT OF THE SOVIET POWER STATE POLICY ON STRENGTHENING THE FAMILY IN THE 20-40-IES OF THE 20th CENTURY

Key words: soviet family, state policy, regulatory laws, statute about marriage and family during the Soviet period, social well-being.

The article is devoted to regulatory support of state policy on strengthening the Soviet family in the 20–40ies of the 20th century. The specified period is chosen not accidentally; historical lessons objectively characterize the patterns of family life of Soviet citizens. The authors make an attempt to assess statutes in the sphere of matrimonial relations in this historical framework. Special attention is paid to regulatory acts which seriously influenced the formation of modern state family policy ("About approving the rules about improving the situation of illegitimate children" (1902), "About some amendments and additional operating legalizations on personal and property rights of married women and about the relations between spouses and to children and other statutes" (1914), "About civil marriage, about children and about maintaining books of state acts" (1917), "About divorce" (1917), to the Code of laws on acts of civil status, the marriage, family and tutorial law (1918), to the Code of laws on marriage, family and guardianship (1926), "About prohibition of abortions..."

(1936). *The conducted research makes it possible to state that the activities implemented by the Soviet power were aimed at stability and social well-being of family and marriage institutions.*

References

1. *Zakon «Ob utverzhdenii pravil ob uluchshenii polozheniya nezakonnorozhdennykh detei» ot 03.06.1902 g.* [The law "On approval of the rules on the advancement illegitimate children" from 03.06.1902 g.]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Full collection of laws of the Russian Empire]. *Sobranie* 3, 1902, vol. XXII, pp. 492–495.
2. *Razdel'noe zhitel'stvo suprugov: Zakon 12 marta 1914 g. o nekotorykh izm. i dop. Deistvuyushchikh zakonov o lichnykh i imushchestvennykh pravakh zamuzhnikh zhenshchin i ob otnosheniyakh suprugov mezhdru soboyu i k detyam i drugie zakonopolozheniya* [Separation: the Law of March 12, 1914, on some ISM. existing laws on the personal and property rights of married women and on the relationship of spouses between themselves and to children and other legal provisions]. St. Petersburg, *Pravo Publ.*, 1914, 184 p.
3. *Dekret VTsIK i SNK «O grazhdanskom brake, o detyakhi o vedenii knig aktov sostoyaniya» ot 18.12.1917 g.* [The decree of the Central Executive Committee and SNK "On civil marriage, on children and on keeping of books of acts of state" from 18.12.1917]. *SU RSFSR*, 1917, no. 11, Article 160.
4. *Dekret VTsIK i SNK «O rastorzhenii braka» ot 19.12.1917 g.* [The decree of the Central Executive Committee and SNK "About divorce" from 19.12.1917]. *SU RSFSR*, 1917, no. 10, Article 152.
5. *Kodeks zakonov ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya, brachnom, semeinom i opekunskom prave 1918 g.* [The civil, marriage, family and guardianship code of 1918]. *SU RSFSR*, 1918, no. 76–77, Article 818.
6. *Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke 1926 g.* [The code of laws on marriage, family and guardianship of 1926]. *SU RSFSR*, 1926, no. 82, Article 612.
7. *Postanovlenie TsIK SSSR № 65 i SNK SSSR № 1134 ot 27.06.1936 g. «O zapreshchenii abortov, uvelichenii material'noi pomoshchi rozhentsam, ustanovlenii gosudarstvennoi pomoshchi mnogosemeinym, rasshirenii seti rodil'nykh domov, detskikh yaslei i detskikh sadov, usilenii ugovnogo nakazaniya za neplatezh alimentov i o nekotorykh izmeneniyakh v zakonodatel'stve o razvodakh»* [Resolution of the CEC of the USSR No. 65 and SNK of the USSR No. 1134 of 27.06.1936 "On prohibition of abortions, increase of financial assistance to mothers, establishment of the state aid to multi-family, expansion of a network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, strengthening of criminal punishment for non-payment of alimony and about some changes in the legislation on divorces"]. *SZ SSSR*, 1936, no. 34, Article 309.
8. *Kolganova E.V. Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX – nachale XX: dis... kand. ist. nauk* [The origin of the system of protection of motherhood and infancy in Russia in the late 19th – early 20th centuries. Doct. Diss.]. Moscow, 2012, 284 p.
9. *Saksel'tsev G.I. Evolyutsiya krest'yanskoi sem'i v rossiiskoi istorii kontsa XVII – XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of peasant family in the Russian history of the late 17th – 20th centuries. Doct. Diss.]. Tomsk, 2013, 310 p.
10. *Trefilova M.N. Transformatsiya brachno-semeinykh otnoshenii zhitelei gorodov Verkhnei Volgi v kontse 1890-kh – 1927 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Transformation of marriage and family relations of residents of the Upper Volga in the late 1890s – 1927. Doct. Diss.]. Ivanovo, 2013, 215 p.

MINEEVA ELENA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mineevaek21@mail.ru).

SEMENOVA INNA – Senior Lecturer of Civil Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iysemenova@mail.ru).

Формат цитирования: Минеева Е.К., Семенова И.Ю. Нормативно-правовое обеспечение государственной политики советской власти по укреплению семьи в 20–40-е годы XX века // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 99–104.

УДК 94(470.23-25)19(093.3)
ББК 63.3(2)622.1

Е.К. МИНЕЕВА, М.А. ШЛЯХТУНОВ

ЛАДОЖСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ЕГО ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ключевые слова: Ладога, Ладожское озеро, Блокада Ленинграда, Ладожская флотилия, Военный Совет Ленинградского фронта, Ставка Верховного главнокомандования, Ленинградский фронт, Краснознаменный Балтийский флот, обеспечение перевозок, боевая деятельность.

В статье отражена неослабевающая актуальность изучения истории Великой Отечественной войны. Целью данной статьи является анализ географической и тактической характеристики Ладожского театра военных действий. На основе источников и исследовательской литературы аргументируется вывод, что история Великой Отечественной войны складывалась как из масштабных, так и из локальных военных операций, но имевших большого стратегического значения для всего хода войны. Научная новизна статьи не вызывает сомнений, так как авторы работы конкретизируют состав Ладожской флотилии, которая стала «Дорогой к жизни» не только для мирного населения города, но и для солдат Красной Армии, используя методы сравнения, анализа архивных документов, ранее засекреченных на территории нашей страны. Также авторы раскрывают роль Ладожской флотилии в ходе как блокады Ленинграда, так и в целом перелома в войне, приводят исторические факты, подтверждающие результаты исследования. В статье даны подробная характеристика Ладожского театра военных действий и его военно-географическая структура, основанная на детальном изучении фактической информации, сделаны выводы по боевой и повседневной деятельности Ладожской флотилии по поддержанию благоприятного режима на озере. Авторы делают вывод о том, что возможность поддерживать связь с Большой землей через Ладожскую флотилию была не только в теплое время года, но и зимой, так как по ледовой дороге непрерывно шло снабжение. Ладожская флотилия со временем стала мощной стратегической артерией на пути к перелому хода Великой Отечественной войны.

В последнее время все чаще на изучение выносятся вопросы о ходе Великой Отечественной войны, её различных этапах, ведении военных операций. Особенно актуальными являются исследование, сравнение и анализ статистики таких масштабных операций, изменивших ход войны, как битва под Москвой, Сталинградом и Смоленском, Курская дуга, снятие блокады Ленинграда. Рассмотренные в статье стратегическая подготовка, техническая оснащенность войны и детальное изучение военно-политической географии предоставляют возможность получить более детальную картину о «Дороге к жизни» в блокадном Ленинграде.

Ладожское озеро – самое крупное во всей Европе. Площадь Ладоги составляет 18 400 км². Протяженность Ладожского озера с северо-запада на юго-восток составляет 120 миль, наибольшая ширина 62 мили. Площадь бассейна Ладожского озера включает три больших речных бассейна: р. Вуокса с озером Сайма, р. Свирь с озером Онежским и р. Волхов с озером Ильмень [1. С. 10].

С военно-географической точки зрения Ладожский озерный театр связан с Балтийским морским театром. Карельский перешеек, который отделяет Ладожское озеро от Финского залива, представляет собой пересеченный участок сухопутного театра, благоприятствующий организации обороны. Ограниченные возможности использования больших групп мотомеханизированных сил ставят перед армией, наступающей на Карельском перешейке, задачу организации тесного взаимодействия с морскими и озерными силами флота.

Морские и озерные силы, содействующие наступлению сухопутных войск на перешейке, могут способствовать успеху их действий высадкой десанта и артиллерийской поддержкой фланга армии.

Ладога – достаточно беспокойное озеро, на котором часто возникают штормы, продолжительностью до трех-четырёх суток и по силе более 8 баллов. Преобладают ветра западного направления, а штормы наиболее вероятны весной и осенью, равно как и густые туманы над озером. На Ладожском озере очень сложный ледовый режим. Только с наступлением сильных морозов лед замерзает по центру. Самая большая толщина льда образуется в марте.

Берега озера с северной и северо-западной части преимущественно состоят из гранита, имеют скалистую, высокую поверхность. На месте прохождения фронта (в южной ее части) находятся три губы: Шлиссельбургская, Волховская и Свирская. В этом месте озеро имеет небольшую глубину, много отмелей, поэтому плавать приходится на достаточно значительном расстоянии от береговой линии.

Ладожская военная флотилия начала формироваться в составе Краснознаменного Балтийского флота 25 октября 1939 г. [7]. В трудных условиях войны в успех флотилии мало кто верил. Пришедшие с моря кадровые офицеры не воспринимали всерьез небольшое по сравнению с морем озеро. Лишь потом стало понятно, насколько опасна и непредсказуема Ладога и какое умение требуется, чтобы просто ходить кораблю по ней, не то чтобы вести военные действия.

Командование Краснознаменного Балтийского флота ставило задачу обеспечения флангов 7-й и 8-й армий (их разделяло Ладожское озеро). Для этого Ладожской военной флотилии ставились задачи по уничтожению кораблей неприятельской флотилии, поддержанию огнем артиллерии флангов сухопутных войск. Флотилия должна была обеспечивать коммуникации на озере, не допускать высадки вражеских десантов на побережье, доставлять разведывательно-диверсионные группы в тыл противника [7].

За 5 месяцев с начала войны у флотилии сменилось 6 командующих. Меняли их как не справляющихся с выполнением поставленных задач.

Авиация также входила в состав Ладожской флотилии. На время проведения боевых действий у Ладожского озера были выделены в оперативное подчинение командованию флотилии подразделения Военного Воздушного Балтийского флота.

Первоначально в её состав командованием была передана 41-я отдельная морская разведывательная эскадрилья, базирующаяся на гидроаэродром «Новая Ладога». Перед ней была поставлена задача разведки неприятельских кораблей в б. Сальми, Сортанлак и на Ладожском озере, до о. Валаам. Незначительность ВВС флотилии заставила командующего Ладожской военной флотилией принять меры по их усилению.

С учетом жизненной важности для Ленинграда ладожских коммуникаций в феврале 1942 г. в состав авиагруппы также были включены прибывшие на Балтику из резерва командующего ВВС ВМФ 11-й и 21-й истребительные авиационные полки. Они сразу же приступили к воздушному прикрытию «Дороги Жизни» через Ладожское озеро. 31 мая 1942 г. Ладожская авиагруппа была усилена Особой авиагруппой резерва Ставки ВГК, которой командовал

П.А. Семёнов. На её вооружении имелись самолёты Пе-2. Лётчики авиагруппы вели разведку северо-западной части озера и наносили удары по районам базирования сил противника (Кексгольм, Сортавала).

Воздушную разведку над Ладогой и бомбардировку немецких позиций в районе озера в 1942–1943 гг. выполняли самолёты МБР-2 58-й ОАЭ ВУ (ОМ-РАЭ). Данная эскадрилья также находилась в оперативном подчинении командующему Ладожской военной флотилией. В июне 1944 г. экипажи самолётов флотилии принимали участие в наступательной операции советских войск на Ладожском побережье.

С окончанием советско-финской войны 1939–1940 гг. Ладожская флотилия была переформирована в отряд кораблей военно-морских учебных заведений (ВМУЗ). Подготовка отряда ВМУЗ в основном была направлена на обеспечение практики для юнг, матросов и боцманов, каких-либо конкретных военных задач перед отрядом не стояло. Состав флотилии, по нашему мнению, не составлял никакой боевой угрозы, так как включал в себя три учебных корабля («Ладога», «Мета», «Шексна»), двенадцать катеров типа КМ и шесть глассеров типа НКЛ-5, а также четыре парусно-моторные шхуны.

Ладожская военная флотилия являлась единственным морским театром военных действий, на котором советские войска на протяжении всех дней Великой Отечественной войны сохраняли полное господство. Именно благодаря этому было возможным существование «Дороги жизни». И в акватории Ладожского озера удавалось захватывать «языков» противника. Ладожская военная флотилия играла большую роль в Великой Отечественной войне. От нее зависело многое и главное – устоит ли Ленинград.

Хочется отметить, что перед началом Великой Отечественной войны на территории Ладожского озера находились 4 базы, краткое описание которых представлено ниже. Основным условием такого расположения было выполнение учебных задач.

База под названием Лахденпохья, расположенная на глубине защищенного от ветров Якимварского залива, имела причальный фронт длиной около 1500 м с глубинами до 5 метров. База была оснащена небольшими мастерскими, которые допускали текущий ремонт кораблей и средний ремонт катеров. Лахденпохья получала все виды снабжения из Ленинграда по железной дороге и через Ладожское озеро.

В истоке Невы располагалась база Петрокрепость, имевшая затрудненные подходы со стороны озера из-за узкого и извилистого фарватера. Военный совет Ленинградского фронта принял решение организовать переброску грузов для города и фронта по льду на автотранспорте и проложить с этой целью через губу Петрокрепость ледовую дорогу [10. С. 37]. Специальных пирсов, за исключением нескольких пристаней, у нее не было. Имелся мол длиной до 800 метров с глубиной на подходах до 2,5 метра. Ремонтными средствами базы являлись: судоремонтный завод Северо-Западного речного пароходства (СЗРП), который производил средний и капитальный ремонт кораблей водоизмещением до 150 т, и плавучий док с подъемной силой до 1500 т. База имела возможность снабжения из Ленинграда по Неве и по железной дороге до ст. Шереметьевка, а также из глубины страны – через систему ладожских каналов по р. Свирь и по озерным путям сообщения.

Еще одна база носила название «Сортавала». Данная база имела пирс длиной 400 м с наименьшей глубиной на подходах в 3 м, судоремонтный за-

вод, производивший ремонт судов с механизмами мощностью до 600 л.с. для судов водоизмещением не свыше 500 тонн. Снабжение базы производилось из Ленинграда по железной дороге и через Ладожское озеро.

Четвертой была база под названием «Новая Ладога», которая не имела в своем арсенале оборудованных причалов. Новая Ладога по плану перевозок являлась пунктом формирования конвоев, прибывавших с грузами из Гостинополья и Сясьстроя [4. С. 431]. К пристаням на р. Волхов был возможен подход судов с осадкой не свыше 1,7–1,8 м. Суда с большей осадкой могли стоять только на открытом рейде в 5 милях от берега – это затрудняло организацию противовоздушной обороны и снабжения кораблей. База имела судоремонтные мастерские Северо-Западного речного пароходства. Они обеспечивали средний ремонт небольших судов и тральщиков типа «Ижорец», также база была снабжена тремя плавучими доками, предназначенными для подъема барж и тральщиков. Поставка вооружения и продовольствия шла из Ленинграда по Неве, по системе ладожских каналов и через Ладожское озеро, а также из глубины страны по железной дороге до ст. Волховской, которая находилась в 30 км от Новой Ладоги, и далее по р. Волхов или автотранспортом.

Имелся на Ладоге и подводный флот: восемь подводных лодок. Первые две (77-я и 79-я «Малютки») были перевезены по железной дороге. Они воевали в кампанию 1943 г. и в основном использовались для разведки. Затем, когда открылся путь по Неве, т.е. весной 1944 г., пришли еще три «Малютки» [9]. Долгое время неприятель не мог понять, откуда у русских такие точные данные о расположении фашистских соединений на берегу. Подводные лодки подходили почти вплотную к берегу и по нескольку дней, оставаясь незамеченными, вели наблюдение.

Система базирования на Ладожском озере имела ряд особенностей.

1) ограничение во всех базах судоремонта исключало ремонт миноносцев и канонерских лодок;

2) базы южной части отличались неудобными якорными стоянками, затрудненными подходами к ним, они не обеспечивали рассредоточенной стоянки кораблей, чего нельзя сказать про базы, которые были расположены в северной и северо-западных частях озера;

3) питание баз в основном шло из Ленинграда, за исключением Новой Ладоги и Свирицы, а также всегда существовала необходимость иметь запасы всех видов снабжения.

Для захвата Ленинграда гитлеровское командование сосредоточило в Восточной Пруссии, у наших границ, группу армий «Север» в составе 31 дивизии и 1200 самолетов, а на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера – финскую армию численностью около 14 дивизий. Финским войскам ставилась задача – наступлением с севера помочь немецким войскам захватить Ленинград.

Предполагалось плотно блокировать Ленинград и сравнять его с землей с помощью артиллерии и авиации. Возможные заявления о капитуляции следовало отклонять [2. С. 145].

Для охраны границ советское государство держало в пограничных зонах вооруженные силы. На момент нападения немецко-фашистских войск в Прибалтике находились 8-, 11- и 27-я армии Прибалтийского военного округа. На Карельском перешейке и севернее Ладожского озера у государственных границ с Финляндией были расположены 7-, 14- и 23-я армии. В общей сложно-

сти округ имел в своем составе 426 тыс. человек, 9589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета [5. С. 81–82].

Успеху вермахта и его союзников на начальных этапах войны способствовали тщательная проработка операций, воинское мастерство и опыт немецких военачальников и командиров, слаженность боевых действий частей и соединений. Благоприятствовали этому также изъядны в организации боевых действий советских войск: построение боевых порядков в обороне в один эшелон, иногда отсутствие артиллерийских групп, противотанковых резервов, посредственная организация системы огня, низкое оборудование местности инженерными и фортификационными сооружениями, незначительные, не способные существенно повлиять на оперативно-тактическую обстановку резервы, вводимые в бой по частям. Построенная подобным образом система обороны была неустойчивой, обороняющиеся соединения и части нередко сражались в отрыве друг от друга, что не позволяло резервам маневрировать по фронту и в глубину [3].

16 июля командующий Морской обороны перешел в оперативное подчинение Военному Совету Северного фронта и получил следующие задачи, относящиеся к действиям на Ладожском озере и изложенные в директиве командующего Северным фронтом за № 3032сс: быть готовым оказать содействие флангу сухопутных войск на побережье Ладожского озера; удерживать о. Валаам; не допустить прорыва кораблей противника в устье рек Свирь, Сясь, Волхов и Вуокса; оборонять подходы к Петрокрепости со стороны Ладожского озера; обеспечить озерные пути сообщения от нападения противника [1. С. 14].

Эти задачи, дополненные указанием находиться в готовности к перебазированию части сил и средств для действий в Онежском озере, были возложены на командующего флотилией директивой штаба Морской обороны № 111/58сс от 17 июля 1941 г.

С июня по декабрь 1941 г. Красная армия и Военно-морской флот потеряли убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести 3138 тыс. человек; ранеными, контуженными, заболевшими – 1336 тыс. человек; лишились более 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 10 тыс. самолетов [6].

В завершение хотелось бы отметить, что Ладожская флотилия формировалась в начале Великой Отечественной войны для отряда кораблей ВМУЗ в целях обеспечения перевозок продовольствия, медикаментов, боеприпасов, топлива, а также эвакуации раненых и мирных жителей. В начале боевых действий Ладожская флотилия столкнулась с рядом трудностей, например, невозможностью полноценного ремонта корабельного состава в силу отсутствия необходимого оборудования. Однако благодаря духу солдат, желанию жить под мирным небом и изгнать оккупантов из города Ладожская флотилия уже в первые недели войны оказалась способной содействовать приозерным флангам сухопутных войск. Важнейшее значение в обороне Ленинграда имело повседневное руководство Ставки героической борьбой войск Ленинградского и Волховского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской флотилии и всего населения города. Ставка решила и проблему питания блокированного города. Формирование и развертывание Ладожской флотилии, а также направленность её боевых действий на обеспечение перевозок через озеро были основаны на всесторонней оценке обстановки и правиль-

ном выборе на различных этапах кампании 1941–1943 гг. организационных форм и способов деятельности сил и средств, предназначенных предоставить питание блокированному городу и Ленинградскому фронту. Необходимо отметить, что возможность поддерживать связь с Большой землей через Ладожскую флотилию была не только в теплое время года, но и зимой, так как снабжение непрерывно шло по ледовой дороге.

Ладожская флотилия со временем стала мощной стратегической артерией на пути к перелому в ходе Великой Отечественной войны. Благодаря её хорошо налаженной работе солдаты Красной Армии не падали духом, действовали сообща, проявляя стойкость и силу своего характера, волю к жизни, вселяя тем самым крепость духа и в мирных жителей блокадного Ленинграда.

Литература

1. Боевая деятельность Ладожской флотилии в Великой Отечественной Войне (1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1954. С. 10–14.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 145.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. С. 845–858.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. С. 431.
5. Кривошеев Г.Ф. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2014. С. 81–82.
6. Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 55–56.
7. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 150.
8. РГА ВМФ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.
9. Цена победы. Июль 1941 года на Ладоге: выученные уроки [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/victory/45354/> (дата обращения: 30.04.2019).
10. Шляхтунов А.Г. Боевые действия Ладожской флотилии в годы Великой отечественной войны (осень 1941 – зима 1942 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2016 г. № 4. С. 37.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

ШЛЯХТУНОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ – преподаватель учебного военного центра, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Россия, Москва (shlyakhtunov@gmail.com).

E. MINEEVA, M. SHLYAKHTUNOV

LADOGA THEATER OF MILITARY ACTIONS AND ITS GEOGRAPHIC CHARACTERISTIC

Key words: the Ladoga, Lake Ladoga, Siege of Leningrad, Ladoga Flotilla, Military Council of the Leningrad Front, Supreme High Command General Headquarters, Leningrad Front, Red Banner Baltic Fleet, transportation support, military activity.

The article reflects the relentless relevance of studying the history of the Great Patriotic War. The purpose of this article is to analyze the geographical and tactical characteristics of the Ladoga theater of military operations. Based on the sources and research literature, it is proved that the history of the Great Patriotic War consisted of both large-scale and local military operations, which had a great strategic importance for the entire course of the war. The scientific novelty of the article does not cause any doubts, since the authors of the work specify the composition of the Ladoga Flotilla, which became the "Road to Life" not only for the civilian population of the city, but for the Red Army soldiers as well, using the methods of comparison, analysis of archival documents, previously

classified as security-restricted in the territory of our country. The authors also reveal insights into the role of the Ladoga Flotilla, both during the Siege of Leningrad and in the whole during the turning point in the war, as well as provide historical facts confirming the results of the research. The article provides a detailed description of the Ladoga theater of military actions and its military-geographical structure, based on a detailed study of factual information, as well as conclusions on combat and daily activities of the Ladoga flotilla to maintain a favorable regime on the lake. The authors conclude that the opportunity to support communication with the mainland through the Ladoga flotilla existed not only in the frost-free season of the year, but also in the winter, as the supply was continuous by the ice road. Over time, the Ladoga flotilla became a powerful strategic artery on the way to breakdown during the Great Patriotic War.

References

1. *Boevaya deyatel'nost' Ladozhskoi flotilii v Velikoi Otechestvennoi Voine (1941–1945 gg.)* [Combat activities of the Ladoga Flotilla in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1954, pp. 10–14.
2. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. T. 1. Osnovnye sobytiya voiny* [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 1: Main events of the war]. Moscow, Voenizdat Publ., 2011, 145 p.
3. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. T. 2. Proiskhozhdenie i nachalo voiny* [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 2: The origin and beginning of the war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012, pp. 845–858.
4. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. T. 3. Bitvy i srazheniya, izmeniv-shie khod voiny* [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 3: Battles and battles that changed the course of the war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012, 431 p.
5. Krivosheev G.F. *Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter'* [Great Patriotic without secrecy. Loss book]. Moscow, Veche Publ., 2014, pp. 81–82.
6. Kul'kov E.N., Myagkov M.Yu., Rzheshevskii O.A. *Voina 1941–1945. Fakty i dokumenty* [The war of 1941–1945. Facts and Documents]. Moscow, Olma-Press Publ., 2001, pp. 55–56.
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota. Fond 1678. Opis' 1. Document 69. List 150* [Russian State Archive of the Navy. Archives 1678. Anagraph 1. Document 69. P. 150].
8. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota. Fond 952. Opis' 2. Document 1. List 9* [Russian State Archive of the Navy. Archives 952. Anagraph 2. Document 1. P. 9].
9. *Tsena pobedy. Iyul' 1941 goda na Ladoge: vyuchennye uroki* [The price of victory. July 1941 on Ladoga: Lessons Learned]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/victory/45354>.
10. Shlyakhtunov A.G. *Boevye deistviya Ladozhskoi flotilii v gody Velikoi oteche-stvennoi voiny (osen' 1941 – zima 1942 gg.)* [Fighting of the Ladoga Flotilla during the Great Patriotic War (autumn 1941 – winter 1942)]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2016, no. 4, p. 37.

MINEEVA ELENA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mineevaek21@mail.ru).

SHLYAKHTUNOV MIKHAIL – Lecturer, Military Training Center, Moscow Aviation Institute (National Research University), Russia, Moscow (shlyahtunov@gmail.com).

Формат цитирования: Минеева Е.К., Шляхтунов М.А. Ладожский театр военных действий и его географическая характеристика // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 105–111.

УДК 929Ильминский(470)"18":37
ББК Ч33(2)51-8Ильминский

А.Н. ПАВЛОВА

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО ПО ВОПРОСАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ

Ключевые слова: Н.И. Ильминский, научные труды, просвещение, нерусские народы, родной язык, переводы.

В статье рассматриваются научные труды Н.И. Ильминского по вопросам христианского просвещения. Научные работы ученого представлены записками, «представлениями», «соображениями», проектами, сочинениями и отчетами, содержащими сведения о выполненной работе. Труды Н.И. Ильминского позволяют проследить эволюцию его взглядов по вопросам просвещения крещеных татар в частности и в целом нерусских народов восточной части России. С самого начала своей научной деятельности, будучи бакалавром Казанской духовной академии, Н.И. Ильминский встал на позицию отказа от насильственных мер в просвещении, выступив за новую миссию «образованную, понимающую свое дело». Духовный рост «инородцев» он видел на основе христианского образования и воспитания через школы. Для просвещения широких слоев населения выступал за обеспечение доступности книг, путем распространения их в сельской местности как можно дешевле. Развитие взглядов Н.И. Ильминского продолжалось в русле организации подготовки и издания переводной религиозной литературы на родном языке. При издании переводной литературы им использовался метод двуязычия. В научных работах обоснована его система просвещения, включавшая четыре компонента: школы, учителя, переводы (книги), богослужение на родном языке. Состоятельность системы подтверждена практическим опытом работы школ.

Николай Иванович Ильминский – крупный ученый, педагог, идеолог православного просветительства [12. С. 12]. Его научная деятельность протекала сначала в стенах Казанской духовной академии, затем – Казанского университета и Казанской инородческой учительской семинарии, директором которой он являлся с момента основания (в 1872 г.) до конца своей жизни.

Вопросы жизни и деятельности Н.И. Ильминского, разработки им системы просвещения получили достаточно широкое освещение в отечественной историографии. В дореволюционный период жизнь и деятельность просветителя была освещена в работах известного востоковеда Н.М. Никольского [13], профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского [6], окружного инспектора Казанского учебного округа Н.А. Спасского [17], воспитанника Казанской учительской семинарии Д.Ф. Филимонова [19] и др. Систему просвещения Н.И. Ильминского в рассматриваемый период изучали А.С. Роществин [15], Д.К. Зеленин [5], С.В. Смоленский [16], С.В. Чичерина [20], А.А. Воскресенский [2], Н.В. Никольский [12], М.П. Петров [14] и др.

В советский период данная проблематика разрабатывалась слабо. Среди работ этого периода можно отметить труды В.Н. Ведерникова [1], А.Н. Кононова [10] и др. В постсоветское время наблюдался интерес исследователей к данной проблематике. К ней обращались С.В. Грачев [3], А. Каппелер [9] и др. На современном этапе не ослабевает интерес исследователей к данной проблеме, с учетом новых подходов разрабатываются основные вопросы темы. Среди современных исследователей выделяются Р.Р. Исхаков [8], Л.А. Таймасов [18], Ю.В. Гусаров [4], в основном рассматривающие научные труды Н.И. Ильминского в контексте изучения его деятельности. Как отдельный самостоятельный объект анализа научные труды ученого, просвети-

теля не исследовались. В связи с этим возрастает актуальность изучения поставленной проблемы.

Научные работы Н.И. Ильминского представлены записками, «представлениями», «соображениями», проектами, сочинениями и отчетами, как правило носящими аналитический характер и содержащими обзор состояния рассматриваемого вопроса, обоснование выбранного направления в работе, методы проведения исследований, описание полученных результатов, заключение с выводами. Многие из них вошли в издание «Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов», подготовленный Институтом истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, изданный в Казани в 2015 г., некоторые были опубликованы самим Н.И. Ильминским.

В 1847–1848 гг., будучи бакалавром Казанской духовной академии, Н.И. Ильминский совершил научную командировку с целью изучения положения крещеных татар Мамадышского, Чистопольского и Спасского уездов. В 1848 г. по поручению Казанского архиепископа Григория (Постникова), на основе собранного фактического материала, им был составлен отчет о поездке по татарским селениям. Отчет аналитического характера раскрывал состояние вопроса христианизации, содержал описание результатов наблюдений в среде бытования крещеных татар, выражал новый подход к «миссии среди татар» [11. С. 52–55].

Рассматривая ход христианизации крещеных татар, Н.И. Ильминский отметил, что использование устрашающих мер по отношению к старокрещеным и раздача льгот новокрещеным при обращении их в христианство не привели к усвоению христианского мировоззрения. Факты, наблюдаемые им, показывали, что крещеные татары, находясь в поле соприкосновения двух религий – православия и ислама – более склонны к исламу, нежели к православию. Этому способствовало и отсутствие знания татарского языка духовными лицами (священниками, благочинными, миссионерами), тем самым не имеющими средства воздействовать на крещеных [11. С. 53–54]. Переселение «отступников» в русские селения, по мнению Н.И. Ильминского, являясь насильственной мерой, не способствовало христианскому просвещению крещеных. Полуторамесячное пребывание в среде крещеных татар привело его к убеждению в необходимости отказа от насильственных мер, способных «только раздражать, но не вразумлять» [11. С. 54]. Новый подход к организации христианского просвещения крещеных татар Н.И. Ильминский выразил следующими словами: «Таким образом, должно оставить настоящий порядок вещей, который указал свою неуместность и негибкость долговременным бесплодным опытом и устроить новую миссию к татарам, миссию образованную, понимающую свое дело... Миссионер должен быть человек хорошо образованный» [11. С. 55].

Миссионерские цели были невыполнимы без книг религиозного содержания, поэтому вставала задача организации переводов на татарский язык. В «представлении» в Правление Казанской духовной академии от 30 октября 1848 г. Н.И. Ильминский изложил «соображения о составе и характеристике татарского языка для христианских переводов» и впервые предложил использование как книжного, так и разговорного татарского языка в переводах христианских книг для просвещения крещеных татар. Он отмечал, что в переводе «должно соединить разговорный и книжный языки», при этом «татарские

наречия все должны принести дань в общую сокровищницу», «переводчику богослужебных книг на татарский язык необходимо знать разные татарские наречия, и знать их не поверхностно, а подробно» [7. С. IV–V].

Отчет о поездке по татарским селениям от 2 сентября 1849 г., составленный по поручению архиепископа Григория (Постникава), отразил результаты научной командировки Н.И. Ильминского в селения восточной части Казанской губернии, особенность которой заключалась в том, что «здесь множество разных элементов входит в состав приходов: чувашаи, черемисы (мари), вотяки (удмурты), мордва, татары старо- и новокрещенные, отпадшие татары, русские православные и русские раскольники всевозможных толков; каждый из этих элементов варьируется в разных местах по степени близости и удаленности от православия» [11. С. 73–74]. Основным методом работы выступило наблюдение, позволившее выявить сложности взаимоотношений в регионе, населенном различными этносами, оценить состояние «отступничества» среди крещеных татар, объяснить причины низкого уровня усвоения христианского мировоззрения нерусскими народами. Автор предупреждал о распространении раскольничества среди русских; отмечал сохранение традиционных верований чувашей, синкретизм язычества и христианства в их религиозных воззрениях [11. С. 57–62].

Задачи миссионеров Н.И. Ильминский связывал с духовным развитием нерусских народов. В качестве положительного опыта влияния православного духовенства на нерусское население привел примеры священников А. Бузановского, А. Алексеевского и др. [11. С. 77–79]. Успех их деятельности был основан на знании ими родного языка своих прихожан. Ильминский, учитывая их положительный опыт, писал: «Осмелюсь высказать, что превосходна мысль, чтобы духовные умели объяснять истины христианства своим иногородным прихожанам на их природном языке, но для этой цели должно знать язык не кое-как, а в совершенстве» [11. С. 78].

В итоге Н.И. Ильминский сформулировал вывод о двух основных средствах просвещения: во-первых, школа; во-вторых, церковная проповедь [11. С. 78]. Он обосновал причины, по которым крестьяне не хотят отдавать детей в школы: «1) они смотрят на грамотность как на что-то новое, необычное; 2) подготовленные из крестьян сельские писари берут взятки, кутят, поэтому крестьяне относятся к учению отрицательно; 3) злоупотребление некоторых сельских писарей, которые при назначении мальчиков в сельские школы, чтобы выбить побольше денег, внушают крестьянам, что эти мальчики по окончании курса будут взяты в Петербург». По его мнению, отсутствие заинтересованности воспитанников школ объяснялось неправильной методикой обучения, «слишком сухой и скупой», ограниченной программой преподавания, включавшей «чтение, письмо, арифметику и начатки христианского учения». Им была высказана мысль о полезности грамотности как средства к образованию, «когда есть время и полезные книги для чтения» [11. С. 80].

В 1849 г. Н.И. Ильминский представил руководству Казанской духовной академии «проект миссии для татар», предусматривавший подготовку миссионеров для просвещения крещеных татар. Он выявил существенные различия в уровне христианизации крещеных татар. Старокрещеных считал «крепкими в христианской вере», новокрещеных – только внешне усвоившими христианство, «отпавших» – «не знающими русской веры, отставшими от православия». Им было выдвинуто положение о подготовке образованных

миссионеров, владеющих родным языком крещеных татар, и издании религиозных книг на татарском языке [11. С. 85–93]. Н.И. Ильминский разработал инструкцию миссионерам, подготовленным в академии, согласно которой они должны владеть арабским языком, знать ислам, религиозную и прочую литературу. Н.И. Ильминский отводил роль миссионеров и сельским учителям, считая, что крещеные татары имеют к ним большее расположение, нежели к приходским священникам, которых они могли опасаться [11. С. 95–98]. Проект получил одобрение, и 1 марта 1849 г. руководством Казанской духовной академии было принято решение о преподавании студентам татарского и арабского языков.

В июле 1850 г. Н.И. Ильминский был переведен в Петербург для переводческой деятельности. Затем он совершил научную командировку в страны Ближнего Востока и в марте 1854 г. возвратился в Казань. В 1856 г. Н.И. Ильминским составлен отчет о поездке по татарским селениям, в котором отмечена такая особенность, как удаленность их от приходских церквей, в связи с чем возрастала миссионерская роль «инородческих» школ. В качестве положительного примера школы, оказывающей миссионерское воздействие, названо Мамадышское центральное училище, в котором важное внимание уделялось изучению учениками христианских понятий [11. С. 108]. Позиция Н.И. Ильминского состояла в том, чтобы обеспечить широким слоям сельского населения доступность книг, поэтому в вопросе распространения книг он считал необходимым, чтобы «популярные издания назидательного содержания» продавались как можно дешевле сельскому населению. Им отмечена такая особенность, как отсутствие поддержки раскольников среди «инородцев». В заключение он высказал мысль об использовании кириллицы для переводов на татарский язык, подчеркивая, что такие переводы предназначаются для крещеных татар и привлечения их представителей к переводческой деятельности [11. С. 108–118].

В феврале 1858 г. руководству Казанской духовной академии профессорами Г.С. Саблуковым и Н.И. Ильминским были представлены «соображения о миссионерских школах для крещеных татар и о переводах для них христианских книг» [7. С. XI]. В документе обосновывалась необходимость переводов религиозных книг для крещеных татар. Для усвоения изучаемых истин «должно вместе с русским уроком прочитывать те же самые статьи в татарском переводе», тем самым закладывались основы принципа двуязычия при издании книг. Подтверждалась необходимость использования разговорного языка крещеных татар для доступности переводов, чтения переводов крещеным татарам разных местностей и применения русского алфавита для переводов [7. С. XII–XIV].

В 1859 г. Н.И. Ильминским составлена записка о мерах к усилению миссионерской деятельности среди татар. В ней отмечены успехи усвоения русской грамотности крещеными татарами, примером этому служил В.Т. Тимофеев. Автор указывал на возможность организации школ и ведения богослужения на татарском языке в селах Чуре и Юмьы Мамадышского уезда, где основное население составляли крещеные татары [11. С. 120–121].

«Представление в историко-филологический университет Императорского Казанского университета о постановке преподавания и изучения татарских наречий» было подготовлено Н.И. Ильминским 21 февраля 1862 г. и содержало рассуждения о положении тюркской филологии и возможных успехах в данной

области, связанных с работой отделения арабского и турецко-татарского языков. При этом автор отметил, что из 300 студентов «никто не изъявил желаний научно заниматься восточными языками» [11. С. 123]. Среди кандидатов в слушатели отделения он назвал Л. Иноземцева. Свою позицию в отношении татарского языка Н.И. Ильминский выразил в «мнении о преподавании татарского языка в Оренбургской гимназии», изложенном 24 сентября 1862 г. Он отводил высокую роль разговорному татарскому языку, считал обязательным «первоначальный трехгодичный курс татарского языка для русских воспитанников», наряду с которым предлагал преподавание в гимназии башкирского и казахского языков. Н.И. Ильминский писал: «Напрасно думают, что татарский язык совершенно бесполезен в образовании. Напротив, он способен упражнять в развитии мышления, подобно латинскому языку» [11. С. 125].

К 1870 г. относится сочинение Н.И. Ильминского «О переводе православных христианских книг на татарский язык при христианско-татарской школе в Казани», в котором указывалось, что орудием для христианского образования крещеных татар и переводов христианских книг для них принят татарский разговорный, народный язык. В своей работе он относил татарский язык к урало-алтайской группе; высоко оценивал помощь профессора Г.С. Саблукова в переводах; подчеркивал значение алфавита, знаменующего «преимущественно религиозную связь народов» [11. С. 132–135].

В записке «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках», опубликованной Н.И. Ильминским в книге «О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Практические замечания Н. Ильминского» (Казань, 1875), отмечается общая работа русских и «инородцев» по переводам. Автор указывает, что нормативным документом в деле переводов служили Высочайше утвержденные Правила об издании православных книг на инородческих языках от 18 марта 1868 г. [11. С. 148; 12. С. 93]. Правила содержали два требования к качеству переводов: во-первых, доступность; во-вторых, способность оказывать нравственное воздействие. В них было закреплено принципиальное положение о привлечении «инородцев» к переводческой деятельности.

По мнению профессора Н.В. Никольского, «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках» были адресованы переводчикам и содержали советы «о наилучших приемах переводческого дела», приводя их к убеждению «в необходимости усидчивого труда над переводами» [12. С. 94]. Н.И. Ильминский отводил переводам значительную роль в качестве «действительного и необходимого орудия христианского просвещения инородцев в связи с обучением в школах» и для духовного пробуждения «инородческого населения». Он писал: «Когда через эти переводы и образование инородцы разовьются и сознательно утвердятся в христианском учении, они сами могут продолжить способы своего образования, так как это дело всего ближе касается их, и притом с самой существенной стороны – духовной» [11. С. 153].

В выписке из представленной по поручению Казанского архиепископа Сергия (Ляпидевского) записки о причинах «отпадения» крещеных татар Казанской губернии от 30 августа 1882 г. Н.И. Ильминский отметил, что «отпадения» являются следствием «поспешного, механического крещения». Как противодействие этому предложил систему мер, направленных на сознательное усвоение христианства. Основа этой системы была проверена опы-

том практической деятельности братства св. Гурия, о котором Н.И. Ильминский писал: «Способы и орудия казанского братства суть главным образом миссионерские школы, которые при помощи учителей из природных инородцев и обучения инородческих детей на их родном языке и по книгам на местном языке, а также и чтении молитв и некоторых частей богослужения на том же языке, направлены именно к лучшему усвоению инородцами христианских понятий как цельного мировоззрения». Большое значение при этом придавалось подготовке священников из «инородцев» для совершения богослужения на «инородческих» языках и пониманию длительности процесса усвоения христианского воспитания и образования «инородцами» [11. С. 158].

Дальнейшее развитие взглядов Н.И. Ильминского на организацию школ и подготовку учителей по его системе нашло отражение в «проекте правил для начальных народных школ церковного братства во имя св. Гурия» (1880-е гг.), «представлении в Министерство народного просвещения об устройстве учительских курсов при Казанской учительской семинарии» от 25 июля 1885 г. [11. С. 161–165, 166–169]. Важное значение для понимания широты научных взглядов ученого имеет «записка по вопросу государственного регулирования хаджа российских мусульман» (1880-е гг.), по своему содержанию выходящая за рамки вопросов христианского просвещения [11. С. 169–170].

Таким образом, изучая научные работы Н.И. Ильминского, мы можем проследить эволюцию его взглядов в вопросах просвещения крещеных татар в частности и в целом нерусских народов восточной части России. Отказавшись от насильственных мер, просветитель делал упор на «образованную миссию», поставив во главу угла духовное развитие «инородцев» на основе христианского просвещения на родном языке. Первоначально он выдвинул два средства просвещения – школу и церковную проповедь, считая, что воспитание должно носить религиозный характер. Новым для дела просвещения было предложенное им – для широких слоев населения – обеспечение доступности книг. Для этого им была организована работа по переводам и изданию учебной и религиозной литературы, что стало возможным благодаря совместной деятельности русских и «инородцев». Ученый обосновал использование кириллицы для переводов на родные языки нерусских народов. Высоко ценя татарский язык, выступал за изучение и других тюркских языков.

Имея практический опыт работы, широкую научную, теоретическую подготовку, Н.И. Ильминский утвердился во мнении, что орудием христианского образования может быть только родной язык. Он обосновал систему просвещения, включавшую четыре компонента: школы, учителя, переводы (книги), богослужение на родном языке. Состоятельность системы подтверждалась практическим опытом работы школ.

Литература

1. *Ведерников В.Н.* Н.И. Ильминский (1822-1891) // Русская речь. 1982. № 2. С. 90–94.
2. *Воскресенский А.А.* Система Н.И. Ильминского в ряду других мероприятий по просвещению инородцев // Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещенотатарской школе. Казань, 1913.
3. *Грacheв С.В.* Геополитический подход к истории образования нерусских народов Российской империи. Саранск, 2001. 90 с.
4. *Гусаров Ю.В.* Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности. Чебоксары, 2016. 60 с.
5. *Зеленин Д.К.* Н.И. Ильминский и просвещение инородцев. СПб., 1902.
6. *Знаменский П.В.* На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892.

7. Ильминский Н.И. Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии. Казань, 1890. 232 с.
8. Исхаков Р.Р. Очерки истории и традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2014. 332 с.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997.
10. Кононов А.Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд. М.: Наука, 1989. С. 103–104.
11. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов / авт.-сост. Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань, 2015. 660 с.
12. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Том II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.
13. Никольский Н.М. Николай Иванович Ильминский. Очерк его жизни и деятельности. СПб., 1898.
14. Петров М.П. Н.И. Ильминский и его просветительная система. Казань, 1916.
15. Рождествен А.С. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Казань, 1900.
16. Смоленский С.В. В защиту просвещения восточно-русских инородцев по системе Н.И. Ильминского. СПб., 1905.
17. Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара, 1900.
18. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 523 с.
19. Филимонов Д.Ф. О Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1893.
20. Чичерина С.В. О православных инородцах и современном значении системы Н.И. Ильминского. СПб., 1906.

ПАВЛОВА АЛЕВТИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (arhidok2008@mail.ru).

A. PAVLOVA

SCIENTIFIC WORKS BY N. ILMINSKIY ON EDUCATION OF NON-RUSSIAN PEOPLES

Key words: *N.I. Ilminskiy, scientific works, education, non-Russian peoples, the native language, translations.*

The article examines scientific works of N. Ilminskiy on the issues of Christian education. Scientific works of the scholar are presented by notes, «representations», «considerations», projects, essays and reports containing data on the work performed. N.I. Ilminskiy's works make it possible to trace evolution of his views concerning education of the baptized Tatars in particular, and that of the non-Russian peoples of Russia's eastern part in general. From the very beginning of his scientific activity, being a bachelor of Kazan spiritual academy, N.I. Ilminskiy took a stand of refusing from violence in education, supporting a new mission as «educated, understanding its engagement». He saw spiritual growth of «foreigners» on the basis of Christian education and Christian nurture provided by schools. To educate a wide range of population, he supported ensuring availability of books, by their distribution in rural areas as cheap as possible. Development of N. I. Ilminskiy's views continued in line with organizing preparation and publishing translated religious literature in the native language. When publishing the translated literature he used the method of bilingualism. His scientific works substantiate his system of education including four components: schools, teachers, translations (books), church service in the native language. This system's solvency is confirmed with practical experience of schools' functioning.

References

1. Vedernikov V.N. *N.I. Il'minskiy (1822–1891)* [N.I. Ilminsky (1822–1891)]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 1982, no. 2, pp. 90–94.
2. Voskresenskiy A.A. *Sistema N.I. Il'minskogo v ryadu drugikh meropriyatiy po prosveshcheniyu inorodtsev* [N.I. Ilminsky's system among other actions for education of non-russian people]. In:

Ilminskiy N.I. *O sisteme prosveshcheniya inorodtsev i o Kazanskoj tsentral'noi kreshchenotatarskoj shkole* [About system of education of non-russian people and about the Kazan central tatars school]. Kazan, 1913, 135 p.

3. Grachev S.V. *Geopoliticheskkii podkhod k istorii obrazovaniya nerusskikh narodov Rossijskoj imperii* [Geopolitical approach to history of education of the non-russian people of the Russian Empire]. Saransk, 2001, 90 p.

4. Gusarov Yu.V. *Perevodnaya chuvashskaya kniga vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: k istorii perevodcheskoj i izdatel'skoj deyatel'nosti* [The translated Chuvash book of the second half XIX – the beginning of the XX century: to history translation and publishing]. Cheboksary, 2016, 60 p.

5. Zelenin D.K. *N.I. Il'minskii i prosveshchenie inorodtsev* [N. Ilminskiy and education of non-russian people]. St. Petersburg, 1902.

6. Znamenskiy P.V. *Na pamyat' o Nikolae Ivanoviche Il'minskom* [For memory of Nikolay Ivanovich Ilminskiy]. Kazan, 1892.

7. Ilminskiy N.I. *Perepiska o chuvashskikh izdaniyakh Perevodcheskoj komissii* [Correspondence about the Chuvash editions of the Translation commission]. Kazan, 1890, 232 p.

8. Iskhakov R.R. *Ocherki istorii i traditsionnoi kul'tury i religioznosti tatar-kryashen (XIX – nachalo XX vv.)* [Sketches of history and traditional culture and religiosity of the Christian Tatars (19th – the beginning of the 20th centuries)]. Kazan, 2014, 332 p.

9. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: vznikovenie, istoriya, raspad* [Russia – the multinational empire: emergence, history, disintegration]. Moscow, 1997.

10. Kononov A.N. *Biobibliograficheskii slovar' otechestvennykh tyurkologov. Dooktyabr'skii period* [Biobibliographic dictionary of specialists in Turkic philology of Russia. Pre-October period]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 103–104.

11. *Materialy po istorii obrazovaniya i prosveshcheniya narodov Volgo-Ural'ya v rukopisnykh fondakh N.I. Il'minskogo: sb. dokumentov i materialov* [Materials on stories of education of the people of Volga-Uralya in hand-written funds by N. Ilminskiy: documents and materials]. Kazan, 2015, 660 p.

12. Nikolskiy N.V. *Sobranie sochinenii. Tom II. Trudy po istorii khristianizatsii i khristianskogo prosveshcheniya chuvashei* [Collected works. Vol. II: Works on stories of Christianization and Christian education of Chuvashes]. Cheboksary, Chuvash State Publ., 2007, 447 p.

13. Nikolskiy N.M. *Nikolai Ivanovich Il'minskii. Ocherk ego zhizni i deyatel'nosti* [Nikolay Ivanovich Ilminskiy. Sketch of his life and activity]. St. Petersburg, 1898.

14. Petrov M.P. *N.I. Il'minskii i ego prosvetitel'naya sistema* [N. Ilminskiy and his educational system]. Kazan, 1916.

15. Rozhdestvin A.S. *Nikolai Ivanovich Il'minskii i ego sistema inorodcheskogo obrazovaniya v Kazanskom krae* [Nikolay Ivanovich Ilminskiy and his system of education in the Kazan region]. Kazan, 1900.

16. Smolenskiy S.V. *V zashchitu prosveshcheniya vostochno-russkikh inorodtsev po sisteme N.I. Il'minskogo* [The protection on N. Ilminskiy's system of education of the non-russian people of the east Russia]. St. Petersburg, 1905.

17. Spasskiy N.A. *Prosvetitel' inorodtsev Kazanskogo kraja Nikolai Ivanovich Il'minskii* [Nikolay Ivanovich Ilminskiy is educator of the non-russian people of the Kazan region]. Samara, 1900.

18. Taymasov L.A. *Pravoslavnyaya tserkov' i khristianskoe prosveshchenie narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Orthodox church and Christian education of the people of Central Volga area in the second half of XIX – the beginning of the XX century]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2004, 523 p.

19. Filimonov D.F. *O Nikolae Ivanoviche Il'minskom* [About Nikolay Ivanovich Ilminskiy]. Kazan, 1893.

20. Chicherina S.V. *O pravoslavnykh inorodtsakh i sovremennom znachenii sistemy N.I. Il'minskogo* [About orthodox non-russian people and modern value of the system by N. Ilminskiy]. St. Petersburg, 1906.

PAVLOVA ALEVTINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (arhidok2008@mail.ru).

Формат цитирования: Павлова А.Н. Научные труды Н.И. Ильминского по вопросам просвещения нерусских народов // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 112–119.

УДК 393.05
ББК 63.5(2)

И.Г. ПЕТРОВ

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА НА НАМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ НЕКРЕЩЕННЫХ ЧУВАШЕЙ: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРИЕМОМ ИХ ВИЗУАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: чувашаи, язычество, обычаи, обряды, похоронный обряд, намогильные памятники, чувашский костюм.

Яркой и своеобразной особенностью погребальной обрядности чувашей, не принявших христианскую веру, являются надгробные памятники «юпа» (букв. «столб», «опора»). В зависимости от материала они подразделяются на каменные и деревянные. Им свойственны не только выраженная антропоморфность, неразрывная связь с древними мифологическими и мировоззренческими представлениями, но и глубокая символика. Кроме того, многие намогильные памятники являются уникальными произведениями народного искусства. Именно поэтому эти артефакты некоторые ученые предлагают рассматривать в качестве народной монументальной культовой скульптуры чувашей. Деревянные и каменные «юпа» отражают разносторонние связи предков чувашей с другими народами и культурами, которые имели место в прошлом, передают образ человека, а также его пол и состояние в браке. Для передачи последних характеристик древними мастерами были выработаны различные способы и приемы. Прежде всего это материал, форма памятника, а также различные дополнительные визуальные знаки, передающие особенности костюма. Этнической особенностью намогильных памятников чувашей-язычников является то, что элементы костюма главным образом отображались на женских намогильных памятниках. Этой проблеме и посвящена данная статья. В ней ставится задача рассмотреть, какие именно детали традиционного костюма воспроизводились на женских намогильных памятниках и какие приемы для их отображения применялись. Также в статье представлена краткая историография данной проблемы в отечественной и зарубежной науке. Она показана и проанализирована в контексте общего изучения намогильных памятников чувашского языческого населения Урало-Поволжья.

Намогильные памятники «юпа» некрещенных чувашей представляют научный интерес для широкого круга ученых и исследователей. Они являются ценными источниками для изучения древнейшего мировоззрения и мифологии чувашского народа, а также традиционных представлений, связанных с культом предков. Кроме того, памятники «юпа» являются благодатным материалом для специалистов, занимающихся изучением народного искусства.

Главное, что характеризует и объединяет данные памятники, это их антропоморфность, т.е. максимальное придание им тех или иных черт человеческого облика. Перенесение человеческого образа на дерево или камень, из чего они изготовлялись, достигалось совокупностью разных приемов и способов. На деревянных столбах, немного отступая от верха, сперва топором высекали небольшое круговое углубление и таким образом выделяли голову от основного корпуса. На прямоугольных каменных аналогах голова обозначалась с помощью боковых вырезов, благодаря которым на памятнике четко выделялись голова, шея, плечи и туловище. Затем приступали к оформлению «лица» памятника: топором или долотом вырезались «глаза», «нос» и «губы» покойного. Другим способом «очеловечивания» памятников была их частичная раскраска. По некоторым сведениям, в целях достижения большей реальности и убедительности «губы» и «нос» на некоторых памятниках закрашивались красной краской. В начале XX в. такая традиция бытовала в с. Старое Ганькино (*Питтапаль*) Бугурусланского уезда Самарской губернии.

И, наконец, еще одним распространенным приемом придания памятнику человеческого облика было нанесение на его поверхность орнаментированных надрезов или знаков, обозначавших те или иные элементы народного костюма. Однако последний прием применяется главным образом на женских намогильных памятниках, тогда как на мужских аналогах не встречается совсем.

Таким образом, антропоморфизм памятников подчеркивался их общей формой, изображением человеческого лица, а также некоторых деталей народного костюма, главным образом головного убора и нагрудного украшения.

Цель настоящего исследования – показать, какие именно детали традиционного костюма воспроизводились на женских намогильных памятниках и какие приемы для их отображения применялись.

Задачи исследования:

1. Произвести краткий историографический обзор отечественной и зарубежной литературы по изучению чувашских намогильных памятников и по затронутой проблеме.

2. Рассмотреть и проанализировать основные приемы визуализации элементов женского костюма, которые применялись мастерами-изготовителями деревянных и каменных надгробий.

Первые сведения о намогильных памятниках некрещеных чувашей появились в сочинениях русских и иностранных ученых-путешественников XVIII в. – Т. Кёнигсфельда, П.С. Палласа, Г.Ф. Миллера. Однако эти данные достаточно фрагментарны. В сочинении Т. Кёнигсфельда, опубликованного в переложении П.П. Пекарского в 1865 г., сообщается, что на могиле чувашей «ставится столб, выдолбленный к востоку», а некоторые из них бывают «из обтесанного камня с какими-то буквами, непохожими ни на русские, ни на татарские» [29. С. 60]. По мнению А.К. Салмина, на каменных памятниках исследователем были увидены знаки старочувашской рунической письменности [36. С. 209].

В исследовании П.С. Палласа повествуется, что чувашаи своих умерших родственников в течение года поминают трижды, а осенью на восьмое число ноября месяца на могилы не только приносят жертву из домашнего кушанья и напитков, но и «в головах покойного ставят деревянные столбы» [28. С. 144].

У Г.Ф. Миллера в разделе о чувашских погребальных обрядах также упоминаются деревянные столбы. Однако ученый отметил, что из-за случающихся краж чувашаи их иногда раскалывают, т.е. приводят в негодность для последующего использования [20. С. 79–80].

Ценным источником конца XVIII в. по религии и религиозным верованиям чувашей является очерк «О чувашах» К.С. Мильковича. Хотя данная работа была написана в 1783 г., впервые в свет она вышла в 1827 г. [21] и потом несколько раз переиздавалась [22, 54]. Относительно обряда похорон автор отметил, что чувашаи на могиле «ставят столб вышиною в рост человека и делают на столбе, отступя от верху его на четверть, продолговатую желобину». Последнее замечание автора, пожалуй, явилось одним из первых письменных свидетельств, в котором было указано, что чувашские «юла» не были безликими и соответствующим образом оформлялись. В данном случае, речь скорее всего идет о традиционной треугольной выемке на верхней части столба, обозначавшей «лицо» умершего. Кроме того, как и Т. Кёнигсфельд, К.С. Милькович обнаружил, что некоторые чувашаи на могилах ставят камни, на которых «изсекают некоторые знаки, называемое ими тура, означающие

как умершего, так и его родственников, чтобы их потомки могли знать, кто такой и чей родственник схоронен» [22. С. 15].

В XIX в. надгробные столбы чувашей получили незначительную интерпретацию в работах А.А. Фукс, В.П. Вишневого, В.А. Сбоева, С.Н. Тимрясова, В.К. Магницкого. Однако содержащиеся в них сведения также поверхностны. Вероятно, это объясняется тем, что упомянутые авторы не задавались целью специально и глубоко изучить эту тему и основной акцент в своих исследованиях сделали на составление трудов общей или узкой направленности по истории, культуре, быту, религии чувашей. Поэтому надгробные столбы в них упоминаются лишь попутно в качестве атрибутов погребального культа.

В сочинении А.А. Фукс в качестве погребальных памятников чувашей-язычников упоминаются «каменные и деревянные столбы» [50. С. 101] или «колья» [51. С. 160–161].

В исследовании В.П. Вишневого таковыми являются два шеста, вколачиваемые «до самого гроба в ноги и головы» покойника, чтобы он «не вылез из могилы» [2. С. 21].

Позже сведения В.П. Вишневого в своих исследованиях о чувашах повторил В.А. Сбоев [37, 38, 39]. В сочинении 1865 г. он, в частности, отметил, что с западной и восточной сторон могилы чуваше вколачивают «по столбу в рост умершаго» [39. С. 132]. Здесь он также подчеркнул, что около надгробного столба на Семик собираются его родственники, которые в знак начала поминок вешают на него полотенце, а потом в яму у изголовья покойника кладут жертвенную пищу [39. С. 142].

Ценные сведения о похоронно-поминальных обрядах чувашей-язычников дер. Ишалькино Чистопольского уезда Казанской губернии в своей работе оставил С.Н. Тимрясов. В ней он представил не только подробное изложение обряда похорон, но и остановился на ритуале осенних поминок, одним из обязательных элементов которого была поездка родственников умершего в лес и приготовление для него надгробного столба «юла» [42. С. 271–273].

Заслуживающие внимания сведения по затронутой теме имеются в сочинении В.К. Магницкого. В частности, вслед за К.С. Мильковичем он сообщил о приверженности некоторых групп чувашей вместо столбов устанавливать известняковые плиты с выдолбленными на их вершинах ямками (от 1 до 3), а также о стоящих перед некоторыми камнями маленьких столбиках из досок с фигурными вершинами [16. С. 165–167]. Под последними автором, очевидно, подразумеваются так называемые дощечки приветствия «салам калакё»¹, которые устанавливались на могилах до сооружения на них постоянных памятников «юла». В главе об осенних поминках «Авдан сыры», взяв за основу материалы С.Н. Тимрясова, автор остановился на церемонии приготовления для умершего деревянного столба «юла», а также на некоторых обрядовых действиях с ним во время осенних поминок [16. С. 179–182]. Однако, как и у

¹ Указанные надгробные памятники в разных ареалах расселения чувашей называются по-разному: «салам юли» (прощальный столб), «калек» (лопаточка), «луш хушёкё», «луш чашки» (череп), «чёре калекё» (лопаточка сердца) [52. С. 161]. Они считаются первичными памятниками, так как их устанавливали в день погребения покойника. Спустя определенное время (год, полгода, три месяца, 40 дней) за ними водружали столб «юла», изготовленный из дерева или камня. По высоте они были чуть меньше «юла», имели копьевидную или антропоморфную форму и изображали облик покойника.

предыдущих исследователей, у В.К. Магницкого практически нет сведений, которые касаются процесса обработки памятника и нанесения на него каких-либо дополнительных знаков. Автор ограничился только сообщением о выборе материала для памятника (липа), а также его размерами в толщину и в длину.

Небольшие сведения о надгробных столбах «юла» имеются в исследованиях священнослужителей, работавших в чувашских приходах. В целях эффективного распространения среди чувашей христианства, они большое внимание уделяли изучению их языческих религиозных представлений и верований, в том числе погребальных сооружений. К таковым относятся работы Н. Каменского [9], В. Смелова [40], А. Иванова [6, 7] и др. С одной стороны, в них можно найти довольно точные описания надгробных столбов, а также сведения, касающиеся их использования в обрядах поминального цикла. С другой стороны, бросается в глаза выраженная миссионерская позиция авторов, так как традиционные представления чувашей, связанные с культом предков, ими рассматриваются как явления, которые должны быть изжиты под влиянием православия. Поэтому надгробные столбы «юла» чувашей-язычников в их сочинениях, как правило, показываются в уничижительном свете и именуются «болванами», «чурбанами», «истуканами», «идолами» и т.п.

В начале XX в. в изучение погребального обряда и погребальных памятников чувашского языческого населения определенный вклад внесли Ф. Никифоров [26], Г.И. Комиссаров [14], Н.В. Никольский [27], К.П. Прокопьев [31]. Получив блестящее образование и хорошо зная быт и культуру родного народа, они представили научному сообществу по тем временам достаточно объективные и научно обоснованные исследования по этнографии чувашей. Однако и в этих работах надгробные столбы «юла» упоминаются лишь попутно. В лучшем случае подчеркивается их выраженная антропоморфность, но без какой-либо конкретизации или детализации.

Богатые и обстоятельные сведения по чувашской этнографии, обрядовой культуре, языку и фольклору чувашей можно извлечь из труда венгерского исследователя и ученого Дьюлы Месароша [19. С. 174–204]. Что касается непосредственно надгробных памятников, он написал о них только в общих чертах. Тем не менее пытливые глаза исследователя подметили некоторые их особенности. В частности, о деревянном столбе «юла» на кладбище дер. Средние Алгаши Симбирского уезда Казанской губернии он написал следующее: «это полутораметровый выстроганный прямоугольный деревянный столб. Его верхушка округлена в виде головы, а также выстрогана бороздка, символизирующая шею» [19. С. 185].

Из исследователей начала XX в. весомый вклад в изучение чувашских надгробий внес С.И. Руденко, который в 1910 г. опубликовал небольшую, но обстоятельную статью «Чувашские надгробные памятники» [32. С. 81–88]. В ней ученый впервые представил научному миру выполненные с натуры графические изображения (рисунки, фотографии) деревянных столбов «юла» некрещеных чувашей, исследованных им на кладбищах с. Старое Афонькино и дер. Серезкино Бугульминского уезда Самарской губернии и снабдил их подробными описаниями. Кроме того, автор одним из первых подчеркнул, что женские надгробные памятники от мужских отличаются не только материалом (женские из березы или липы, а мужские из дуба), но и тем, что на них присутствуют знаки в виде геометрического орнамента, изображающие женские го-

ловные уборы и нагрудные украшения. Он также заметил, что надгробные столбы девушек оформляются по-другому, а именно с использованием орнамента, изображающих детали девичьего костюма. Однако исследователь смог показать надгробные памятники лишь одного типа (деревянных «юла» с плоским верхом и без изображения лица) и только из одной местности.

В 1929 г. на французском языке была опубликована небольшая статья Т.С. Пассека и Б.А. Латынина о каменных бабах. Исследовав чувашские «юла» на языческих кладбищах с территорий Чебоксарского, Ядринского и Цивильского районов Чувашии, они выделили пять типологических вариантов надгробных памятников, сделали вывод об их антропоморфности и впервые подняли вопрос о наличии глубоких параллелей чувашских «юла» с аналогичными памятниками дунайских болгар [58. Р. 303–304].

В 1960 г. надгробные памятники «юла» нашли отражение в книге-альбоме «Чувашское народное изобразительное искусство» (авторы Г.А. Никитин и Т.А. Крюкова). В ней они впервые рассмотрели их как яркие и своеобразные образцы резьбы по дереву, т.е. отнесли их к произведениям народного искусства. Кроме того, авторы подчеркнули, что резьба на них имела глубоко символическое значение, особенно на женских памятниках [25. С. 63–64].

В 60–70-е годы XX в. погребальные обряды и надгробные памятники некрещеных чувашей были подвергнуты научному анализу в трудах П.В. Денисова [3; 4], В.Д. Димитриева [5], Л.А. Иванова [8], Г.Е. Кудряшова [15]. Обобщенные сведения о них получили также отражение в коллективной монографии «Чуваши: этнографическое исследование» [52. С. 161–163].

В 70–80-е гг. XX в. изучение погребального обряда и надгробных памятников чувашского языческого населения получило дальнейшее развитие в трудах Б.В. Каховского. Ученым был произведен системный анализ погребального обряда на основе этнографических и археологических материалов [10, 12], предложена типология надгробных столбов, прослежены параллели погребального обряда чувашей и их предков волжских болгар [10, 11, 13].

Значительный и успешный прорыв в изучении надгробных памятников некрещеных чувашей был сделан в 80–90-е гг. XX в. А.А. Трофимовым. Исследователь научно обосновал уникальность памятников и их связь с древнейшими мифологическими представлениями чувашей, произвел глубокий исторический и искусствоведческий анализ, показал истоки данного феномена и параллели чувашских «юла» с аналогичными памятниками других народов и культур, предложил аргументированную и стройную типологию памятников в зависимости от их формы и композиционной структуры. Итогом многолетних исследований А.А. Трофимова стали его докторская диссертация, многочисленные научные статьи, очерки и монографии. Много внимания в его трудах также уделено анализу связей и параллелей, исторически сложившихся в этой области между чувашами и дунайскими болгарями [43–47].

Проблемы исторической общности и художественной целостности произведений народной культовой скульптуры двух генетических родственников народов дальнейшее развитие получили в трудах Ю.А. Трофимова [48–49].

Из исследований последних десятилетий, касающихся затронутой темы, следует отметить труды А.К. Салмина [33–36] и Е.А. Ягафовой [57]. В них надгробные памятники чувашей рассматриваются на обширном этнографическом материале в основном в контексте обрядовой культуры.

Ценные и конкретные (фактологические) материалы о культовых памятниках некрещеных чувашей содержатся в трудах, в которых исследуются погребальные обряды, бытующие в диаспорных или этнотерриториальных группах чувашей. Это труды Е.А. Ягафовой о чувашах Самарского Заволжья [56] и Самарской Луки [55], П.П. Фокина о симбирско-саратовских чувашах [50], Г.Б. Матвеева, Е.А. Ягафовой и Е.В. Сергеевой о чувашах Присвьяжья [17], Г.Р. Столяровой о чувашах Закамья [41], В.В. Медведева, И.Г. Петрова, о чувашах Южного Приуралья [18, 30].

Таким образом, за более чем двухсотлетний период изучения чувашских надгробных памятников наукой проделан длительный путь от простого их описания до глубоких научных обобщений и сравнительно-сопоставительных исследований. В XVIII–XIX вв. культовые сооружения «юла» некрещеных чувашей описывались лишь в общих чертах, как обязательные атрибуты похоронно-поминальной обрядности. Начиная с XX в. они начали исследоваться в сравнении с аналогичными памятниками других народов и в тесной связи с древнейшими представлениями чувашского народа. Кроме того, исследователями был сделан вывод о разнообразии их форм, сложной композиционной структуре и глубокой символике.

А теперь снова вернемся к женским надгробным памятникам. Прежде чем приступить к анализу основных принципов их оформления, заметим, что изображение знаков элементов костюма на них являлось далеко не единственным приемом. В целях различения мужских и женских «юла» чувашами в течение многих столетий применялись и другие приемы. Прежде всего это материал для столба. Испокон веков для мужских «юла» всегда выбирался дуб (*юман*), а для женских – липа (*сӑка*). Осину и березу не использовали. Первая считалась «проклятым», или тяжелым, деревом, а вторая, по верованиям чувашей, притягивала к себе горе и несчастья [35. С. 69]. Однако в некоторых селениях береза для изготовления женских памятников использовалась. Об этом, к примеру, говорится в сочинении неизвестного автора, оставившего заметку о чувашских поминках в с. Туарма Бугульминского уезда Самарской губернии: «Когда таким образом в доме умершего все будет приготовлено и родственники соберутся, тогда закладывают любимую лошадь умершего в телегу или сани, постилают в них перину, кладут подушки, на которые садятся двое мужчин и одна женщина, и все трое, взяв с собою восковую свечу, вареную курицу, полштоф вина, полведра пива и полведра медового квасу, отправляются в лес, и здесь, если умерший был мужчина, останавливаются у дуба, а если женщина, то у березы толщиной до 4 вершков. Поставив на землю яства с напитками и срубив дуб или березу, приехавшие отсекают комель длиною в рост человека; затем вершину отрубка обделывают так, чтобы она представляла подобие человеческой головы» [53. С. 558]. В качестве материала для «юла» береза упоминается также в сочинении А. Иванова о чувашах Бугурусланского уезда [7. С. 262] и в статье М. Васильева, повествующей о чувашских поминках [1. С. 474]. Выбор березы вместо липы в тех или иных местах можно объяснить либо локальными традициями, либо особенностями местной фауны – ограниченностью лесных угодий с липовыми деревьями. Примечательно, что традиция выбора деревьев определенных пород для мужских и женских надгробий оказалась настолько устойчивой, что ей по инерции следовали чуваше, принявшие христианскую религию. По некоторым источникам, мужчинам кресты делали из дуба, а женщи-

нам – из липы [35. С. 69; 23]. Кроме того, с крестом проводили те же обряды, что и со столбом, например, во время поминок заносили в дом, укладывали на перину, отвозили на кладбище и т.д. [24]. Однако в последнее время в силу недолговечности липы в селениях некрещеных чувашей такой однозначный выбор соблюдается не всегда, так как на кладбищах дубовые столбы и кресты устанавливаются как на мужских, так и на женских захоронениях.

Немалое значение придавалось форме деревянного надгробного столба, особенно его верхней части или макушке. А.А. Трофимов на основе изучения памятников деревянной культовой скульптуры, пришел к выводу, что мужские памятники, как правило, имели плоский верх, а женские – округлый или овальный [45. С. 15]. Однако такого правила мастера придерживались не всегда, потому что женские надгробные столбы часто встречаются и с плоским верхом. Это говорит о том, что в иконографии подобного типа памятников иногда допускались некоторые отклонения.

Следующим и очень распространенным приемом различения пола усопших на памятниках деревянной и каменной культовой скульптуры было изображение на них элементов народного костюма. Как было отмечено выше, этот прием характерен в основном для женских надгробных памятников.

Одним из основных стилистических приемов орнаментации как деревянных, так и каменных женских надгробий является изображение или условное обозначение женских головных уборов: головного полотенца «сурпан», головной повязки «сурпан тутри», а также налобной повязки «масмак». В то же время А.А. Трофимов допускает, что с помощью резьбы по дереву на памятниках изображались также женские головные уборы «хушпу» [45. С. 7; 47. С. 102, 134].

Другим достаточно распространенным приемом декорирования женских «юпа» было вырезание нашейных (*май сыххи*) или нагрудных (*сурпан сакки, ама*) украшений.

И, наконец, к третьему приему орнаментации указанных памятников, можно отнести нанесение на памятник орнаментированных надрезов, изображающих женский пояс.

В соответствии с устоявшимися канонами иконографии каждый из этих элементов женского костюма находился строго на своем месте. Если мастер ставил своей целью показать головные уборы, он их располагал над «лицом» усопшей или вокруг него. Если же он показывал шейно-нагрудные украшения и пояс, они располагались под «лицом» на уровне груди и пояса.

Основным техническим приемом исполнения элементов костюма на надгробиях был геометрический линейный орнамент. Иногда для достижения большей декоративности мастерами культовых памятников применялось прочерчивание двух параллельных линий и вписывание между ними ломаного зигзага.

В качестве примера рассмотрим женский надгробный столб «юпа», который в 1907 г. С.И. Руденко был доставлен в Отдел этнографии Императорского Русского музея из с. Старое Афонькино Бугульминского уезда Самарской губернии. В настоящее время памятник находится на хранении в Российском этнографическом музее (инв. № 1205-97). Он представляет собой типичный деревянный надгробный памятник с ликом, выдолбленным в форме полуэллипса (рис. 1). Вокруг него помещен геометрический линейный орнамент, изображающий переднюю часть женского головного убора «хушпу» (по А.А. Трофимову) или головного полотенца «сурпан» с повязкой «сурпан тутри», которыми чувашская женщина повязывала себе голову (по С.И. Ру-

денко). На груди острым концом топора или долота вырезано треугольное нагрудное украшение замужних женщин, называемое у низовых чувашей «сурпан сакки» или «ама». Видно также, что мастер достаточно точно и реалистично передает способ его ношения, так как украшение в соответствии с общепринятыми правилами чувашского женского костюма пристегнуто к нижней кромке сурпана. Ниже «ама» мастером вырезана полоска в виде зигзага, символически передающая изображение пояса [47. С. 102].

Примерно в таком же стиле сделан намогильный памятник, который С.И. Руденко был сфотографирован на кладбище чувашей-язычников с. Старое Афонькино. На верхней части в области «головы» мастером глубоким выемом показано «лицо» усопшей женщины, которое обернуто головным полотенцем. К низу полотенца прикреплено женское нагрудное украшение. Однако в отличие от предыдущего намогильного столба на нем отсутствует пояс (рис. 2).

В отношении приемов передачи элементов женского костюма мастера обладали абсолютной свободой. Иногда они считали нужным показывать на памятнике не все детали одежды, а только один из них – головной убор или украшение. Так, на женском столбе из дер. Новое Ильмово Черемшанского района Республики Татарстан (рис. 3) показан только головной убор. А на его аналоге из с. Старое Афонькино Шенталинского района Самарской области из экспедиционных фотографий А.А. Трофимова изображено только нагрудное украшение (рис. 4).

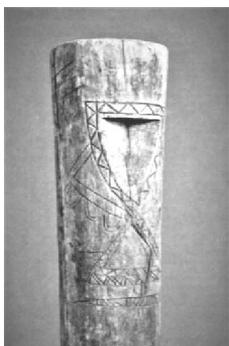

Рис. 1. Намогильный столб «юла». Липа [47. С. 134]

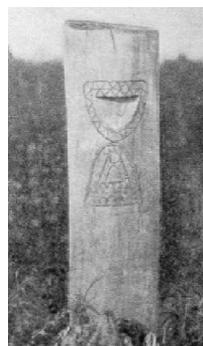

Рис. 2. Намогильный столб «юла». Липа [32. С. 88]

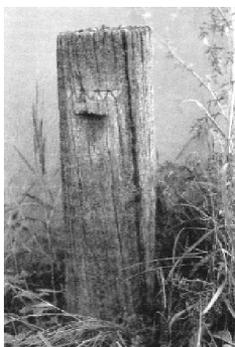

Рис. 3. Намогильный столб «юла». Липа [47. С. 135]

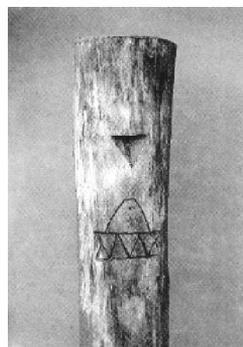

Рис. 4. Намогильный столб «юла». Липа [47. С. 138]

Иногда вместо женского нагрудника изготовители намогильных столбов ограничивались схематическим показом женского ожерелья «*мăй сыххи*» или бус «*шăрса*» (рис. 5). Постольку поскольку на данном памятнике нет никаких деталей женского костюма, можно предположить, что он водружен на могиле незамужней девушки.

Примечательно, что в древности при изготовлении намогильного памятника чуваша учитывали также возраст и брачный статус женщины. Если она была замужней, то на ее памятник наносили орнамент, изображающий элементы женского одеяния – либо в комплексе, либо по отдельности. Если же умершей была девушка, то на ее намогильном столбе вырезали только детали девичьего костюма. Впервые на эту особенность обратил внимание С.И. Руденко, который сделал вывод, что на «*юла*» девушек вырезались только ожерелья «*мăй сыххи*». Иногда в этих целях над ликом умершей вырезали контур конусообразной бисерной шапочки «*тухья*» [32. С. 84, 87]. С мнением С.И. Руденко солидарен и А.А. Трофимов. Изучив деревянные и каменные культовые памятники XIX – начала XX вв., он пришел к заключению, что девичьи намогильные памятники имеют условные изображения шейного украшения «*мăй сыххи*» [47. С. 85] или детали костюма на них отсутствуют [44. С. 261].

На каменных надгробиях эти украшения передаются в ином стиле. Например, на памятнике с территории старого кладбища с. Клементейкино Альметьевского района Республики Татарстан они показаны в виде расположенных на одной линии пяти маленьких кругов (рис. 6). Круги, очевидно, являются условными изображениями серебряных монет, которые нашивались на «*мăй сыххи*».

Рис. 5. Намогильный столб «*юла*». Липа.
Республика Татарстан, Черемшанский р-н,
с. Новое Ильмово. 2014 г. Фото автора.

Рис. 6. Намогильный столб
«*чул юла*». Камень
[47. С. 85]

Примечательно, что рассмотренные выше композиционные приемы применялись и на каменных столбах «*чул юла*». На них острым долотом вырезались те же элементы женского костюма: головные уборы, нагрудники, нашейные ожерелья. Иногда мастера ограничивались нанесением на камень схематического изображения треугольного металлического украшения «*ама*» или «*сестенкё*», которые пришивались на женские нагрудники. Как и на деревянных столбах, все эти элементы костюма показывались с помощью линейного орнамента в едином ансамбле или по отдельности. Для наглядности обратимся к намогильному памятнику, который был обнаружен чувашскими этнографами

ми в дер. Новое Серезжино Лениногорского района Республики Татарстан. На нем над треугольной выемкой, изображающей «лицо» усопшей, острым резцом с помощью неглубоких линий (насечек) изображены головной убор и металлическое украшение женского нагрудника в виде треугольника. Обращает на себя внимание также и то, что головной убор по контуру окаймляет «лицо» женщины, что дает основание предположить, что мастер этим попытался передать манеру ношения головного полотенца «сурлан» (рис. 7).

Иное композиционное решение демонстрирует каменное надгробие, находящееся на кладбище дер. Новое Ильмово Черемшанского района Республики Татарстан. Он представляет собой прямоугольную каменную стелу с овальным верхом. «Голова» показана с помощью боковых вырезов, «лицо» отмечено треугольной выемкой. На лбу достаточно схематическое изображение женского головного убора. На нагрудной части арабские цифры «188». Вероятно, это дата рождения или смерти усопшей (рис. 8).

Аналогичное построение характерно для каменного антропоморфного надгробия, установленного на кладбище с. Старое Суркино Альметьевского района Республики Татарстан. Шея на памятнике прямая, плечи горизонтальные. На лицевой части помещена выемка в виде равнобедренного треугольника, а на нагрудной части – «ама» в виде вписанных друг в друга треугольников, между которыми нанесены неглубокие насечки зигзагом. Лик фигуры показан без «глаз», «носа» и «рта» (рис. 9).

Рис. 7. Намогильный столб «чул юпа». Камень. Республика Татарстан, Лениногорский р-н, дер. Нов. Серезжино. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 958

Рис. 8. Намогильный столб «чул юпа». Камень. Республика Татарстан, Черемшанский р-н, с. Новое Ильмово. 2014 г. Фото автора

Рис. 9. Намогильный столб «чул юпа». Камень. Республика Татарстан, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино. 2014 г. Фото автора

Само собой разумеется, что встречаются и другие композиционные приемы изображения элементов костюма на каменных изваяниях. К сожалению, ввиду ограниченности объема статьи все эти типы показать невозможно. Поэтому тех, кто интересуется данной темой, отсылаем к ранее опубликованным работам, прежде всего к трудам С.И. Руденко, А.А. Трофимова и Ю.А. Трофимова, которые отличаются не только глубоким содержанием, но и большим количеством иллюстративного материала.

Таким образом, некрещеные чуваша за свою многолетнюю историю создали и сумели сохранить уникальную культовую скульптуру, которую отлича-

ют не только древность ее происхождения, антропоморфизм и разнообразие форм (вариативность), но и глубокая символика. Одной из форм ее проявления является дифференциация памятников на мужские и женские типы. Они отличались не только материалом и формой (в особенности деревянные «юла»), но и наличием на них совокупности отличительных знаков. В этом отношении большим разнообразием различных приемов отличались женские надмогильные памятники.

Литература и источники

1. *Васильев М.* Чувашские поминки // Известия Казанской епархии. 1904. № 15. С. 464–475.
2. *Вишневецкий В.П.* О религиозных поверьях чуваш. Казань: Казан. губ. ведомости, 1846. 25 с.
3. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 408 с.
4. *Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. 176 с.
5. *Димитриев В.Д.* История Чувашии до XVIII века (До Крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 532 с.
6. *Иванов А.* Загробная жизнь по представлению чуваш прежних времен и похоронные обычаи их // Православный благовестник. 1898. № 1. С. 83–88; № 2. С. 129–136.
7. *Иванов А.* Поминки у чуваш Бугурусланского уезда Самарской губернии // Православный благовестник. 1894. № 6. С. 261–264.
8. *Иванов Л.А.* Языческие надгробия на чувашских погребениях // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 253–258.
9. *Каменский Н.* Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1879. 35 с.
10. *Каховский Б.В.* Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваш. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 121–139.
11. *Каховский Б.В.* О некоторых параллелях погребального обряда волжских болгар и чувашского языческого населения // Труды ЧНИИ. Вып. 93. Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979. С. 101–108.
12. *Каховский Б.В.* Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР / ЧНИИ. Чебоксары, 1978. С. 118–146.
13. *Каховский Б.В.* Раскопки Тегешевского могильника // Труды ЧНИИ. Вып. 80. Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978. С. 129–151.
14. *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII, вып. 5. С. 311–432.
15. *Кудряшов Г.Е.* Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 356 с.
16. *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собр. в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.
17. *Матвеев Г.Б., Ягафова Е.А., Сергеева Е.В.* Брак и семья. Семейные обряды // Чувашаи Присвияжья: история и культура / под ред. В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 112–149.
18. *Медведев В.В.* Кладбища и надмогильные сооружения некрещеных чувашей Башкортостана (по материалам исследования 2010 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2 (32). С. 375–384.
19. *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой; ЧГИГН. Чебоксары, 2000. 360 с.
20. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб.: Имп. АН, 1791. 99 с.
21. [Милькович К.С.] О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 9. С. 47–67; № 10. С. 120–139; № 11. С. 210–232.
22. [Милькович К.С.] О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / предисл. В.К. Магницкого. Казань: Тип. Губ. правления, 1888. 35 с.
23. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 243. Л. 525.
24. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 247. Л. 40–41.

25. *Никитин Г.А., Крюкова Т.А.* Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. 167 с.
26. *Никифоров Ф.* Стюхинские чуваш. Казань: Типо-лит. Казан. ун-та, 1905. 26 с.
27. *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXVI. Вып. 6. Казань, 1911. С. 511–624.
28. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Имп. АН, 1773. Ч. I. 657 с.
29. *Пекарский П.П.* Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году. СПб.: Тип. Имп. АН, 1865. 74 с.
30. *Петров И.Г.* К вопросу о типологии надмогильных памятников некрещеных чувашей Южного Приуралья (по материалам экспедиций 2014 г.) // Документы и материалы по истории и культуре народов Южного Урала / сост. и отв. ред. Ф.Г. Галиева. Уфа: ООО «Первая типография», 2018. С. 109–122.
31. *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XIX. Вып. 5–6. Казань, 1903. С. 215–250.
32. *Руденко С.И.* Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. СПб.: Гос. Рус. музей, 1910. Т. 1. С. 81–88.
33. *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с.
34. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
35. *Салмин А.К.* Чувашские сорочины «юпа» // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2002. № 4. С. 67–88.
36. *Салмин А.К.* Юпа – антропоморфный столб на могиле чувашей // Сибирский сборник. I: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 204–210.
37. *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Ч. 1. Заметки о чувашах. Казань: Губ. тип., 1851. 272 с.
38. *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань: Изд. книгопродавца Дубровина, 1856. 188 с.
39. *Сбоев В.А.* Чуваш в бытовом, историческом и религиозном отношении: их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.
40. *Смелов В.* Очерк религиозных верований чуваш // Магнитский В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. С. 243–261.
41. *Столярова Г.Р.* История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 90–115.
42. *Тимрясов С.* Похороны и поминки у чуваш-язычников дер. Ишалкиной Чистопольского уезда Саврушского прихода // Известия Казанской епархии. 1876. № 9. С. 269–274.
43. *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Религия. Культовая архитектура. Скульптура. Прикладное искусство. Священные знания / ЧГИГН. Чебоксары, 2009. 256 с.
44. *Трофимов А.А.* Народная монументальная культовая скульптура // Чуваш: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 2. С. 258–272.
45. *Трофимов А.А.* Чувашская народная деревянная скульптура (Монументальная форма) // Традиции и поиски в чувашском искусстве / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 3–42.
46. *Трофимов А.А.* Чувашская народная каменная скульптура // Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1987. С. 5–20.
47. *Трофимов А.А.* Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 240 с.
48. *Трофимов Ю.А.* Народная «временная» культовая скульптура чувашей и дунайских болгар. Канон, композиция, структура, образ // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Вып. 5: Межнациональное пространство художественной культуры / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 89–122.
49. *Трофимов Ю.А.* Народная монументальная культовая скульптура чувашей и дунайских болгар. Проблемы исторической общности и художественной целостности / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. 156 с.
50. *Фокин П.П.* Семья и брак, семейные обряды // Симбирско-саратовские чуваш / под общ. ред. М.Г. Кондратьева; ЧГИГН. Чебоксары, 2004. С. 107–141.
51. *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.

52. Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 2. Духовная культура / под ред. М.Я. Сироткина, М.И. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 308 с.

53. Чувашские поминки в селе Туармы Бугульминского уезда // Самарские епархиальные ведомости. 1867. № 23. С. 555–561.

54. Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах / предисл. Н.В. Никольского // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXII. Вып. 1. Казань, 1906. С. 34–67.

55. Ягафова Е.А. Календарные обрядовые традиции самаролукских чувашей // Чуваши Самарской Луки / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 115–134.

56. Ягафова Е.А. Самарские чувашы: историко-этнографические очерки. Конец XVII – начало XX вв. Самара: ИЭА «Поволжье», 1998. 368 с.

57. Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. Самара: Изд-во СГПУ, 2007. 128 с.

58. Passek T., Latynin B. Sur la question des «kamennye baby». In: Eurasia septentrionalis antiqua (ESA). IV. Helsinki, 1929. P. 303–304.

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской Академии наук, Россия, Уфа (ipetrov62@yandex.ru).

I. PETROV

IMAGES OF WOMEN'S COSTUME ELEMENTS ON MUTUAL MONUMENTS OF NON-CHRISTIAN CHUVASHS:

TO THE QUESTION OF STUDYING BASIC TECHNIQUES OF THEIR VISUALIZATION

Key words: *the Chuvash, paganism, customs, ceremonies, funeral tradition, sepulchral monuments, Chuvash costume.*

A bright and peculiar feature of funeral ritualism of the Chuvash, who did not accept the Christian faith, is sepulchral monuments «yupa» (literally «a post», «a supporter»). Depending on the material they are divided into stone and wooden ones. They are characterized not only by pronounced anthropomorphism, inextricable connection with ancient mythological and worldview beliefs, but by deep symbolism as well. In addition, many sepulchral monuments are unique works of folk art. It is for this reason that some scientists propose to consider these artifacts as a folk monumental cult sculpture of the Chuvash. Wooden and stone «yupa» reflect diverse contacts of the Chuvash ancestors with other peoples and cultures that took place in the past; they convey the image of a person as well as his gender and marriage status. To transfer the latter characteristics ancient masters developed an arsenal of different methods and techniques. First of all, it is the material, the shape of the monument, as well as various additional visual signs that convey peculiarities of the costume. The ethnic feature of sepulchral monuments of Chuvash pagans is that the elements of the costume were mainly displayed on women's monuments. This problem is the subject of this article. It aims to consider what details of the traditional costumes were reproduced on women's sepulchral monuments and what techniques were used to display them. The article also presents a brief historiography of this problem in domestic and foreign science. It is shown and analyzed in the context of the general study of sepulchral monuments of the Chuvash pagan population of the Ural-Volga region.

References

1. Vasil'ev M. *Chuvashskie pominki* [Chuvash commemoration]. *Izvestiya Kazanskoi eparkhii* [News of the Kazan Diocese], 1904, no. 15, pp. 464–475.
2. Vishnevskii V.P. *O religioznykh pover'yakh Chuvash* [About religious beliefs of the Chuvashes]. Kazan, 1846, 25 p.
3. Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious beliefs of Chuvashes. Historical and ethnographic essays]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1959, 408 p.
4. Denisov P.V. *Etnokul'turnye paralleli dunaiskikh bolgar i chuvashei* [Ethnocultural parallels of the Danube Bulgarians and Chuvashes]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1969, 176 p.

5. Dimitriev V.D. *Istoriya Chuvashii do XVIII veka (Do Krest'yanskoj voiny 1773–1775 godov)* [History of Chuvashia to the XVIII century (Before the Peasant War of 1773-1775)]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1959, 532 p.
6. Ivanov A. *Zagrobnyaya zhizn' po predstavleniyu chuvash prezhnikh vremen i pokhoronnyye obychai ikh* [The afterlife is presented by the Chuvashs of former times and their funeral customs]. *Pravoslavnyi blagovestnik* [Orthodox evangelist], 1898, no. 1, pp. 83–88; no. 2, pp. 129–136.
7. Ivanov A. *Pominki u chuvash Buguruslanskogo uezda Samarskoj gubernii* [Commemoration at the Chuvashs of Buguruslansky district of the Samara province]. *Pravoslavnyi blagovestnik*. 1894, no. 6, pp. 261–264.
8. Ivanov L.A. *Yazycheskie nadgrobiya na chuvashskikh pogrebeniyakh* [Pagan tombstones at Chuvash burials]. In: *Uchenye zapiski ChNII* [Proc. of the Chuvash Scientific Research Institute]. Cheboksary, 1969, iss. 47, pp. 253–258.
9. Kamenskii N. *Sovremennye ostatki yazycheskikh obryadov i religioznykh verovanii u Chuvash* [Modern remnants of pagan rituals and religious beliefs of the Chuvashs]. Kazan, 1879, 35 p.
10. Kakhovskii B.V. *Dokhristskii pogrebal'nyi obryad chuvashei kak material k etnogenezu* [Pre-Christian burial rite of the Chuvash as a material for ethnogenesis]. In: *Bolgariya i chuvashi* [Bulgarians and Chuvash]. Cheboksary, 1984, pp. 121–139.
11. Kakhovskii B.V. *O nekotorykh paralelyakh pogrebal'nogo obryada volzhskikh bolgar i chuvashskogo yazycheskogo naseleniya* [On some parallels of the burial rite of the Volga Bulgarians and the Chuvash pagan population]. *Trudy ChNII. Vyp. 93. Voprosy istorii Chuvashii perioda feodalizma i kapitalizma* [Proc. of the Chuvash Scientific Research Institute. Iss. 93: The history of the Chuvash Republic period of feudalism and capitalism]. Cheboksary, 1979, pp. 101–108.
12. Kakhovskii B.V. *Pogrebal'nyi obryad chuvashskogo yazycheskogo naseleniya* [Burial rite of the Chuvash pagan population]. In: *Sovremennye sotsial'nye i etnicheskie protsessy v Chuvashskoi ASSR* [Modern social and ethnic processes in the Chuvash ASSR]. Cheboksary, 1978, pp. 118–146.
13. Kakhovskii B.V. *Raskopki Tegeshevskogo mogil'nika* [Excavations of the Tegeshevsky burial ground]. In: *Trudy ChNII. Vyp. 80. Issledovaniya po arkhologii Chuvashii* [Proc. of the Chuvash Scientific Research Institute. Iss. 80: Research on the archaeology of Chuvashia]. Cheboksary, 1978, pp. 129–151.
14. Komissarov G.I. *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya* [Chuvashs of Volga region]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proc. of the Society of archaeology, history and ethnography of the Kazan Imperial University]. Kazan, 1911, vol. XXVII, iss. 5, pp. 311–432.
15. Kudryashov G.E. *Dinamika polisinkreticheskoi religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashei* [The dynamics of polysyncretic religiosity. Experience of historical ethnographic and concrete sociological research of the genesis, evolution and extinction of religious remnants of the Chuvashs]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1974, 356 p.
16. Magnitskii V.K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very: Sobr. v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoi gubernii* [Materials for explanation of the old Chuvash faith: Collected in some areas of the Kazan province]. Kazan, 1881, 266 p.
17. Matveev G.B., Yagafova E.A., Sergeeva E.V. *Brak i sem'ya. Semeinye obryady* [Marriage and family. Family rituals]. In: Ivanov V.P., Matveev G.B., eds. *Chuvashi Prisiviyazh'ya: istoriya i kul'tura* [The Chuvash, who lived near the Sviyaga: history and culture]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2015, pp. 112–149.
18. Medvedev V.V. *Kladbishcha i nadmogil'nye sooruzheniya nekreshchenykh chuvashei Bashkortostana (po materialam issledovaniya 2010 goda)* [Cemeteries and gravestones of non-baptized Chuvash of Bashkortostan (based on 2010 study)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2011, no. 2 (32), pp. 375–384.
19. Mesarosh D. *Pamyatniki staroi chuvashskoi very* [Monuments of the old Chuvash faith]. Cheboksary, 2000, 360 p.
20. Miller G.F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoi gubernii yazycheskikh narodov...* [Description of the pagan peoples living in Kazan Province]. St. Petersburg, 1791, 99 p.
21. Mil'kovich K.S. *O chuvashakh* [About Chuvashs]. *Severnyi arkhiv* [Northern Archives], 1827, part 27, no. 9, pp. 47–67; no. 10, pp. 120–139; no. 11, pp. 210–232.
22. Mil'kovich K.S. *O chuvashakh: etnograficheskii ocherk neizvestnogo avtora XVIII stoletiya* [About Chuvashs: ethnographic essay by an unknown author of the XVIII century]. Kazan, 1888, 35 p.
23. Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 243. List 525 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing Unite 243. P. 525].
24. . Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 247. List 40–41 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing Unite 247. P. 40–41].

25. Nikitin G.A., Kryukova T.A. *Chuvashskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo* [Chuvash folk art]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1960, 167 p.
26. Nikiforov F. *Styukhinskie chuvashi* [Stuhinsk Chuvashs]. Kazan, 1905, 26 p.
27. Nikol'skii N.V. *Kratkii konspekt po etnografii Chuvash* [Summary of ethnography of the Chuvashs]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proc. of the Society of archaeology, history and ethnography of the Kazan Imperial University]. Kazan, 1911, vol. XXVI, iss. 6, pp. 511–624.
28. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. SPb, 1773, part I, 657 p.
29. Pekarskii P.P. *Puteshestvie akademika Nikolaya Iosifa Delilya v Berezov v 1740 godu* [Journey of Academician Nikolai Joseph Delil to Berezov in 1740]. St. Petersburg, 1865, 74 p.
30. Petrov I.G. *K voprosu o tipologii nadmogil'nykh pamyatnikov nekreshchenykh chuvashei Yuzhnogo Priural'ya (po materialam ekspeditsii 2014 g.)* [To the question of the typology of gravestones monuments of the unbaptized Chuvash of the Southern Ural (based on materials from the expeditions of 2014)]. In: Galieva F.G., comp., ed. *Dokumenty i materialy po istorii i kul'ture narodov Yuzhnogo Urala* [The documents and materials on the history and culture of the peoples of the southern Urals]. Ufa, 2018, pp. 109–122.
31. Prokop'ev K.P. *Pokhorony i pominki u Chuvash* [Funeral and commemoration of the Chuvashs]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proc. of the Society of archaeology, history and ethnography of the Kazan Imperial University]. Kazan, 1903, vol. XIX, iss. 5–6, pp. 215–250.
32. Rudenko S.I. *Chuvashskie nadgrobnnye pamyatniki* [Chuvash tombstones]. In: *Materialy po etnografii Rossii* [Materials for the Ethnography of Russia]. St. Petersburg, 1910, vol. 1, pp. 81–88.
33. Salmin A.K. *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2016, 687 p.
34. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashei* [The system of religion of the Chuvashs]. St. Petersburg, 2007, 654 p.
35. Salmin A.K. *Chuvashskie sorochiny «yupa»* [Chuvash commemoration «yupa»]. *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk iiskusstv Chuvashskoi Respubliki*, 2002, no. 4, pp. 67–88.
36. Salmin A.K. *Yupa – antropomorfnyi stolb na mogile chuvashei* [Yupa – anthropomorphic pillar on the grave of the Chuvashs]. In: *Sibirskii sbornik. I: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian collection. I: The funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories]. St. Petersburg, 2009, book 2, pp. 204–210.
37. Sboev V.A. *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoj gubernii. Ch. 1. Zametki o chuvashakh* [Studies about aliens of the Kazan province. Part 1. Notes about Chuvashs]. Kazan, 1851, 272 p.
38. Sboev V.A. *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoj gubernii. Zametki o chuvashakh* [Studies about aliens of the Kazan province. Notes about the Chuvashs]. Kazan, 1856, 188 p.
39. Sboev V.A. *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otноsheniyakh: ikh proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr.* [Chuvash in everyday, historical and religious relations: their origin, language, rituals, beliefs, legends, etc.]. Moscow, 1865, 188 p.
40. Smelov V. *Oчерк religioznykh verovaniy Chuvash* [Essay on religious beliefs of Chuvashs]. Magnitskii V.K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very*. Kazan, 1881, pp. 243–261.
41. Stolyarova G.R. *Istoriya formirovaniya i obryadnost' chuvashei-yazychnikov Tatarstana* [The history of the formation and rituals of the Pagan Chuvashs of Tatarstan]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 2, pp. 90–115.
42. Timryasov S. *Pokhorony i pominki u chuvash-yazychnikov der. Ishalkinoi Chistopol'skogo uezda Savrushskogo prikhoda* [Funeral and wake at the Chuvash pagans der. Ishalkina Chistopolsky district Savrushsky parish]. *Izvestiya Kazanskoj eparkhii*, 1876, no. 9, pp. 269–274.
43. Trofimov A.A. *Zoroastrizm: suvaro-bolgarskaya i chuvashskaya narodnaya kul'tura. Religiya. Kul'tovaya arkhitektura. Skulptura. Prikladnoe iskusstvo. Svyashchennye znaniya* [Zoroastrianism: Suvaro-Bulgarian and Chuvash folk culture. Religion. Cult architecture. Sculpture. Applied art. Sacred knowledge]. Cheboksary, 2009, 256 p.
44. Trofimov A.A. *Narodnaya monumental'naya kul'tovaya skulptura* [Folk monumental religious sculptures]. In: Ivanov V.P., ed. *Chuvashi: istoriya i kul'tura* [Chuvash: history and culture]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, pp. 258–272.
45. Trofimov A.A. *Chuvashskaya narodnaya derevyannaya skulptura (Monumental'naya forma)* [Chuvash folk wooden sculpture (Monumental form)]. In: *Traditsii i poiski v chuvashskom iskusstve* [Tradition and searches in Chuvash art]. Cheboksary, 1989, pp. 3–42.
46. Trofimov A.A. *Chuvashskaya narodnaya kamennaya skulptura* [Chuvash folk stone sculpture]. In: *Issledovaniya po drevnei i sovremennoi kul'ture chuvashei* [research on ancient and modern culture Chuvash]. Cheboksary, 1987, pp. 5–20.

47. Trofimov A.A. *Chuvashskaya narodnaya kul'tovaya skulptura* [Chuvash folk stone sculpture]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1993, 240 p.
48. Trofimov Yu.A. *Narodnaya «vremennaya» kul'tovaya skulptura chuvashei i dunaiskikh bolgar. Kanon, kompozitsiya, struktura, obraz* [Folk "temporary" religious sculpture of the Chuvash and Danube Bulgarians. Canon, composition, structure, image]. In: *Chuvashskoe iskusstvo. Voprosy teorii i istorii. Vyp. 5. Mezhnatsional'noe prostranstvo khudozhestvennoi kul'tury* [Chuvash art. Issues of theory and history. ISS. 5: International space art culture]. Cheboksary, 2003, pp. 89–122.
49. Trofimov Yu.A. *Narodnaya monumental'naya kul'tovaya skulptura chuvashei i dunaiskikh bolgar. Problemy istoricheskoi obshchnosti i khudozhestvennoi tselostnosti* [Folk monumental religious sculpture of the Chuvashes and Danube Bulgarians. Problems of historical community and artistic integrity]. Cheboksary, 2003, 156 p.
50. Fokin P.P. *Sem'ya i brak, semeinye obryady* [Family and marriage, family ceremonies]. In: Kondrat'ev M.G., ed. *Sibirsko-saratovskie chuvashi* [Siberian-Saratov Chuvash]. Cheboksary, 2004, pp. 107–141.
51. Fuks A.A. *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* [Notes on Chuvashes and Cheremises of Kazan Province]. Kazan, 1840, 329 p.
52. *Chuvashi. Etnograficheskoe issledovanie Ch. 2. Dukhovnaya kul'tura* [Chuvashes: ethnographic research. Part 2. Spiritual culture]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1970, 308 p.
53. *Chuvashskie pominki v sele Tuarmy Bugul'minskogo uezda* [Chuvash commemorations in the village of Tuarma of Bugulminsky district]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [Samara diocesan statements], 1867, no. 23, pp. 555–561.
54. *Etnograficheskii ocherk Mil'kovicha, pisatelya kontsa XVIII veka, o chuvashakh. S predisl. N.V. Nikol'skogo* [Ethnographic essay Milkovich, a writer of the late XVIII century, about the Chuvashes. With foreword of N.V. Nikolsky]. *Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proc. of the Society of archaeology, history and ethnography of the Kazan Imperial University]. Kazan, 1906, vol. XXII, iss. 1, pp. 34–67.
55. Yagafova E.A. *Kalendarnye obryadovye traditsii samarolukskikh chuvashei* [Calendar ritual traditions of the Samaroluk Chuvashes]. In: *Chuvashi Samarskoj Luki* [Chuvashes of Samara Luka]. Cheboksary, 2003, pp. 115–134.
56. Yagafova E.A. *Samarskie chuvashi: istoriko-etnograficheskie ocherki. Konets XVII – nachalo XX vv.* [Samara Chuvashes: historical and ethnographic essays. The end of the XVII – the beginning of the XX centuries.]. Samara, 1998, 368 p.
57. Yagafova E.A. *Chuvashskoe «yazychestvo» v XVIII–nachale XXI veka* [Chuvash "paganism" in the XVIII – beginning of the XXI century]. Samara, 2007, 128 p.
58. Passek T., Latynin B. Sur la question des «kamennye baby». In: *Eurasia septentrionalis antiqua (ESA)*. IV. Helsinki, 1929, pp. 303–304.

PETROV IGOR – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher of Ethnography Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal research center of Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa (ipetrov62@yandex.ru).

Формат цитирования: Петров И.Г. Изображения элементов женского костюма на надгробных памятниках некрещеных чувашей: к вопросу изучения основных приемов их визуализации // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 120–135.

УДК 39::316.334.54(=512.111)

ББК Т521(=635.1)-423

В.Г. РОДИОНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ВНУТРЕННЕГО ЖИЛИЩА ЧУВАШЕЙ И ИХ ПРЕДКОВ

Ключевые слова: «почетное место», жилище, тюркские народы, духи предков, реконструкция, родовое дерево.

Пратюркское внутреннее жилище как максимально освоенное человеком круговое пространство Вселенной имело свой центральный локус (очаг), от которого в противоположную от входа сторону располагалось самое почетное и священное место (*tör*). Там хранились изображения духов предков рода и племени, а также находился столб, символизировавший вертикальное пространство Вселенной. В результате эволюции форм хозяйственной деятельности и типов жилища его центр переместился ближе к двери. К печке был привязан и столб, символ вертикального пространства и место временного пребывания душ умерших родственников. После христианизации чувашей утвердилось их новое представление о «почетном месте» внутреннего жилища. При строительстве дома они перестали ориентировать дверь на восток, появились новые понятия (окно, передняя стена, внутренний угол жилища). «Почетное место» с середины передней стены переместилось в угол мужской половины дома, где появились божница, иконы. Главная функция хранения в «почетном месте» жилища прутьев из веток родового дерева заключалась в желании семьи постоянно получать жизненные силы от центра родовой Земли и Воды.

Попытку реконструкции символических, религиозно-мифологических аспектов жилища восточных славян в отечественной этнографии впервые успешно осуществил, на наш взгляд, А.К. Байбури [2], методы которого на тюркском лингвистическом материале обогатила А.В. Дыбо [16]. Семантика чувашского традиционного дома рассмотрена в ряде интересных научных изданий, но в них преобладает горизонтальный срез (XIX – первая половина XX вв.) [20. С. 149–152; 14]. Целью данной статьи является изучение эволюции семантики «почетного места» (*tör*) в пространстве внутреннего жилища чувашей, начиная с пратюркской эпохи вплоть до XIX в. Слово сочетание «пратюркское жилище» автором используется в значении «жилище общих предков всех тюркских народов, в том числе и огуру-булгарской подгруппы» [16. С. 460]. Чувашские ученые предпочитают называть данный исторический этап прототюркским, верхняя хронологическая граница которого условно датируется серединой I тысячелетия до н.э. [8. С. 212]. Под «семантикой жилища» следует понимать различные (социально-функциональные, мифологические, символические) значения отдельных частей традиционного внутреннего жилища всех исторических эпох этносов.

В первую очередь следует в общих чертах описать пратюркское жилище. В состав очерков по реконструкции картины мира пратюркского этноса по данным языка включен раздел «Материальная культура. Жилище», написанный А.В. Дыбо [16. С. 455–476]. В нем для пратюркского состояния восстанавливаются два типа основного жилища: стационарное (зимнее) **gül* и переносное (летнее) **eb* (оно же общее наименование дома). Кроме того, упоминаются временные постройки **ötaç* «шатер, палатка» и *alačıg* «чум, постройка из жердей и какой-либо покрывки» (первое жилище воспринималось как «богатое», второе – бедное) [16. С. 470]. Ситуация с двумя функциональными названиями жилища, как полагает автор, указывает на отгонно-скотовод-

ческий образ жизни этноса-носителя. В чувашском и якутском языках название первого типа жилища до настоящего времени находится в активе (чув. *кил* «жилище, двор», «дом», «подворье»; *кил-йиш* «семья»; *кил-вут* «домашний очаг, семья»; *кил пуçĕ* «хозяин, глава дома»; як. *кауулэ* «сени, крытый ход в помещении» [18. Т. I. С. 291–292]). Между тем другое пратюркское название дома (*eb > чув. *ав), хотя когда-то было в лексическом активе, в современном чувашском языке сохранилось лишь в составе некоторых сложных слов (например, в лексемах *авлан* «жениться», досл.: «обзавестись домом»; *арăм* < *ав* + *-ра-* + *-ăм* «жена», досл.: «находящаяся в моем доме» [18. Т. I. С. 57]). Данные факты позволили А.В. Дыбо выдвинуть предположение, что предки чувашей перешли к оседлому образу жизни раньше остальных родственных этносов. В языках последних, наоборот, *gül вытесняется «на периферию лексико-семантической микросистемы, а *eb, опять же в связи с изменениями в образе жизни этноса-носителя, остается главным функциональным словом, применяющимся, в первую очередь, к переносному жилищу (юрте?)» [16. С. 469].

Пратюркское стационарное жилище по своей форме, как и переносное, первоначально было круглым. В нем имелась печь продолговатой формы (*kămeke*; сравните чув. *кăмака*) со сводом и небольшой трубой, при наличии дымового отверстия (*türlük*; сравните чув. *тёнё*). Очевидно, в более древнем переносном жилище функционировал лишь *öçak* (в современном чувашском языке имеются оба названия). А.В. Дыбо полагает, что в пратюркскую эпоху «технология юрты в ее нынешнем (и общетюркском) виде еще не была известна этносу-носителю пратюркского языка и их переносное жилище представляло собой род чума» [16. С. 472]. Но вполне допустимо, что часть терминологии деталей каркасного жилища в языке предков чувашей просто исчезла (из четырех подобных терминов в смещенной семантике сохранились два названия: *сунат* «отдельное звено решетки юрты» и *кёреке* «низ деревянного остова юрты, ее решетчатые стены»). Отсутствие этих терминов в якутском языке тоже объяснимо с их ранней переменой среды былого обитания (предки якутов и чувашей не позднее конца I тысячелетия н.э. переселились в более холодные районы Сибири и Поволжья). Не случайно в их языках срубные дома имеют нетюркские названия (чув. *пурт*, як. *балага*). Часть лингвистов считает первое слово заимствованием из марийского языка, Н.И. Егоров в частной беседе с автором высказал мнение о более раннем проникновении данного термина балто-славянского происхождения [18. Т. I. С. 462].

Появление в хозяйстве предков чувашей срубной избы можно объяснить влиянием на них носителей местной именьковской культуры (VII–VIII вв.). Быть может, у предков чувашей бревенчатое жилище существовало еще до их массовой миграции в восточные части Европы? Если так, то оно могло быть похоже на зимнее жилище якутов (бревенчатая юрта трапециевидной формы с плоской крышей и земляным полом. Его вход находился с восточной стороны, перед входом устраивали навес [средненизовые чуваша словом *пурт умё* (*ум* < др.-тюрк. *öŋ* «перед», «восток») называли сени, навес перед входом [1. Т. X. С. 88], что указывает на былую восточную ориентацию входа чувашского жилища], справа от двери (северо-восточный угол) ставили *камелек* – примитивный очаг из жердей и бревен, обмазанных толстым слоем глины. Почетный угол находился в юго-западном углу [6]). Представление о внутреннем угле жилища у тюркских народов сложилось, как известно, значитель-

но поздно. В Поволжье оно сложилось под влиянием «соседних языков, русского и волжских финно-угорских, вместе с их реалиями» [16. С. 471].

Границы внутреннего пространства дома призваны объективировать социальную структуру семьи, они являются выражением особенностей религиозной, ритуально-мифологической, хозяйственно-экономических и других видов деятельности человека [2. С. 134]. Жилище, как самый малый и более реальный концентрический круг освоенного пространства, с самых древних времен имело свой центр. В пратюрковском жилище функцию такого структурообразующего элемента выполнял очаг, и к нему была приспособлена вся конструкция первобытного жилого сооружения, в первую очередь световое и дымовое отверстие над очагом. Следует согласиться с Н.К. Даниловой, которая утверждает, что по отношению к данному центру производилось и пространственное членение жилища [4. С. 20].

В эпоху матриархата и тотемизма в жилище пратюрков утвердился культ родового огня, который выражался в поклонении Огню жилища и рода. Хозяйкой огня в очаге, затем и жилища в целом была женщина. Не случайно наиболее древнее название духа домашнего огня в чувашском языке называется *Ырă Вут ама* «Святая Мать-огонь». По мере укрепления в обществе патриархальных отношений, возвышения положения мужчины как главы семьи в чувашской мифологии появился новый образ (*Вутăш* < *вут* «огонь» + *ăш* «нутро», «то, что находится внутри *вут* «огонь»). Трансформируясь в условиях христианизации (во второй половине XVIII в.), данное слово стало означать «благодетельное божество воды». Пребывая в воде, это божество делало ее полезной (питьевой) из-за своего огненного начала. Сварив свадебный суп, невеста освящала воду своим родовым огнем [12. С. 270].

Одной из наиболее детально и наглядно описанных работ структуры древнего жилища тюрков (на материале *чадыр*, жилища оседлых алтайцев до XIX в.) следует считать статью С.Н. Тихонова [17]. Ученый справедливо отмечает, что внутренний объем данного жилища условно делился на функциональные зоны, с которыми связаны различные ограничения и запреты. В центре *чадыр*'а, на специальной подставке *таган*, над огнем устанавливали большой чугунный котел *казан*. За очагом, примерно на равном расстоянии от него и противоположной от входа стены, вкапывали столб *чакы* диаметром 10–15 см, высотой до 180 см. На вершине столба устанавливалась поперечная планка длиной от 80 до 110 см. Две параллельные жерди крепили одним концом к каркасу *чадыр*'а над входом, другим они опирались на поперечную планку, а на них укреплялась решетка из тонких палочек для копчения сыра и другой еды. Между очагом и столбом (они, несомненно, символизировали Мировое древо пятого концентрического круга [4. С. 13–14]) находился «специальный ящик *аптра*, где хранились семейные идола *чалу*. Присутствие идолов делало место *төр дьер* не только почетным, но и священным» [17. С. 59]. На рисунке-схеме С.Н. Тихонова почетное место *төр дьер* (оно по ширине примерно соответствует ширине части перед входом *ирги дьер*) расположено прямо против двери от очага до противоположного каркаса жилища. Образуя треугольник, острым концом он примыкает к очагу. Внутри этой почетной и сакральной территории, как уже было упомянуто, находились столб и ящик с семейными идолами *чалу*, которые изображали и символизировали духов предков, конкретного предка шамана [9. С. 169].

Другими локусами пространственной структуры тюркского жилища, в том числе и алтайского, являлись мужская и женская половины, расположенные по разные стороны очага и «почетного места». Если учесть, что у тюрков мужской стороной являлась, как правило, правая, а вход в жилище был ориентирован на восток, то нетрудно определить ее местонахождение: южная сторона жилища. Противоположная (северная) сторона (стена) являлась женской половиной. При такой ориентировке жилища его «почетное место» находилось в западной части жилища. Именно там располагалась «голова» *tör: tör başı* [5. С. 580]. Данный факт провоцирует исследователя на поиски олицетворенного субъекта в лежащем положении (при этом он смотрит на родовую очаг, а сквозь открытую дверь – на восток, т.е. на солнце).

В тюркоязычных памятниках VII–XIII вв. слово *tör* имеет семантику «место против двери, почетное место» [5. С. 580]. Согласно М. Ряснену, от исчезнувшей праформы *tör* были образованы мифонимы *töz* > хак. *tös* «духи» [18. Т. I. С. 264]. Очевидно, древнетюркский *tör* не случайно обозначает место обитания духов предков в жилище. Этимологи считают, что ряд слов, образованных от родственных корней *tər* и *təs*, имеют следующие значения: «происхождение» (древнеуйг.), «основание, корень» (тув.), «основание, начало» (алт.), «появляться вновь, увеличиваться» (тур.) и т. д. [15. С. 284]. В.Г. Егоров относит к ним чув. *турту, туртәм* «родня», «родство», «родственная связь», хак. *төрү* «рождаться», *төрүт* «родить», *төргин* «приезд невесты за получением своей доли приданого»; кирг. *төркүн*; каз. *төркин* «родня жены»; якут. *төрөө* «рождаться», «родить», *төрүт* «род», «колено», «предок» и т.д. [7. С. 261]. Из всего сказанного можно заключить, что первичная семантика тюркского *tör*, несомненно, связана с духами родовых предков, которые оберегали жилище потомков. Сравнительный материал показывает, что в *tör*, как и в *oñuq / otñuq*, пребывали родовые духи жилища родителей невестки [12. С. 270].

Чувашский мифоним *түр / түрө* сохранился в форме *түркелли* «название духа»: *түр* + *келли* «молитва *түр*» [1. Т. XIV. С. 225]. Весьма интересно объяснение происхождения данного духа. Как известно, чувашские девушки при замужестве увозили с собой материнскую *йәрәх / йөрөх* (куклу в родовом коробе, изображение из дерева). Если подобные культовые атрибуты сохранялись путем передачи по женской линии до седьмого колена, то они становились *түркелли* «название духа» [21. С. 148]. Здесь несомненна связь *йәрәх / йөрөх* с *түр*, а также, как убедимся ниже, с *түрөш* (> *турәш*).

Выявленная Д.К. Зелениным параллель между культом *онгон*'ов (изображений душ умерших предков) в Сибири и *йәрәх / йөрөх* в чувашской мифологии успешно дополнена удмуртским этнографом В.Е. Владыкиным. Он считает, что в этом ряду необходимо изучать и марийский *кудо-водыш* [3. С. 274]. Его описания удмуртского воршуда [3. С. 274–289] и различные ипостаси чувашского ириха (*йөрөх*) совпадают полностью. Удмуртский этнограф выделяет в этом культе следующие «религиозно-мифологические комплексы»: «а) “родовая” или семейная святыня, хранящаяся в святилище-куа (чаще всего это воршудная коробка с ее содержимым – символической моделью мира); б) божество-покровитель “рода” или семьи, совокупность идей, обрядов, связанных с ним; в) зоо-, орнито- или антропоморфное изображение божества; г) экзогамное объединение родственников, имеющих одного покровителя-воршуда» [3. С. 289].

Ряд семантик чувашского *тӱр / тӱрӗ* соответствует древнетюркскому *tüz* «ровный, плоский», «равный, одинаковый», «верный, истинный» [5. С. 602] (сравните тат. *тәз* «прямой», «прямо», «меткий», «метко» [18. Т. II. С. 263]). Как сообщает Л.П. Потапов, раньше «каждый алтайский род имел своего тӱся-покровителя» [11. С. 147]. Духи-предки умерших шаманов тоже назывались *тӱс* [11. С. 67]. Символические изображения предка-шамана в виде маленького бубна или ленты из ткани подвешивали в «переднем углу» (*тӱр*) юрты, которые требовали систематического «кормления» (приношения жертвы домашних животных, кропления вином) [11. С. 99].

У шорцев духи-предки по женской линии или родоначальниц, покровительниц очага носили названия *ӧрекеннер*, *куртуяк*, *тӱр-кижилер*, *ене-кижи*. Они, как и чувашские *йӱрӑх / йӱрӗх* и *тӱр / тӱрӗ*, передавались дочерям по наследству. Данные изображения предков-покровителей хранились в берестяной коробочке на печке, на полке, под крышей дома либо в амбаре [9. С. 10]. По внешнему виду и материалу хакасские *тӱс* были весьма разнообразны. Кроме нарисованных на кусочках ткани и деревянных дощечках были *тӱс* в виде целых шкурок или высушенных тушек мелких животных. Как и у удмуртов, среди них встречались как антропоморфные, так и зооморфные существа [9. С. 126].

Итак, в мифологии сибирских тюрков духи предков и их изображения назывались как словом *тӱс*, так и словом *тӱр* (С.В. Иванов последнее слово объясняет как «передний угол дома» [9. С. 10]). Но *тӱс* считались, как правило, мифическими главами отдельных *ызых*ов [19. С. 404–405] (*йӱдуқ* «священный, святой» > *йӱрӑх* > *йӱрӗх* [9. С. 43]). Если вспомнить, что чувашские ирихи через семь колен превращались в *тӱрӗ*, то мы можем утверждать, что настоящими (старшими) духами предков-покровителей (фактически божествами) являлись последние. Рассмотренный материал показывает, что первоначально изображения духов-предков у тюрков действительно хранились на «почетном месте» внутреннего жилища.

Самым ранним и достоверным описанием традиционной культуры чувашей считается труд Т.Г. Масленицкого «Топографическое описание Симбирского наместничества» (1780), в который о чувашах включены два очерка: землемера К. Мильковича («Чуваши», 1783) и самого автора («О чувашах», 1785) [10]. Примечательно то, что в данной работе имеется самое первое и замечательное описание как божества (*Тӱр / Тӱрӗ*), так и его изображения (*тӱрӗш*). При этом о названии изображения наиболее точно написал Т.Г. Масленицкий: «А чувашаи деревни Три Избы-Шемурши вместо изображений скотских голов на малых дощечках, называемых *тӱряш*и (о чем в описании чувашского народа обстоятельно значится), имеют в полях построенные хоромины вместо окон с длинными слухами, в которых они разных скотов мяса приносят в жертву и там же кладут деньги, называют *тӱряш*ми» [10]. Здесь слово *тӱрӗш*, как и *вутӑш*, образовано с помощью добавления к названию почетного и священного места в доме (*тӱр*) лексемы *ӑш* «то, что находится внутри *тӱр*».

По наблюдениям Е.Е. Ерагина, мифоним в фонетическом облике *Йӱрӗх* чаще всего встречается в ареале проживания верховых чувашей, а *Тӱрӗ* с ее вариантами – среди низовых чувашей [21. С. 138]. В этом плане весьма информативны следующие замечания К. Мильковича: «О творце разумеют они, что он подает им хлебородие, одождевает их поля и всякое счастье ниспосы-

лает. Ему приписывают отца и мать, но понятия о них не имеют. А сказывают, будто навывкли они сперва творцу приписывать отца и мать, слыша от россиян, а потом в последующие времена и прочим, так как и Ирихи введены к ним от чуваш, происшедших от породы черемисской» [10].

Как известно, христианство распространилось и утвердилось прежде всего среди верховых чувашей, поэтому в их среде традиционная мифологическая система начала разрушаться раньше, чем в других этнографических группах чувашей. Очевидно, именно они, имеющие в своем составе немалый финно-угорский субстрат, фонетически изменили исконно булгаро-чувашское *Иӓрӓх*. В дальнейшем в процессе продвижения христианства в восточные районы Чувашского края (с помощью переселенцев из верховых чувашей) данный палатальный вариант (*Иӓрӓх*) обрел противоположную семантику – «злой дух».

В описании *тӓрӓш* К. Милькович описывает весьма важные подробности. Во-первых, данный предмет есть «на двух небольших дощечках некоторые изображения, подобные коровьей голове» (рамочное обрамление головы крупного домашнего животного, скорее всего быка). Во-вторых, эти изображения «также бывают у них в клетях» [10. С. 135]. Слово «также» указывает на место хранения описанных чуть выше ирихов. Чувашские клетки являлись летним жилищем чувашей, поэтому следует полагать, что все эти священные предметы до крещения находились в избах в пространстве *тӓр* и свои первичные названия сохранили полностью. В структуре избы чувашей-неофитов произошли некоторые изменения. Прежде всего «почетное и священное место» со столом (*тӓр*) переместилось от середины стены в левый угол (там располагалась божница – полка с иконами). Например, «красный угол» по-удмуртски *тӓро сэрег* (*сэрег* – угол), *тӓршор* (*шор* – середина); по-чувашски *тур кӓтесси* (*кӓтесси* – угол, а *тур* «бог» – трансформированный под воздействием христианства *тӓр*). У татар-мусульман центр избы сохранился в древнем виде. Сравнение лексем со значением «икона» дает такую картину: у татар (*тӓре* < *Тӓре* «бог»), у чувашей (*турӓш* < *тӓрӓш* «то, что находится внутри *тӓр*») и у удмуртов (*мудор* «священное дерево в лесу» > «его ветки в куале» > «икона» [3. С. 147]). Они образованы, скорее всего, путем трансформации старых терминов (этимология мокша-мордовского *шкай* /*шкайна* нам неизвестна). Марийские (у горных *статя* < рус. «статуя», а у луговых *юмо* «бог» + *она* «доска» > *юмона* «божественная доска») и эрзя-мордовское (*лазава* «мать бога») названия следует зачислить к новообразованиям.

Здесь уместно привести ценное сообщение Т.Г. Масленицкого о наличии двух видов ирихов: «<...> сверх обыкновенных домовых идолов, называемых ирихами, имеют лесных, называемых Хорн-Ирих. Они изображают сие вещество следующим образом: вливают в дубловатое дерево свинец и подпоясывают оное сучеными красными нитками или другим чем. Ему в жертву приносят уже не саламату, но мелкую животину и птиц, и, почитая его злотворным духом, просят, дабы их пчелы невредимы были. Впрочем, они и о нем такого ж понятия, как о домовом, коих также они у себя в домах держат. Разделяют они их только одними наименованиями: Кильди-Ирих, Хорн-Ирих, то есть домашний и лесной Ирих. Они помещают их в деревьях близ своих домов и в рощах, посвященных Кереметям» [10. С. 105–106]. Весьма любопытна информация о связи лесного Ириха с *Киремет*. Если второй мифоним проник в языки народов Поволжья через посредство мусульман не позднее XV в.

[13. С. 313], то первый является исконно тюркским (< *ıduq* «священный, святой»). Есть основания полагать, что *Йăрăх* как одинокое дерево на опушке леса (в середине поля) до влияния ислама было основным названием центра третьего (родового) круга культурного пространства. У якутов подобное дерево называлось *Ытык мас* «Священное дерево [рода]» [4. С. 13–14]. По этой модели (прилагательное + существительное) древний чувашский мифоним следует восстановить как *Йăрăх Хурăн* «Священная [родовая] Береза». Такое изменение можно объяснить потерей первичной семантики определяющего слова *йăрăх* («священный» > «название духа»). Подобным образом первичный порядок слов в *Килти Йёрёх* следует восстановить как *Йăрăх Тўрё* «Священное Тўрё», т.е. «Дух Священного предка». Он, являясь главным мифологическим персонажем, находящимся на самом почетном месте жилища, поддерживал жизненные силы путем общения как с родовым огнем, так и с родовым Древом жизни (прутики *Йăрăх Хурăн* хранились в «почетном месте»). Там соединялись Земля, Вода и Огонь рода.

Вышеперечисленные представления о чувашских ирихах в основном совпадают с описаниями удмуртского воршуда и мудора [3. С. 144–151]. Эти этнокультурные параллели, с одной стороны, предков удмуртов и чувашей, а с другой – поволжских народов и народов Сибири, являются не только типологическими и контактными, но и, следует полагать, генетическими. Не случайно же в регионе выделяются удмуртские, башкирские и чувашские предания о водяном быке, описания его сражения с мифологическим оленем, предания о легендарном быке (олене)-путеводителе и первопредке. В тюркских языках, как известно, слова со значениями «бык» и «река» звучат одинаково: *öküz* [8. С. 266]. В некоторых родовых святилищах удмуртов хранились пластины или идолы, сходные с чувашским *тўрёш* [3. С. 82]. Да и само древнее название *огур* (этноним предков *p*-язычных болгар, соответствующее чувашскому *вăкăр* «бык») в этнониме *оногур* имеет значение «бык». Вполне допустимо, что часто встречающееся в чувашских молитвословиях *Вăлă* (< др.-тюрк. *ulî* со значениями «большой» и «великий») представляет собой осколок древнего словосочетания *Вăлă вăкăр* – «Великий первопредок *Вăкăр*». Быть может, именно он изображен в описанном Т.Г. Масленицким *тўрёш*.

На основе анализа семантики отдельных частей жилища пратюрков, а также современных сибирских тюрков и чувашей необходимо реконструировать следующее основное направление их эволюции:

1. Пратюркское внутреннее жилище как максимально освоенное человеком круговое пространство Вселенной имело свой центральный локус (очаг), от которого в противоположную от входа сторону располагалось самое почетное и священное пространство – *tör*, где хранились изображения духов предков рода и племени (*töz / tör*), а также находился столб, символизировавший вертикальное пространство Вселенной.

2. В результате эволюции форм хозяйственной деятельности и типов жилища (появление печки и срубного жилища, а также прямых стен и потолка) центр жилища многих тюркских народов переместился ближе к двери, но остался в женской же половине. К печке был привязан и столб, как место временного пребывания душ умерших родственников [14. С. 42–45].

3. После христианизации чувашей утвердилось их новое представление о «почетном месте» внутреннего жилища. В первую очередь при строительстве дома перестали ориентировать дверь на восток, появились новые поня-

тия (окно, передняя стена, внутренний угол жилища). «Почетное место» с середины передней стены переместилось в угол мужской половины дома, где появились божница, иконы. Там же располагался стол, во время приема дорогих гостей превратившийся в самое почетное место для мужчин (*кёреке*). Двоеверцы-чуваши свои древние культовые объекты прятали от глаз священников в разных строениях двора (чаще всего в клетки и лачуге).

4. Главная функция хранения в «почетном месте» жилища прутиков из веток родового дерева *Йёрёх Хурён* (или кукол с остовом из них же) заключалась в желании семьи постоянно получать жизненные силы от центра (дерева) родовой Земли и Воды.

Список сокращений названий языков

алт. – алтайский	тат. – татарский
др.-тюрк. – древнетюркский	тув. – тувинский
древнеуйг. – древнеуйгурский	тур – турецкий
каз. – казахский	хак. – хакасский
кирг. – киргизский	чув. – чувашский
рус. – русский	як. – якутский

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. 1–17.
2. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 188 с.
3. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
4. *Данилова Н.К.* Якутское традиционное жилище: пространственные и ритуальные измерения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 25 с.
5. Древнетюркский язык. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
6. Жилище народов Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://республика-саха-якутия.рф/stati/kultura/zhilische-narodov-sibiri.htm> (дата обращения: 11.03.2019).
7. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
8. *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвистике и этнической истории чувашского народа: в 2 кн. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. 428 с.
9. *Иванов С.В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 195 с.
10. *Масленицкий Т.Г.* Топографическое описание Симбирского наместничества. 1785 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ulrqa.ru>region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.Q. (дата обращения: 28.11.2018).
11. *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. 321 с.
12. *Родионов В.Г.* Семантическая и хронологическая стратификация названий духов-покровителей в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 268–276.
13. *Родионов В.Г.* Хронологическая стратификация названий духов предков и святых в чувашской народной религии // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 311–321.
14. *Салмин А.К.* Семантика дома у чувашей / ЧГИГН. Чебоксары, 1998. 64 с.
15. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.
16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 912 с.
17. *Тихонов С.Н.* Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1984. С. 55–64.
18. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996.
19. Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания Н.Ф. Катанова: в 2 т. / сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб., заключит. статья и коммент. А.В. Преловского. М.: Новый ключ, 2003. Т. 1. 576 с.

20. Чуваши. Этнографическое исследование: в 2 ч. Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 308 с.

21. Ерагин Е.Е. Йӗрӗх. Шупашкар: Ҫӗнӗ вӑхӑт, 2017. 188 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

**EVOLUTION OF INNER DWELLING SPACE
OF THE CHUVASH PEOPLE AND THEIR ANCESTORS**

Key words: “place of honor”, dwelling, the Turkic peoples, ancestral spirits, reconstruction, ancestral tree.

A proto-Turkic inner dwelling as a circular space of the Universe, maximally mastered by a man, had its central locus (fireplace), from which in the direction opposite to the entrance the most honorable and sacred place (tör) was located. Images of familial and tribal ancestors' spirits were stored there, as well as there was a column symbolizing the vertical space of the Universe. As a result of evolution in economic activity's and housing type's forms, the center of the dwelling moved closer to the door. A pillar was attached to the stove, the former being a symbol of vertical space and the place where the souls of deceased relatives temporarily stayed. After Christianization of the Chuvash, their new idea of the “place of honor” in the inner dwelling established. When building a house, they stopped orienting the door to the east; new concepts (a window, the front wall, the inner corner of the dwelling) appeared. The “place of honor” moved from the middle of the front wall to the corner of the male half of the house, where an icon-case and icons appeared. The main function of keeping twigs from the family tree branches in the “place of honor” in the house was the desire of the family to constantly receive vital forces from the center of ancestral Earth and Water.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash language Dictionary. 17 vols]. Kazan, Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1928–1950, vol. 1–17.
2. Baiburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and performances of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 188 p.
3. Vladykin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the world of Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994, 384 p.
4. Danilova N.K. *Yakutskoe traditsionnoe zhilishche: prostranstvennye i ritual'nye izmereniya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Yakut traditional dwelling: spatial and ritual measurements. Cand. hist. sci. diss. abstracts]. Tomsk, 2010, 25 p.
5. *Drevneturkiskii yazyk* [Ancient Turkic language]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
6. *Zhilishche narodov Sibiri* [Dwelling of the peoples of Siberia]. Available at: <http://respublika-sakha-yakutiya.rf/stati/kultura/zhilische-narodov-sibiri.htm> (accessed 11 March 2019).
7. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1964, 356 p.
8. Egorov N.I. *Izbrannye trudy po etnolingvogenezu i etnicheskoi istorii chuvashskogo naroda: v 2 kn.* [Selected works on ethnolinguagenesis and the ethnic history of the Chuvash people. 2 books.]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2017, book 1, 428 p.
9. Ivanov S.V. *Skul'ptura altaitsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert' XX v.)* [Sculpture of Altai, Khakas and Siberian Tatars (XVIII – the first quarter of the XX century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 195 p.
10. Maslennitskii T.G. *Topograficheskoe opisaniye Simbirskogo namestnichestva. 1785 g.* [Topographical description of Simbirsk governorship. 1785]. Available at: http://ulrqo.ru>region/elibrary/books/Maslennitskiy_T.G. (Accessed 28 November 2018).
11. Potapov L.P. *Altaiskii shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, 321 p.
12. Rodionov V.G. *Semanticheskaya i khronologicheskaya stratifikatsiya nazvanii dukhov-pokrovitelei v chuvashskoi mifologii* [Semantic and chronological stratification of the names of the spirit-patrons in the Chuvash mythology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no 2, pp. 268–276.
13. Rodionov V.G. *Khronologicheskaya stratifikatsiya nazvanii dukhov predkov i svyatykh v chuvashskoi narodnoi religii* [Chronological stratification of the names of the spirits of ancestors and saints in the Chuvash folk religion]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no 4, pp. 311–321.

14. Salmin A.K. *Semantika doma u chuvashei* [Semantics of the house in the Chuvash]. Cheboksary, 1998, 64 p.
15. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «V», «G» i «D»* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters "V", "G" and "D"]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 395 p.
16. Tenisheva E.R., Dybo A.V., eds. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Pra-Turkic language basis. Picture of the world of pra-Turkic ethnos according to the language]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 912 p.
17. Tikhonov S.N. *Traditsionnye zhilishcha altaitsev* [Traditional dwellings of the Altaians]. In: *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of the Siberia peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, pp. 55–64.
18. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols]. Cheboksary, 1996.
19. Prelovskii A.V., ed. *Fol'klor sayanskikh tyurkov XIX veka. Iz sobraniya N.F. Katanova: v 2 t.* [Folklore of the Sayan Turks of the XIX century. From the collection of N.F. Katanova. 2 vols]. Moscow, Novyi klyuch Publ., 2003, vol. 2, 576 p.
20. *Chuvashi. Etnograficheskoe issledovanie: v 2 ch.* [Ethnographic study. 2 parts]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1970, part 2, 308 p.
21. Eragin E.E. *Ierekh* [Idol]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2017, 188 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru).

Формат цитирования: Родионов В.Г. Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 136–145.

УДК 93/94
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

ВКЛАД И.Г. ГЕОРГИ В ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: И.Г. Георги, Императорская академия искусств, чувашаи, обряды, верования, одежда, рисунки.

Предметом и темой работы являются труды академика Императорской Академии наук Иоганна Готлиба Георги. Материал анализируется с точки зрения значимости в изучении этнографии чувашского народа. При этом применяется системный подход. Автора статьи интересуют те пассажи, в которых имеются материалы по этнографии чувашей. Статья представляет собой первое специальное изучение работ И.Г. Георги в свете таких важных проблем, как чувашские народные обряды, а также изображения народной одежды чувашей во второй половине XVIII в. Например, женский головной убор «хушпу» сплошь унизан серебряными монетами. Поэтому он напоминает рыбку чешую или даже доспехи. А девичье украшение «тевет» перевешивается через левое плечо, подобно наградной ленте. Ширина «теветя» с ладонь и он весь покрыт серебряными монетами, корольками и поддельными жемчужинами. Изучены народные обряды и верования чувашей в контексте трудов И.Г. Георги. Особенно ценны наблюдения о почитаемых божествах, а также традиционные представления чувашей о временах года. В статье также рассмотрена история рисунков, размещенных в его сочинении. В трудах академика зафиксированы материалы и по другим вопросам относительно чувашей: по истории, антропологии, хозяйственно-культурной деятельности, поселениям, верованиям, жилищу, пище, языку, предводителям обрядовых действий, а также подняты вопросы о роли И.Г. Георги в судьбе исследователя И.П. Фалька.

Введение. «Екатерина II силами приглашенных академиков-немцев проводила инвентаризацию имперских ресурсов, в том числе человеческих» [4. С. 62]. В итоге в России появились фундаментальные труды по народоведению. Образцами являются труды Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа и И.Г. Георги. Такой факт признают и зарубежные исследователи. В Европе аналогичный труд появляется лишь в середине XIX в. Это – «Этнография Австрийской монархии» Карла Чернига.

Огромную роль в становлении этнографической науки сыграли собрание и описание коллекций Кунсткамеры [16. С. 142].

После долгих переписок в марте 1770 г. в Императорскую Академию наук на должность адъюнкта по химии прибывает И.Г. Георги. Задача публикуемой статьи – попытка системного анализа трудов И.Г. Георги о чувашах.

Антропология. Иоганн Готлиб обратил внимание, что среди чувашей чаще встречаются люди с бледным цветом лица. А по телосложению они чрезвычайно похожи на черемисов [2. С. 35; 3. С. 87]. Все эти наблюдения характерны для верховых чувашей, проживающих в северной части современной Чувашской Республики. Собственно, путешественник не ездил вглубь Чувашии, тем более – в южные районы, где он мог бы зафиксировать иные антропологические характеристики [13. С. 67–72].

Хозяйственно-культурная деятельность. Вдаваясь в детали хозяйственно-культурного типа, автор «Описаний» говорит о кочевом образе жизни предков чувашей. Но теперь они «возлюбили все землепашество и постоянное на одном месте жительство». Живут в деревнях, которые «заводят в лесах» [2. С. 35]. Пристрастны к звериной ловле, при этом раньше использовали лук и стрелы, а теперь – винтовки.

Жилища. Говоря о жилищах чувашей, И.Г. Георги ничего определенного не выделяет, а только замечает, что их жилища чрезвычайно похожи на черемисские. В домах вместо кроватей они, как и татары, используют широкие полаты. А те, кто посостоятельнее, имеют пуховые перины [2. С. 35, 37; 3. С. 87]. По контексту можно предположить, что И.Г. Георги имел в виду также широкие скамейки вдоль стены. Длинные массивные скамейки вдоль восточных стен бытовали в Чувашии до конца XX в.

Одежда. И.Г. Георги утверждал, что по состоянию на вторую половину XVIII в. чувашаи «удержали», т.е. сохранили, свое традиционное одеяние [2. С. 35].

В отличие от баб, писал Иоганн Готлиб, девки носят платье попроще. Пояс плотно прижимает их одеяние к телу. Этому способствуют и лопасти с бахромками на концах, прикрепленные на обоих боках к поясу. Эти лопасти путешественник назвал *sarroю* (Sarr), т.е. *саря* на современном литературном языке. Женская шапка *хушпу* (Chuschpu) вся унизана королями и мелкими, наподобие чешуи расположенными, серебряными монетами. Под шапкой у них белая, вышитая по краям, фата *сурбан* (Surban). Волосы заплетают в две косы и опускают под одежду. А про известное богатое девичье украшение *тевет* он писал так: «Еще перевешивают они иногда через левое плечо, подобный жалованной ленте, ремень, который бывает шириною в ладонь, и весь покрыт королями, змеиными головками и подделанными червонцами» [2. С. 36; 18. S. 39].

Если муж недоволен женой (что встречается совсем редко), то он разрывает ее покрывало (т.е. *сурпан*), что означает развод.

Мужскую одежду чувашей И.Г. Георги находит одинаковой с черемисской и русской [2. С. 35-36; 3. С. 87].

Пища. Чувашаи не сильно разборчивы при выборе и подготовке пищи, дичь они считают хорошей едой. Садясь за стол, молятся: *Туря* (Thore), *пар тыря* «Господи, дай нам хлеба». А после еды: *Туря, сырлах* «Господи, не оставь меня». Чувашаи употребляют *тимёр пуля* «железную рыбу» (Clurea Alofa), которую русские не едят. Едят ее и в вареном, и в сушеном виде. Гостей кормят обильно. О блюдах, которые они готовят, можно сказать, что они очень похожи на черемисские [2. С. 35-37; 3. С. 87].

Обряды. По мнению И.Г. Георги, чувашаи сохранили свои старинные обычаи и обряды.

Когда в семье родится ребенок, то к ним приходят родственники. Тогда они пьют пиво, кладут в выпитые стаканы несколько копеек. Данное пиршество называется «положить ребенка в колыбель» [2. С. 37; 3. С. 87-88].

При обряде сватовства отец девушки торгуется крепко. Цены за невесту составляют от 20 до 50 руб. Но иным удастся заплатить калым поменьше: от 5 до 10 руб. Те, кто посостоятельнее, дают до 80 руб. Приданое невесты состоит из дворового скота, домашней утвари и одежды. Цены за невесту и увозимого ею приданого обычно равны по стоимости.

Свадьбу, как правило, справляют в доме у родителей жениха. На стол ставят тарелку с хлебом, в который воткнута стрела.

В семье муж имеет полную власть, а жена должна повиноваться ему. А это обеспечивает жизнь без ссор и развода. Но если муж недоволен женой, то разрывает ее головное полотенце *сурпан*, после чего они оба свободны.

Своих покойников обеспечивают всем необходимым. На могиле зажигают восковые свечки, кладут блин и кусок вареной курицы и говорят: «Это тебе пригодится!»

Уходя, оставляют его одежду на могиле. Вернувшись в дом умершего, моют руки и лицо. Поминают на третий и седьмой дни. В октябре у могилы умершего в этом году родственника колют овцу, корову, бычка или лошадь. Варят там же и едят. На могилу ставят пиво в большой посудине. В четверг на страстной неделе (*мункун*) каждый домохозяин поминает своих родственников, перешедших в мир иной. Тогда они готовят много еды и ставят дома свечи. Остатками пищи кормят своих собак, полагая, что вместе с ними питаются и умершие родственники. Без такой совместной еды, полагают чуваши, их родственники на том свете не могут быть спокойны [2. С. 37–39].

И.Г. Георги путает полевое моление *Учук* с общесельским молением божеству *Киремет*, хотя верно описывает действия на *киреметище*. Чистка площадки *киреметища* проводится весной, когда начинается пашня. На время жертвоприношения божеству *Киремет* зажигается семь огней. В качестве жертвы приносят пироги, а молоко льют на огонь. Обращаются к отцу и матери *Киреметя*, а также к их сыну. Божеству скота *Пихампару* приносят крупное животное. *Пихампар* оберегает скот от волков. По случаю начала употребления нового урожая проводится родовой праздник *чўклеме* [2. С. 40].

Путешественник приводит образец чувашского моления: «Боже! (*Торе* или иное какое божество). Помилуй нас! Боже! Не оставь меня! Надели меня множеством сыновей и дочерей! Боже! Одари меня многими горами хлеба и наполни мои житницы и кладовые! Боже! Ниспошли мне хлеб, мед, питье, съестное, здоровье, покой! Боже! Наполни двор мой лошадьми, рогатым скотом, овцами, козами! Боже! Благослови жилище мое, чтобы мог я странствующих принимать» [2. С. 40–41].

Верования. Как отмечал И.Г. Георги, почти все чуваши с 1723 г. крещены в греко-российскую веру. Эту веру они внешне исповедуют, но продолжают пребывать в идолопоклонстве, поэтому свои древние суеверия удержали [2. С. 35]. Такое утверждение требует уточнения: несмотря на повальное крещение, чуваши в основе остались при своих дедовских традициях [17].

Среди чувашских божеств наиболее почитаемым считается *Турă*.

Келе – небесное божество. Иногда говорят проще: *чăваш турри* «чувашское божество». Является посланником божества *Турă* и определяет от его имени судьбу людям. О почитании чувашами божества *Каба* И.Г. Георги также писал [2. С. 39].

Келе – божество женского пола, обитает на небесах, говорят чуваши. Поэтому оно должно быть отнесено к божествам небесным. Нелишне молиться этому божеству и утром, и вечером. *Келе* в списках пантеона стоит в ряду, возглавляемом главными божествами *Турă* и *Пўлĕх*. Часто упоминается вместе с *Хăрпан*. Это божество называют последним, заключительным в списках божеств. Однако речь идет не о статусе. Дело в том, что в ритуалах к нему обращаются после всех других божеств, чтобы оно видело усердие молящихся. Согласно Н.В. Никольскому, божества *Пўлĕх* и *Пихампар* являются его вестниками или даже служителями [2. С. 39; 8. Л. 161; 9. Л. 161].

Исследователи, опираясь на факты, считали, что *Йёрĕх* – это отдельно растущее дерево, а также разные листовенные деревья и кустарники [5. С. 221]. И.Г. Георги заметил, что данное божество представляет собой связку шиповниковых лоз [2. С. 39]. В с. Альгешево Чебоксарского уезда Дюла Месарош обнаружил вариант ветки, весьма напоминающий персидский *барэсман* [7. С. 33].

Как показывает литература XVIII в., чувашаи почитают такие прутья столь священными и опасными, что никто и приступить к оным не смеет [2. С. 39].

Божество *Шуйтан* живет в воде. В своих молитвах чувашаи просят *Туря*, чтобы он усмирил *Шуйтана* [3. С. 89].

Некоторые из чувашей верят в двойное состояние после смерти. Согласно их верованиям, многие люди попадают в страну довольства, где у них лучшие, чем в земной жизни, скот и имущество. А злые люди обречены бродить в холодных и пустынных степях в образе скелетов [2. С. 40; 3. С. 89].

Много интересных наблюдений находим у И.Г. Георги по поводу понятий о временах года. Зима да лето составляют у них один год, который начинается в ноябре, на их языке – *чук ойх*, т.е. месяц жертвоприношений. По другой версии, год начинается с месяца *ака*.

Как заметил И.Г. Георги, в 1723 г., когда чувашей обращали в христианскую веру, они противились этому. Ныне их никто не принуждает, к тому же никто не отвлекает от их религиозных прежних традиций. Теперь они сами преданы православия настолько, что ничуть не уступают крестившимся [2. С. 41].

Музыка. Как показывают источники, волынка – наиболее подходящий инструмент для плясовой музыки чувашей. Например, И.Г. Георги в своем дневнике записал следующее: «Пляшут же они по гуслиам, по волынке и по губному органу» [2. С. 38]. Без волынки нет веселья. Это касается и таких сугубо поминальных ритуалов, как *чимёк* и *юпа*. В том числе плясали и на кладбище. «По их понятию, кто из родни умершего не веселится и не пляшет под музыку, тот непременно скоро должен умереть. Отсюда, во избежание близкой смерти, всякий, несмотря на слезы и плачь, неизбежные и достоуверные при воспоминании умерших, непременно веселится и пляшет под игру скрипки и волынки» [11. С. 62]. Говорили, что под музыку волынки невозможно устоять от пляса. Поэтому высказывание: «Возможно ли так плясать от одной игры на *шяпяр?*» [1. С. 252], по крайней мере, – намек на плясовую ритм мелодии этого инструмента.

Как инструмент мажорного лада, гусли использовали для сопровождения плясок и песен. Мелодию гуслей чувашаи передают звукоподражательными словами *пәнтарат*, *пәнкәлтат*, *кәлттём-кәлттём* [2. С. 38; 9. Л. 192; 11. С. 145].

Рисунки. В Предупреждении издателя к книге И.Г. Георги сказано: «Все сии изображения представляют народов в их, большею частию, обыкновенных одеяниях, каковые находятся, частию, в Кунсткамере, при Императорской С. Петербургской Академии наук, или изображены известными академическими путешественниками, по России, а частию срисованы с живых подлинников покойным С. Петербургским рещиком г. Ротом, и, елико можно, наилучше представляют лицечертания, каждому народу свойственные. Часть последнюю изображений сих дополнил рещик г. Шлеппер, со всевозможною первого точностию».

Христофор Рот родился в Нюрнберге. В Петербурге с 1761 г. В Академии наук изготавливал карты [19. С. 85–86]. В 1770 г. берет отставку из АН. С 1770 по 1777 г. работал по частным заказам по ландкартной части. Вместе с Дмитрием Шлеппером выгравировал 95 листов для «Описания народов Российской Империи» 1776 г. [12. С. 844–846]. Журнал «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся» И.Г. Георги начал издавать в 1774 г. В выпусках периодики печатались рисун-

ки костюмов русских, тунгусов, якутов, татар, черемисов, чувашей, остяков и других народов. Иллюстрации сопровождалась на русском, французском и немецком языках.

Фальк И.П. Иоганну Готлибу приходилось заниматься делами, которые были поручены И.П. Фальку. Как известно, И.П. Фальк не блистал здоровьем и не смог порученные ему экспедиционные дела довести до конца. Так, 5 мая 1771 г. конференц-секретарь Петербургской академии И.А. Эйлер предложил Фальку от имени Академии наук вернуться в Петербург. На выручку ему в отряд П.С. Палласа выезжает И.Г. Георги. В апреле 1774 г. И.Г. Георги сообщает И.А. Эйлеру о последних днях И.П. Фалька, его самоубийстве и похоронах [14. С. 205, 245].

В мае 1785 г. И.Г. Георги представляет Конференции АН материалы «Путевого журнала и наблюдений И.П. Фалька». В Академию наук были переданы все записи и гербарии Фалька [15. С. 381]. Обработка и приведение в порядок записей Фалька оказались затруднительными. «Они написаны на отдельных листах карандашом и по первому впечатлению не обладают никакой связностью изложения, а между тем Георги, по материалам Фалька и по дневникам Барданеса, издал три тома описаний» [6. С. 107].

Выводы. Как видим, И.Г. Георги внес заметный вклад в фиксацию материала по традиционной культуре чувашского народа и его изучение. Особенно ценны наблюдения в области истории, одежды, обрядов и верований. Рисунки, помещенные в его книги, имеют базовое значение.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. XIII. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1937. 240 с.
2. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Имп. АН, 1799. Ч. II. 178 с., 30 л.
3. *Георги И.Г.* Чуваша. Перевод Е.В. Ивановой // Известия Национальной академии наук и искусств ЧР. 1996. № 5. С. 86–90.
4. *Головнёв А.В.* Этнокультурный потенциал и полиэтничность (Российский ракурс) // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2016. № 4. С. 61–67.
5. *Дзенискевич Г.И.* К вопросу о культе йереха у чувашей // Сборник Музея антропологии и этнографии. XXVIII. Л.: Наука, 1972. С. 221–236.
6. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. VIII, 312 с.
7. *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / ЧГИГН. Чебоксары, 2000. 360 с.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Т. 21 – Ашмарин Н.И. Археология, этнография, фольклор. 1895–1943 гг.
9. НА ЧГИГН. Т. 145 – Никольский Н.В. Этнография. 1903–1904 гг. 690 с.
10. *Орлов Д.* Обычаи чуваш // Симбирские губернские ведомости. 1857. С. 57–149.
11. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. АН, 1773. X, 115, 657 с., 117 ил.
12. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. 2. К–О. СПб.: Имп. АН, 1895. 449–1248 с.
13. *Салмин А.К.* История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.
14. Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: 1766–1782 / сост. И.И. Любименко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 606 с.
15. *Хартанович М.Ф., Хартанович М.В.* Летопись Кунсткамеры: 1714–1836. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 733 с.
16. *Чистов Ю.К.* Этнографические коллекции Кунсткамеры (1714–1836). К вопросу об институционализации этнографии как научной дисциплины в России // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 136–143.

17. Ягафова Е.А., Данилко Е.С., Корнишина Г.А., Молотова Т.Л., Садигов Р.Р. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара: ПГСГА, 2010.

18. Georgi J.G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1. St. Petersburg: C.W. Müller, 1776. XII, 530 S., 95 Taf.

19. Thieme Ulrich und Becker Felix. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. 29: Rosa – Scheffauer. Leipzig: Verlag von E.A. Seemann, 1935. 600 S.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

CONTRIBUTION OF THE J.G. GEORGI IN LEARNING OF TRADITIONS OF THE CHUVASH

Key words: J.G. Georgi, The Imperial Academy of Arts, the Chuvash, rites, beliefs, clothing, drawings.

The works by Academician of the Imperial Academy of Sciences Johann Gottlieb Georgi are the subject and theme of the paper. The material is analyzed in terms of its significance in studying the ethnography of the Chuvash people. At this a systemic approach is applied. The author of the article is interested in those passages, in which there are materials on the ethnography of the Chuvash. The article represents the first special study of the works by J.G. Georgi in the light of such important aspects, as Chuvash folk rites, as well as images of folk clothing of the Chuvash in the second half of the 18th century. For example, a female head-dress "khushpu" is completely covered with silver coins. That is why it resembles fish scales or even armors. And a maiden's ornament – "tevet" – is hung over the left shoulder, like an award ribbon. The width of the tevet is that of a palm and it is completely covered with silver coins, beads and counterfeit chervonetses. Folk rites and beliefs of the Chuvash in the context of works by J.G. Georgi are studied. His observations about the revered deities, as well as traditional representations of the Chuvash about the seasons are especially valuable. The article also examines the history of drawings placed in his essay. The works of the academician also recorded materials on other issues concerning the Chuvash: history, anthropology, economic and cultural activities, settlements, beliefs, housing, food, language, leaders of ritual actions, as well as raised questions about the role of J.G. Georgi in the destiny of the researcher J.P. Falck.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, 1937, iss. XIII, 240 p.
2. Gheorghii I.G. *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: Ikh zhyteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhylishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drughikh dostopamyatnostei* [Descriptions of all the species of peoples in the Russian State: Their everyday rites, usages, clothes, homes, exercise, fun, faith and other the landmarks]. St. Petersburg, 1799, part II, 178 p.
3. Gheorghii I.G. *Chuvashy* [The Chuvash]. *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk i iskusstv ChR*, 1996, no. 5, pp. 86–90.
4. Golovnyov A.V. *Etnokul'turnyi potentsial i polietnichnost' (Rossiiskii rakurs)* [Ethnic and cultural potential and the Antiquities (Russian perspective)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*, 2016, no. 4, pp. 61–67.
5. Dzeniskevich G.I. *K voprosu o kul'te ierekha u chuvashai* [To the question about the cult of the Chuvash Jereh]. In: *Sbornik Muzeya antropologhii i etnografii* [Collection of the Museum of anthropology and ethnography]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, iss. XXVIII, pp. 221–236.
6. Gnucheva V.F., comp. *Materialy dlya istorii ekspeditsii Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khrono-loghicheskiye obzory i opisaniye arkhivnykh materialov* [Materials for the history of the expeditions of the Academy of Sciences in the 18th and 19th centuries: Chronological overviews and archival description]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1940, VIII, 312 p.
7. Mesarosh Dyula. *Pamyatniki staroi chuvashskoi very* [Monuments of the old Chuvash beliefs]. Cheboksary, 2000, 360 p.

8. *Nauchnyi Arkhiv Chuvashskogo Gosudarstvennogo Instituta Gumanitarnykh Nauk. Otd. I. T. 21 – Ashmarin N.I. Arkheologiya, etnografiya, fol'klor. 1895–1943 gg.* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. Archives 1. Vol. 21].
9. *Nauchnyi Arkhiv Chuvashskogo Gosudarstvennogo Instituta Gumanitarnykh Nauk. Otd. I. T. 145 – Nikol'skii N.V. Etnografiya. 1903–1904 gg. 690 s.* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. Archives 1. Vol. 145].
10. Orlov D. *Obychai chuvash* [Customs of the Chuvash]. *Sibirskiye gubernskiye vedomosti*, 1857, pp. 57–149.
11. Pallas P.S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1773, part 1, X, 115, 657 p.
12. Rovinskii D.A. *Podrobnii slovar' russkikh graverov XVI–XIX vv.* [A detailed dictionary of Russian masters of 16th–19th centuries]. St. Petersburg, 1895, vol. 2, 449–1248 p.
13. Salmin A.K. *Istoriya chuvashskogo naroda: analiz osnovnykh versii* [History of the Chuvash people: an analysis of major versions]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 464 p.
14. Lyubimenko I.I., comp. *Uchenaya korrespondentsiya Akademii nauk XVIII veka: 1766–1782* [Scientific correspondence of the Academy of Sciences of the 18th century: 1766–1782]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1937, 606 p.
15. Khartanovich M.F., Khartanovich M.V. *Letopis' Kunstkamery: 1714–1836* [Chronicle of the Kunstammer: 1714–1836]. St. Petersburg, 2014, 733 p.
16. Chistov Yu.K. *Etnograficheskiye kollektzii Kunstkamery (1714–1836). K voprosu ob institutsializatsii etnografii kak nauchnoi distsipliny v Rossii* [Ethnographic collections of the Kunstammer (1714–1836). The issue of institutionalization of ethnography as a scientific discipline in Russia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2017, no. 4, pp. 136–143.
17. Yagafova Ye.A., Danilko Ye.S., Kornishyna G.A., Molotova T.L., Sadikov R.R. *Etnokonfessional'nyye men'shynstva narodov Uralo-Povolzh'ya* [Ethno-confessional minority peoples of the Ural-Volga region]. Samara, 2010.
18. Georgi J.G. *Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1.* St. Petersburg: C.W. Müller, 1776. XII, 530 S., 95 Taf.
19. Thieme Ulrich und Becker Felix. *Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. 29: Rosa – Scheffauer.* Leipzig: Verlag von E.A. Seemann, 1935. 600 S.

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, Saint-Petersburg (antsalmin@mail.ru).

Формат цитирования: Салмин А.К. Вклад И.Г. Георги в изучение традиций чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 146–152.

УДК [94(470)"192":347.63]:340.130.53
ББК ТЗ(2)613-284.1к1

И.Ю. СЕМЕНОВА

ОХРАНА ДЕТСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ)

Ключевые слова: охрана детства в советском государстве, охрана материнства в советском государстве, внебрачные дети, амнистия незаконнорожденности, советские законодательные акты по охране и защите детей.

Статья посвящена вопросам охраны детства в первые годы советской власти, актуальность которых ввиду общественной значимости и государственной охраны и поддержки не вызывает сомнений. Особое внимание автором уделено вопросам улучшения положения незаконнорожденных детей, а также детей, рожденных в недействительных браках; проведен анализ законоположений о личном неимущественном и имущественном состоянии несовершеннолетних, а также оценено предоставление им алиментирования. Затронуты вопросы продольственного обеспечения детей в послереволюционной России; материальной поддержки семей красноармейцев, имеющих детей до 16 лет или неработающую жену с ребенком до 10 лет. Отдельное внимание уделено регулированию советским государством вопросов искусственного прерывания беременности, а также усыновлению брошенных детей. По результатам исследования сделан вывод, что прогрессивная политика советской власти в сфере охраны детства в указанных исторических рамках все же смогла выполнить в полном объеме задачу социального и правового уравнения детей, рожденных в браке, и внебрачных детей; задала ориентиры для дальнейшей демократизации отношений в брачно-семейной сфере.

Вопросы охраны детства в любой исторический период времени вызывают особую озабоченность исследователей в связи с их огромной социальной значимостью как в жизни каждого отдельного человека, так и общества, государства в целом. Так, в трудах отечественных ученых исследуются отдельные направления деятельности государства по защите и охране детства [1, 2, 4, 5, 7, 9, 10, 23], однако в них не проводится детального анализа положений законодательных актов в данной сфере, в связи с чем, по мнению автора, в этом имеется насущная потребность. Исторические уроки основных законоположений в сфере охраны детства в первые годы деятельности Советов отражают идеи советской власти и их прогрессивную направленность в послереволюционной России.

В досоветский период законом «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» от 3 июня 1902 г. [8] было закреплено признание законными детей, рожденных в недействительных браках (признанных таковыми по основаниям нарушения условий вступления в брак либо наличия препятствий к его заключению), а также отменено ограничение на узаконение детей, рожденных в результате прелюбодеяния вступивших в брак родителей ребенка. Данный документ предоставлял родителям свободу выбора в вопросе определения, с кем из них останется рожденный в недействительном браке ребенок. Охранительная функция государства проявлялась в решении данного вопроса опекуном советом в случае недостижения родителями соглашения.

Термин «внебрачные дети» в указанный период охватывал не только детей, рожденных незамужней женщиной, а также детей, рожденных по истечении 306 дней после прекращения брака или признания его недействительным. Закон 1902 г. позволял ребенку присваивать фамилию матери с ее со-

гласия и впервые в истории отечественного государства фамилию отца с его согласия [8]. До указанного исторического события такие дети могли получать лишь прозвища. Это приводило к значительным трудностям на практике, так как до совершеннолетия, влекущего правовые последствия в виде официальной приписки к праву состояния, многие из них вообще не имели ни фамилии, ни отчества. Такое унижительное положение было отменено принятием данного документа, что свидетельствует о политике государства по переоценке института детства в сторону улучшения положения внебрачных детей. Решение кризиса правил незаконнорожденности стало прогрессивным направлением деятельности государства в решении проблем детства.

Нельзя не отметить, что прогрессивная политика законодателя в сфере охраны детства принятием данного документа не разрешила в полном объеме вопросы алиментирования и наследования внебрачных детей. Особенно это проявлялось в вопросах имущественных отношений с отцом. Закон обязывал отца предоставлять содержание внебрачному ребенку только при отсутствии или недостаточности средств у матери ребенка. Законного наследования после смерти отца не существовало; оно появилось у внебрачных детей лишь на наследование после матери [8]. Представляется вполне очевидным, что по факту данная норма-стимул носила скорее формальный характер, так как имущество принадлежало в основном мужчине-супругу. Тем не менее историки-исследователи заявляют об «амнистии незаконнорожденности», что, на наш взгляд, вполне оправданно и свидетельствует о процессах более демократичного отношения государства и общества к детям, рожденным незамужней женщиной. Но указанный документ не смог приравнять в социальном и правовом статусе детей, рожденных в браке, и внебрачных детей.

В первые годы советской власти проводилась целенаправленная политика государства по укреплению институтов семьи и брака, что нашло свое отражение в принятых нормативно-правовых актах. Так, вопросам охраны детства и укреплению семьи был посвящен Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. [11] Указанный документ впервые на законодательном уровне приравнивает внебрачных детей к детям, рожденным в браке, относительно прав и обязанностей родителей к детям, так и детей к родителям. Если отец ребенка незамужней женщины не желает подать с ней совместное заявление о признании отцовства, то у матери ребенка появляется «право доказать отцовство судебным порядком» [11]. Данная норма также свидетельствует о повышенной заботе советского государства об институте детства. В указанный период впервые иницируются подобные судебные процессы.

В Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. [12] советская власть продемонстрировала свободу «для бракоразводных супругов» выбирать фамилию при расторжении брака как для самих супругов, так и для их детей. Ранее в законоположениях фамилия детей определялась фамилией отца, но не матери. Была закреплена и родительская свобода в определении места проживания несовершеннолетних детей; обозначено право разводящихся на определение размера «содержания на пропитание». Нельзя не отметить, что в случае недостаточности средств на содержание было возможно их увеличение, однако указанные вопросы, согласно документу, разрешались «в общеисковом порядке в местном суде независимо от цены иска» [12]. Исследователями справедливо отмечено, что «со-

ветская власть с первых же дней своего существования начала проявлять заботу о детях» [21. С. 98].

Документом, принятым в Советской России, несомненно свидетельствующим о повышенной заботе государства о материнстве и детстве, был Декрет СНК РСФСР «Положение о социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 г. [18], законоположения которого впервые в истории страны ввели правила о выплате пособий по беременности и родам, а также в период кормления грудью. Нормативный акт закрепил «право женщин на сохранение рабочего места и оплачиваемый отпуск по беременности и родам на 112 дней, то есть 8 недель до родов и 8 недель после родов», а также «выплату пособия в размере заработка беременным женщинам, занимающимся физическим трудом, в течение 8 недель, остальным – 6 недель до родов; роженицам, занимающимся физическим трудом, в течение 8 недель, остальным – 6 недель со дня родов; кормящим матерям, занимающимся физическим трудом, в течение 7 месяцев, прочим – в течение 7 1/2 месяцев со дня прекращения выплаты пособий как роженице, при условии, если роженица сама кормит грудью ребенка и при этом ей сокращен рабочий день» [18]. С учетом желаний родившей данный декрет можно было продлить до годовичного срока (вне зависимости от того, живым или мертвым родился ребенок). Указанные нормы свидетельствовали о социальной направленности деятельности Советов, должным образом оценивших роль трудящейся матери. Несмотря на непродолжительность данного отпуска и размеры пособий, все же их введение было серьезным достижением в сфере охраны прав матери и грудного ребенка.

Принятый позднее Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. [13] продолжает проводимую советской властью политику по охране детства и укреплению семьи. В сфере брачного права закон закрепляет только гражданский брак и его материальные условия; церковная форма брака, за исключением зарегистрированных до 20 декабря 1917 г., считается не порождающей правовых последствий. Прогрессивным нововведением, на наш взгляд, направленным на охрану детства, является положение об отмене недействительности брака, если он имел последствием рождение детей или беременность жены. По тексту документа «никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается». Законоположения Кодекса «отцом и матерью ребенка признают лиц, записанных родителями в книге записей рождений» [13]. Указанное утверждение свидетельствует о презумпции установления происхождения детей перед биологическим родством, что на практике имеет огромное социальное значение. Защита детства напрямую закреплена и в норме, позволяющей матери и отцу ребенка заявить свои притязания на детей, включая «право доказывать материнство и отцовство в судебном порядке» [13]. Документ впервые закрепляет «привлечение виновных лиц, выдававших себя за родителей», к уголовному наказанию. Законоположения защищали и зачатых, но еще неродившихся детей как забеременевшей и не состоящей в браке женщины (трехмесячный срок для установления происхождения ребенка от конкретного мужчины), так и для замужней женщины, если зачатый в браке ребенок не является ребенком ее супруга. Закон позволял предполагаемому биологическому отцу «в двухнедельный со дня получения извещения срок возбудить судебный спор против матери о неправильности ее заявления»

[13], что, несомненно, является нормой-гарантией на справедливое установление происхождения детей и выполнение отцовской функции.

Прогрессивно законоположение, согласно которому «дети, родители которых не состоят между собою в зарегистрированном браке, могут именоваться фамилией отца, матери или соединенной их фамилией» [13]. Необычны по своему содержанию родительские возможности, закрепленные в законе, позволяющие «согласиться относительно принадлежности детей, не достигших 14-летнего возраста, к той или иной религии» [13]. Указанное положение отражало проводимую политику советской власти в отношении вероисповедания и веротерпимости. По общему правилу, дети до 14 лет считались «находящимися во вневероисповедном состоянии». В отношении мальчиков родительские права осуществлялись до 18 лет, а девочек до 16 лет [13]. Эти нововведения, несомненно, отражают стимулирующую политику советской власти в сфере охраны детства в первые годы своего существования.

Данный нормативно-правовой акт «обязывает родительские права осуществлять совместно» и закрепляет положение о том, что «родительские права осуществляются исключительно в интересах детей и при неправомерном их осуществлении суду предоставляется право лишить родителей этих прав» [13], что свидетельствует о закреплении норм по охране и защите детства в годы советской власти. Появляется и обязанность заботиться о личности несовершеннолетних детей, их воспитании и подготовке их к полезной деятельности; впервые возлагается на родителей обязанность защиты личных и имущественных прав детей как в органах судебной власти, так и вне суда; регламентирована обязанность «держателю детей при себе и право требовать возврата их от любого лица, удерживающего детей у себя не на основании постановления закона или суда» и иные [13]. Решены вопросы предоставления содержания и алиментирования на всех детей независимо от очередности рождения и процедуры узаконения. Указанные положения заложили основы современного отечественного семейного права и права социального обеспечения, определили на будущее базовые ориентиры государственной политики по охране детства.

«Механизм закрепления прав предполагает обязательность государственных гарантий, решение проблем, связанных с их защитой» [6. С. 5]. Например, нельзя не отметить успешную деятельность государства в первые годы советской власти, напрямую отразившуюся на укреплении института семьи, связанную с «урегулированием борьбы с детской беспризорностью и обеспечением правильного бесперебойного выпуска из детских домов подростков, достигших рабочего возраста, на производство и облегчения выпуска части детей путем передачи их на воспитание в крестьянские семьи» [22. С. 11].

Декретом СНК РСФСР «О бесплатном детском питании» от 17 мая 1919 г. [14] были введено бесплатное продовольственное снабжение несовершеннолетних до 14 лет в виде «пайков на детей независимо от социального положения их родителей». Введение данных мер было обусловлено сложнейшей социально-экономической ситуацией в стране и повышенной заботой государства о детях.

Охранительная функция государства по защите детства в первые годы установления власти Советов была реализована и Декретом СНК РСФСР «Об увеличении денежного пособия семьям красноармейцев» от 27 мая

1919 г. [19], законоположения которого проявились в установлении дополнительных денежных выплат в размере 300 руб. нуждающимся семьям красноармейцев, призванным и добровольно вступившим в ряды Красной Армии (иждивенцы – жена при ребенке до 10 лет, наличие детей до 16 лет); Постановлением СТО РСФСР от 21 августа 1919 г. «Об обеспечении продовольствием семейств красноармейцев», дающим «право на дополнительный продовольственный паек по продовольственным карточкам “Красной Звезды” семьям красноармейцев, находящимся как в действующей армии, так и в тыловых частях» [20].

Постановление Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 16 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин» [17] позволило женщинам бесплатно в специальных лечебных учреждениях делать медицинские аборт. Это нововведение, несомненно, позволяло сохранять здоровье женщины, так как при нелегальных подпольных абортах причинялся серьезный вред ее здоровью, вплоть до летальных исходов (по некоторым историческим справкам в 1914–1915 гг. было проведено более 400 тысяч нелегальных аборт, многие из которых завершились смертью женщины). Религиозные постулаты запрещали прерывать беременность (в XVII в. за данное деяние существовало наказание в виде смертной казни, отмененное лишь при Петре I; позднее – для женщины – наказание в виде помещения в «исправительный дом», для врачей – тюремный срок), но на практике, к сожалению, женщины нередко прибегали к криминальным абортам. Указанный запрет, закрепленный в Постановлении ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», просуществовал вплоть до 1936 г. [15], затем аборт снова были введены в медицинскую практику Указом Президиума Верховного Совета ССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения аборт» [3] и существуют по сегодняшний день.

По Кодексу законов о браке, семье и опеке РСФСР (КЗоБСО) 1926 г. [16] фактические брачные отношения (простое сожительство мужчины и женщины без оформления должным образом брачных отношений) стали приравниваться к зарегистрированному в компетентных органах браку. Однако документ определял основания «фактической обстановки жизни», в число которых входило и требование «совместного воспитания детей». Указанные законоположения положительным образом отразились на личных и имущественных правах детей, родившихся в таких отношениях, так как не требовалось процедуры их подтверждения путем узаконения («дети, родители которых не состоят в браке, пользуются одинаковыми правами с детьми, родившимися от лиц, состоящих в браке») [16]. Документ закреплял порядок предоставления содержания «нуждавшимся несовершеннолетним братьям и сестрам», а не только членам семьи первой алиментной очереди. Но в тексте закона закреплена взаимная алиментная обязанность совершеннолетних детей в отношении нуждающихся в помощи нетрудоспособных родителей. Положения КЗоБСО, закрепляющие, что «все мероприятия в отношении детей принимаются обоими родителями совместно» [16], заложило основу дальнейших дет-

ско-родительских правоотношений в рамках отечественного семейного законодательства.

К несомненным достоинствам кодифицированного законодательного акта следует отнести возрождение действия института усыновления, что было важно в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Указанные нормы частично снижали бремя государственного содержания детей, оставшихся без попечения родителей. Документ приравнивал отношения между усыновителями и усыновленными к родству по происхождению. Очень прогрессивно законоположение КЗоБСО РСФСР, установившее законодательное требование – «родители обязаны заботиться о несовершеннолетних детях, в частности об их воспитании и подготовке к общественно полезной деятельности», а также возложение «защиты личных и имущественных прав детей на их родителей, включая вопросы представительства в судах и иных учреждениях» [16].

Нельзя не отметить и законоположения, ярко выражающие заботу советской власти о детях: впервые была закреплена возможность по решению суда отбирать детей у родителей и передавать их органам опеки и попечительства в случае жесткого обращения с детьми, ненадлежащего и «неправомерного осуществления родительских прав и обязанностей» [16]. Архивные данные свидетельствуют, что подобные судебные процессы были инициированы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что принятые в первые годы советской власти законодательные акты в сфере охраны детства отличались прогрессивной направленностью, достаточной продуманностью и способствовали демократизации отношений в сфере семьи, брака, защиты материнства и детства.

Литература

1. *Афанасова Е.Н.* История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920 – 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 228 с.
2. *Бендер Е.А.* Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920 – 1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 187 с.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.
4. *Гедько М.И.* Государственная социальная политика в отношении детей: Опыт и уроки 1920-х гг. На материалах Москвы и Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 201 с.
5. *Егорькова И.А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918 – 1935-х гг.: по материалам Нижегородского края: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2011. 272 с.
6. *Иванова Е.В., Денисов М.С., Салицева О.В., Семенова И.Ю.* К вопросу о правовых стимулах и ограничениях в сфере охраны материнства и детства в современной России // *Здравоохранение Чувашии*. 2017. № 1(50). С. 5–11.
7. *Колганова Е.В.* Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 284 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. 1902. Т. XXII. С. 492–495.
9. *Саксельцев Г.И.* Эволюция крестьянской семьи в российской истории конца XVII – XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 310 с.
10. *Семина Н.В.* Борьба с детской беспризорностью в 1920 – 1940-е гг. в России (на примере Пензенского района): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 283 с.
11. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.
12. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
13. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.
14. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 20. Ст. 238.
15. Собрание законодательства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
16. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
17. Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 90. Ст. 471.

18. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.
19. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 21. Ст. 262.
20. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 42. Ст. 403.
21. Минеева Е.К., Морозов В.А., Янцева А.С. Пути преодоления детской беспризорности в советской России в 1920 – 1930-е гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2012. № 2(74). С. 97–101.
22. Минеева Е.К., Дмитриев А.Е. Цивильский детский городок имени В.И. Ленина как неформальный центр системы детских учреждений опеки в Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 9–13.
23. Трефилова М.Н. Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013. 215 с.

СЕМЕНОВА ИННА ЮРЬЕВНА – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iysemenova@mail.ru).

I. SEMENOVA

CHILD CARE IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER (ON MATERIALS OF LEGISLATIVE ACTS)

Key words: *child care in the Soviet state, protection of motherhood in the Soviet state, illegitimate children, amnesty of illegitimacy, Soviet legislative acts on safeguarding and protection of children.*

The article is devoted to the issues of child care in the first years of the Soviet power, the relevance of the problem in view of its public importance and state protection and support does not raise doubts. The author pays special attention to the issues of improving the situation of illegitimate children as well as children born in invalid marriages; the author carried out the analysis of statutes about minors' personal non-property and property condition as well as assessed their provision with alimony payments. The issues of food supply for children in post-revolutionary Russia are discussed as well as the issues of material supporting families of the Red Army soldiers having children younger than 16 years or an unemployed wife with the child aged younger than 10 years. Special attention is paid to the Soviet state's regulation of issues concerning abortion as well as to adoption of abandoned children. By results of a research the conclusion is drawn that progressive policy of the Soviet power in the sphere of child care in the specified historical framework nevertheless managed to carry out at large the task of social and legal equation of the children born in marriage and illegitimate children; it set reference points for further democratization of relations in the matrimonial sphere.

References

1. Afanasova E.N. *Istoriya detskoj besprizornosti v Irkutskoj oblasti i Krasnoyarskom krae v 1920 – 1930-kh gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of child homelessness in the Irkutsk region and Krasnoyarsk region in the 1920s – 1930s. Doct. Diss.]. Irkutsk, 2007, 228 p.
2. Bender E.A. *Bor'ba s besprizornost'yu i beznadzornost'yu nesovershennoletnikh v RSFSR v 1920–1930-e gg. (na materialakh Leningrada i Leningradskoi oblasti): dis. ... kand. ist. Nauk* [Fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920s – 1930s based on the materials of Leningrad and Leningrad region. Doct. Diss.]. Saint-Petersburg, 2015, 187 p.
3. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1955, no. 22, article 425.
4. Ged'ko M.I. *Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v otnoshenii detei: Opyt i uroki 1920-kh godov. Na materialakh Moskvy i Moskovsko igubernii: dis. ... kand. ist. nauk* [State social policy for children: experiences and lessons from the 1920s. On materials of Moscow and Moscow province. Doct. Diss.]. Moscow, 1999, 201 p.
5. Egor'kova I.A. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu i beznadzornost'yu v 1918–1935 gg.: po materialam Nizhegorodskog okraya: dis. ... kand. ist. nauk* [Fight against child homelessness and neglect in 1918–1935: based on the materials of the Nizhny Novgorod region. Doct. Diss.]. Vladimir, 2011, 272 p.
6. Ivanova E.V., Denisov M.S., Salitseva O.V., Semenova I.Yu. *K voprosu o pravovykh stimulakh i ogranicheniyakh v sfere okhran ymaterinstva i detstva v sovremennoi Rossii* [On the issue of legal in-

centives and restrictions in the field of protection of motherhood and childhood in modern Russia]. *Zdravookhranenie Chuvashii*, 2017, no. 1(50), pp. 5–11.

7. Kolganova E.V. *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX – nachale XX: dis. ... kand. ist. nauk* [The origin of the system of protection of motherhood and infancy in Russia in the late 19th – early 20th centuries. Doct. Diss.]. Moscow, 2012, 284 p.

8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3], 1902, vol. XXII, pp. 492–495.

9. Saksel'tsev G.I. *Evolutsiya krest'yanskoj sem'i v rossiiskoi istorii kontsa XVII–XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of peasant family in the Russian history of the late 17th – 20th centuries. Doct. Diss.]. Tomsk, 2013, 310 p.

10. Semina N.V. *Bor'ba s detskoj besprizornost'ju v 1920–1940-e gg. v Rossii (na primere Penzenskogo rajona): dis. ... kand. ist. nauk* [Fight against child homelessness in the 1920s–1940s in Russia on the example of the Penza region. Doct. Diss.]. Penza, 2007, 283 p.

11. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1917, no. 11, Article 160.

12. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1917, no. 10, Article 152.

13. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1918, no. 76–77, Article 818.

14. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 20, Article 238.

15. *Sobranie zakonodatel'stva SSSR* [Collection of USSR legislation], 1936, no. 34, Article 309.

16. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1926, no. 82, Article 612.

17. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1920, no. 90, Article 471.

18. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1918, no. 89, Article 906.

19. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 21, Article 262.

20. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1919, no. 42, Article 403.

21. Mineeva E.K., Morozov V.A., Yantseva A.S. *Puti preodoleniya detskoj besprizornosti v sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gody* [Ways to overcome child neglect in Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 2(74), pp. 97–101.

22. Mineeva E.K., Dmitriev A.E. *Tsivil'skii detskii gorodok imeni V.I. Lenina kak neformal'nyit sentr sistemy detskikh uchrezhdenii opeki v Chuvashskoi ASSR* [Tsivilsky children's town named after Lenin as an informal center of the system of child care institutions in the Chuvash ASSR]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 9–13.

23. Trefilova M.N. *Transformatsiya brachno-semeinykh otnoshenij zhitelei gorodov Verkhnei Volgi v kontse 1890-kh – 1927 g.: dis. ... kand. ist. nauk* [Transformation of marriage and family relations of residents of the Upper Volga in the late 1890s – 1927. Doct. Diss.]. Ivanovo, 2013, 215 p.

SEMENOVA INNA – Senior Lecturer of Civil Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iysemenova@mail.ru).

Формат цитирования: Семенова И.Ю. Охрана детства в первые годы советской власти (на материалах законодательных актов) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 153–160.

УДК 94(470.344)«1914/1918»-054.65
ББК 83.3(2Рос.Чув)534,7

Т.С. СЕРГЕЕВ

РАЗМЕЩЕНИЕ И ТРУДОУСТРОЙСТВО В ЧУВАШИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, контингент, размещение, расквартирование, трудоустройство, снабжение, присмотр, лечение, Чувашия, Чебоксарский, Цивильский, Ядринский уезды Казанской губернии, Алатырский уезд Симбирской губернии.

В статье предпринята попытка в обобщенном виде представить картину размещения и трудоустройства военнопленных Первой мировой войны на территории нынешней Чувашской Республики, куда в дореволюционный период входили Чебоксарский, Цивильский и Ядринский районы с преимущественно чувашским населением и Алатырский уезд Симбирской губернии с русским населением. Статья подготовлена с использованием опубликованной литературы, посвященной столетию окончания Первой мировой войны. Важное место среди источников занимало юбилейное издание, приуроченное к 100-летию начала события всемирного масштаба – «Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики)», составленное кандидатом исторических наук Ф. Н. Козловыми и изданное в 2014 г. в Чебоксарах. В нем приведены 570 документов за 1914–1921 гг., свидетельствующие о присутствии на территории Чувашского края военнопленных из армий Австро-Венгрии и Германии, количественные и качественные характеристики, размещение и быт, особенности отношения властей и местного населения к военнопленным различных национальностей, сфера применения их труда и другие вопросы. Из этого комплекса источников мы выбрали то, что касается размещения и трудоустройства этой категории населения военного периода. Материал статьи может быть использован в учебном процессе в школах и вузах в плане воспитания у учащихся чувства гуманизма по отношению к беженцам и военнопленным.

В конце минувшего года человечество отметило столетие со дня окончания Первой мировой войны, глобального разрушительного процесса, в который были втянуты 38 государств. Продолжительная изнурительная война вызвала небывалую концентрацию экономических, военных, людских ресурсов. Центральным блоком (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) и Антантой (Великобритания, Франция, Россия и др. – всего 33 страны) под ружье было поставлено, соответственно, 25 и 49 млн военнослужащих [8. С. 143]. В России в первый год войны было мобилизовано 6,5 млн человек, к концу войны число мобилизованных достигло 18 млн [11]. На нужды бессмысленной всеобщей кровавой бойни была затрачена треть материальных богатств мира.

Массовое использование стрелкового оружия, пулеметов, минометов, танков, самолетов, военных кораблей, шрапнельной артиллерии, отравляющих веществ приводило к колоссальным потерям: 10 млн убитых и 60 млн раненых и искалеченных. За 3,5 года мировой бойни Россия потеряла убитыми 774 тыс., увечными – 348 тыс., пленными – 3,3 млн, ранеными и контуженными – более 3 млн человек [11]. Военные действия на чужих территориях привели к перемещению людских потоков в виде беженцев и военнопленных. На территории России к началу 1917 г. оказались 2,8 млн беженцев и 2,2 млн военнопленных. Среди последних были 500 тыс. венгров (мадьяров), 450 тыс. австрийцев, 250 тыс. чехов и словаков, 200 тыс. югославов, 190 тыс. немцев, 120 тыс. румын и т.д. В 400 специальных лагерях содержалось до 2 млн человек пленников [4. С. 93]. Это налагало на местные власти много новых дополнительных забот.

В результате многократных мобилизаций на фронте оказался каждый второй трудоспособный мужчина центральных районов России. Из Чувашии было мобилизовано около 100 тыс. человек, из которых половина участвовала в боевых действиях на фронте [8. С. 143]. На смену мужчинам на производстве пришли женщины, подростки, старики. Рабочих рук не хватало как в городах, так и в сельской местности (и в крестьянских, и в помещичьих хозяйствах). Произошло удорожание труда наемных рабочих. Дефицит рабочей силы возмещался за счет труда беженцев и военнопленных, которых было много в тыловых районах, в том числе и на территории Чувашии, в состав которой тогда входили Чебоксарский, Цивильский, Ядринский уезды Казанской губернии и Алатырский, Курмышский уезды Симбирской губернии.

Некоторые сведения о размещении военнопленных и использовании их труда в уездах, входивших в современную Чувашию, можно найти в монографии Р.И. Еруслановой [2], в автореферате кандидатской диссертации И.Б. Ниманова [5], в статьях И.И. Целовальниковой [11], Ф.Н. Козлова [3]), в наших публикациях [8–10]. Настоящая статья является первой попыткой представить названную тему в обобщенном виде. Попутно заметим, что в связи с отмечавшимся в 2018 г. «Годом волонтера» приводимые в статье примеры гуманного отношения жителей Чувашии к беженцам и военнопленным могут быть использованы как методический материал при работе с учащимися на занятиях по истории Первой мировой войны и других масштабных международных конфликтов.

В качестве источников были использованы выявленные автором документы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), а также опубликованные источники из подготвленного коллективом ГИА ЧР издания: «Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы государственного исторического архива Чувашской Республики)» (сост. Ф.Н. Козлов; редкол.: Г.В. Ертмакова, А.Н. Абдюшов, И.Н. Евграфова, Е.К. Минеева, Т.С. Сергеев, Л.А. Таймасов. Чебоксары: «Новое Время», 2014. 520 с.). Следовательно, автор этих строк как член редколлегии был знаком с приведенными в сборнике документами. В выявленных кандидатом исторических наук Ф. Н. Козловым документах имеются сведения о количестве, размещении и быте военнопленных на территории Чувашии, сфере применения их труда, об отношениях местных властей и населения к военнопленным разных национальностей, разного статуса по службе, состояния здоровья и т.д.

Военные действия на Восточном фронте Первой мировой войны, особенно в Прибалтике и Галиции, привели к массовому перемещению населения прифронтовых регионов, которые большими партиями перемещались в тыловые районы, минуя по железной дороге Чувашию или задерживаясь на ее территории. Первые беженцы появились в нашем крае в конце 1914 г., когда в Чебоксарском, Цивильском и Ядринском уездах Казанской губернии их насчитывалось 4564 человека. К августу 1916 г. по 8 уездам, вошедшим полностью или частично в состав современной Чувашии (Чебоксарский, Цивильский, Ядринский, Тетюшский, Козьмодемьянский уезды Казанской губернии, Алатырский, Буинский, Курмышский уезды Симбирской губернии), насчитывалось 23 185 беженцев, из которых каждый четвертый был трудоустроен в сельском хозяйстве, в помещичьих или частных хозяйствах [2. С. 146].

Большая нагрузка выпала на губернские и уездные распорядительные комитеты, которые занимались расчетом и выделением средств на наем, по-

стройку, ремонт для местных и квартирующих войск, беженцев, военнопленных, обеспечением их материалами отопления, освещения и прочего повседневного обихода, ремонтом дорог и переправ через реки, почтовых станций и т.д. [6. С. 421].

В январе 1915 г. в г. Чебоксары прибыли первые 5 офицеров и 64 рядовых из числа военнопленных. К ним в марте присоединились еще 200, в мае – 170 человек [3. С. 99]. Значительно раньше, еще 21 ноября 1914 г., постановлением Чебоксарского распорядительного комитета было решено помимо выделения свободных зданий под госпитали на 400 мест, предусматривалось выискать еще 100 мест для размещения 70 человек на нижнем этаже казенного здания на Соборной горе, где до этого размещалось казначейство, и 30 человек в здании уездной тюрьмы. На территории уезда такая возможность была также у помещика С.Т. Забродина, владельца двухэтажного каменного дома около ст. Тюрлема, в 85 верстах от Чебоксар [6. С. 25]. 12 января 1915 г. Чебоксары прибыли 5 офицеров, которые были размещены в доме Антонова, и 64 пленных нижних чинов, которые в казарменном порядке были помещены в казенном доме на Соборной горе [6. С. 40].

Большие партии военнопленных прибывали железнодорожным путем в г. Алатырь. По состоянию на 30 октября 1915 г. 60 офицеров были размещены в частных домах Десницкого и Шибаяева, нижние чины – в домах Шувалова (120 человек), Герасимова (217), Россохина (180), Бимаева (111), Майорова (30), в уездном училище (271), всего 1240 человек. Алатырский уездный распорядительный комитет просил городскую управу впредь прекратить присылку в Алатырь пленных и переправить часть военнопленных в какой-либо другой город [6, С. 124–125]. Через г. Алатырь, ставший транзитным, за годы войны прошло до 5 тыс. военнопленных [3. С. 99].

Губернаторы ждали от уездных властей принятия срочных и действенных мер по размещению военнопленных. Казанский губернатор в своей циркулярной телеграмме от 13 марта 1915 г. требовал указать «максимальное количество могущих разместиться казарменным порядком военнопленных». Цивильский уездный исправник в ответной телеграмме от 16 марта указал следующие населенные пункты: г. Цивильск – 200 человек (в том числе в доме Зарубина – 50, Никитина – 50, Башмаковой – 40, Михайлова – 30, Березина – 30), с. Шихазаны – 150, с. Иваново (дом Курбатова) – 100, с. Тобурданово – 100, с. Кошелеи – 100, с. Можарки – 100 [6, С. 431]. В дальнейшем эти объекты и цифры уточнялись. Решением Цивильского распорядительного комитета от 31 марта был сначала намечен дом Плотниковой, затем, по предложению председателя управы А.И. Абалымова, – здание земской управы, где заодно был оборудован приемный покой для больных военнопленных [6. С. 56, 73]. Как видно из документов архива, еще 24 ноября 1914 г. было постановление Цивильского распорядительного комитета о выделении 265 мест для прибывающих военнопленных, в том числе в доме Зарубина (50 человек), в доме Салмина (75), в доме Курбатова (40) и его доме в с. Иваново (100). При этом возникали спорные проблемы насчет размеров оплаты за отопление, освещение, варки пищи и хлебопечения [6, С. 32]. Известно, что вскоре, 30 декабря 1914 г., из г. Пенза в Цивильск прибыли 111 военнопленных [6, С. 33]. 7 января 1915 г. из Казани прибыли сюда 119 нижних чинов, в том числе 28 румын и 82 славянина [6, С. 38]. Их стали расселять в деревнях Иваново, Тувси, Кушары, где крестьяне предоставляли

квартиры даже даром, но без довольствия [6. С. 38]. Прибывшие в Цивильск город 5 офицеров были размещены в доме Моренсильцева [6. С. 39]. С учетом того, что в Казанскую губернию планировалось переправить 5 000 военнопленных, Цивильский уездный распорядительный комитет решением от 19 февраля 1915 г. наметил расквартировать в доме Березина 50 человек и 30 – в доме Никитина [6. С. 55]. На телеграфный запрос Главноуправляющего Казанской губернии П.М. Боярского от 13 марта 1915 г. Цивильский уездный исправник И.Н. Филантропов отвечал, что можно подыскать места для расквартирования еще 655 человек военнопленных [6. С. 67].

Первая партия пленных прибыла в Ядрин из г. Пенза в количестве 82 человек 23 октября, вторая, в составе 15 человек, из Ардатова 9 ноября, третья в 75 человек из Сарапула 13 декабря 1915 г. Большинство из них было размещено в доме Алексея Цыганова [6, С. 122, 134, 211]. В телеграмме от 31 декабря 1914 г. размещенные в г. Ядрине поляки в числе 36 человек писали в Варшаву, что они проживают в частных домах, но страдают от холода и голода [6. С. 33].

Расквартирование военнопленных возлагалось на губернские распорядительные комитеты с условием, чтобы все расходы на квартирное содержание (наемная плата за квартиру, отопление и освещение ее, дрова на варку пищи и печение хлеба) не превышали 7 руб. 50 коп. в год на человека в уезде и 8 руб. 50 коп. в городе [6. С. 30]. Это было больше, чем отводилось беженцу – 2 руб. в городе и 1 руб. 20 коп. в сельской местности [1. Л. 78]. Сравнительно больше средств выделялось и на лечение военнопленного [1. Л. 145].

Нижние чины размещались в казенных и общественных зданиях и строениях, чаще всего в специально построенных для них казармах или в частных домах с условием возмещения их расходов на постой за счет казенных средств. Военнопленные ставились на провиантское, приварочное, чайное, мыльное довольствие [6. Л. 200]. Документы Гаагских международных конвенций 1899 и 1907 гг., а также «Положение о военнопленных» от 7 октября 1914 г. гласили, что «с военнопленными, как законными защитниками своего Отечества, надлежит обращаться человеколюбиво». Тем не менее отношение к представителям этого контингента со стороны российских властей и местных жителей было разным в зависимости от социального статуса (нижний чин или офицер), национальной принадлежности (славянской или австро-германской), физического состояния (здоровый, больной, инвалид), вероисповедания (относительной свободой передвижения и действий пользовались католические священники из славян) военнопленного, который должен был оправдать свое существование на чужбине физическим трудом в народном хозяйстве России. Офицеры могли не работать и даже продолжали получать жалованье, вели более свободный образ жизни. Отношение в славянам относительно условий труда и снабжения одеждой и питанием было более предпочтительнее, чем к немцам, австрийцам, венграм и туркам. Больные имели одинаковое с местными жителями право на лечение в медицинских учреждениях. Инвалиды после освидетельствования освобождались от работы при потере одной или нескольких конечностей, заболевании позвоночника, спинного мозга, ранении грудной клетки или брюшной полости с тяжелыми последствиями, потере зрения, параличе, туберкулезе, стойкой инвалидности при внутренних заболеваниях [6. С. 72, 329–330].

Все здоровые военнопленные нижних чинов обязаны были отработать свое пребывание и государственное содержание в тылу. Количество военно-

пленных, занятых в экономике России, составляло 1,5 млн человек [4. С. 95]. Определенный вклад внесли они и в народное хозяйство уездов Чувашского края. Вопросы направления пленных на работы регламентировались различными нормативно-правовыми актами. Так, 10 октября 1914 г. были утверждены «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами», 28 февраля 1915 г. – «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», 17 марта 1915 г. – «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», 22 апреля 1915 г. существовавшие «Правила» были дополнены разрешением распределения военнопленных и на лесные, гидротехнические, мелiorативные и прочие работы под непосредственным контролем Главного управления землеустройства и земледелия [6. С. 449].

В Циркуляре Главного управления по делам местного хозяйства Казанскому губернатору «О возможном принудительном привлечении военнопленных к бесплатному труду на казенных и общественных работах» от 13 октября 1914 г. напоминалось, что «военнопленные нижние воинские чины могут быть представлены в распоряжение земских учреждений лишь при производстве дорожно-строительных и иных земляных, мостильных и т.п. работ, не требующих особых специальных познаний и подготовки». Военнопленные размещались в бараках или землянках, при отсутствии помещений казарменного типа – в частных домах, питались из общего котла наряду с нижними чинами русской армии. На работу выходили партиями до ста и более человек. В период работы пленные находились в распоряжении уездного исправника и станового пристава. Надзор над рабочими осуществляли вооруженные десятники и сторожа, иногда в дополнение к ним – командированные из округа ополченцы. Все расходы, связанные с содержанием военнопленных и использованием их рабочей силы, оплачивались из средств Государственного казначейства, причем за расходы по организации надзора за военнопленными отвечали губернские власти, а за расходы по содержанию военнопленных, снабжению их помещением, одеждой, пищей – земские и городские управы. В ходатайстве на использование труда военнопленных земские и городские власти должны были указать: помещение, место работы, ее характер, требуемое число рабочих, продолжительность работы, ответственное лицо по приемке результатов труда, количество караульщиков и т. д. [6. С. 22–24].

Таким образом, военнопленных привлекали на работу в промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, на лесозаготовках, строительных работах, в благоустройстве городов, сравнительно реже – в качестве обслуживающего медицинского персонала в приемных покоях для самих военнопленных. По состоянию на 1 сентября 1915 г. в Кирском лесничестве было занято 50 мадьяр и хорватов, проживавших в пятистенном бараке в 8 верстах от д. Большие Абакасы под охраной полицейского стражника и двух лесников [5. С. 108]. 9 сентября 1915 г. в Шихранское лесничество прибыла партия военнопленных чешской национальности, устроившаяся на жилье в д. Малые Бикшихи в доме крестьянина Тимофея Васильева [6. С. 110]. 28 января 1915 г. из Казани на лесные разработки прибыли 212 военнопленных (200 германских и 12 – австрийских подданных, в том числе 4 румына, 3 словака, 2 хорвата, чех, поляк, русин), из которых 100 (58 немцев и 42 мадьяра) оставлены в Кирском лесничестве и 112 – переданы в Норусовское лесничество. Для последних был перевезен барак из соседнего квартала. Охрана со-

стояла из двух стражников, объездчика и лесника [6. С. 193–194, 198]. 11 марта 1916 г. в село Тобурданово для работы в Шихранском лесничестве прибыли 42 пленных австрийца, которые были размещены в просторных домах крестьян Марка Каршева и Ивана Филиппова [5. С. 221].

По состоянию на 31 сентября 1916 г. в народном хозяйстве Цивильского уезда было занято 613 военнопленных, которые распределялись по различным объектам (см. табл. 1). [6. С. 283]. По таблице видно, что буквально за неделю резко выросло число занятых на лесоразработках.

Таблица 1

**Распределение военнопленных по объектам работы
в Цивильском уезде в конце 1916 г.**

Местонахождение военнопленных	На 24.10.1916 г.	На 01.11.1916 г.
В распоряжении земств на строительстве военных барачков при станции Шихраны	38	38
При мастерских Татианинского комитета в г. Цивильск	8	8
В мастерских губернского земства в с. Шихазаны	10	10
В Шихазанском лесничестве	165	264
В Шихранском лесничестве	42	141
В Яншиховском лесничестве	43	142
На мебельной фабрике Курбатова при ст. Урмары	10	10
Всего	316	613

По состоянию на 29 декабря 1916 г. в Кирском лесничестве было занято 228, в Норусовском – 272 военнопленных, преимущественно немцы (72 и 128 человек, соответственно) и мадьяры (105 и 93 человека, соответственно) [6. С. 293].

21 июня 1915 г. Чебоксарское уездное земство получило разрешение взять из числа военнопленных 200 человек на строительные работы [6. С. 97]. Письмом от 3 апреля 1915 г. Чебоксарская уездная земская управа просила у Чебоксарского уездного воинского начальника отпустить 30 человек военнопленных «на работы для очистки реки Волги напротив управы, набережной, уборки земского двора, пилки дров и прочее» [6. С. 75]. Как видно из сообщения Чебоксарской городской управы Казанскому губернатору П.М. Боярскому от 17 июня 1915 г., военнопленные в течение апреля и мая подбирали булыжники, подметали городские площади, рыли и исправляли канавы, засыпали дорогу на берегу Волги [6. С. 96]. Как видно из сведений, представленных Чебоксарской городской управой в Казанское губернское правление от 12 августа 1915 г., в июле 1915 г. по благоустройству города было отработано около 900 поденщин (человеко-дней. – Т.С.), (см. табл. 2) [6. С. 105]. Тем не менее Чебоксарская уездная земская управа в письме Чебоксарскому уездному воинскому начальнику от 29 января 1916 г. для проведения общественных работ в городе просила увеличить число военнопленных с 26 до 50 человек [6. С. 183].

Из рапорта Цивильского уездного исправника от 1 июня 1916 г. выходило, что, если не считать занятых в сельском хозяйстве военнопленных, из числившихся в г. Цивильск 172 военнопленных 116 работали в Шихранском лесничестве, 47 – в уездном земстве, в распоряжении уездного земского начальника [6. С. 245].

Пленные военнослужащие нередко заполняли рабочие места, занятые ранее местными жителями, в частности крестьянами близлежащих деревень. Так, в Чебоксарской земской кузнечно-слесарной учебной мастерской, полу-

чившей весной 1915 г. срочный военный заказ на изготовление большого количества артиллерийских шрапнельных ящиков, в качестве кузнецов, столяров, слесарей, плотников трудились местные крестьяне, которые по причине наступления весенних полевых работ намеревались уйти с данной работы. Согласно обращению Чебоксарской уездной земской управы к Главноуправляющему Казанской губернии П.М. Боярскому от 28 апреля 1915 г., на их место были запрошены 2 кузнеца, 5 слесарей, 10 столяров, 10 плотников из числа пленных австрийцев, находившихся в то время в Казани [6. С. 83–84]. Через некоторое время, когда 25–30 рабочих явно не справлялись с растущими заказами с фронта, Чебоксарская уездная земская управа письмом от 15 января 1916 г. вновь обратилась в штаб Казанского военного округа с просьбой прислать для работы в Чебоксарской земской учебно-показательной мастерской из уездного центра 25–40 военнопленных специалистов [6. С. 170]. Когда из-за отсутствия рабочих рук приостановилось больничное строительство Чебоксарского уездного земства, уже накопившего необходимый строительный материал, который портился из-за плохих условий хранения, 27 мая 1915 г. было оформлено прошение на имя П. М. Боярского с просьбой прислать 200 человек, в том числе 110 плотников, 24 столяров, 12 печников, 8 кровельщиков, 10 каменщиков, 14 маляров, 22 разнорабочих [6. С. 89].

Таблица 2

**Количество отработанных военнопленными человеко-дней
в г. Чебоксары в июле 1915 г.**

Наименование работ	Число человеко-дней
По выемке бутового камня	518
По подметанию Базарной площади	153
По подборке камня на берегу Волги	74
По ремонту Рождественского моста	64
По устройству тротуара у здания Смешанного училища	34
По устройству большой лестницы на берегу Волги	30
По исправлению забора у городского садика	4
По исправлению пола в здании пожарной команды	4
Итого	881

2 сентября 1916 г. на работу в Шихазановскую учебно-ремесленную мастерскую было направлено 10 военнопленных [6. С. 265–266]. Как видно из рапорта пристава 2-го стана Цивильского уезда Борисова Цивильскому уездному исправнику от 11 сентября 1916 г., из Казани для работы на фабрике Курбатовых прибыли 11 человек нижних чинов [6. С. 268].

Иногда бывали конкретные заказы на специалистов. Так, в ноябре 1915 г. для работы в Ядринских мастерских по пошиву одежды и обуви были приглашены расквартированные в г. Ардатов 10 сапожников и 5 портных из числа военнопленных [6. С. 134, 144]. С разрешения Чебоксарского уездного воинского начальника от 15 декабря 1915 г. в Чебоксарскую земскую племенную конюшню в качестве конюха был допущен военнопленный славянин Тимофей Савчин [6. С. 153, 166].

В редких случаях военнопленные допускались к работе по уходу за ранеными и больными. Так, приказом по Управлению Цивильского уездного воинского начальника от 26 ноября 1915 г. четверо из числа поенных были назначены санитарями в приемный покой [6. С. 143].

Большинство заказов поступало от Департамента государственных и земельных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия, передававших военнопленных в распоряжение земств для сельскохозяйственных работ, а также отдельным помещикам. Согласно решению Особого совещания при Военном министерстве от 15 января 1916 г. все военнопленные, направленные на сельскохозяйственные работы, попадали в распоряжение Министерства земледелия [6. С. 201].

В то же время числившиеся при Управлении Цивильского уездного воинского начальника 11 офицеров Австро-Германской армии на работу не ходили [6. С. 271]. Они лишь отмечались в определенные часы у воинского начальника. Им полагалось прежнее жалованье в соответствии со своим воинским чином, разрешалось проживать в отдельных бараках или частных домах, иметь денщиков, в сопровождении конвоя посещать рынки, получать переводы в пределах 100 руб. Заболевшие офицеры лечились в губернской земской больнице [8. С. 148]. Следовательно, пленные офицеры войск Центрального блока содержались в неплохих условиях.

При разрядке военнопленных нижних чинов на различные виды работ в первое время соблюдался национальный признак. Так, Циркуляр Главного управляющего Казанской губернии П.М. Боярского земским и городским управам Казанской губернии от 18 декабря 1915 г. напоминал, что «военнопленные славяне, находящиеся на сельскохозяйственных работах, подлежат безусловному выделению от немцев и мадьяр как в отношении внутреннего быта, так и по возможности и при распределении их по работам» [6. С. 154–155]. В другом Циркуляре от 22 января 1916 г., дополняющем и уточняющем предыдущий и адресованном уже председателям земских управ, городским головам и городским старостам Казанской губернии, он вновь напоминает, что «военное ведомство ввиду дружественного отношения к России военнопленных славянской национальности во внимание к ходатайству Правления Союза чешско-словацких обществ (создан в марте 1915 г. как «Союз чешских обществ в России», в мае 1915 г. переименован в «Союз чехословацких обществ в России». – Т.С.) находит крайне желательным предоставить военнопленным славянам, находящимся на работах, некоторые льготы по сравнению с военнопленными мадьярами и немцами, а именно: разрешить военнопленным славянам прогулки по воскресным дням, допускать к ним их соотечественников для кратковременных бесед, разрешить чтение, пение, а равно устанавливать другие льготы сообразно с местными условиями по усмотрению Вашего Высокоблагородия» [6. С. 174–175]. О необходимости более внимательного отношения в лицам славянской национальности свидетельствовала и Циркулярная телеграмма начальника Казанской местной бригады генерала-лейтенанта В.В. Запфинова Чебоксарскому уездному воинскому начальнику об обязательном медицинском освидетельствовании снимаемых с работы сербов, хорватов и словенцев [6. С. 204].

Направленные на физическую работы военнопленные проходили обязательный медицинский осмотр перед началом работ, а также после снятия с этой работы [6. С. 224]. С целью предотвращения болезней принимались определенные меры, касающиеся чистоты белья, одежды, пищи, помещений, порядка дезинфекции помещений, улучшения питания [6. С. 177, 224]. Заболевшие военнопленные, независимо от чина, национальности, вероисповедания, места временного проживания, получали медицинскую помощь по общим

для населения правилам и принимались на излечение в ближайших лечебных учреждениях, а в период восстановления здоровья освобождались от работы. Им предоставлялись пища, одежда, обувь, жилье и работа, даже в ущерб интересам местного населения. В случае вспышек инфекционных заболеваний, как это имело место в декабре 1915 г. в Цивильске (20 человек) и в январе-феврале 1916 г. в Ядрине (70 человек), больные помещались на лечение в городской барак. Не исключались смертельные исходы. По неполным сведениям, в течение двух лет (1915–1917) в лесничествах Ядринского уезда и в приемном покое Ядринской больницы умерло 12 военнопленных [3. С. 101].

Случаи отказа от работы или побеги военнопленных по одному или группой усложняли работу стражников и надзирателей. Причинами недовольства могли быть условия труда и быта, недостаточно калорийная пища, отсутствие теплой одежды в зимние морозы, грубое обращение со стороны работодателей и воинского начальства, подстрекательство со стороны «возмутителей спокойствия». Секретный циркуляр Департамента полиции МВД от 5 июня 1915 г. сообщал о существовании преступных организаций, за определенную плату готовивших подложные паспорта и удостоверения для совершающих побеги [3. С. 103]. Приведем несколько примеров попыток отказа от работы и совершения побега. Из рапорта пристава 3-го стана Цивильского уезда уездному исправнику от 30 июня 1916 г. следует, что из работавших в Шихазанском лесничестве военнопленных австрийцев двое были арестованы за отказ от работы, двое – за попытку совершить побег. Через 7-дневное пребывание под арестом их судьбу должен был решать уездный исправник [6. С. 253–254]. Арестованные должны были находиться в волостном правлении или становой квартире и в течение недели питаться лишь хлебом и водой [6. С. 254–255]. 4 июля 1916 г. под усиленным конвоем в г. Цивильск был доставлен австрийский офицер Карл Штепан, бежавший еще 21 мая, и скрывавшийся полтора месяца [6. С. 255]. Постановлением Главноуправляющего Казанской губернии П.М. Боярского от 9 сентября 1916 г. уклонившийся от работ Чебоксарской уездной земской управы военнопленный Австрийской армии Людвиг Козик был арестован на один месяц [6. С. 266–267]. Из донесения лесничего Яншиховского лесничества приставу 1-го стана Цивильского уезда от 17 декабря 1916 г. следовало, что трое военнопленных нижних чинов австрийских подданных немецкой национальности работали кое-как и подбивали коллег к забастовке, дерзили надсмотрщикам [6. С. 290]. Через пятидневное содержание под арестом их перевели на работу в Турмышскую дачу Шихранского лесничества, где под тлетворным влиянием «смутьянов» 20 работавших на производстве брусьев перестали работать. Мало того – они потребовали прибавки к рациону питания по полфунта мяса два раза в день и выдачи сахара [6. С. 292]. 26 декабря 1916 г. на ст. Шихраны были задержаны 8 австрийских подданных, бежавших с лесоразработок. Они были возвращены Цивильскому уездному воинскому начальнику [6. С. 293].

В случае отказа военнообязанных от выполнения работы или угрозы в адрес надсмотрщиков принимались карательные меры. Так, циркуляром казанского губернского комиссара Временного правительства от 25 мая 1917 г. разрешалась отправка нарушителей за уклонение от сельскохозяйственных поручений на рудничные работы. Такие крайние меры относились в основном к зачинщикам [3. С. 106].

Проблемы оплаты работы решались по-разному: от безвозмездного труда до материального стимулирования за «усиленную работу» и перевыполнение плана. В Циркуляре Главноуправляющего Казанской губернии П.М. Боярского земским и городским управам и городским старостам от 17 апреля 1915 г. напоминается о том, что «производимые военнопленными работы оплате вознаграждением не подлежат, однако, не исключается право ведомств и учреждений, в распоряжении коих поступят военнопленные, производить им денежные выдачи в целях поощрения к более усердному труду в размерах, соответствующих производительности труда каждого пленного» [6. С. 82]. Денежная сумма доходила до адресата через уездных воинских начальников [6. С. 9, 181]. Как свидетельствует раздаточная ведомость по оплате труда 6 военнопленным у подрядчика Ивана Шахматова, составленная Чебоксарским уездным воинским начальником подполковником Слюсаренко не позднее 22 января 1916 г., ими было заработано за три дня по 60 коп, из расчета по 20 коп ежедневно. Для сравнения: отечественные ратники за ту же работу получали по 50 коп. в день [6. С. 173, 442]. При выдаче этого поощрения удерживалась 35% в пользу губернии [6. С. 281]. Согласно приказу по Управлению Ядринского уездного воинского начальника по хозяйственной части от 31 января 1917 г., военнопленным мастеровым нижних чинов в поощрение за работы по шитью одежды для раненых было выделено 10 руб. [6. С. 320]. Другим приказом по Управлению Ядринского уездного воинского начальника по хозяйственной части от 15 декабря 1917 г. за усиленную работу военнопленным было выделено 53 руб. [6. С. 391].

Таким образом, размещение и трудоустройство на территории Чувашии военнопленных, как и беженцев, в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. в целом проводились организованно, в соответствии с событиями государственного масштаба и имели целью поддержать народное хозяйство на должном для военного времени уровне. Проживая в глубоком российском тылу, основная масса военнопленных находилась в тяжелом материальном положении, наряду с местным населением Чувашского края испытывала на себе тяготы военного времени. Плохие условия содержания, жестокое обращение со стороны военных и гражданских властей, постоянное ухудшение продовольственного снабжения, отсутствие свободы передвижения, безжалостная эксплуатация, стремление восполнить отток рабочей силы за счет бесплатного труда пленных в народном хозяйстве вынуждали их стать на путь социального протеста и революционной борьбы. Не случайно в годы гражданской войны в России бывшие пленные становились по ту или иную сторону – за красных или за белых. После подписания акта капитуляции военным руководством Центрального блока 11 ноября 1918 г. основная масса военнопленных из России вернулась на родину. Некоторые славяне, попавшие в Чехословацкий корпус и дезориентированные белогвардейскими генералами, боролись против советской власти. Принявшие большевистскую власть и ставшие на ее защиту с оружием в руках вошли в историю. Так, в Чебоксарах до сих пор есть улицы, носящие имена Матэ Залка, Юлиуса Фучика, Антонина Яноушека. Бывшие военнопленные германцы и австрийцы, традиционно привыкшие к «орднунгу» (порядку. – Т.С.), оставили о себе добрую память как добросовестные и основательные строители. До сих пор на ул. К. Маркса напротив главного учебного корпуса Чувашской сельскохозяйственной академии стоит построенное австрийцами в западном стиле двух-

этажное каменное здание темно-коричневого цвета. В 1950-х гг., когда автор этих строк был студентом Чувашского пединститута, в нем размещались учебные аудитории, библиотека, столовая этого вуза, сейчас здесь размещается художественная галерея.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 14. Оп. 1. Д. 2080.
2. Ерусланова Р.И. Социальная помощь в Поволжье в годы Первой мировой войны. М.: ТИРУ, 2013. 176 с.
3. Козлов Ф.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров; ЧГИГН. Чебоксары, 2015. С. 99–109.
4. Карелин В.А. Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93–105.
5. Ниманов И.Б. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
6. Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф.Н. Козлов; редкол.: Г.В. Ертмакова, А.Н. Абдюшов, И.Н. Евграфова, Е.К. Минеева, Т.С. Сергеев, Л.А. Таймасов. Чебоксары: Новое Время, 2014. 520 с.
7. Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров; ЧГИГН. Чебоксары, 2015. 244 с.
8. Сергеев Т.С. Обслуживание на территории Чувашии раненых и больных участников Первой мировой войны 1914–1918 годов // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 143–153.
9. Сергеев Т.С. Организация на территории Чувашии ухода за ранеными и больными военнопленными в период Первой мировой войны // Здоровоохранение Чувашии. 2018. № 3. С. 91–95.
10. Сергеев Т.С. Отец, учитель, фронтовик: к 100-летию со дня рождения Сергея Михайловича Михайлова. Чебоксары, 2010. 119 с.
11. Целовальникова И.И. Использование труда военнопленных и беженцев в промышленном и сельскохозяйственном производстве Симбирской губернии в годы первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://vrnbiz.ru/ispolzovanie-truda-voennoplennykh-i-bezhencev-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny> (дата обращения: 26.01.2019).

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (tikhon-sergeev@yandex.ru).

T. SERGEEV

ACCOMMODATION AND EMPLOYMENT OF ENEMY WAR PRISONERS IN THE CHUVASH REPUBLIC IN THE FIRST WORLD WAR

Key words: *World War I, enemy war prisoners, contingent, accommodation, quartering, employment, supply, care, treatment, Chuvashia, Cheboksary, Tsvil'sk, Yadrin uyezds of Kazan governorate, Alatyr'sky uyezd of Simbirsk governorate.*

The article attempts to summarize the picture of accommodation and employment of enemy war prisoners of the First World War in the territory of present-day Chuvash Republic, which included in the pre-revolutionary period Cheboksarsky, Tsvil'sk and Yadrin uyezds with a predominantly Chuvash population and Alatyr uyezd of the Simbirsk governorate with the Russian population. The article was prepared using published literature dedicated to the centenary of the end of the First World War. An important place among the sources is occupied the anniversary edition, dedicated to the 100th anniversary from the start of a worldwide event – “World War I: Austro-Hungarian and German prisoners of war in Chuvashia (documents and materials of the State historical archive of the Chuvash Republic)” compiled by PhD in historical sciences F.N. Kozlov and published in 2014 in Cheboksary. It contains 570 documents dated 1914–1921, which testimony the presence of enemy war pris-

oners from the armies of Austria-Hungary and Germany in the Chuvash Territory, their quantitative and qualitative characteristics, accommodation and daily life, features of the attitude to war prisoners of various nationalities, the scope of their work and other issues. From this complex of sources, we chose those ones which concern accommodation and employment of this category of the population in the military period. The material of the article can be used in the educational process at schools and universities in terms of educating students a sense of humanism in relation to refugees and war prisoners.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki (GIA ChR). Fond 14. Opis 1. Document 2080 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 14. Anagraph 1. Document 2080].
2. Eruslanova R. I. *Sotsialnaya pomoshch v Povolg'e v gody Pervoi mirovoi voiny: monografiya* [Social assistance in the Volga region during the First World War: monograph]. Moscow, TiRu Publ., 2013, 176 p.
3. Kozlov F.N. *Avstro-vengerskiie i germanskiie voennoplennyye v Chuvashii* [Austro-Hungarian and German war prisoners in Chuvashia]. In: Gusarov Yu.V., ed. *Pervaya mirovaya voina v istorii narodov Povolgia: materialy Mezhgregion. nauch.-pract. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «World War I in the history of the peoples of the Volga region»]. Cheboksary, 2015, pp. 99–109.
4. Karelin V.A. *Problema internirovaniya russkikh voennoplennykh Pervoi mirovoi voini* [The problem of internment of Russian prisoners of war of the First World War]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2010, no. 1, pp. 93–105.
5. Nimanov I.B. *Osobennosti i osnovnyie factory soderganiya i khoziaistvennoi deyatel'nosti voennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolg'e: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features and main factors of the content and economic activities of war prisoners in 1914–1917 in the Volga region: Abstract of Doct. Diss.]. Moscow, 2009, 24 p.
6. Ertmakova G.V., Abdyushov A.N., Evgrafova I.N. et al., eds., Kozlov F.N., comp. *Pervaya mirovaya voina: avstro-vengerskiie i germanskiie voennoplennyye v Chuvashii (dokumenti i mayerialy Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Chuvashskoi Respubliki)* [The First World War: Austro-Hungarian and German war prisoners in Chuvashia (documents and materials of the State Historical Archive of the Chuvash Republic)]. Cheboksary, Novoe Vremya Publ., 2014, 520 p.
7. Gusarov Yu.V., ed. *Pervaya mirovaya voina v istorii narodov Povolgia: materialy Mezhgregion. nauch.-pract. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «World War I in the history of the peoples of the Volga region»]. Cheboksary, 2015, 244 p.
8. Sergeev T.S. *Obsluzhivaniie na territorii Chuvashii ranenykh i bolnykh ushastnikov Pervoi mirovoi voini* [Service in the territory of Chuvashia for the wounded and sick participants of the First World War of 1914–1918]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 143–153.
9. Sergeev T.S. *Organizatsiya na territorii Chuvashii ukhoda za ranenymi i bolnymi voennoplennymi v period Pervoi mirovoi voini* [Organization in the territory of Chuvashia care for wounded and sick prisoners of war during the First World War]. *Zdravookhraneniie Chuvashii*, 2018, no. 3, pp. 91–95.
10. Sergeev T.S. *Otets, uchitel, frontovik k 100-letiyu so dnya rojdeniya Sergeya Mikhailovicha Mikhailova* [Father, teacher, front-line soldier: on the 100th anniversary of the birth of Sergei Mikhailovich Mikhailov]. Cheboksary, 2010, 119 p.
11. Tselovalnikova I.I. *Ispolzovaniie truda voennoplennykh i bezentsev v promyshlennom i selskokhoziaistvennom proizvodstve Simbirskoi gubernii v gody pervoi mirovoi voini* [Use of labor of war prisoners and refugees in the industrial and agricultural production of the Simbirsk province during the First World War]. Available at: <http://vrnbiz.ru/ispolzovanie-truda-voennoplennykh-i-bezhencev-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny>.

SERGEEV TIKHON – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian and General History Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (tikhon-sergeev@yandex.ru).

Формат цитирования: Сергеев Т.С. Размещение и трудоустройство в Чувашии военнопленных Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 161–172.

УДК 329(47+57)КПСС"193":327.32+37.018.552(47+57)"193"
ББК Ф76(2),91+4424.771(2)

В.И. СОКОЛОВА, И.В. КАЛЛИН, О.Н. ГАЛОШЕВА

РОЛЬ СЕКРЕТАРИАТА ЦК ВКП(б) В АКТИВИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ МОПР НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРДОМА ИМЕНИ Е.Д. СТАСОВОЙ В 1930-х ГОДАХ*

***Ключевые слова:** Секретариат ЦК ВКП(б), Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Красная Помощь, Интернациональный детский дом имени Е.Д. Стасовой, международная пролетарская солидарность, политзаключенные тюрем, дети-эмигранты, идеология и политика, Коммунистическая партия (большевиков), Коминтерн, общественное движение.*

В статье рассмотрены основные принципы и направления деятельности Коммунистической партии большевиков, Секретариата ЦК ВКП(б) по переустройству Советского государства на новый лад после революции 1917 г., показаны успехи и неудачи в распространении коммунистической идеологии, осуществлении интернациональных связей граждан СССР и зарубежных стран. Целью статьи является изучение роли Секретариата ЦК ВКП(б) в развитии общественного движения, в том числе активизации деятельности Международной организации помощи борцам революции, в связи с чем подробно рассмотрена предыстория создания и функционирования Секретариата ЦК РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС.

Секретариат ЦК был сформирован Центральным Комитетом для руководства текущей работой по организации проверки исполнения решений партии и подбору кадров. Большую роль в налаживании работы сыграли первые штатные сотрудники Секретариата Е.Д. Стасова, Я.М. Свердлов и др. Показано, что в 1930-х гг. усиливалась роль руководящих органов Центрального Комитета партии – Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК в жизни страны. Отмечено, что МОПР (за рубежом Красная Помощь) была создана на IV конгрессе Коммунистического Интернационала в 1922 г. как структура Коминтерна для оказания юридической, моральной и материальной помощи жертвам политических репрессий в разных странах.

На примере функционирования 1-го Интернационального детского дома имени Е.Д. Стасовой (Интердома) в г. Иваново показаны усилия партийного аппарата по пропаганде идей пролетарского интернационализма в международных отношениях. Доказана важность этого вопроса для государства, а также внимания к нему высших органов партии. Отмечено, что первыми воспитанниками Интердома были дети антифашистов из Германии, Греции, Австрии, Болгарии, Венгрии и других стран. Здесь учились дети известных коммунистов из многих стран мира: Мао Цзэдуна, Георгия Димитрова, Юджина Дэнниса, Джу Дэ, Долорес Ибаррури, Луиджи Лонго и др. Показано, что протекавшие в мире процессы вынуждали советское руководство направлять основные силы на решение внутренних задач. В этой ситуации был сформирован новый идеологический постулат – построение социализма в собственной стране. На решение этой важнейшей стратегической задачи направлялись усилия партийно-государственного аппарата и всех граждан страны в целом. Реальные действия по распространению коммунистических идей за рубежом практически не достигали намеченных целей.

В 1917 г. к власти в России пришли большевики. С их приходом в стране утвердилась новая политическая система. Старый государственный аппарат был сломан, на его обломках создавался новый, включающий в себя все сферы жизнедеятельности общества как внутри страны, так и за рубежом. Кардинальные изменения произошли в области внешней политики. Она стала крайне идеологизированной, следовательно, недостаточно прагматичной. В первые годы советской власти государство оказалось в полной международной изоляции. В создавшихся условиях большевики стали активно пропаган-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691 p_a.

дировать идею пролетарского интернационализма в международных отношениях с целью продвижения социалистической революции в мире.

Естественно, генеральную линию в переустройстве государства и общества на новый лад возглавила победившая в нелегкой борьбе с оппозиционными силами Коммунистическая партия большевиков. Первоначально Коммунистическая партия называлась Российской социал-демократической рабочей партией (большевиков) – РСДРП(б). По предложению В.И. Ленина VII партийный съезд в 1918 г. переименовал партию в Российскую Коммунистическую партию (большевиков) – РКП(б). В связи с образованием СССР в 1922 г. XIV съезд партии в 1925 г. переименовал РКП(б) во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков) – ВКП(б). XIX съезд партии в 1952 г. переименовал ВКП(б) в Коммунистическую партию Советского Союза – КПСС [5. С. 268].

Структура партийной организации имела следующую иерархию: Политбюро, Секретариат, Оргбюро, Центральный Комитет и комитеты различного регионального уровня вплоть до парткомов на местах. В связи с тем, что целью данной статьи является изучение роли Секретариата ЦК ВКП(б) в развитии общественного движения в Советском государстве, в том числе активизации деятельности Международной организации помощи борцам революции, необходимо подробно рассмотреть предысторию создания и функционирования Секретариата ЦК РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС.

Секретариат ЦК был организован Центральным Комитетом для руководства текущей работой, главным образом по организации проверки исполнения решений партии и подбору кадров. 28 февраля (13 марта) 1917 г. секретарем Бюро ЦК РСДРП(б) была назначена Елена Дмитриевна Стасова, организационную работу стал вести Яков Михайлович Свердлов. Секретариат ЦК формировался как организационно-технический аппарат ЦК, его функции были определены на заседании ЦК РСДРП(б) 6 августа (19 августа) 1917 г. К этому времени изменилась политическая ситуация в стране. Перед партией была поставлена стратегическая задача – подготовка к вооруженному восстанию, для реализации которой было принято решение создать Оргбюро и Секретариат ЦК. Тогда же в состав Секретариата были избраны Феликс Эдмундович Дзержинский (председатель ВЧК–ГПУ–ОГПУ, председатель ВСНХ СССР), Адольф Абрамович Иоффе (член ВРК, полпред в Берлине, Китае, Австрии), Матвей Константинович Муранов (депутат 4-й Госдумы, член редколлегии «Правды», член Верховного суда СССР), Яков Михайлович Свердлов (председатель ВЦИК), Елена Дмитриевна Стасова (член ВЦИК, ЦИК СССР, Герой Социалистического Труда) [3; 8. С. 356, 502, 844, 1170, 1262].

На пленуме РКП(б), состоявшемся после VII съезда РКП(б), 8 марта 1918 г. был избран Секретариат ЦК РКП(б) в составе Председателя Я.М. Свердлова и Секретаря Е.Д. Стасовой, которые проработали, соответственно, до марта 1919 г. (до дня смерти) и до марта 1920 г. (до перевода на другую работу). Здесь важно отметить, что Я.М. Свердлов и Е.Д. Стасова, обладая исключительной работоспособностью, организаторским талантом и уникальной памятью, внесли большой вклад в развитие начатого дела [3].

По решению VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г. в составе Секретариата была установлена должность Ответственного секретаря, с 1922 г. – Генерального секретаря, в 1933–1966 гг. – Первого секретаря, в 1966 г. – Генерального секретаря ЦК КПСС. В 1919 г. положение о Секретариате было закреплено в Уставе РКП(б). Тогда же структура Секретариата частично была

изменена: созданы отделы, которые отвечали за организацию работы в различных сферах жизнедеятельности государства [5. С. 268].

В 1930-х гг. усиливалась роль руководящих органов Центрального Комитета партии – Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК в жизни страны. По их инициативе были ликвидированы многие общественные организации – Всесоюзная ассоциация инженеров, Российское общество радиоинженеров, любителей российской словесности, истории и древностей российских, старых большевиков, бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, объединявшие также анархистов, меньшевиков, бундовцев, эсеров и др. Причины их упразднения были разными – малочисленность участников, недостаток средств, наличие в рядах так называемых «врагов народа» и др. Власть поощряла и поддерживала те объединения, которые могли быть использованы в интересах государства – комсомол, профсоюзы, МОПР, Осоавиахим, Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, друзей радио, изучения родного края, СВБ (Союз воинствующих безбожников) и др. Деятельность добровольных объединений была поставлена под жесткий контроль партийно-государственного аппарата [8. С. 913].

МОПР (за рубежом называлась Красная Помощь) была создана на IV конгрессе Коммунистического Интернационала (3-го Интернационала) в 1922 г. как структура Коминтерна для оказания юридической моральной и материальной помощи жертвам политических репрессий в разных странах. Будучи формально внепартийной организацией, фактически через нее велась пропаганда коммунистических идей, а нередко под видом помощи политзаключенным передавались деньги на поддержку коммунистического рабочего движения за рубежом. Организатором и вдохновителем МОПР, как и Коминтерна, был СССР, во многих же странах мира организация вообще была запрещена.

Важные материалы о деятельности МОПР в советской стране содержатся в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики. К примеру, ценные сведения можно почерпнуть из письма воспитанников 1-го Интернационального детского дома имени Е.Д. Стасовой «Всем ячейкам МОПР, юным друзьям МОПР, комсомольцам и пионерам Советского Союза», разосланного во все концы страны в августе 1934 г. Детский дом (Интердом) был выстроен на средства, собранные из добровольных пожертвований рабочих Ивановской области и жителей других регионов СССР. Существенный вклад в обустройство школы-интерната внесли также отделения (секции) МОПР Германии, Швейцарии, Дании, Норвегии и некоторых других стран [1. Д. 5. Л. 15–18; 2. Д. 70. Л. 11–13].

«Первый Интернациональный детский дом МОПР СССР имени Е.Д. Стасовой» был первым и единственным в мире детским домом для осиротевших детей борцов-антифашистов. Он располагался в г. Иваново Ивановской области на краю города, на опушке большого соснового бора и назывался по-разному – ИДД (Интернациональный детский дом), ИМШИ – (Ивановская Международная школа-интернат), ИИШИ – (Ивановская Интернациональная школа-интернат им. Е.Д. Стасовой).

Здесь напрашивается вопрос, почему Интердом был назван именем Е.Д. Стасовой. На наш взгляд, здесь уместно привести следующие сведения: во-первых, Елена Дмитриевна Стасова в этот период (с 1927 по 1937 г.) будучи Председателем ИК МОПР (Исполнительного Комитета МОПР), являлась преемницей первых лидеров движения Юлиана Мархлевского (с 1922 по 1925 г.) и

Клары Цеткин (с 1925 по 1927 г.). Именно она возглавила кампанию по строительству интерната; во-вторых, работая с 1917 по 1920 г. в аппарате Секретариата ЦК РСДРП(б) – ЦК РКП(б), а затем с 1921 по 1926 г. в Коминтерне, она близко соприкасалась с проблемами узников политических тюрем и членов семей и способствовала их решению; в-третьих, руководство Советского государства наверняка учитывало заслуги семьи Стасовых, которые внесли значительный вклад в развитие отечественной истории, культуры и искусства, революционного и общественного движения [8. С. 1262].

Дед Елены Дмитриевны Василий Петрович Стасов был известным архитектором, автором Павловских казарм, Преображенского и Троицкого соборов, Нарвских и Московских триумфальных ворот в Санкт-Петербурге, провиантских складов в Москве.

Его дочь Надежда Васильевна Стасова стала активным деятелем русского женского движения, участницей организации воскресных школ, создания Высших женских курсов.

Сын Владимир Васильевич Стасов прославился на весь мир как русский художественный и музыкальный критик, историк искусства. Его имя пользовалось большим авторитетом в обществе, с его мнением считались представители культуры, искусства, образования.

Сын Дмитрий Васильевич Стасов, отец Елены Дмитриевны, известен как общественный деятель, адвокат, один из учредителей Русского музейного общества. Он участвовал в подготовке Судебной реформы 1864 г., выступал защитником в процессах по делу «193-х», Д.В. Каракозова и др. Таким образом, пятеро из семьи Стасовых, включая Елену Дмитриевну, удостоились чести быть внесенными в списки лучших граждан страны, украсивших страницы отечественной энциклопедии [8. С. 1262].

В 1930-е гг. по инициативе ЦК МОПР в Московской области строились: Дом ветеранов революции имени Klары Цеткин, 2-й детский дом для испанских детей, дом для политэмигрантов. В Москве функционировал Интернациональный клуб политэмигрантов имени В.М. Загорского. На возведение и благоустройство названных объектов по всей стране устраивались субботники, заработанные средства отправлялись в Москву, в фонд строительства. На эти же цели, кроме членских взносов, собирали так называемые «мопровские гривенники». Секретариатом ЦК ВКП(б) и ЦК МОПР была поставлена задача – к 18 марта 1935 г. довести численность членов МОПР в СССР до 15 млн человек, численность ЮДМ (Юных друзей МОПР) – до 5 млн человек [1. Д. 5. Л. 15–18; 2. Д. 70. Л. 11–13].

Возвращаясь к теме функционирования Интердома, необходимо отметить, что страна советов стала для осиротевших детей революционеров второй родиной. Дом был комфортабельным, просторным и удобным для проживания. Здесь имелись уютные светлые спальни, классные комнаты и кабинеты для школьных занятий, специальные столярные и слесарные мастерские, библиотека, спортивный зал с душевыми кабинами, читальный зал, зрительный зал с установкой звукового кино, особый лингвистический кабинет для занятий по языкам. В здании располагалась хорошо оборудованная столовая, где дети получали сытное и вкусное питание.

В 1933/34 учебном году в доме-интернате проживали дети 27 национальностей: японцы, китайцы, болгары, немцы, греки, поляки, итальянцы, венгры, румыны, испанцы, евреи, арабы, индусы, африканцы и др. В отноше-

ниях между детьми царила атмосфера дружбы и взаимопомощи, их объединяло дело, за которое погибли или еще продолжали бороться их родители. Ниже приведем отрывок письма, свидетельствующий о тяжелой жизни отдельных обитателей дома до приезда в СССР: «...Многие из нас хорошо знают, что значит быть детьми пролетарского революционера-коммуниста, которого захватили его злейшие враги, некоторые из нас и сами побывали в фашистской тюрьме. Среди нас находятся Франц Лютгенс, отец которого убит германскими фашистами. Среди нас живет Петро Каменев, который сам побывал в руках фашистских палачей, добивавшихся от него показаний о товарищах его отца путем всевозможных угроз и наказаний и под конец набросивших на него огромную змею, от страха перед которой он потерял сознание» [1. Д. 5. Л. 15–18; 2. Д. 70. Л. 11–13].

Как и в обычных советских школах, воспитанников принимали в октябрята, пионеры, по достижении 14–15 лет и старше они вступали в комсомол. Как и по всей стране, здесь было развернуто социалистическое соревнование и ударничество, пионерские звенья и октябрята боролись за звание лучшей группы по показателям успеваемости, сознательной трудовой дисциплины и хорошее выполнение обязательных норм санитарного минимума. Руководящие органы партии, Секретариат ЦК ВКП(б) большое внимание обращали на политическое воспитание детдомовцев. Естественно, педагогический персонал подбирался из высокопрофессиональных специалистов, преданных идеям мировой революции. Поэтому процесс обучения и воспитания носил крайне идеологизированный характер. Ниже приведем подтверждающие строки из письма, сохранив авторский стиль изложения без изменений: «Борясь за рост качества политического воспитания, за качество трудовой дисциплины и школьной учебы методами соцсоревнования и ударничества мы готовимся стать достойными борцами за пролетарскую революцию. Находясь в нашем доме мы уже теперь ведем мопровскую работу в самом детском доме – путем проведения политинформаций на общешкольной линейке о событиях, проходящих за рубежом, в Советском Союзе и хорошо понимаем, что в какой бы стране рабочие не жили, у всех у них общий враг – это буржуазия, капиталисты и помещики и что рабочие разных стран должны помогать друг другу для победы над своим общим врагом, помогать в борьбе за пролетарскую революцию» [1. Д. 5. Л. 15–18; 2. Д. 70. Л. 11–13].

В свободное от учебы время воспитанники занимались в различных кружках. Особой популярностью пользовались кружки: изобразительного искусства, драматический, фотодело, музыкальный и гимнастический. В часы досуга дети играли в волейбол, шашки, шахматы, зимой катались на лыжах и коньках. Каждые пять дней смотрели кинокартины, пели песни и разыгрывали спектакли в основном революционного содержания.

В этой связи надо отметить, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. СССР, как и Западный мир, переживал не лучшие времена: с большим напряжением сил осуществлялись индустриализация и коллективизация, в 1933 г. разразился голод. Важнейшим способом выхода ведущих стран из Великой депрессии 1929–1933-х гг. стало усиление вмешательства государств в экономику и общественную жизнь. Примерно по такому же сценарию следовал и Советский Союз, осуществляя стратегию форсированной модернизации и преодолевая культурную отсталость страны.

Особо отметим, что в обращении детей к сверстникам содержится их обещание выполнить указания лидера государства Сталина, которые он высказал в письме «Пионерам и школьникам села Новая Уда», напечатанного в газете «Правда» 26 марта 1934 г. [6].

Известно, что в 1903–1904 г. И.В. Сталин находился в ссылке в с. Новая Уда Усть-Удинского района Иркутской области. В ответ на обращение пионеров и школьников названного села он призвал их «успешнее закончить учебу и стать энергичными, знающими работниками, какие нужны нашей стране» [6].

Письмо детдомовцев заканчивается словами благодарности в адрес приютившей организации МОПР: «...Живя и воспитываясь в нашем детском доме мы глубоко чувствуем, какое большое дело сделано для нас всей мопровской организацией и председателем ИК МОПР Стасовой и отдадим все свои силы на борьбу за победу пролетарской революции во всем мире. Да здравствует мировой пролетариат, революция и ее боевой штаб – Коммунистический Интернационал! Да здравствует вождь мировой революции – т. Сталин! Все в ряды мопровской организации!». Далее следуют подписи 66 воспитанников Интердома имени Е.Д. Стасовой [1. Д. 5. Л. 15–18; 4. Д. 70. Л. 11–13].

Надо отметить, что первыми воспитанниками Интердома были дети антифашистов из Германии, Греции, Австрии, Болгарии, Венгрии и других стран. Школа-интернат стала для них родным домом. В годы Великой Отечественной войны 54 воспитанника добровольно ушли на фронт защищать свою вторую родину, 17 из них пали смертью храбрых. Здесь учились дети известных коммунистов из многих стран мира: сын лидера Китайской Народной Республики Мао Цзэдуна Сергей Аньин; сын Председателя Совета Министров, позже Генерального секретаря ЦК Компартии Болгарии, активного деятеля Болгарского и международного коммунистического движения Георгия Димитрова Митко Дмитров; сын Председателя Национального комитета Компартии США Юджина Денниса Тимур Тимофеев; дочь одного из лидеров Кантонского восстания в Китае Джу Дэ Чжу Минь; дочь Генерального секретаря Компартии Испании Долорес Ибаррури Амайя Руис Ибаррури, сыновья Председателя Компартии Италии Луиджи Лонго Луиджи и Джузеппе Лонго и др. Как пример бескорыстного служения делу международной пролетарской солидарности будет уместно назвать имя сына Долорес Ибаррури Рубена Руиса Ибаррури, который после ареста матери в 1935 г. жил и воспитывался в семье старых большевиков О.Б. и П.Н. Лепешинских в СССР. Так было положено начало семейной традиции брать на воспитание детей-эмигрантов, оставшихся без попечения родителей. В самом начале Великой Отечественной войны Рубен Ибаррури ушел на фронт, в 1942 погиб в Сталинградской битве. В 1956 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза [4, 7].

1 мая 2019 г. исполняется 76 лет со дня основания Интердома. За всю историю своего существования здесь проживали дети из более 80 стран мира. После прекращения деятельности МОПР в 1947 г. он был передан Союзу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, который, в свою очередь, передал дом в 2004 г. Министерству образования РФ. Сейчас здесь живут дети из горячих точек межнациональных конфликтов, из зон стихийных бедствий, а также из зарубежных стран. Здесь воспитывались дети из Чернобыля. Само старое здание Интердома, к сожалению, не сохранилось. Несмотря на то, что строение являлось ценным памятником архитектуры (с высоты

птичьего полета напоминало серп и молот), в 1992 г. оно было снесено. На месте старого дома возведены новые комфортабельные корпуса, оснащенные современным оборудованием.

Анализ деятельности руководящих органов ВКП(б) показывает, что в результате неимоверного напряжения сил всего народа в изучаемый период были достигнуты большие успехи в форсированной модернизации страны: по ряду параметров было преодолено качественное отставание советской промышленности. В 1930-х гг. СССР создал мощный индустриальный потенциал и стал одной из трех-четырех стран, способных производить любой вид промышленной продукции. Советский Союз получил международное признание, были установлены дипломатические отношения со многими государствами мира. Страна добилась впечатляющих успехов в проведении культурной революции.

Что касается Секретариата ЦК ВКП(б), то надо отметить, что как руководящая коллегия его состав окончательно сложился в 1920 г., к середине 1930-х гг. трансформировался в распорядительно-контролирующий орган партии. Говоря об усилиях его сотрудников и в целом партийных и государственных чиновников по активизации движения МОПР, следует учесть, что секция МОПР СССР стала самой массовой в мире, достигнув около 9 млн человек к 1937 г. Мопровцами были проведены ряд международных кампаний против германского и итальянского фашизма, кампаний по освобождению политических узников и другие мероприятия. Тем не менее надо иметь в виду, что задача, поставленная руководством ЦК МОПР СССР, довести численность членов МОПР в советской стране до 15 млн человек, а численность ЮДМ до 5 млн человек уже к 1935 г., не была выполнена [1. Д. 5. Л. 15–18; 2. Д. 70. Л. 11–13]. Несмотря на достигнутые успехи в переустройстве общества на новый лад, не все обстояло так благополучно, как казалось со стороны. В развитии государства и общества наблюдались негативные процессы: необоснованные политические репрессии, превращение командно-административной системы в тоталитарную, ограничение прав и свобод граждан. Все это привело к тому, что имидж СССР как государства рабочих и крестьян начал терять привлекательность в глазах мирового сообщества. Постепенно настроение активистов МОПР стало меняться, наблюдались падение интереса к движению, неверие в идеи социалистической революции. Протекавшие в мире процессы вынуждали советское руководство направлять основные силы на решение внутренних задач. В этой ситуации был сформирован новый идеологический постулат, который гласил, что борьба за мировую революцию – это построение социализма в собственной стране. На решение этой важнейшей стратегической задачи направлялись усилия партийно-государственного аппарата и всех граждан страны в целом.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). ф. 1256. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАСИ ЧР. ф. 1256. Оп. 1. Д. 70.
3. Зеленов М.В. Становление аппарата ЦК и институт секретаря ЦК РСДРП(б) в 1917–1922 гг. [Электронный ресурс] // Ученые записки Волго-Вятской академии государственной службы. Н. Новгород, 2008. Т. 8. URL: http://nauka.vvags.php?name=art&a=r_art&id=69 (дата обращения: 20.02.2019).
4. Интердом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interdomivanovo.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

5. Политический словарь. М.: Госполитиздат, 1958. 702 с.
6. Правда. 1934. 26 марта.
7. Руис Ибаррури [Электронный ресурс]. URL: <https://wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 20.02.2019).
8. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1982. 1600 с.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sokolova-cheb@mail.ru).

КАЛЛИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

ГАЛОШЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olganikgal@mail.ru).

V. SOKOLOVA, I. KALLIN, O. GALOSHEVA
THE POLE OF SECRETARIAT OF THE CENTRAL COMMITTEE
OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF THE BOLSHEVIKS
IN ACTIVATION OF ISARF MOVEMENT ON THE EXAMPLE
OF THE INTER-ORPHANAGE NAMED AFTER E.D. STASOVA IN THE 1930s

Key words: Secretariat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (of the Bolsheviks), International Society for Aid to Revolutionary Fighters (ISARF), Red Aid, International orphanage named after E.D. Stasova, international proletarian solidarity, political prisoners in jail, children-emigrants, ideology and politics, the Communist party (of Bolsheviks), the Comintern, social movement.

The article describes the main principles and directions of activities of the Communist party of the Bolsheviks, the Secretariat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (of the Bolsheviks) on the reorganization of the Soviet state in a new way after the revolution of 1917, it shows successes and failures in disseminating the Communist ideology, in the implementing the international ties of Soviet citizens and foreign countries. The purpose of the article is to study the role of the Secretariat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (of the Bolsheviks) in the development of social movements, including revitalization of the International organization for aid to fighters of the revolution, in this connection the background to the establishment and functioning of the Secretariat of the Central Committee of the Russian Social Democratic Labor Party (of the Bolsheviks) – the Russian communist party of the Bolsheviks – the All-Union Communist Party (of the Bolsheviks) – the Communist Party of the Soviet Union is reviewed in detail.

The Secretariat of the Central Committee was formed by the Central Committee to manage the current work on organizing control over executing the party's decisions and recruitment. A major role in establishing its functioning was played by the first staff members of the Secretariat, E.D. Stasova, J.M. Sverdlov, and others. It is shown that in the 1930s, the role of the governing bodies of the party Central Committee – the Politbureau, the Orgbureau, the Secretariat of the Central Committee intensified in the country. It is noted that ISARF (Red Aid abroad) was created at the IV Congress of the Communist International in 1922 as a structure of the Comintern to provide legal, moral and material assistance to victims of political repressions in different countries. The example of functioning of the 1st International orphanage named after E.D. Stasova (Interdome) in the city of Ivanovo shows the efforts of the party apparatus to promote the ideas of proletarian internationalism in international relations. The importance of this issue for the state as well as attention of the Supreme bodies of the party is proved.

It is noted that the first inmates of the Interdome were the children of anti-fascists from Germany, Greece, Austria, Bulgaria, Hungary and other countries. Here the children of prominent Communists from many countries of the world were taught: children of Mao Zedong, Georgi Dimitrov, Eugene Dennis, Zhu De, Dolores Ibaruri, Luigi Longo and others. It is shown that processes developing in the world forced the Soviet leadership to direct the main forces for solving internal problems. In this situation, a new ideological postulate was formed – building socialism in our own country. The efforts of the party-state apparatus and all citizens in general were directed on solving this most important strategic objective. Real actions for spreading Communist ideas abroad almost did not achieve its goals.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1256. Opis' 1.* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 1256. Anagraph 1. Document 5. L. 15–18].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1256. Opis' 1.* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 1256. Anagraph 1. Document 70. L. 11–13].
3. Zelenov M.V. *Stanovlenie apparata TSK i institut sekretarya RSDRP(b) v 1017–1922 godakh* [Formation of the Central Committee and the Institute Secretary of the Central Committee of the RSDLP (b) in 1917–1922]. In: *Ychenye zapiski VVAGS* [Scientific notes of VVAGS]. Nizhnii Novgorod, 2008, vol. 8. Available at: http://nauka.vvags.php?name=art&a=r_art&id=69 (Accessed 20 February 2019).
4. *Interdom* [Interdom]. Available at: <http://www.interdomivanovo.ru> (Accessed 20 February 2019).
5. *Politicheskii slovar'* [Political dictionary]. Moscow, Gospolizdat Publ., 1958, 702 p.
6. Pravda, 1934, March 26.
7. *Ruiz Ibarruri, Ruben* [Ruiz Ibarruri, Ruben]. Available at: <https://wikipedia.org/wiki/> (Accessed 20 February 2019).
8. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'. 2-e izd.* [Soviet encyclopedic dictionary. 2nd ed.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982, 1600 p.

SOKOLOVA VALENTINA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (sokolova-cheb@mail.ru).

KALLIN IGOR – Post-Graduate Student of Historical Sciences, Russian History Department named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

GALOSHEVA OLGA – Post-Graduate Student of Historical Sciences, Russian History Department named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olganikgal@mail.ru).

Формат цитирования: Соколова В.И., Каллин И.В., Галошева О.Н. Роль Секретариата ЦК ВКП(б) в активизации движения МОПР на примере деятельности Интердома имени Е.Д. Стасовой в 1930-х годах // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 173–181.

УДК 94 (47+100-87)
ББК 63.3(2)6

А.Ю. СУСЛОВ

ЧУВАШСКИЙ СОЦИАЛИСТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР С.Н. НИКОЛАЕВ В ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ (1920–1930-е ГОДЫ)

Ключевые слова: С.Н. Николаев, эмиграция, партия социалистов-революционеров, демократия, социализм, государственное устройство.

Целью статьи является изучение деятельности известного политика, чувашского социалиста-революционера С.Н. Николаева (1880–1976) в годы первой эмиграции (1920–1930-е гг.). Этот период биографии Николаева практически не изучен в исторической науке. Ключевым методологическим принципом в работе выступает принцип историзма – анализ жизни и творчества С.Н. Николаева в эволюции с учетом общественно-политического контекста. Используется и биографический метод как особая жанровая структура, утверждающая идею о необходимости восприятия истории науки и культуры через сферу отдельной личности. Рассматриваются участие С.Н. Николаева в организационных структурах эсеровской эмиграции, его выступления на партийных форумах, в частности, на теоретической конференции пражской группы социалистов-революционеров 1931 г. Отмечается роль С.Н. Николаева как мемуариста и публициста. Подчеркивается необходимость дальнейшего изучения творчества С.Н. Николаева, особенно его воспоминаний. Делается вывод о том, что наследие социалистов-революционеров-эмигрантов, в том числе С.Н. Николаева, должно быть востребовано современной отечественной гуманитарной наукой не только в историческом плане, но и в аспекте поиска дальнейших путей развития России.

Как отмечают современные исследователи, чувашская общественно-политическая мысль начала XX в. развивалась в рамках идей партии эсеров, постепенно наполняясь национально-освободительным содержанием [26. С. 98; 27]. Это было обусловлено «крестьянско-патриархальным укладом жизни» чувашей, которым была близка эсеровская программа социализации земли, малочисленностью рабочего класса, замедленными темпами развития хозяйства Чувашского края [12. С. 7–8]. Показательно, что на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. пять чувашских социалистов-революционеров получили поддержку избирателей – трое в Казанской губернии (Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н. Николаев), двое – в Симбирской губернии (Д.П. Петров и Г.Т. Титов).

Одним из видных представителей чувашских социалистов-революционеров был Семен Николаевич Николаев (1880–1976). Жизнь и деятельность этого общественного и государственного деятеля, депутата Всероссийского Учредительного собрания, члена партии социалистов-революционеров, юриста – выпускника Казанского университета, политического эмигранта – неоднократно привлекала внимание исследователей. Его жизненный путь в полной мере отразил бурные и трагические события истории России XX в. – период войн, революций и репрессий. С 1922 по 1945 г. он находился в эмиграции, был арестован советскими властями в 1945 г. и депортирован в СССР, приговорен к пяти годам тюремного заключения с последующей высылкой на поселение в Красноярский край. Николаеву удалось вернуться в Чехословакию в 1956 г., а в 1992 г. (посмертно) он был реабилитирован.

Необходимость создания полноценных научных биографий российских общественно-политических деятелей первой половины XX в. очевидна. Тем

более это важно для политиков оппозиционного лагеря, в том числе социалистов-революционеров и социал-демократов. В последние десятилетия в этом направлении сделано немало, особенно в плане анализа жизни и деятельности В.М. Чернова, Ю.О. Мартова, М.А. Спиридоновой, Б.В. Савинкова. В то же время необходимо изучение личностей, находившихся в «тени великих», однако заслуживающих внимания и игравших заметную роль в историческом процессе. Это позволит расширить рамки «человеческого измерения» истории, углубить представления о весьма сложных и противоречивых процессах, происходивших в России в XX в.

Наибольший вклад в изучение биографии С.Н. Николаева внес чувашский историк Г.А. Александров (1942–2009), еще в начале 1970-х гг. вступивший в переписку с проживавшим в Праге пожилым эмигрантом. Ныне эти письма периода 1971–1975 гг. опубликованы в [14]. Тогда же были предприняты усилия (к сожалению, безуспешные) по передаче личного архива, в том числе воспоминаний, С.Н. Николаева в Центральный государственный архив Чувашской АССР [23].

С начала 1990-х гг. появляется ряд газетных и журнальных публикаций о С.Н. Николаеве [2, 3, 5, 6], статьи о нем помещаются в Краткой чувашской энциклопедии [10] и 3-м томе Чувашской энциклопедии [1. С. 238]. Уточняются факты биографии С.Н. Николаева, его деятельность в составе Комуца, общественно-политические взгляды [4, 13, 24, 26]. В 2016 г. в Чебоксарах состоялись I Николаевские чтения, участники которых – историки, журналисты, филологи – отмечали значимость его исторического и литературного наследия.

Воспоминания С.Н. Николаева впервые усилиями Г. Овсянникова и И. Сташевского были опубликованы в Праге в 2002 г. тиражом 5 (!) экземпляров. В журнале «Лик» в 2006–2007 гг. появились отрывки из воспоминаний с предисловием А.П. Леонтьева [11] и примечаниями Г.А. Александрова [14]. Наконец, трудами литераторов и журналистов Д. Плисецкого и И. Золотарева в 2015 г. в Праге в издательстве «Русская традиция» вышло второе издание мемуаров [16] с редакторскими примечаниями и иллюстрациями из архива С.Н. Николаева, ныне хранящегося в Национальном архиве Чешской Республики в свободном доступе.

Мемуары С.Н. Николаева составляют три тома, посвященных различным этапам его жизни. Первый том – «Без руля и ветрил» – повествует о периоде 1880–1918 гг., детстве в бедной крестьянской семье, обучении в Симбирской чувашской учительской школе, затем в духовной семинарии и на юридическом факультете Казанского университета. С.Н. Николаев становится членом партии социалистов-революционеров, занимается журналистской деятельностью в еженедельнике «Хыпар», а в 1917 г. избирается депутатом Всероссийского Учредительного собрания от съезда чувашских военных комитетов и чувашской организации эсеров.

Второй том, «Между Сциллой и Харибдой», охватывает время Гражданской войны в России (1918–1922 гг.), активное участие в которой принял С.Н. Николаев. Он входит в состав самарского Комитета членов Учредительного собрания, после крушения которого весной 1919 г. перебирается во Владивосток. Николаев проведет там около трех лет, занимаясь как профессиональной юридической, так и общественной деятельностью. В январе 1922 г. С.Н. Николаев эмигрирует в Чехословакию.

К сожалению, период эмиграции (1922–1945 гг.) в мемуарах С.Н. Николаева не получил освещения. В третьем томе, «Мое хождение по мукам», он сразу переходит к событиям 1945 г., своему аресту и осуждению. Перед читателем проходит яркая галерея образов людей, с которыми Николаеву пришлось столкнуться в тюрьме и на поселении – сотрудников карательных органов, заключенных разных стран мира и политических взглядов, простых рабочих и крестьян. В Прагу С.Н. Николаеву удалось вернуться лишь в мае 1956 г.

Очевидно, жизнь в эмиграции в 1920–1940-е гг. не казалась автору интересной и важной темой, требующей отражения в воспоминаниях. Данный сюжет не рассматривается и в работах современных исследователей. Между тем Николаев был активным деятелем эсеровской эмиграции, принимавшим участие во всех значимых форумах партии социалистов-революционеров, проведенных за рубежом в 1920 – начале 1930-х гг. Речь идет о двух съездах заграничных организаций партии социалистов-революционеров, которые прошли в 1923 г. в Праге и в 1928 г. в Париже, а также о конференции пражской группы эсеров 1931 г. Николаев играл заметную роль в Областном Комитете заграничных организаций партии эсеров, будучи его секретарем. Наконец, он был автором нескольких мемуарных и общественно-политических произведений, опубликованных в ведущих эмигрантских изданиях того времени. Настоящая статья, посвященная эмигрантскому периоду в жизни С.Н. Николаева (1920–1930-е гг.), как мы надеемся, поможет в какой-то степени восполнить пробел в изучении его жизни и деятельности.

С первой половины 1920-х гг. основная деятельность партии социалистов-революционеров протекала в эмиграции. Возникло несколько эсеровских групп за границей, наиболее крупными из которых были пражская и парижская. Пражская группа партии социалистов-революционеров (ПСР) официально была организована в ноябре 1922 г. В Праге длительное время жил В.М. Чернов и ряд других видных деятелей ПСР (в частности, такие ветераны народнического движения, как Е.К. Брешко-Брешковская и Е.Е. Лазарев), здесь выходили печатные органы партии. Чехословацкое правительство длительное время в рамках широко известной «Русской акции» поддерживало эмигрантов, в том числе социалистов-революционеров, своих союзников в эпоху Комуча. Эти обстоятельства привлекали в Прагу значительное количество деятелей левого крыла эмиграции. Ряд товарищей Николаева отправился в Чехословакию с Дальнего Востока (Ф.С. Мансветов, И.И. Калюжный, И.С. Алко). В итоге С.Н. Николаев довольно легко получил чехословацкую визу и 31 января 1922 г. на теплоходе «Альмерия» вместе с супругой отправился в эмиграцию. В 1922 г. Николаев был лишен советского гражданства, однако не стремился приобрести нового, получив лишь так называемый нансеновский паспорт, документ, удостоверявший личность человека без гражданства (в 1945 г. этот паспорт будет отобран советскими властями).

В Праге С.Н. Николаев работал секретарем и заведующим библиотекой пражского Земгора (Объединение земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике), общественной организации, помогавшей эмигрантам из России; был членом комитета Земгора и ученой комиссии Русского зарубежного исторического архива (РЗИА). В период с 1923 по 1928 г. архив подчинялся Земгору и финансировался чешским правительством через Земгор, в марте 1928 г. архив был передан МИД Чехословакии. Из-за финансовых проблем пражский Земгор был ликвидирован в 1934 г. (Николаев возглавил ре-

визионно-ликвидационную комиссию Земгора). Именно Николаев был составителем юбилейного сборника «Земгор в Праге: 1921–1931», где, касаясь деятельности РЗИА, писал: «Архив принадлежит к тем из учреждений Земгора, значение которых выходит далеко за чисто беженские пределы. Собранные в нем к настоящему времени фонды и коллекции представляют капитальнейшую ценность не только материальную, но и научно-историческую» [8]. Проживал С.Н. Николаев в пражском районе Винограды, Кладская улица, дом 3.

В РЗИА Николаев был представителем Земгора (вместе с И.П. Нестеровым – биография эсера Ивана Петровича Нестерова, к слову, удивительно схожа с судьбой Николаева – избрание в Учредительное Собрание, участие в Гражданской войне, эмиграция в Прагу, арест и депортация в СССР в 1945 г., возвращение в Чехословакию в 1956 г.). 3 июля 1929 г. Николаев и Нестеров были утверждены временными представителями Земгора в архиве, в марте 1932 г. Николаев введен в состав Совета РЗИА. Совету были подотчетны все органы архива, им же выбирался управляющий (позднее директор) архива. Николаев участвовал в работе по определению ценности приобретаемых архивом документов и материалов, обследовал деятельность рукописного отдела РЗИА.

Что касается эсеровской партийной работы, то С.Н. Николаев включился в нее практически сразу по приезде в Чехословакию. На пражском съезде заграничных организаций партии социалистов-революционеров 1923 г. С.Н. Николаев участвовал с совещательным голосом, так как прибыл на съезд с неутвержденным мандатом от Нью-Йоркской группы ПСР [25. С. 27]. По итогам съезда был создан Областной Комитет (ОК); его задачей являлось создание партийных групп на местах, установление связи между ними, объединение и развитие партийной работы за границей. Всем членам партии, пребывавшим за границей, предлагалось вступить в партийные организации за границей или же зарегистрироваться в ОК. С момента создания ОК всякие сепаратные выступления отдельных групп или их членов от имени партии или ее местных учреждений и организаций, а также соглашения с иными партийными группировками запрещались. Отношения между ОК и Заграничной Делегацией (ЗД) были определены «с одной стороны, на принципе размежевания компетенций с ЗД партии, с другой стороны, же на принципе взаимного делового сотрудничества в областях компетенции обоих учреждений» [25. С. 30]. В состав Областного Комитета были избраны в качестве членов О.С. Минор, И.П. Нестеров, В.И. Лебедев, Ф.Е. Махин, В.Я. Гуревич, кандидатами – С.Н. Николаев, Б.И. Рабинович, В.А. Ригана, Л.В. Россель. На Николаева и Росселя были возложены секретарские обязанности.

Протоколы заседаний Областного Комитета, сохранившиеся в архиве Международного института социальной истории (г. Амстердам), дают представление о характере его деятельности. Как правило, на заседаниях присутствовали В.Я. Гуревич, И. Лебедев, И.П. Нестеров, С.Н. Николаев, реже Л.В. Россель, Б.И. Рабинович, Ф.Е. Махин. Председательствовали на собраниях каждые раз разные лица. На заседаниях заслушивалась информация о ситуации в местных эсеровских группах, о взаимодействии с различными эмигрантскими организациями (студенческими, казаческими и др.) [7]. С 1926 г. деятельность Областного Комитета свелась фактически к двум взаимосвязанным аспектам: расколу в эсеровской эмиграции и попыткам созвать в связи с этим объединительный партийный съезд.

II съезд заграничных организаций ПСР состоялся в Париже 29 апреля – 6 мая 1928 г. На нем присутствовали 22 делегата, представлявшие 119 членов местных групп. С.Н. Николаев выступил с отчетом о деятельности Областного Комитета. Он отмечал, что условия работы и существования не были благоприятны в силу как идейно-политических разногласий в самой эсеровской эмиграции, так и организационных проблем. Речь шла о конфликте с Заграничной Делегацией ПСР, слабости и пассивности местных групп, отсутствии финансовых возможностей для издания печатного органа (предполагалось издание Вестника Областного Комитета). За время, прошедшее с первого съезда, количество членов заграничных организаций эсеров сократилось на 27 человек (с 147 до 120). Как подчеркивал Николаев, «первая задача, которая была поручена Областному Комитету – общее руководство деятельностью местных групп, – в конце концов свелась лишь к канцелярской переписке с местными организациями, которая, как правило, оставалась без ответа» [7]. Что касается организационных вопросов, то удалось зарегистрировать 12 местных групп эсеров за границей; кроме того, ОК пытался наладить взаимодействие с иностранными социалистическими партиями. Общая сумма всех поступлений в кассу ОК за все время существования выражается в круглой сумме 21 тыс. чешских крон, большая часть которых поступила от Нью-Йоркской организации. Заканчивая свой доклад, С.Н. Николаев обратился к съезду с призывом сделать надлежащие выводы из представленных им фактов. Он предложил выработать «минимум общепризнанных основных положений партийного мировоззрения и партийно-политической деятельности», без которого невозможна планомерная целесообразная деятельность эсеровской эмиграции.

Однако достичь реального соглашения заграничным эсерам в Париже не удалось. Делегаты продлили полномочия Областного комитета, осудили деятельность В.М. Чернова, а также отказали журналу «Революционная Россия» в праве именоваться центральным органом партии. Парижский съезд стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны.

В начале 1931 г. Пражская группа партии социалистов-революционеров провела теоретическую конференцию, посвященную обсуждению различных вопросов программы партии эсеров, находящейся в эмиграции. Всего было проведено 18 заседаний, обсуждено 7 докладов. В центре внимания на конференции 1931 г. находились вопросы социально-экономического и политического устройства будущей, постбольшевистской, России и формулирования позиции партии социалистов-революционеров по этим проблемам. В условиях изгнания, почти полного паралича партийной работы за границей, кризиса эсеровской печати теоретический анализ социально-политических проблем современной России оставался для эмигрантов чуть не единственным доступным способом политической активности. Стоит отметить, что эта своеобразная лаборатория общественной мысли представляет собой ценный источник как для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции, как и всей эмигрантской социалистической мысли.

6 февраля 1931 г. С.Н. Николаев выступил с докладом «Государственный строй России после большевиков» (содокладчиком был ветеран эсеровской партии Е.Е. Лазарев) [9. № 10. С. 3]. С.Н. Николаев подчеркнул, что никакой

альтернативы демократическому устройству не существует: «Отношение власти к народу должно быть основано и на праве, и на доверии народа. Но власть может пользоваться этим доверием при участии в государственной жизни всего народа. Вот почему я считаю необходимым говорить только о демократическом государстве. Однако помимо общих теоретических настроений надо учесть и настроения, которые будут в России после большевиков. Нет никакого сомнения в том, что и монархия, и диктатура в равной степени дискредитировали себя в глазах народа, и народ ощущает потребность осуществлять свою волю путем демократических форм государства» [9. № 10. С. 3]. Более того, во время обсуждения доклада Николаев вообще не стал фокусировать внимание на социалистическом характере будущей российской государственности: «Почему я не говорил о социалистическом государстве? Разве после большевических экспериментов есть нужда в этом? Да вообще, где граница между социалистическим и буржуазным государством в капиталистическом обществе? Что представляет собой с этой точки зрения государственный строй Англии, Франции, Германии?» [9. № 11. С. 4]. Форму государственного устройства Николаев определял как унитарную, однако утверждал – «до федерации Россия дойдет, но на первое время, по-моему, достаточно введение широкого местного самоуправления». Что касается конкретных форм государственной власти (однопалатный или двухпалатный парламент, президент – глава исполнительной власти, и др.), то им докладчик особого значения не придавал, считая это делом текущей обстановки, которая сложится в стране.

Николаев подверг критике программу социалистов-революционеров, отнесившихся к государству «полуанархически», «проглядев положительное значение и творческую деятельность современного государства». В соответствии с этим эсеры сосредоточились на «практике отрицания» – свержения самодержавия и революционного преодоления капиталистического строя, оставив пустым место для определения «положительно-политической работы» [9. № 11. С. 4]. Теперь же Николаев предлагает встать на путь безусловного признания самостоятельных творческих задач государства как «надклассового национального единства», поставив во главе угла примат государства над классами и отдельными социальными группами, «примат нации над интернационалом». Полностью тезисы С.Н. Николаева впервые публикуются в приложении к статье.

Содержание доклада Николаева, как и ряда других выступлений на конференции (особенно тезисы доклада М.В. Кобякова о рабочем вопросе), показывает существенную эволюцию программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции. Даже пражская группа социалистов-революционеров (считавшаяся в эмиграции левой) постепенно переходила на так называемые «общегосударственные» позиции, склоняясь к реформистским методам. Отдельные эсеры даже предлагали убрать слово «революционеров» из названия партии или вообще назвать ее «партией народной свободы» (как именовала себя партия кадетов). Тем не менее это не означало признания большевистской власти.

Помимо политической деятельности в рядах эсеровской эмиграции, С.Н. Николаев проявил себя как мемуарист и публицист. Он был членом Общества «Волжского движения 1918 г.», возникшего в Праге в 1927 г. Это общество планировало собирать и обрабатывать материалы, связанные с историей гражданской войны в Поволжье в 1918 г., а также поддерживать участников этого

движения. Усилиями Общества в 1930 г. был издан сборник «Гражданская война на Волге в 1918 г.» со статьей С.Н. Николаева [20]; готовился второй сборник и другие издания, однако прекращение финансирования со стороны чехословацкого правительства нарушило эти планы. Тем не менее С.Н. Николаеву удалось опубликовать отрывки из своих воспоминаний в журналах «Воля России» и «Современные записки» [17, 18]. Участников трагических событий 1918 г. волновал, по сути, один вопрос – в чем причина поражения партии эсеров в борьбе с большевиками и ухода с российской политической сцены? Версии вращались вокруг сюжетов о репрессиях со стороны большевиков и белого движения, отмечался неудачный опыт коалиции с буржуазией, предательская подоплека которой выявилась слишком поздно. Однако эсеры не замалчивали и собственных ошибок, подчас весьма серьезных, прежде всего сокрушаясь по поводу способности сохранить единство рядов ПСР и отсутствию твердой воли в осуществлении своей программы. Тем не менее отношение эсеров к событиям 1917–1922 гг. можно охарактеризовать словами В.И. Лебедева, озаглавившего одну из своих публикаций «Лучше поражение, чем измена или капитуляция...». Квинтэссенция статьи – мысль о том, что даже если борьба ПСР за демократию и социализм была обречена изначально – начинать ее стоило. Мемуарные работы С.Н. Николаева были хорошо известны и до сих пор активно используются историками гражданской войны в России. Его научные и публицистические статьи появились также в журналах Трудовой крестьянской партии – «Крестьянской России», правонароднической эмигрантской организации и в сборнике Экономического кабинета проф. С.Н. Прокоповича при культурно-просветительном отделе «Земгора» [15, 19, 21, 22].

Деятельность С.Н. Николаева в период эмиграции отражает трагический путь российского демократического социализма, который после успехов в 1917 г. потерпел поражение в гражданской войне и был вытеснен с политической сцены в изгнание. Однако это не означает крах идей демократии и социализма в историческом споре. Эсеры в эмиграции продолжали в доступных для себя формах участвовать в политической жизни, выпускать печатные издания, воздействовать на мировое общественное мнение, выступать в качестве экспертов по российским вопросам. Для С.Н. Николаева пражская эмиграция 1920–1930-х гг. стала пиком творческой активности, возможностью (несмотря на неизбежный поиск средств к существованию) свободно выражать свои взгляды. Наследие социалистов-революционеров-эмигрантов, в том числе С.Н. Николаева, может и должно быть востребовано современной отечественной гуманитарной наукой не только в историческом плане, но и в аспекте поиска дальнейших путей развития России.

Приложение

**Государственный строй России после большевизма
(тезисы доклада С.Н. Николаева)**

1. Вопрос о государственно-политическом строе России после большевизма есть, в конечном счете, вопрос об установлении нормальных, в современном смысле, форм властных отношений в России.

2. Исторический порок государственной жизни России заключается именно в ненормальном развитии этих отношений, в неумении властвующих и подвластных установить равновесие во взаимоотношениях, в преобладании тенденций к абсолютиза-

ции и гипертрофии, с одной стороны, и к умалению значения и порабощению – с другой, что всегда влекло за собою развитие и укрепление в России деспотических форм власти и приниженность и рабскую покорность, перемещающуюся «жестоким и бессмысленным бунтом» подвластных.

3. В соответствии с этим и политическая мысль России шла своеобразным раздвоенным путем: апологии абсолютистской деспотической власти одних неизменно соответствовал безгласный политический анархизм и нигилизм, сопровождаемый проповедью всеразрушающего бунта – других. Средний между этими двумя крайностями путь в жизни России есть явление последнего времени, и начала свои он едва ли имеет в национальной жизни России.

4. Эта двоякая тенденция в развитии властных отношений в России послужила главным источником и основанием той мысли радикальных слоев России, которая формы государственной власти в России смешала и отождествила с природой вообще всякой государственной власти и нашла в этом оправдание для тех выводов, которые сводились к отрицанию не только государственной власти вообще, но и ценности и существа самого государства.

5. Эта, не столько обоснованная политическая теория, сколько политическое настроение нашло себе якобы теоретическое обоснование в положениях раннего марксизма, встреченного в русских социалистических кругах без достаточного критицизма, в положениях, утверждающих взгляд на государство как на организацию классового господства имущих над неимущими, как на институт, поддерживающий социальное неравенство и потому подлежащий при изменившихся социальных условиях сдаче в музей древности, т.е. подлежащий упразднению.

6. Партия соц.-революционеров, отнесшаяся к утверждению раннего марксизма в области экономической его доктрины со своеобразным скепсисом и критикой, почти целиком и без надлежащей проверки приняла политическую часть марксистской теории о государстве и усвоила полуанархическое представление о государстве, проглядев положительное значение и творческую деятельность современного государства и, в соответствии с этим, определила себе практическую программу, сводящуюся в основном к практике отрицания: свержению самодержавия и революционному преодолению современного капиталистического строя. Место для определения положительной политической работы осталось в программе пустым.

7. Она (партия) не остановила своего внимания на том, что современное государство имеет самостоятельное, самодовлеющее значение как особая форма социальной жизни и имеет ему лишь свойственные, ему лишь посильные задачи: 1. обеспечение внешней и внутренней безопасности нации и свободы индивидов, 2. правотворчество и охрана права и правопорядка в стране и, 3. содействие культурному преуспеянию нации, удовлетворяя, таким образом, путем организованной планомерной деятельности, индивидуальные, национальные интересы и общечеловеческие, солидарные интересы в направлении прогрессивного развития общества (Еллинек¹).

8. Не остановивши надлежащим образом своего внимания на творческой деятельности современного государства, партия, вместе с этим, недооценила также национально-культурного значения отдельного государства и увлеклась теорией интернационализма, умалив, а в некоторых случаях и пренебрегши национально-государственными интересами во имя абстрактных целей интернационализма.

9. Одновременно с этим партия решительно осудила и отвергла пути и формы исторического развития государственной жизни в России и стремилась водворить на место исторических форм властных отношений в России формы европейской политической организации и жизни в ее наиболее радикальных образцах, не задаваясь вопросом о том, насколько эти последние соответствуют историческим, национальным, географическим и экономическим особенностям России.

10. Исторический ход событий в России далеко не оправдал этих настроений и взглядов партии на государство, и ход развития современных государств также мало дает надежд на оправдание и осуществление их в будущем.

---

¹ Еллинек, Георг (1851–1911) немецкий юрист.

11. Поэтому перед партией стоит неотложная задача радикального пересмотра ее теоретических взглядов на государство в направлении решительного отказа от прежних искусственно построенных и нежизненных схем и понимания государства вообще, и от прежних ее отношений к своему отечеству в частности, и стать на путь безусловного признания самостоятельных творческих задач государства как надклассового национального единства и, в зависимости от этого, определить практическую политическую программу деятельности, положив во главу угла примат государства над классами и отдельными социальными группами, примат нации над интернационалом, примат интересов нации над интересами интернациональными.

12. Признание за государством указанного выше значения обязывает к признанию и того положения, что государственная власть, которой практически осуществляются задачи государства, есть сила, призванная на служение обществу и имеющая неоспоримое право осуществлять задачи государства независимо от субъективной оценки ее действий отдельными индивидами, требуя от всех подвластных, пока она остается государственной властью и осуществляет право, беспрекословного подчинения ее распоряжениям.

13. Государственная власть есть сила, отданная на служение праву. Но она есть и право. Но как сила без права есть насилие, так и право без силы не есть и не может быть государственным суверенитетом (Дюги¹). Это последнее решительно исключает все условные формы признания ее и подчинения ей со стороны подданных и изобличает всю глубину ошибочности формулы «постольку – поскольку», сыгравшей такую пагубную роль в февральской революции в России.

14. Но государственная власть как сила должна быть освящена и связана правом. Отсюда – верховенство права в государстве и правовая связанность государства. Этим определяется характер современного государства как государства правового, т.е. государства, действующего согласно с законом, связанного с законом в его административной и юрисдикционной функциях, в исполнении его обязательств и подчинении его, наравне с простым гражданином, решениям судебных властей.

15. Но сила государственной власти покоится не только на формальном праве, но и на доверии к ней подвластных. Это доверие, с одной стороны, проистекает не только из сознания законности действий государственной власти, но и из способа происхождения самой власти. Это обуславливает наибольшее доверие к той власти, которая имеет происхождение от самого народа, т.е. к власти выборной, по происхождению демократической.

16. Правомерность действий власти, доверие к ней населения и, в конечном счете, успех в осуществлении социальных задач государства, стоят в зависимости и от формы организации власти. В этой области лучшим обеспечением суверенитета права в государстве является организация власти на принципе разделения функций законодательной, исполнительной и судебной с обеспечением для каждой из них независимости в определенной для каждой сферы деятельности, равенстве их положения и значения в государственной жизни, с предоставлением возможности взаимного контроля, а также и сотрудничества в осуществлении общенациональных задач. Это разделение, независимость и равенство властей устраняет возможность фактического преобладания или диктатуры каждой из них в отдельности, исключив возможности появления и торжества Конвента, с одной стороны, или Совнаркома или фашистского министерства – с другой.

17. Необходимым следствием осуществления этого принципа является избрание на общих демократических началах как законодательного корпуса (одного или двух палат – безразлично), так и главы исполнительной власти – президента государства. Теоретическая правильность построения власти исключает и назначаемость судей исполнительной властью и требовала бы также и выборности и высшего судебного органа, если бы к этому не представилось практических и технических препятствий.

18. Наблюдаемая в некоторых современных демократических государствах тенденция усиления нижней палаты за счет верхней, а также за счет исполнительной

---

¹ Дюги, Леон (1859–1928) французский юрист.

власти (Англия, Франция), переходящая в некоторых случаях в прямое фактическое господство (Франция) с опасностью перехода к тирании, дает основания для признания целесообразности двухпалатной системы законодательного корпуса с более или менее одинаковыми законодательными правами.

19. Парламентарный режим неизбежно связывается с кабинетной системой организации министерства, т.е. министерства, составляемого из большинства законодательного корпуса, призываемого главой исполнительной власти и политически солидарно-ответственного перед парламентом.

20. Теоретически, в такой стране как Россия, с ее огромной территорией, с бесконечным разнообразием этнических, экономических, географических и др. особенностей, наиболее должна бы соответствовать максимальная децентрализация управления. Но задачи восстановления разрушенного хозяйства и всего правопорядка, а отчасти опасности от резко развивающегося отталкивания от России ее окраин и некоторых национальностей, диктуют, по крайней мере, в период восстановления государственности и хозяйства страны наибольшего сосредоточения политической власти в руках единого центрального правительства.

21. Но централизация политического управления вовсе не является препятствием для предоставления широкой культурной автономии национальностям России и широкого местного и областного самоуправления, с оставлением для будущего задачи максимального расширения прав национальностей и областей, доведя их вплоть до построения России на федеративных началах.

Таким образом, соображения, проистекающие из мысли об особенностях России и о путях нормального политического, социального и культурного развития и благосостояния населяющих ее народов, рисуют Россию на другой день после падения в ней большевистской власти как унитарное демократическое государство с единой сильной политической властью, построенной на началах равенства и независимости законодательной и исполнительной властей, с парламентарным режимом, с централизованным в начале управлением, но с предоставлением широких возможностей для развития местного самоуправления и культурно-национальной автономии для входящих в состав Российского государства наций и областей.

С.Н.Николаев.

Прага, 20 января 1931 г.

Источник: Архив Международного института социальной истории (г. Амстердам). URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 05.01.2019).

Литература

1. Александров Г.А. Николаев Семен Николаевич // Чувашская энциклопедия. Т. 3: М-Се. Чебоксары, 2009.
2. Александров Г.А. Был оклеветан на всю жизнь // Советская Чувашия. 1992. 26 июня.
3. Александров Г.А. Назвался эсером – в тюрьму садись // Советская Чувашия. 1996. 10 окт.
4. Александров Г.А. С.Н. Николаев: штрихи к биографии секретаря Комуча // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век: сб. ст. / ЧГИГИ. Чебоксары, 2007. С. 42–69.
5. Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С. 144–146.
6. Александров Г.А., Изоркин А.В. Николаев Семен Николаевич // Их имена останутся в истории. Чебоксары, 1994. Вып. 2. С. 74–79.
7. Архив Международного института социальной истории (г. Амстердам). URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935>.
8. Земгор в Праге: 1921–1931: [к десятилетию пражского Земгора: обзор деятельности] / [сост. С. Н. Николаев]. Прага: Изд. пражского Земгора, 1931. 135 с.
9. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публ. подгот. А.П. Новиков и А.Ю. Суслов // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3–26; № 9. С. 3–15; № 10. С. 3–14; № 11. С. 3–18; № 12. С. 3–19; 2015. № 1. С. 3–26; № 2. С. 3–15; № 3. С. 3–14; № 4. С. 3–17; № 5. С. 3–17.
10. Краткая чувашская энциклопедия / редкол.: А.А.Трофимов и др.; ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 525 с.
11. Леонтьев А.П. «Из мира слез и печали...» // Лик. 2006. № 3. С. 38–41.

12. Макаревич В.В. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 126 с.
13. Материалы к биографическому словарю «Русская эмиграция в Чехословакии» / под ред. М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 / [отв.ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2016. 872 с.
14. Николаев С. Воспоминания // Лик. 2006. № 3(7). Июль – сент. С. 42–84; 2006. № 4(8). Окт. – дек. С. 73–136; 2007. № 1(9). Янв. – март. С. 61–134; 2007. № 2(10). С. 60–130.
15. Николаев С.Н. Власть и свобода // Знамя России. 1934. № 7.
16. Николаев С.Н. Воспоминания. Прага: Русская традиция, 2015. 572 с.
17. Николаев С.Н. Конец «Комуча»: (Свидетельские показания) // Современные записки. Париж. 1931. № 45. С. 333–361; № 46. С. 287–320.
18. Николаев С.Н. Народная армия в Симбирске // Воля России. Прага. 1928. № 10–11. С. 112–134.
19. Николаев С.Н. О правовом положении русских беженцев и о мерах к его улучшению: (Доклад, читанный 14 декабря 1927 г. в общем собрании Рус. юрид. консультации "Земгора" в Праге) // Русский экономический сборник /эконом. кабинет проф. С.Н. Прокоповича при культурно-просветительном отделе "Земгора"; под ред. С. Прокоповича. Прага: Плямя, 1928. Т. XII. С. 72–105.
20. Николаев С.Н. Политика «Комуча»: Опыт характеристики // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 103–164.
21. Николаев С.Н. Политические настроения крестьянства на Дальнем Востоке // Крестьянская Россия. Прага, 1922. № 1. С. 75–82.
22. Николаев С.Н. Россия ли СССР? // Знамя России. Прага, 1935. № 4. С. 11–13.
23. Переписка С.Н. Николаева с И.И. Музыкантовым // Лик. 2007. № 1(9), янв.-март. С. 138–142.
24. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОС-СПЭН, 2008. 463 с.
25. Революционная Россия. 1923. № 32.
26. Родионов В.Г. Общественно-политические взгляды чувашского публициста-эмигранта С.Н. Николаева // Политические преследования и репрессии 1920 – начала 1950-х годов в судьбах интеллигенции Чуваши: мат. межрег. науч.-практ. конф. (21 марта 2014 г., Чебоксары) / ЧГИГН, Чуваш. респ. общ. орг. инвалидов – жертв полит. репрессий. Чебоксары, 2014. С. 98–110.
27. Щербаков С.В. Всероссийский чувашский военный съезд: попытки решения национального вопроса эсерами в январе 1918 года (по материалам РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики») // Вестник Ленинского мемориала. Ульяновск, 2007. Вып. 9. С. 386–397.

СУСЛОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Казань (plusha131333@yandex.ru).

A. SUSLOV

**CHUVASH SOCIALIST REVOLUTIONARY S.N. NIKOLAYEV
IN THE PERIOD OF EMIGRATION (1920–1930)**

Key words: S.N. Nikolayev, emigration, party of socialists-revolutionaries, democracy, socialism, state structure.

The purpose of the article is to study the activities of a famous politician, Chuvash socialist revolutionary S.N. Nikolayev (1880–1976) during the first emigration (1920–1930). This period of Nikolayev's biography is practically unexplored in historical science. The key methodological principle in the work is the principle of historicism – the analysis of S.N. Nikolayev's life and work in evolution taking into account social and political context. The biographical method is also used as a special genre structure, asserting the idea of the need to perceive the history of science and culture through the sphere of an individual. Nikolayev's participation in organizational structures of the SR emigration, his speech at party forums, in particular, at the theoretical conference of the Prague group of socialists-revolutionaries of 1931 are examined. The role of Nikolayev as a memoirist and publicist is noted. The article stresses the need for further studying the works by S.N. Nikolayev, especially his memoirs. It is concluded that the legacy of socialist revolutionaries-emigrants, including S.N. Nikolayev, should be in demand by modern domestic humanitarian science not only in historical terms, but in the aspect of finding further ways for Russia's development as well.

References

1. Aleksandrov G.A. *Nikolaev Semen Nikolaevich* [Nikolaev Semyon]. In: *Chuvashskaya ehnciklopediya* [Chuvash Encyclopedia]. Cheboksary, 2009, vol. 3.
2. Aleksandrov G.A. *Byl oklevetan na vsyu zhizn'* [Was slandered for life]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1992, July 26.
3. Aleksandrov G.A. *Nazvalsya ehserom – v tyur'mu sadis'* [Called himself Eser – go to jail]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1996, Oct. 10.
4. Aleksandrov G.A. *S.N. Nikolaev: shtrih k biografii sekretarya Komucha* [S.N. Nikolaev: strokes to the biography of the Secretary Komuch]. In: *Lichnost', obshchestvo, vlast' v istorii Chuvashii: XX vek: sb. st.* [Individual, society, the power in the history of Chuvashia: 20th century: a collection of articles] Cheboksary, 2007, pp. 42–69.
5. Aleksandrov G.A. *Chuvashskaya intelligenciya: istoki* [Chuvash intelligentsia: origins]. Cheboksary, 1997, pp. 144–146.
6. Aleksandrov G.A., Izorkin A.V. *Nikolaev Semen Nikolaevich* [Nikolaev Semyon]. In: *Ih imena ostanutsya v istorii* [Their names will remain in the history]. Cheboksary, 1994, iss. 2, pp. 74–79.
7. *Arhiv Mezhdunarodnogo instituta social'noi istorii (g.Amsterdam)* [Archive of the International Institute of social history (Amsterdam)]. Available at: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935>.
8. Nikolaev S.N., comp. *Zemgor v Prage: 1921–1931: k desyatiletiyu prazhskogo Zemgora: obzor deyatel'nosti* [Zemgor in Prague: 1921–1931: towards the decade of Prague Zemgor: overview of activities]. Praga, 1931, 135 p.
9. Novikov A.P., Suslov A.Yu. *Konferenciya Prazhskoi gruppy partii socialistov-revolucionerov 1931 g.* [Conference of The Prague group of the socialist revolutionary party 1931]. *Voprosy istorii*, 2014, no. 8, pp. 3–26; no. 9, pp. 3–15; no. 10, pp. 3–14; no. 11, pp. 3–18; no. 12, pp. 3–19; 2015, no. 1, pp. 3–26; no. 2, pp. 3–15; no. 3, pp. 3–14; no. 4, pp. 3–17; no. 5, pp. 3–17.
10. Trofimov A.A. et al., eds. *Kratkaya chuvashskaya ehnciklopediya* [Brief Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2001, 525 p.
11. Leont'ev A.P. «Iz mira slez i pechali...» ["From a world of tears and sorrow..."]. *Lik*, 2006, no. 3, pp. 38–41.
12. Makarevskii V.V. *Politicheskaya i social'naya deyatel'nost' chuvashskikh organizatsii partii socialistov-revolucionerov (1904–1918)* [Political and social activities of Chuvash organizations of the party of socialists-revolutionaries]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2008, 126 p.
13. Sorokina M.Yu. *Materialy k biograficheskomu slovaryu «Russkaya ehмиграция v Chekhoslovakii»* [Materials for the biographical dictionary «Russian emigration in Czechoslovakia»]. In: Gricenko N.F., ed. *Ezhгодnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2016 / [Yearbook of the House of Russian abroad named after Alexander Solzhenitsyn, 2016]. Moscow, 2016, 872 p.*
14. Nikolaev S. *Vospominaniya* [Memory lane]. *Lik*, 2006, no. 3(7), July–Sept., pp. 42–84; 2006, no. 4(8), Oct.–Dec., pp. 73–136; 2007, no. 1(9), Jan.–March, pp. 61–134; 2007, no. 2(10), pp. 60–130.
15. Nikolaev S.N. *Vlast' i svoboda* [Power and freedom]. *Znanya Rossii*, 1934, no. 7.
16. Nikolaev S.N. *Vospominaniya* [Memory lane]. Praga, Russkaya tradiciya Publ., 2015, 572 p.
17. Nikolaev S.N. *Konec «Komucha»: (Svidetel'skie pokazaniya)* [The end of the "Komuch": (Testimony)]. *Sovremennye zapiski. Parizh*, 1931, no. 45, pp. 333–361; no. 46, pp. 287–320.
18. Nikolaev S.N. *Narodnaya armiya v Simbirske* [People's army in Simbirsk]. *Volya Rossii. Praga*, 1928, no. 10–11, pp. 112–134.
19. Nikolaev S.N. *O pravovom polozenii russkikh bezhencev i o merah k ego uluchsheniyu: (doklad, chitanniy 14 dekabrya 1927 g. v obshchem sobranii Rus. yurid. konsultatsii "Zemgora" v Prage)* [On the legal status of Russian refugees and measures to improve it]. In: Prokopovich S., ed. *Russkii ehkonomicheskii sbornik* [Russian economic collection]. Praga, Plamy Publ., 1928, vol. XII, pp. 72–105.
20. Nikolaev S.N. *Politika «Komucha»: Opyt harakteristiki* [Policy "Komuch": the Experience features]. *Grazhdanskaya voyna na Volge v 1918 g.* [The civil war in 1918, on the Volga.]. Praga, 1930, vol. 1, pp. 103–164.
21. Nikolaev S.N. *Politicheskie nastroyeniya krest'yanstva na Dal'nem Vostoke* [The political mood of the peasantry in the Far East]. *Krest'yanskaya Rossiya. Praga*, 1922, no. 1, pp. 75–82.
22. Nikolaev S.N. *Rossiya li SSSR?* [Russia the Soviet Union?]. *Znanya Rossii. Praga*, 1935, no. 4, pp. 11–13.
23. *Perepiska S.N. Nikolaeva s I.I. Muzykantovym* [Correspondence S.N. Nikolaev and I.I. Muzykantov]. *Lik*, 2007, no. 1(9), Jan.–March, pp. 138–142.
24. Protasov L.G. *Lyudi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere ehpoi* [People of the Constituent Assembly: portrait in the interior of the era]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 463 p.

25. *Revolyucionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia], 1923, no. 32.

26. Rodionov V.G. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady chuvashskogo publicista-ehmigranta S.N. Nikolaeva* [Political views Chuvash writer-emigrant S.N. Nikolaev]. In: *Politicheskie presledovaniya i repressii 1920 – nachala 1950-kh godov v sud'bah intelligencii Chuvashii: mat. mezhreg. nauch.-prakt. konf. (21 marta 2014 g., Cheboksary)* [Proc. of Sci. Conf. «Political persecution and repression 1920-early 1950s in the fates of the intelligentsia of Chuvashia»]. Cheboksary, 2014, pp. 98–110.

27. Shcherbakov S.V. *Vserossiiskii chuvashskii voennyi s'ezd: popytki resheniya nacional'nogo voprosa ehserami v yanvare 1918 goda (po materialam RGU «Gosudarstvennyj istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki»)* [Russian Chuvash military Congress: attempts to resolve the national issue by the SR in January 1918 (based on the materials of «State historical archive of the Chuvash Republic»)]. In: *Vestnik Leninskogo memorial* [Messenger of the Lenin Memorial]. Ul'yanovsk, 2007, iss. 9. pp. 386–397.

SUSLOV ALEKSEI – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of State, Municipal Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russia, Kazan (plusha131333@yandex.ru).

Формат цитирования: Суслов А.Ю. Чувашский социалист-революционер С.Н. Николаев в период эмиграции (1920–1930-е годы) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 182–194.

УДК 304.3:316.32(1.470.344)
ББК С546(2Рос.Чув):С526

М.Н. УРЯСОВ

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЕГЭ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: единый государственный экзамен, система общего образования, Чувашия, регион, школьное образование.

В статье на основе архивных материалов, нормативной базы, исследовательской литературы, статистической отчетности, печати изучен вопрос становления и развития Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в системе образования Чувашской Республики. Проанализировано включение республики в общероссийский эксперимент по проведению экзамена, а также прослежены этапы его развития в регионе и стране в целом. К 2008 г., когда завершился эксперимент и проведение ЕГЭ стало обязательным для всех регионов России, Чувашия уже имела колоссальный опыт по реализации данного экзамена. В работе определено, что к первому десятилетию 2000-х гг. проведение Единого государственного экзамена для школьников республики стало ожидаемой и привычной формой проверки знаний. Изучены результаты успеваемости выпускников общеобразовательных организаций, выявлены сложности при проведении ЕГЭ в Чувашии в начале 2000-х годов. Данная публикация позволяет по-новому проследить историю становления ЕГЭ в республике, поскольку освещает не только мнения современников – специалистов в области управления образованием, но и статистическую информацию, накопленную в архивохранилищах региона.

Начало XXI столетия стало временем инновационных путей развития системы отечественного образования. Связано это с введением новых форм и методов обучения, большинство из которых было перенято из европейской модели образования. Одним из таких нововведений стало применение Единого государственного экзамена (ЕГЭ), который позволял оценить качество полученных знаний выпускников общеобразовательных организаций.

Первые прообразы ЕГЭ стали появляться в России еще в 1997 г. В отдельных школах начали проводить эксперименты по добровольному тестированию учащихся организаций общего образования. Автором идеи создания Единого государственного экзамена в России стал В.М. Филиппов, возглавлявший Министерство образования с 1998 по 2004 г. Именно при его активном участии началась масштабная реформа отечественного образования: присоединение России к Болонскому процессу с разделением высшего образования на бакалавриат и магистратуру, создание новых образовательных стандартов [8]. Одним из необходимых условий данного процесса стало введение новых методов оценивания знаний обучающихся.

ЕГЭ должен был уничтожить коррупцию в школах, вузах и обеспечить эффективную проверку знаний выпускников (стандартная пятибалльная шкала с этой задачей давно уже не справлялась), именно поэтому была выбрана тестовая форма, с которой работает беспристрастная машина. Кроме того, госэкзамен должен был сделать высшее образование по-настоящему доступным для детей из глубинки страны [8].

Введение ЕГЭ составляет особую страницу в истории развития народного образования Чувашской Республики (ЧР) начала 2000-х гг. Данная форма проверки знаний имеет важное преимущество, она упрощает процедуру поступления в высшие учебные заведения, исключая для абитуриента издержки, связанные со сдачей вступительных экзаменов, и тем самым уравнивает

шансы выпускников на поступление в вуз [5. С. 363]. Это сделало возможным желающему поступить в престижный столичный университет, не выезжая в центр на сдачу вступительных экзаменов, а для сельского абитуриента отпала необходимость приезжать в город. Для Чувашии, где численность школьников в сельской местности и в городах отличается незначительно, это стало особенно злободневным [5. С. 363].

Тенденция к расширению использования тестовых технологий в итоговой аттестации выпускников школ началась еще в 90-х гг. XX в. В 1998–2001 гг. общеобразовательные организации ЧР приняли участие в ряде российских и международных исследований по оценке качества знаний учащихся по конкретным предметам, базирующихся на тестовых технологиях: международном сравнительном исследовании качества знаний пятнадцатилетних учащихся по русскому языку, математике и естествознанию; всероссийском исследовании уровня образования выпускников начальной школы; мониторинге по изучению качества подготовки выпускников средних общеобразовательных учреждений по литературе, алгебре и началам анализа [5. С. 363–364].

Неудивительно, что в 2001 г. руководство Чувашии принимает решение об участии в эксперименте по введению ЕГЭ в республике. Чувашская Республика наряду с Марий Эл, Якутией, Самарской и Ростовской областями стала одним из первых регионов России, в которых начал применяться Единый государственный экзамен [4. С. 157]. Чувашия была выбрана в качестве пилотного региона не случайно, поскольку имела значимый педагогический кадровый потенциал, а также стабильную материальную базу, что нашло отражение в количественных показателях общеобразовательных учреждений: в 1995 г. – 726 (13,4 тыс. выпускников), 2000 г. – 707 (16,5 тыс. чел.), 2005 г. – 602 школы (16,4 тыс. чел.) [12. С. 80].

Таким образом, во исполнение постановления Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. за № 119 «Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена» и приказа Министерства образования России от 5 января 2001 г. № 50 «О проведении эксперимента по единому государственному экзамену» в целях создания системы объективной, независимой оценки качества образования, обеспечения всем выпускникам, имеющим среднее (полное) общее образование, равного доступа к высшему профессиональному образованию Кабинет министров ЧР постановил принять участие Чувашии в эксперименте [3. Л. 3].

Вопрос проведения ЕГЭ не только обсуждался на правительственном уровне, но и учитывалось экспертное мнение педагогического сообщества, а также проходили обсуждения на ученых советах высших учебных заведений республики. Не случайно в Постановлении Кабинета министров ЧР от 15 марта 2001 г. № 44 отмечалась необходимость принятия предложений Министерства образования ЧР и ученых советов вузов об участии в 2000/2001 учебном году в эксперименте по введению единого госэкзамена, обеспечивающего совмещение государственной (итоговой) аттестации выпускников 11-х классов общеобразовательных учреждений и вступительных испытаний для поступления в организации высшего профессионального образования по математике, а также об организации приема на специальности, определенные учеными советами вузов в форме ЕГЭ [3. Л. 3].

Единый госэкзамен в первый же год своего существования дал иные результаты итоговой аттестации в отличие от экзаменов, проводившихся в тра-

диционной форме, что позволило в полтора раза увеличить численность выпускников из ЧР, поступивших в ведущие вузы страны [4. С. 157]. К 2008 г., когда завершился эксперимент и проведение ЕГЭ стало обязательным для всех регионов России, Чувашия уже имела большой опыт по реализации данного экзамена. К итогам первого десятилетия 2000-х гг. проведение Единого государственного экзамена для школьников республики стало ожидаемой и привычной формой проверки знаний [15; 4. С. 157–158].

Основная миссия по проведению ЕГЭ в республике была возложена на отраслевое министерство, руководила которым в то время Г.П. Чернова [3. Л. 5]. Именно при ее активном участии исполнение данного эксперимента стало возможным и результативным. Осуществление подобного эксперимента открыло новые возможности для совершенствования и концентрации внимания на системе образования. Поэтому закономерно, что следующим значимым событием в развитии образовательного пространства Чувашии, рассчитанным на обобщение достигнутых результатов, стало принятие Стратегии развития образования в Чувашской Республике до 2040 г., утвержденной Указом Президента ЧР 21 марта 2008 г. [4. С. 158]. Ее разработчиками являлись Министерство образования и науки Чувашской Республики, высшие учебные заведения, педагогическое сообщество. Ключевым звеном Стратегии стало определение ЕГЭ в качестве приоритета по оценке знаний выпускников школ. Для подготовки школьников и учителей к наиболее качественным результатам, успешного прохождения выпускниками экзамена в целом с первых же дней апробации ЕГЭ и мониторинга его итогов педагогическими и научными коллективами учебных заведений республики были разработаны и выпущены учебные, методические материалы и рекомендации по проведению и содержанию ЕГЭ, которые стали востребованы не только в Чувашии, но и в других регионах страны [6, 7, 11]. Главным учебным заведением республиканского значения по повышению квалификации, переподготовке учителей и преподавателей в предметной области, а также по разъяснению условий и непосредственно самой системы проведения единого госэкзамена стал Чувашский республиканский институт образования. Ведущими направлениями его работы в данной сфере стали: разработка механизмов модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования; повышение квалификации педагогических и руководящих работников образовательных организаций ЧР; проведение мониторинга и социологических исследований, их анализ и прогнозирование [13. С. 33–34].

В целом в истории проведения единого государственного экзамена можно выделить несколько этапов: 2001–2003 гг. – запуск и начальный этап проведения эксперимента; 2004–2006 гг. – второй этап, который был нацелен на решение проблемы, связанной с уменьшением нагрузки выпускников школ посредством сочетания выпускных и вступительных экзаменов, общим итогом которого явилось решение об увеличении количества высших учебных заведений, принимавших абитуриентов по результатам ЕГЭ; 2007–2009 гг. – третий этап, предусматривавший подготовку перехода к массовому введению ЕГЭ до 1 января 2009 г. на территории страны [8]. Последующие годы проведения экзамена были связаны с содержательной частью вопросов, тестов, творческими заданиями, а также применением результатов олимпиад для поступления в вуз.

На современном этапе, участвуя в общероссийском эксперименте и имея большой опыт проведения ЕГЭ на своей территории, Чувашская Республика является передовым регионом успешного прохождения итоговой аттестации знаний выпускников школ, а также включения общеобразовательных организаций региона в ряды преуспевающих в целом по стране.

Показателем повышения качества общего образования является непосредственно сам результат единого государственного экзамена. Так, например, средний балл ЕГЭ по русскому языку в 2013 г. по сравнению с таковым в 2011 г. увеличился на 3,01 балла и составил 66,86, в 2014 г. этот показатель увеличился уже до 66,94 балла; по математике – на 2,14 и составил 56,03 балла [9. С. 12; 14. С. 2]. Необходимо отметить и то, что результаты ЕГЭ по обязательным предметам в Чувашии значительно выше среднероссийских. Показатели 2013 г. имеют следующее соотношение: русский язык – 66,86 (ЧР) и 63,4 (РФ); математика – 56,03 (ЧР) и 47,8 (РФ) [14. С. 2]. В целом удельный вес лиц, сдавших ЕГЭ в ЧР в 2013 г., составил 97,76% (плановый показатель – 91,6%) [14. С. 2].

Наряду с демонстрацией высоких достижений в области ЕГЭ имеются и сложности, многие из которых связаны с нарушениями информационной безопасности со стороны выпускников. Как отмечал в своем интервью от 2014 г. на посту министра образования и молодежной политики Чувашии В.Н. Иванов: «Жесткий контроль был вынужденной мерой. Казалось бы, все было сделано для того, чтобы обезопасить ученика от него же самого, от ненужных соблазнов, чтобы ребенок не пострадал из-за собственных необдуманных поступков, то есть использования шпаргалок и сотовых телефонов. Но эксцессов, к сожалению, избежать не удалось» [1]. В 2014 г. на 14 экзаменах было зафиксировано 27 нарушений, наибольшее количество которых относятся к Батыревскому району (12), г. Чебоксары (6), Комсомольскому району (3), Шемуршинскому (2) и по одному к Ибресинскому, Козловскому, Яльчикскому и Янтиковскому районам [1]. По всем фактам было принято решение об аннулировании результатов ЕГЭ без права его пересдачи в текущем году.

Несмотря на онлайн-наблюдение при сдаче экзамена, пропуск в пункты проведения экзамена через металлоискатели, количество нарушений к 2016 г., по сравнению с таковым в 2015 г., увеличилось в 4 раза. В результате было зафиксировано 85 нарушений, что свидетельствует о низкой правовой культуре участников ЕГЭ [13. С. 4]. Не случайно с момента появления единого государственного экзамена и вплоть до сегодняшнего дня ведутся дискуссии об эффективности использования подобного варианта проверки знаний выпускников школ. Среди научного и образовательного сообщества неоднократно звучат предложения возможного проведения ЕГЭ в письменной и устной форме.

При всех трудностях и проблемах проведения ЕГЭ в Чувашии эффективность республиканской системы образования подтверждается тем, что ежегодно школы ЧР входят в число лучших школ России. Так, например, в 2016 г. в ТОП-500 лучших школ РФ было включено 9 учреждений из республики, а в число ТОП-200 лучших сельских школ – 8 организаций. При этом доля республиканских общеобразовательных организаций, вошедших в рейтинги, в 1,6 раза больше, чем в целом по России, а сельских школ – в 3,5 раза [13. С. 4]. Общеобразовательные учреждения ЧР, признанные лидерами в системе просвещения, транслируют свой передовой опыт, а также являются стажировочными площадками федерального и регионального уровней.

Поэтому не случайно в республике принимаются меры, направленные на стимулирование и поддержку талантливых учителей, подготавливающих высокопрофессиональных по тем или иным предметам учащихся. Отметим, что к 2016 г. до 75% увеличен коэффициент к окладу молодым специалистам, имеющим диплом с отличием, единовременно выплачивается пособие в размере 10 окладов [10. С. 4–6]. В муниципальных образованиях молодым специалистам предусмотрены единовременные и ежемесячные выплаты, доплаты к заработной плате, денежные поощрения для лучших молодых учителей [9. С. 30]. Данные меры поощрения позволяют стимулировать интерес к работе в системе общего образования, что в дальнейшем формирует молодой, современный, обладающий новыми технологиями и методами слой учительской интеллигенции республики.

Таким образом, в начале 2000-х гг. Чувашская Республика вошла в число пилотных регионов по реализации единого государственного экзамена. К 2008 г., когда завершился эксперимент и проведение ЕГЭ стало обязательным для всех регионов России, Чувашия уже имела колоссальный опыт по реализации данного экзамена. К концу первого десятилетия 2000-х гг. проведение Единого государственного экзамена для школьников республики стало ожидаемой и привычной формой проверки знаний, что позволило сформировать в республике базу преподавателей и учителей – ведущих специалистов по проведению ЕГЭ в стране, а также продемонстрировать высокие показатели успеваемости выпускников и определить передовые школы в этом направлении. На современном этапе проведения экзамена появляются дальнейшие нововведения в его реализации, которые озвучены министром просвещения России О.Н. Васильевой: «У нас пока два обязательных предмета для 11-классников – математика и русский язык. Чтобы получить к ним допуск, нужно написать итоговое сочинение. В 2020 г. также пройдет масштабная апробация обязательного ЕГЭ по английскому. В планах есть и обязательная выпускная работа по истории» [2]. Следовательно, система контрольной проверки знаний обучающихся в школах будет иметь новые этапы модернизации, которые пройдут как в центре, так и в регионах.

Литература

1. В Чувашии анализируют итоги основного этапа ЕГЭ // Советская Чувашия. 2014. 9 июля.
2. Васильева О.Н. Нужно сломать систему натаскивания на ЕГЭ // Рос. газета. 2019. 14 янв.
3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. Р-2944. Оп. 1. Д. 847.
4. Данилов В.Д., Данилова А.П. Отвечая на вызовы времени. Чебоксары: Новое время, 2016. 240 с.
5. Данилов В.Д., Малышкин А.П., Дмитриев И.А. Время перемен: социальная модернизация и демократический транзит в Чувашии, 1990–2010 гг. Чебоксары: Новое время, 2011. 412 с.
6. Единый государственный экзамен по обществоведению: контрольно-измерит. материалы для выпускников 2001–2002 гг. / сост. А.Г. Корнилов, И.Г. Голышев, Е.К. Минеева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 69 с.
7. Единый государственный экзамен по русскому языку: контрольно-измерит. материалы для выпускников 2001–2002 гг. / сост. Г.А. Ермакова и др. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 136 с.
8. История Единого государственного экзамена в России [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.glavsprav.ru/spb/ege/history> (дата обращения: 24.01.2019 г.).
9. Итоговый отчет Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования на 2014/2015 учебный год. Чебоксары: [Б.и.], 2016. 68 с.

10. Итоговый отчет Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2016 год. Чебоксары: [Б.и.], 2017. 32 с.

11. Копылов В.И., Рыбакова Т.И. Тесты по математике для подготовки к ЕГЭ. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. 102 с.

12. Образование в Чувашской Республике. 2010: стат. сб. Чебоксары: Чувашстат, 2010. С. 80.

13. Отчет Министерства образования и молодежной политики ЧР за 2016 год. Чебоксары: [Б.и.], 2017. 42 с.

14. Отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Чувашской Республики «Развитие образования на 2012–2020 годы». Чебоксары: [Б.и.], 2014. 18 с.

15. Чернова Г.П. Реструктуризация сети общественных учреждений: опыт Чувашии // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 36–42.

УРЯСОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (uryasovm@mail.ru).

M. URIASOV

**REVISITING DEVELOPMENT OF THE UNIFIED STATE EXAMINATION
IN THE EDUCATIONAL SYSTEM OF THE CHUVASH REPUBLIC**

Key words: *Unified state examination, general education system, Chuvashia, region, school education.*

On the basis of archival materials, regulatory framework, research literature, statistical reporting and the press the article studies the issue of formation and development of the Unified State Exam (USE) in the education system of the Chuvash Republic. Involving the republic in the all-Russian experiment for holding the examination is analyzed as well as the stages of its development in the region and the country as a whole are traced. By 2008, when the experiment was completed and the Unified State Examination became mandatory for all regions of Russia, Chuvashia already had tremendous experience in implementing this exam. The work determines that by the first decade of the 2000s holding the Unified State Examination for schoolchildren of the Republic became an expected and usual form of knowledge testing. The academic performance results of educational institutions graduates are studied, difficulties in holding the Unified State Examination in Chuvashia in the early 2000s are identified. This paper makes it possible to retrace the history of the Unified State Examination in the Republic, since it covers not only the opinions of contemporaries – specialists in education management, but statistical information accumulated in the archives of the region as well.

References

1. *V Chuvashii analiziruyut itogi osnovnogo etapa EGE* [In Chuvashia analyze the results of the main stage of the exam]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 2014, July 9.

2. Vasil'eva O.N. *Nuzhno slomat' sistemu nataskivaniya na EGE* [It is necessary to break the coaching system on the USE]. *Rossiiskaya gazeta*, 2019, Jan. 14.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. R-2944. Op. 1. D. 847* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-2944. Anagraph 1. Document 847].

4. Danilov V.D., Danilova A.P. *Otvechaya na vyzovy vremeni* [Answering the challenges of time] Cheboksary, *Novoe vremya Publ.*, 2016, 240 p.

5. Danilov V.D., Malyshkin A.P., Dimitriev I.A. *Vremya peremen: sotsial'naya modernizatsiya i demokraticeskii tranzit v Chuvashii 1990–2010 gg.* [Time for Change: Social Modernization and Democratic Transit in Chuvashia 1990–2010]. Cheboksary, *Novoe vremya Publ.*, 2011, 412 p.

6. Kornilov A.G., Golyshev I.G., Mineeva E.K., comp. *Edinyi gosudarstvennyi ekzamen po obshchestvovedeniyu: kontrol'no-izmerit. materialy dlya vypusnikov 2001–2002 gg.* [Unified State Exam in Social Studies: a control measure. materials for graduates 2001–2002]. Cheboksary, *Chuvash State Univesity Publ.*, 2001, 69 p.

7. Ermakova G.A. et al., comp. *Edinyi gosudarstvennyi ekzamen po russkomu yazyku: kontrol'no-izmerit. materialy dlya vypusnikov 2001–2002 gg.* [The unified state exam in the Russian language: a control measure. materials for graduates 2001–2002]. Cheboksary, *Chuvash State Univesity Publ.*, 2001, 136 p.

8. *Istoriya Edinogo gosudarstvennogo ekzamena v Rossii* [History of the Unified State Exam in Russia]. Available at: <http://edu.glavsprav.ru/spb/ege/history>.

9. *Itogovyi otchet Ministerstva obrazovaniya i molodezhnoi politiki Chuvashskoi Respubliki o rezul'tatakh analiza sostoyaniya i perspektiv razvitiya sistemy obrazovaniya na 2014–2015 uchebnyi god* [The final report of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic on the results of the analysis of the state and development prospects of the education system for the 2014/2015 academic year]. Cheboksary, 2016, 68 p.

10. *Itogovyi otchet Ministerstva obrazovaniya i molodezhnoi politiki Chuvashskoi Respubliki o rezul'tatakh analiza sostoyaniya i perspektiv razvitiya sistemy obrazovaniya za 2016 god* [The final report of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic on the results of the analysis of the state and development prospects of the education system for 2016]. Cheboksary, 2017, 32 p.

11. Kopylov V.I., Rybakova T.I. *Testy po matematike dlya podgotovki k EGE* [Tests in mathematics to prepare for the exam]. Cheboksary, Chuvash Pedagogical University Publ., 2004, 102 p.

12. *Obrazovanie v Chuvashskoi Respublike. 2010: stat. sb.* [Education in the Chuvash Republic. 2010. Statistical compendium] Cheboksary, Chuvashstat Publ., 2010, p. 80.

13. *Otchet Ministerstva obrazovaniya i molodezhnoi politiki ChR za 2016 god* [Report of the Ministry of Education and Youth Policy of the Czech Republic for 2016]. Cheboksary, 2017, 42 p.

14. *Otchet o khode realizatsii i otsenke effektivnosti gosudarstvennoi programmy Chuvashskoi Respubliki «Razvitie obrazovaniya na 2012–2020 gody»* [Report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program of the Chuvash Republic «Development of education for 2012–2020»]. Cheboksary, 2014, 18 p.

15. Chernova G.P. *Restrukturizatsiya seti obshchestvennykh uchrezhdenii: opyt Chuvashii* [Restructuring the network of public institutions: Chuvash experience]. *Voprosy obrazovaniya*, 2007, no. 1, pp. 36–42.

URIASOV MIKHAIL – Post-Graduate Student of History Department, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk (uryasovm@mail.ru).

Формат цитирования: Урясов М.Н. К вопросу о становлении и развитии ЕГЭ в системе образования Чувашской Республики // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 195–201.

УДК [94:329-055.2]:303.425.6(470.344)"1930/1939"
ББК ТЗ(2Рос.Чув)614-445в682

С.Б. ХАРИТОНОВА

АНКЕТЫ РАБОТНИКОВ ПО МАССОВОЙ РАБОТЕ СРЕДИ ЖЕНЩИН КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧУВАШИИ (1930-е годы)

Ключевые слова: женское движение, анкета, массовая работа среди женщин, делегатские собрания, отдел по работе среди женщин (женотдел), история Чувашии.

В статье анализируется такой источник по истории женского движения Чувашии в 1920–1930-е гг., как анкеты на заведующих женскими секторами обкома и райкомов ВКП(б), находящиеся в фондах Государственного архива современной истории Чувашской Республики. Значительное внимание автором обращается на своеобразие анкеты как источника для исторической реконструкции и ее информационный потенциал. Методология исследования основана на методах истории, источниковедения, археографии, а также на методах статистического анализа. Автору удалось провести анализ отложившегося в источнике материала, изучить образование, профессиональную деятельность и другие характеристики женщин – работников женсекторов республики. Проведенный анализ отложившегося в анкетах материала позволил уточнить биографические данные, выявить особенности социального портрета организаторов работы среди женщин (возраст, образование, род занятий и т.д.), сформировать представление о трудовом и жизненном пути женских организаторов, проанализировать общее и особенное.

История планомерной партийной работы среди женщин берет начало с декабря 1918 г. с создания при ЦК РКП(б) комиссии по пропаганде и агитации среди женщин. Подобные структуры стали создаваться и в регионах. В Чувашии первая комиссия была образована при Ядринском уездном комитете РКП(б) в июне 1919 г. С созданием в сентябре 1919 г. в ЦК РКП(б) отделов комиссия по пропаганде и агитации среди женщин была преобразована в отдел по работе среди женщин (женотдел). Перед женотделами, организованными при губернских, уездных и волостных комитетах партии, ставилась задача агитационной и культурно-просветительной работы среди женщин, привлечения их к строительству нового советского строя. В Чувашии отдел по работе среди женщин Чувашского обкома партии был создан на I областной конференции РКП(б) в октябре 1920 г. (с 1923 г. он стал называться – женотдел обкома, с 1926 г. – отдел работниц и крестьянок, с 1929 г. – отдел по работе среди работниц и крестьянок) [7]. Представители женотдела участвовали в работе многих комиссий, в том числе при областных отделах образования, социального обеспечения, здравоохранения, в работе профсоюзов. В январе 1930 г. женотделы были заменены женскими секторами при отделах агитации и массовых кампаний, задачи которых были несколько сужены, а в 1934 г. они были упразднены.

Источниковая база истории деятельности женотделов и женского движения разнообразна и включает различные по содержанию и происхождению материалы, особое место среди которых занимают документы региональных архивов. Документы о деятельности чувашского женотдела находятся в делах фонда П-1 (Чувашский республиканский комитет КП РСФСР, г. Чебоксары Чувашской ССР) Государственного архива современной истории Чувашской Республики. Фонд содержит ценный материал, представляющий сведения о фор-

мах, методах работы женотдела, деятельности женских делегатских собраний, культурно-просветительной и политико-массовой работе среди женщин, организации аппарата для работы среди женщин в советах и профсоюзах.

Одним из представляющих исследовательский интерес источников, ранее не становившихся предметом анализа, являются анкеты на заведующих женсекторами обкома и райкомов ВКП(б) Чувашии, относящиеся к периоду конца 1932 г. – начала 1933 г. Следует отметить, что исследователи не раз обращались к анкетам как виду источников применительно к другим объектам исследования [6, 8, 9].

Анализируемые в данной статье анкеты на заведующих женсекторами обкома и райкомов ВКП(б) Чувашии находятся в описи № 13 фонда П-1 Государственного архива современной истории Чувашской Республики [4]. Временные рамки заполнения анкет: с 23 октября 1932 г. до 10 января 1933 г.

Методология исследования основана на полидисциплинарности, включающей методы истории, источниковедения, археографии, что дает возможность изучения разных аспектов женского общественного движения, что, в свою очередь, позволит создать полную картину процесса решения женского вопроса в Чувашии. Методика исследования такого специфического документа, как анкета, предполагает применение и методов статистического анализа.

Объем запрашиваемой в анкете информации небольшой, однако ее текст отличается полнотой и информативностью. Анкета содержит 15 основных вопросов: наименование района, области, края; ф.и.о.; социальное положение; партийный стаж; национальность и знание местного языка; состояли ли ранее в других партиях; семейное положение (сколько иждивенцев); возраст; состояли ли ранее или состоите в рядах ВЛКСМ; стаж женработы, указать, какой именно (окружной, районный, ячейковый); где работала раньше (перечислить работу, по которой было не менее 2 лет стажа начиная с 1920 г.); общее образование; политическая подготовка (указать, какую политподготовку, курсы проходила, какие именно, когда, работаете ли сейчас по повышению своего политического уровня, где); являетесь ли выбранной в районные партийные, профессиональные, советские или кооперативные организации; входите ли в состав бюро РК ВКП(б), президиум РИКа. Кроме того, в примечании предлагалось ответить еще на 2 вопроса: несете ли какие-либо еще работы по совместительству в районном масштабе и занимаемая в райкоме должность и оклад.

В Государственном архиве современной истории Чувашской Республики сохранились 20 анкет работников по массовой работе среди женщин обкома и райкомов ВКП(б) Чувашии, среди которых Антонова Ксения Антоновна (Канашский район), Боровкова Татьяна Ивановна (Порецкий район), Ванеркке Евдокия Дмитриевна (Чувашская АССР), Горшкова Анна Ивановна (Мариинско-Посадский район), Дмитриева Евдокия Дмитриева (Чебоксарский район), Егорова Ирина Васильевна (Шемуршинский район), Иванова Апполинурия Петровна (Алатырский район), Иванова Пелагея Павловна (Большебатыревский район), Иванова Мария Ивановна (Красночетайский район), Иванова Александра Матвеевна (Канашский район), Капитонова Ксения Капитоновна (Вурнарский район), Люминарская Екатерина Александровна (г. Чебоксары), Михайлова Дарья Михайловна (Козловский район), Миронова Матрена Ивановна (Татаркасинский район), Макарова Вера Константиновна (Ядринский район), Николаева Анна Николаевна (Ибресинский район), Немцева Алексан-

дра Васильевна (Цивильский район), Петрова Анастасия Матвеевна (Урмарский район), Попова Татьяна Егоровна (Шумерлинский деревообрабатывающий комбинат), Чернова Анфиса Васильевна (Малояльчиковский район). Итак, всего 20 анкет, относящихся к данному периоду. Все вопросы в анкетах напечатаны на машинке, ответы записаны опрашиваемыми от руки. Проведен последовательный анализ ответов на вопросы анкеты.

В третьем вопросе анкеты респондентам предлагалось определить свое социальное положение. Ответы на этот вопрос вызывают особый интерес, поскольку дают возможность определить социальную нишу, занятую в обществе организаторами работы среди женщин. Ответы распределились следующим образом: работница – 4 женщины (20%), колхозница-середнячка – 3 женщины (15%), служащая, крестьянка-служащая, служащая из крестьян-колхозников – 7 человек (35%), крестьянка-беднячка в колхозе, колхозница из крестьян, крестьянка-колхозница – 5 человек (25%), одна из опрошенных не ответила на вопрос. С начала организованной работы среди женщин партийные органы стремились направлять на руководящую работу среди женщин прежде всего выходцев из работниц, но так как женская составляющая рабочего класса была незначительной, приходилось опираться на «неработниц».

Следующая группа вопросов анкеты посвящена партийности: четвертый вопрос – «партийный стаж», шестой вопрос – «состояли ли ранее в других партиях» и девятый вопрос – «состояли ли ранее или состоите в рядах ВЛКСМ».

На наш взгляд, совершенно очевидно, что 100% опрошенных на вопрос «Состояли ли ранее в других партиях» ответили отрицательно. В то же время лишь одна из 20 опрошенных женщин поставила прочерк в графе о партийном стаже, остальные 95% отметили либо свое членство в партии (16 человек, или 80% опрошенных), либо то, что являются кандидатами в члены партии (3, или 15%). Причем, по данным анкет, большая часть опрошенных женщин были принята в партию в период с 1928 г. по 1931 г. В целом же по республике на 1 января 1930 г. в партии большевиков состояло 387 женщин, т.е. 11,5% от всего состава областной партийной организации [3. Л. 83]. 40% опрошенных женщин (8 человек) положительно ответили на вопрос «Состояли ли ранее или состоите в рядах ВЛКСМ», 12 человек, или 60%, указали, что в рядах ВЛКСМ не состояли. Действительно, для работы среди женщин зачастую выбирали молодых девушек-комсомолок, несмотря на отсутствие опыта,

их отличало желание работать и они становились хорошим кадровым резервом для организации работы среди женщин. Именно на комсомолок и был сделан упор при подборе кадров по работе среди женщин, поскольку они были «менее заражены старыми предрассудками и охотно соглашались стать волостными женорганизаторами» [5. Л. 3].

В Чувашии, как национальном регионе, вопрос с кадрами осложнялся необходимостью их подбора и по национальному признаку. Представительниц местных национальностей в период становления работы среди женщин в партийном активе почти не было, поэтому на начальном этапе важную роль сыграли русские коммунистки, особенно в городах [1. Л. 2; 2. Л. 118]. При соответствующей подготовке работу лучше могли выполнять представительницы местных национальностей, знающие язык, обычаи, пользующиеся доверием земляков. Поэтому XIII съезд РКП(б) в 1924 г. поставил задачу укомплектовать аппарат женотделов национальных районов «работницами из местного населения». Отвечая на вопрос анкеты о национальности и знании

местного языка, 70% респондентов (14 женщин) отметили национальность «чувашка», 25% (5 женщин) – «русская», 5% (1 женщина) – «мордовка». При этом все женщины чувашки по национальности отметили знание чувашского языка наряду с русским, и только 3 женщины из 6 нечувашек отметили знание чувашского языка.

Интересовали разработчиков анкеты и семейное положение организаторов работы среди женщин (седьмой вопрос). Как правило, большинство опрошенных женщин отмечало, что они были замужем и жили семьей 55% (11 человек) или имели опыт семейной жизни, но овдовели – 10% (2 человека) или развелись – 5% (1 человек), но 30% опрошенных женщин не обзавелись семьей и определили свое семейное положение как «одинокая», «не замужем», «одиночка». Говоря о наличии иждивенцев, 60% (12 женщин) отметили наличие от 1 до 5 иждивенцев, среди которых дети, племянники, родители.

Восьмой вопрос анкеты – о возрасте опрашиваемых. Проведенный анализ позволяет определить возраст организаторов работы среди женщин. Даты рождения в анкете установлены от 1887 г. (Д.М. Михайлова из Козловского района) до 1912 г. (А.В. Немцева из Цивильского района), т.е. от 45 до 20 лет. Какой жизненный опыт стоял за их плечами? По меркам тех лет 45-летние женщины считались зрелыми, имели устоявшиеся жизненные принципы. Наиболее массовой возрастной группой организаторов работы среди женщин стала категория в возрасте 20–29 лет. В данную группу вошло 11 человек, что составило 55% опрошенных женщин. Они обладали некоторым опытом работы среди женщин, чаще всего опыт делегатских собраний и работы на уровне волженоканализаторов. Они составляли костяк работы среди женщин. На эту возрастную категорию женщин повлияли слом патриархальной семьи, устоев и представлений о роли женщины в семье и обществе. Ни жизненного опыта, ни опыта политической работы у подавляющего большинства не было. Возрастную категорию 30–39 лет составили 6 человек, или 30%, опрошенных женщин. Самой малочисленной, согласно данным анкет, стала возрастная категория женщин 40 лет и старше – 3 человека, или 15%.

Отвечая на вопрос анкеты о стаже работы среди женщин, все 100% респондентов достаточно развернуто отмечали наличие опыта работы среди женщин, что не удивительно, так как все опрошенные занимали должность каждая в своем районе – заведующей женскими секторами райкома ВКП(б). Видится, что наличие определенного опыта и стажа работы среди женщин стало определяющим при назначении на эту должность. Говоря о самом опыте и стаже женработы, опрашиваемые отмечали руководство женскими делегатскими собраниями, работу в качестве сельского, волостного, ячейкового, районного организатора работы среди женщин. Причем среди заведующих женскими секторами райкомов ВКП(б) были как молодые, только начинающие работу женщины с весьма скромным стажем от нескольких месяцев, так и достаточно опытные сотрудники, стаж работы среди женщин которых исчислялся годами.

Одиннадцатый вопрос анкеты был нацелен на раскрытие предыдущего рода занятий заведующих женскими секторами райкомов (необходимо было перечислить работу, на которой опрашиваемая работала не менее 2 лет начиная с 1920 г.). Профессиональная деятельность опрошенных распределилась следующим образом: к работникам сферы образования отнесли себя 50% опрошенных женщин (10 человек), среди упомянутых профессий: учи-

тельница в школе I ступени, заведующая школой-коммуной, руководитель детского дома, заведующая детским садом, пионерработница, работница библиотеки; к контингенту рабочих отнесли себя 5 человек (25%), упомянув работу в должностях чернорабочей, уборщицы-полировщицы, рабочей на погрузке клеток дубовых досок; к работникам сельского хозяйства (работа в колхозе) в качестве основного вида деятельности отнесли себя трое из опрошенных женщин (15%); одна из респонденток упомянула, что имеет опыт работы техслужащей школы и прислужгой; одна работала по линии связи (телеграф, телефон, почта). Кроме того, при ответе на данный вопрос анкеты женщины зачастую повторяли упомянутый в предыдущем пункте опыт работы среди женщин.

Двенадцатый вопрос анкеты был направлен на определение уровня образования заведующих женскими секторами райкомов. Из принявших участие в анкетировании подавляющее большинство женщин (80%) определили свой уровень образования как низший, отметив, что закончили два года сельской школы или сельскую школу четырехлетку, или сельскую шестилетку. Две респондентки отметили, что закончили Канашский педагогический техникум (В.К. Макарова, А.В. Немцева), одна – Ульяновскую (Симбирскую) чувашскую школу (И.В. Егорова), одна – Казанскую учительскую семинарию (П.П. Иванова).

Следующий вопрос анкеты содержит информацию о политической подготовке опрошенных женщин, в данном пункте им предлагалось указать, какие курсы они проходили, когда и работают ли они на момент заполнения анкеты над повышением своего политического уровня. Следует отметить, что всеми респондентами данный раздел был ответственно заполнен. Политическая подготовка женщин была практически одинаковой – в основном это были краткосрочные курсы, среди которых одномесячные курсы женских организаторов, областные курсы по переподготовке заведующих женскими секторами районных комитетов ОК ВКП(б), трехнедельные курсы батрацко-бедняцкого комсомоля актива при ОК ВЛКСМ, трехмесячные курсы партактива, полуторамесячные краевые курсы по дошкольному воспитанию, республиканские полуторамесячные курсы по переподготовке заведующих женскими секторами при РК ВКП(б), двухмесячные курсы партийного актива, курсы пропагандистов и т.д. В целом большинство работников женотделов и женорганизаторов прошли через партийные школы или курсы. Но хорошо подготовленных кадров все же не хватало на протяжении всего периода работы женотделов, потому что лучших работников часто перебрасывали на более ответственную работу, не связанную непосредственно с решением женского вопроса.

В четырнадцатом вопросе анкеты предлагалось ответить на вопрос – «Являетесь ли выбранной в районные партийные, профессиональные, советские или кооперативные организации», на который 90% женщин ответили положительно, указав такие выборные должности – член обкома, член Центросоюза, член правления промкассы, член районного комитета ВЛКСМ, член райкома, член профсоюзного совета, член правления районного потребсоюза, член правления районного комитета РОКК, член завкома. Два человека на данный вопрос не ответили, поставив в графе прочерк.

В следующем разделе анкеты опрашиваемым необходимо было сообщить, входят ли они в состав бюро РК ВКП(б), в состав президиума РИКа. Анализ ответов респондентов показывает, что в состав бюро РК ВКП(б) вхо-

дила лишь четверть опрошенных заведующих женсекторами (25%), а в состав президиума РИКа входила лишь одна из опрошенных.

Заключительный шестнадцатый пункт анкеты назывался «Примечания» и включал в себя два вопроса:

1) выполняете ли какие-либо еще работы по совместительству в районном масштабе – на который положительно ответили только 20% опрошенных (4 человека), указав в качестве работы по совместительству работу редактором журнала, заведующей агитмассовым сектором, работу уполномоченной по всем кампаниям, член бюро ячейки колхоза с. Батырево;

2) вопрос о занимаемой в райкоме должности и окладе. И если название должности у всех опрошенных совпадало – заведующая женсектором РК ВКП(б), то размер оклада, если судить по ответам в анкете, отличался. Самый большой оклад – 225 руб. получала заведующая женсектором Чувашского обкома ВКП(б), самый маленький оклад – 120 руб. 2 человека (10%), 13 заведующих получали оклад в размере от 130 до 140 руб. (65%), 3 заведующие получали оклад в размере от 155 до 165 руб. (15%). Очевидно, что разрыв в уровне оклада заведующих женсекторами был связан с размером района, работу в котором она возглавляла.

Проведенный анализ отложившегося в анкетах заведующих женсекторами обкома и райкомов ВКП(б) Чувашии материала позволяет существенно расширить источниковую базу истории женского движения в Чувашии в 1930-е гг. Массив подобных данных позволил уточнить биографические данные, выявить особенности социального портрета организаторов работы среди женщин (возраст, образование, род занятий и т.д.), сформировать представление о трудовом и жизненном пути женорганизаторов, проанализировать общее и особенное. В тексте анкеты как в зеркале отражена женщина – организатор массовой работы среди женщин на фоне эпохи 1930-х гг. Анкеты составляют подлинный, уникальный по богатству и сохранности корпус никогда не публиковавшихся источников.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 73.
2. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 153.
3. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 10. Д. 207.
4. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 13. Д. 247.
5. ГАСИ ЧР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 85.
6. *Иванов В.В., Новиков П.А.* Статистические листки и анкеты на заключенных Иркутской губернской тюрьмы 1920 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6(62). С. 266–269.
7. *Харитонова С.Б.* Создание специального аппарата для работы среди женского населения в 1920-1930-е годы (региональный опыт) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 70–79.
8. *Хубулова С.А.* Анкеты как часть источниковой базы исследования социально-правового статуса бывших красных партизан Осетии (1920–1930-е гг.) // Известия СОИГСИ. 2016. № 21(60). С. 60–67.
9. *Шиженский Р.В., Суwegeина Е.С.* Опыт анкетного опроса представителей «Поволжского родноверия» // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, № 4(25). С. 16.

ХАРИТОНОВА СВЕТАНА БРОНИСЛАВОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ssbron@mail.ru).

S. KHARITONOVA

QUESTIONNAIRES OF FUNCTIONARIES FOR MASS WORK AMONG WOMEN AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF WOMEN'S MOVEMENT IN CHUVASHIA (1930s)

Key words: women's movement, questionnaire, mass work among women, the delegates' meetings, women's departments, the history of the Chuvash Republic.

The article analyzes such a source on the history of women's movement in Chuvashia in the 1920–1930s as questionnaires of the heads of women's sectors of the oblast committee and regional committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), which are kept in the funds of the State archive of modern history of the Chuvash Republic. Considerable attention is paid to originality of the questionnaire as a source for historical reconstruction, and its information potential. The research methodology is based on the methods of history, source studies, archeography, as well as methods of statistical analysis. The author succeeded to analyze the material contained in the source, to study educational background, professional activities and other characteristics of women – functionaries of the Republic's women's sectors. The analysis of the material contained in the questionnaires made it possible to make biographical data clearer, to identify the features of the social portrait of those who organized the work among women (age, education, occupation, etc.), to form an idea of their labor and life path, to analyze the general and the special.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 1. Delo 73 [State archive of contemporary history. Archive 1. Opis 1. Document 73].
2. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 2. Delo 153 [State archive of contemporary history. Archive 1. Opis 2. Document 153].
3. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 10. Delo 207 [State archive of contemporary history. Archive 1. Opis 10. Document 207].
4. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 13. Delo 247 [State archive of contemporary history. Archive 1. Opis 13. Document 247].
5. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 11. Opis 1. Delo 85 [State archive of contemporary history. Archive 11. Opis 1. Document 85].
6. Ivanov V.V., Novikov P.A. *Statisticheskie listki i ankety na zaklyuchennykh Irkutskoi gubernskoi tyur'my 1920 g.* [Statistical Blanks and Questionnaires on Prisoners of Irkutsk Provincial Prison in 1920]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2-6(62), pp. 266–269.
7. Kharitonova S.B. *Sozdanie spetsial'nogo apparata dlya raboty sredi zhenskogo naseleniya v 1920-1930-e gody (regional'nyi opyt)* [The creation of a special machine for the female population in the 1920-1930 (regional experience)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 3, pp. 70–79.
8. Khubulova S.A. *Ankety kak chast' istochnikovoi bazy issledovaniya sotsial'no-pravovogo statusa byvshikh krasnykh partizan Osetii (1920–1930-e gg.)* [Questionnaires as the Part of the Source Base for Studying of Socio-Legal Status of Former Red Partisans of Ossetia (1920–1930)]. *Izvestiya SOIGSI*, 2016, no. 21(60), pp. 60–67.
9. Shizhenskii R.V., Surovegina E.S. *Opyt anketnogo oprosa predstavitelei «Povolzhskogo rodnoveriya»* [Experience of Questionnaire of Representatives «Volga'S Pagan»]. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2018, vol. 6, no. 4(25), p. 16.

KHARITONOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Records Management, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ssbron@mail.ru).

Формат цитирования: Харитонов С.Б. Анкеты работников по массовой работе среди женщин как источник по истории женского движения в Чувашии (1930-е годы) // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 202–208.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *ходатайство научного руководителя (для авторов статей, не имеющих ученых степеней).*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *пристатейный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовков выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

Агаева Е.В., Данилова О.А., Михайлова Р.В. Становление и развитие театрального искусства в Чувашии в 20–30-е годы XX века.....	5
Васильев В.А. Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов	12
Васильева О.Н. Деятельность Чувашских областных съездов Советов и состав их участников (1920–1925 гг.)	20
Гвоздев В.А. Зарубежный опыт подготовки кадров для государственной гражданской службы.....	29
Евдокимова А.Н. Исповедные ведомости как исторический источник о социальном составе прихожан чувашских приходов Казанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века	35
Ефимов Л.А. Бомбардировка г. Чебоксары в годы Великой Отечественной войны	45
Иванова Т.Н., Зыкина А.П. Повседневная жизнь городского учительства Чувашского края в XIX – начале XX века	53
Исмоилов Л.Э. Некоторые особенности отражения образа «неверных» в письменных сочинениях Мавераннахра XVI века	61
Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLIV: А-Анлаутные географические названия	69
Костогрызова С.Е. Сельскохозяйственная деятельность мещан городов Марийского края в середине XIX – начале XX века	78
Маньков А.В. Региональный революционный терроризм: как он начинался в Среднем Поволжье?	85
Минеева Е.К., Семенова И.Ю. Нормативно-правовое обеспечение государственной политики советской власти по укреплению семьи в 20–40-е годы XX века	99
Минеева Е.К., Шляхтунов М.А. Ладожский театр военных действий и его географическая характеристика	105
Павлова А.Н. Научные труды Н.И. Ильминского по вопросам просвещения нерусских народов	112
Петров И.Г. Изображения элементов женского костюма на надгробных памятниках некрещеных чувашей: к вопросу изучения основных приемов их визуализации	120
Родионов В.Г. Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков.....	136

Салмин А.К. Вклад И.Г. Георги в изучение традиций чувашей	146
Семенова И.Ю. Охрана детства в первые годы советской власти (на материалах законодательных актов)	153
Сергеев Т.С. Размещение и трудоустройство в Чувашии военнопленных Первой мировой войны	161
Соколова В.И., Каллин И.В., Галошева О.Н. Роль Секретариата ЦК ВКП(б) в активизации движения МОПР на примере деятельности Интердома имени Е.Д. Стасовой в 1930-х годах	173
Суслов А.Ю. Чувашский социалист-революционер С.Н. Николаев в период эмиграции (1920–1930-е годы)	182
Урясов М.Н. К вопросу о становлении и развитии ЕГЭ в системе образования Чувашской Республики	195
Харитонова С.Б. Анкетные работники по массовой работе среди женщин как источник по истории женского движения в Чувашии (1930-е годы)	202
Правила для авторов	209

CONTENTS

Agaveva E., Danilova O., Mikhailova R. DEVELOPMENT OF THEATRICAL ARTS IN THE CHUVASH REPUBLIC IN THE 20-30-IES OF XX CENTURY	5
Vasilyev V. DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE IN THE CHUVASH REPUBLIC: PROFESSOR I.D. KUZNETSOV	12
Vasilieva O. THE ACTIVITY OF THE CHUVASH REGIONAL CONGRESSES OF SOVIETS AND THE PARTICIPANTS STAFF (1920–1925)	20
Gvozdev V. FOREIGN EXPERIENCE IN TRAINING STAFF FOR STATE CIVIL SERVICE	29
Evdokimova A. CONFESSIONAL STATEMENTS AS A HISTORICAL SOURCE OF CHURCH MEMBERS' SOCIAL STRUCTURE IN CHUVASH PARISHES OF KAZAN GOVERNORATE AT THE END OF THE 18 th – FIRST HALF OF THE 19 th CENTURIES.....	35
Efimov L. BOMBING ATTACK OF CHEBOKSARY IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	45
Ivanova T.N., Zykina A.P. EVERYDAY LIFE OF THE URBAN TEACHERS IN THE CHUVASH REGION IN THE 19 th – EARLY 20 th CENTURY	53
Ismoilov L. SOME PECULIARITIES IN REFLECTING THE IMAGE OF THE "INFIDELS" IN THE MANUSCRIPTS OF MAWARANNAHR OF THE 16 th CENTURY.....	61
Kornilov G. ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XLIV: A-NAMES OF PLACES	69
Kostogryzova S. AGRICULTURAL ACTIVITIES OF THE SUBURBANITES IN THE TOWNS OF THE MARI REGION IN THE MIDDLE OF THE 19 th – EARLY 20 th CENTURIES.....	78
Mankov A. REGIONAL REVOLUTIONARY TERRORISM: HOW DID IT START IN THE MIDDLE VOLGA?	85
Mineeva E., Semenova I. REGULATORY SUPPORT OF THE SOVIET POWER STATE POLICY ON STRENGTHENING THE FAMILY IN THE 20-40-IES OF THE 20 th CENTURY	99
Mineeva E., Shlyakhtunov M. LADOGA THEATER OF MILITARY ACTIONS AND ITS GEOGRAPHIC CHARACTERISTIC	105
Pavlova A. SCIENTIFIC WORKS BY N. ILMINSKIY ON EDUCATION OF NON-RUSSIAN PEOPLES.....	112
Petrov I. IMAGES OF WOMEN'S COSTUME ELEMENTS ON MUTUAL MONUMENTS OF NON-CHRISTIAN CHUVASHS: TO THE QUESTION OF STUDYING BASIC TECHIQUES OF THEIR VISUALIZATION.....	120
Rodionov V. EVOLUTION OF INNER DWELLING SPACE OF THE CHUVASH PEOPLE AND THEIR ANCESTORS	136

Salmin A. CONTRIBUTION OF THE J.G. GEORGI IN LEARNING OF TRADITIONS OF THE CHUVASH.....	146
Semenova I. CHILD CARE IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER (ON MATERIALS OF LEGISLATIVE ACTS)	153
Sergeev T. ACCOMMODATION AND EMPLOYMENT OF ENEMY WAR PRISONERS IN THE CHUVASH REPUBLIC IN THE FIRST WORLD WAR	161
Sokolova V., Kallin I., Galosheva O. THE ROLE OF THE SECRETARIAT OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF THE BOLSHEVIKS IN ACTIVATION OF ISARF MOVEMENT ON THE EXAMPLE OF THE INTER-ORPHANAGE NAMED AFTER E.D. STASOVA IN THE 1930s	173
Suslov A. CHUVASH SOCIALIST REVOLUTIONARY S.N. NIKOLAYEV IN THE PERIOD OF EMIGRATION (1920–1930)	182
Uriasov M. REVISITING DEVELOPMENT OF THE UNIFIED STATE EXAMINATION IN THE EDUCATIONAL SYSTEM OF THE CHUVASH REPUBLIC	195
Kharitonova S. QUESTIONNAIRES OF FUNCTIONARIES FOR MASS WORK AMONG WOMEN AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF WOMEN'S MOVEMENT IN CHUVASHIA (1930s).....	202
RULES FOR THE AUTHORS	209

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Исторические науки

№ 2 2019

Редактор **Н.И. Завгородняя**
Технический редактор **Н.Н. Иванова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 01.04.2019. Подписано в печать 10.06.2019. Выход в свет 25.06.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,25. Уч.-изд. л. 19,14.
Тираж 200 экз. Заказ № 722. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15